ДБ
30
П52
кн. 1

ПОЛОЦКО-ВИТЕБСКАЯ СТАРИНА

ИЗДАНІЕ ВИТЕБСКОЙ УЧЕНОЙ АРХИВНОЙ КОМИССІИ

1911

Цѣна 1 р. 25 к.

Кн. I.

Дб белорус
30
П52

ПОЛОЦКО-ВИТЕБСКАЯ СТАРИНА.

Изданіе Витебской Ученой Архивной Комиссіи.

Кн. I.

Дублет
Гос. Публ. Б-ка
Обмен

ВИТЕБСКЪ.
Типографія Насл. М. Б. Неймана.
1911 г.

21700
1912.

ГОСУДАРСТВ. ПУБЛИЧНАЯ
ИСТОРИЧЕСКАЯ
БИБЛИОТЕКА
496862 М

Отъ Витебской Ученой Архивной Коммиссіи.

Измѣняя названіе своего періодическаго изданія „Труды Витебской Ученой Архивной Коммиссіи“ на названіе „ПОЛОЦКО-ВИТЕБСКАЯ СТАРИНА“, Витебская Ученая Архивная Коммиссія желаетъ этимъ расширить программу своего изданія.

Въ составъ первой Книги „Трудовъ Витебской Ученой Архивной Коммиссіи“ вошли статьи исключительно научнаго содержанія, посвященныя изслѣдованію прошлаго Полоцко-Витебской области, и прежнее названіе вполнѣ выражало его содержаніе.

Въ виду того, что отъ наблюденія Витебской Ученой Архивной Коммиссіи не ускользнуло значеніе нѣкоторыхъ современныхъ, переживаемыхъ нами событій, Коммиссія, увѣренная въ томъ, что эти событія со временемъ будутъ возбуждать у нашихъ потомковъ историческій интересъ, идетъ на встрѣчу будущимъ ученымъ изслѣдователямъ, отводя мѣсто въ своемъ изданіи для современной Полоцко-Витебской лѣтописи.

Но при такомъ объемѣ содержанія, прежнее названіе уже не будетъ умѣстно. Вотъ причины измѣненія названія.

Коммиссія считаетъ долгомъ извѣстить интересующихся ея изданіями, что Полоцко-Витебская Старина будетъ выходить періодически отъ двухъ до трехъ выпусковъ въ годъ.

Во второмъ выпускѣ Полоцко-Витебской Старины предположено помѣстить:

1) Изслѣдованіе Д. С. Леонардова „Всеславъ, князь Полоцкій и его время“.

2) Матеріалы, касающіеся войны 1812 года, извлеченные М. А. Мельниковой изъ Витебскаго Губернскаго Архива;

3) Статью И. С. Рябинина „Историческій очеркъ о м. Бѣшенковичахъ“;

4) Акты, касающіеся реликвій ксендза Андрея Боболія, хранящихся въ Полоцкомъ Доминиканскомъ костелѣ;

5) Матеріалы о Польскомъ возстаніи 1863 года, извлеченные изъ архивовъ Витебской губерніи **и другія статьи, которыя Редакціонная Коммиссія найдетъ возможнымъ сдать въ печать.**

Первая книга «Полоцко-Витебской Старины» издана на средства почетнаго члена Витебской Ученой Архивной Коммиссіи

Ивана Хрисанфовича Колодѣева.

Г. Витебскъ

Декабрь, 1911 года.

ОГЛАВЛЕНІЕ:

Часть I.

1. Историческій очеркъ Витебской Бѣлоруссіи—**А. П. Сапунова.**
2. Памятники церковной старины въ Витебской губерніи и ихъ охраненіе—**П. М. Красовицкаго.**
3. Спасо-Преображенскій монастырь въ г. Витебскѣ—**И. Ф. Токмакова.**
4. Грюнвальдскій бой и его значеніе для славянъ—**П. А. Кračковскаго.**
5. Василій Осиповичъ Ключевскій. Воспоминанія слушателя—**Н. Н. Богородскаго.**
6. Ода на посѣщеніе Полоцкаго главнаго народнаго училища бѣлорусскимъ генералъ-губернаторомъ 7 декабря 1789 г., составленная учителемъ этого училища **Иваномъ Сокольскимъ.**
7. Витебскій Губернскій Архивъ. 1836 годъ. Дѣло о сооруженіи монументовъ въ Витебской губерніи въ память 1812 года.
8. Матеріалы для исторіи Отечественной войны 1812 года, извлеченные изъ Витебскаго Губернскаго Архива **М. А. Мельниковой.**

Часть II.

Современная Полоцко-Витебская лѣтопись.

9. Н. Я. Никифоровскій (некрологъ)—**В. К. Стукалича.**
10. О достопамятныхъ Спасо-Евфросиньевскихъ дняхъ въ Полоцкѣ 20—23 мая 1910 года—**Н. Н. Кайгородова.**
11. Семидесятипятилѣтіе Полоцкаго кадетскаго корпуса—**Н. Н. Кайгородова.**
12. Засѣданіе Губернскаго Комитета по дѣламъ земскаго хозяйства 5 февраля 1911 г. по вопросу о денежномъ ассигнованіи на сооруженіе памятника героямъ Отечественной войны 1812 года въ гор. Витебскѣ.
13. Торжественное засѣданіе Витебской Ученой Архивной Коммиссіи 24 сентября 1911 года, посвященное памяти почетнаго члена Коммиссіи Предсѣдателя Совѣта Министровъ П. А. Столыпина—**С. П. Сахарова.**
14. Памяти дѣйств. члена Витебской Ученой Архивной Коммиссіи Ивана Ивановича Долгова—**Д. С. Леонардова.**
15. Открытіе Витебскаго Учительскаго Института.
16. Открытіе Витебскаго реальнаго училища.
17. Витебскія торжества 26 и 27 октября 1911 года по случаю закладки памятника героямъ Отечественной войны 1812 года и открытія Витебскаго отдѣленія Московскаго Археологическаго Института.—**С. П. Сахарова.**

Часть III.

Приложенія.

18. Отчетъ о дѣятельности Витебской Ученой Архивной Коммиссіи за первый годъ ея существованія. (1909—1910 годъ).
19. Денежный отчетъ Витебской Ученой Архивной Коммиссіи за первый годъ ея существованія.
20. Отчетъ о дѣятельности Витебской Ученой Архивной Коммиссіи за второй годъ ея существованія (1910—1911 годъ).

Часть I.

Историческій очеркъ

Витебской Бѣлоруссіи.

Прежде, чѣмъ перейти къ изложенію историческихъ судебъ Витебской Бѣлоруссіи, необходимо, хотя вкратцѣ, сказать: что же такое Бѣлоруссія и кто такіе бѣлоруссы?

Польскіе этнографы записывали (да и записываютъ) въ провинціальную разновидность націи польской, наряду съ мазурами и малополяками, и народность бѣлорусскую; недавно же одна изъ польскихъ газетъ заявила, что „бѣлоруссъ“ и „литовецъ“—это-де только крестныя имена при общей фамиліи „полякъ“. Нѣкоторые литовско-латышскіе публицисты, въ послѣднее время, ничтоже сумняся, въ свою очередь, заявляютъ, что „бѣлоруссы—славянизированные литовцы“.

Да и въ нашей русской литературѣ недавно еще возникалъ вопросъ: существуетъ ли самая бѣлорусская народность? Вопросъ этотъ не покажется страннымъ, если мы вспомнимъ, что до послѣдняго времени для русскаго общества „знакомство съ Бѣлоруссіей, по выраженію И. С. Аксакова,—что-то въ родѣ Колумбова открытія Новаго Свѣта“, и началось оно только въ 60-хъ годахъ прошлаго столѣтія. Колумбомъ нашимъ явился бѣлоруссъ—проф. М. О. Кояловичъ, своими „Чтеніями по Исторіи Западной Россіи“...

Насколько русское общество первой половины прошлаго вѣка вообще имѣло смутныя представленія о Западномъ краѣ, показываютъ

путевыя записки ученаго академика Севергина. Проѣзжая по Бѣлоруссіи (въ 1803 г.), встрѣчая здѣсь православныя церкви, присутствуя въ нихъ на богослуженіи, Севергинъ самымъ серьезнымъ и простодушнымъ образомъ считалъ православныхъ бѣлоруссовъ „схизматиками“ (какъ называли бѣлоруссовъ православнаго исповѣданія поляки) и удивлялся, что богослуженіе «очень похоже на греко-россійское богослуженіе»... Не больше пониманія дѣйствительнаго положенія вещей въ Бѣлоруссіи обнаруживали тогда и высшія правящія сферы. Самъ Н. М. Карамзинъ въ своей „Исторіи Государства Россійскаго“ проглядѣлъ существованіе подъ не-русскою династіей Гедиминовичей русскихъ національныхъ элементовъ. Даже возставая противъ плана Императора Александра I возстановить подъ своимъ скипетромъ Польшу въ границахъ 1772 года, черезъ присоединеніе къ новообразованному королевству (царству) Польскому Литвы, Бѣлоруссіи и Правобочной Украйны, Карамзинъ признаетъ этотъ планъ великодушнымъ, но только невыгоднымъ для Россіи,—при чемъ упоминаетъ о правѣ меча, о старой династической принадлежности этихъ краевъ Россіи, но ни словомъ не упоминаетъ о непольскихъ народностяхъ этихъ краевъ. „Литва, Волынь, пишетъ Карамзинъ, хотятъ возстановленія королевства польскаго, а мы желаемъ единства государства россійскаго“... О бѣлоруссахъ ни слова!

Необходимо, однако, отмѣтить, что историкъ Устряловъ уже въ 30-хъ годахъ прошлаго вѣка, указавъ на упущенія Карамзина, настаивалъ на русскомъ характерѣ населенія бывшаго великаго княжества Литовскаго. Но новыя идеи туго усвоивала даже официальная русская наука, не говоря уже о массѣ русскаго общества, въ которомъ всегда такъ слабо историческое самосознаніе.

Въ существѣ своемъ, понятія Карамзина остались и до сихъ поръ понятіями средняго русскаго образованнаго человѣка, для котораго и до сихъ поръ за Смоленскомъ начинается „Польша“...

Только въ самое послѣднее время въ массу русскаго образованнаго общества стало проникать сознаніе, что Западная Русь не по одному только преданію носитъ такое названіе, что особенности языка бѣлоруссовъ, ихъ нравы и обычаи, богатая народная литература и

т. д. воочію доказываютъ существованіе отдѣльнаго бѣлорусскаго племени. Настоитъ, притомъ, вопіющая нужда знать Бѣлоруссію—(эту, по выраженію Императора Николая I, „красавицу, но безприданницу"), знать ее по-русски, понимать ее по-русски, т. е. съ русской точки зрѣнія.

Посмотримъ же, гдѣ живутъ бѣлоруссы, сколько ихъ и какимъ языкомъ говорятъ они.

Отвѣтить на эти вопросы нетрудно, благодаря „Первой всеобщей переписи населенія Россійской имперіи 1897 г." и особенно трудамъ покойныхъ профессоровъ Кояловича и Пыпина и здравствующихъ: акад. А. И. Соболевскаго, проф. Е. Ѳ. Карскаго, проф. М. В. Довнаръ-Запольскаго и другихъ*).

Живутъ Бѣлоруссы въ семидесяти двухъ уѣздахъ слѣдующихъ 14 губерній: Витебской, Минской, Могилевской, Виленской, Гродненской, Ковенской, Смоленской, Черниговской, Псковской, Тверской, Орловской, Калужской, Сувалкской и Курляндской.

Проф. Колосовъ находитъ бѣлорусскія особенности даже въ нѣкоторыхъ уу. Московской губ., именно, въ уу. Рузскомъ, Волоколамскомъ и Можайскомъ.

Западная граница бѣлорусскаго племени идетъ отъ гор. Августова, Сувалкской губерніи, прямо на югъ до г. Суража, Гродненской губ.; сѣверная — отъ ст. Корсовка, Витебской губ., на востокъ — на Великія-Луки, Псковской губ., до г. Зубцова, Тверской губ., гдѣ граница поворачиваетъ прямо на югъ и идетъ нѣсколько западнѣе гг. Брянска и Трубчевска, Орловской губ., до Новгородъ-Сѣверска, Черниговской губ.; здѣсь граница поворачиваетъ на западъ; самымъ южнымъ пунктомъ будетъ впаденіе р. Припяти въ рѣку Днѣпръ.

Территорія эта, имѣющая протяженіе съ в. на з. около 750 верстъ, а съ с. на ю. около 600 вер. (по вычисленію А. Киркора, Бѣлоруссія

---

*) Прекрасный трудъ проф. Е. Ѳ. Карскаго „Бѣлоруссы", (Варшава, 1903 г., оттискъ изъ „Виленскаго Временника", № 1) долженъ быть настольной книгой для всѣхъ интересующихся Бѣлоруссіей.

занимаетъ 180,402 кв. версты), при началѣ русскаго государства была заселена слѣдующими славянскими племенами: кривичами, сидѣвшими по верховьямъ рр. Двины, Днѣпра и Волги; часть кривичей называлась полочанами: „рѣчки ради, яже втечетъ въ Двину, имянемъ Полота“, по которой сидѣли они; затѣмъ дреговичами, жившими между рр. Припятью и Двиною; рядомъ съ дреговичами, за Днѣпромъ, по р. Сожу, жили радимичи, имѣя къ востоку сосѣдей—сродныхъ имъ вятичей, а къ югу—сѣверянъ; послѣдніе тоже были сродни радимичамъ; сосѣдями дреговичей съ юга были древляне и бужане или волыняне, а съ запада сосѣдили уже литовскія племена.

Изъ перечисленныхъ русскихъ племенъ полностью вошли въ составъ нынѣшней бѣлорусской территоріи только дреговичи и радимичи; значительной долей—кривичи, полочане.

Уже въ историческое время бѣлорусское племя развило свою колонизацію на востокъ—къ Поволжью; такимъ образомъ, оно является однимъ изъ основныхъ элементовъ въ образованіи великорусскаго племени. Эту-то мысль проводитъ недавно скончавшійся И. Е. Забѣлинъ въ своей „Исторіи русской жизни“, а также акад. А. И. Соболевскій („Лекціи по исторіи русскаго яз.“) и акад. А. А. Шахматовъ (въ 55 полут. Энцикл. слов. Брокгауза).

Изъ всѣхъ указанныхъ выше племенъ самыми интересными являются для насъ кривичи.

Что собственно значитъ имя кривичи—трудно сказать: одни производятъ его отъ бѣлорусскаго слова „кроў“—„криви“, и тогда кривичи будетъ значить „кровные“, родственники; другіе производятъ это названіе отъ „криве“, литовскаго первосвященника.

Литовское и бѣлорусское племена съ незапамятныхъ временъ жили въ ближайшемъ сосѣдствѣ; возможно, что часть, по крайней мѣрѣ, бѣлоруссовъ вмѣстѣ съ литовцами находились въ нѣкоторой зависимости отъ одного верховнаго жреца, литовскаго „криве-кривейто“. Литовцы, въ свою очередь, впослѣдствіи легко подчинились христіанству, когда оно распространилось между бѣлоруссами.

Трудно сказать что-либо опредѣленное и относительно названія «Бѣлоруссія», «бѣлоруссы»; трудно даже сказать, когда въ первый разъ появилось имя «Бѣлой Руси». Офиціальное употребленіе этого имени—въ царскомъ титулѣ—начинается съ 50-хъ годовъ XVII в., именно, со времени литовскаго похода царя Алексѣя Михайловича, въ 1654 г. Нѣкоторые ученые думаютъ, что офиціальное названіе „Бѣлая Русь“ въ титулѣ русскихъ царей явилось послѣ терминовъ „Великая Русь“, „Малая Русь“ и въ подражаніе имъ. Но у писателей сосѣднихъ нѣмецкихъ племенъ и у поляковъ это названіе встрѣчается уже во второй половинѣ XIV вѣка, причемъ о Бѣлой Руси говорится, какъ о чемъ-то вполнѣ извѣстномъ, всѣмъ понятномъ. Отсюда естественно слѣдуетъ заключить, что это названіе было общеизвѣстнымъ, живымъ народнымъ выраженіемъ, издавна употребительнымъ.

Первые русскіе историки (напр., Татищевъ) названіе Бѣлой Руси относили къ древнему времени и включали въ границы ея Ростовско-Суздальскую область. Князей владимирскихъ они именуютъ «б ѣ л о р у с с к и м и». Это, замѣтимъ кстати, вполнѣ совпадаетъ съ указаніями И. Е. Забѣлина, акад. А. И. Соболевскаго и А. А. Шахматова на колонизацію Ростовско-Суздальской области бѣлорусскими племенами. Карамзинъ говоритъ, что онъ нигдѣ не встрѣчалъ имени Бѣлой Руси до Ивана III; этотъ государь назвалъ свое государство Бѣлой Россіею, т. е. великою или древнею по смыслу этого слова въ языкахъ восточныхъ. И теперь на востокѣ называютъ русскаго царя «акъ—падышахъ», т. е. бѣлый царь. Но нельзя отвергать и того, что названіе Руси Бѣлой существовало издревле; эпитетъ этотъ извѣстенъ и въ другихъ славянскихъ земляхъ: уже въ VI в. существовала Бѣлая Сербія, Бѣлая Хорватія.

Въ настоящее время простой народъ въ Бѣлоруссіи не знаетъ этого названія; на вопросъ, кто ты? простолюдинъ, если онъ православный, отвѣчаетъ—«русскій», а если онъ католикъ, то называетъ себя или полякомъ, или просто скажетъ «тутэйшій» (здѣшній).

Но какъ могъ появиться терминъ «Бѣлая Русь» и что онъ означаетъ? Терминъ этотъ пріурочивается или къ физическому признаку—цвѣту, или же истолковывается въ переносномъ смыслѣ, означая

„независимый", „свободный". Въ древнихъ актахъ мы находимъ выраженія: «бѣлая земля»; въ противоположность «черносошной» землѣ, „бѣлая земля" означаетъ землю, освобожденную отъ податей и повинностей; „бѣлое мѣсто, не тяглое", т. е. вольное, свободное. Въ такомъ смыслѣ „бѣлый свѣтъ"—вольный міръ, „бѣлый царь"—вольный, независимый царь; въ этомъ-же смыслѣ, быть можетъ, и „Бѣлая Русь", какъ не покоренная татарами, свободная.

Не лишено значенія и ходячее объясненіе эпитета „Бѣлая Русь" по внѣшнему виду бѣлоруссовъ; любимый цвѣтъ бѣлоруссовъ—бѣлый: одѣваются они въ бѣлые кожухи, бѣлые насовы, носятъ бѣлые магерки (шапки), а женщины—бѣлые платки. Такое одѣяніе удержалось до сихъ поръ въ глухихъ углахъ Бѣлоруссіи; въ старину такая одежда была повсемѣстной.

Перейдемъ теперь къ подсчету бѣлоруссовъ. Къ 1903 году бѣлоруссовъ было около 8½ милліоновъ (8.317.900). Цифра эта, по заявленію проф. Карскаго, представляетъ лишь минимумъ; слѣдовательно, въ настоящее время мы смѣло можемъ поднять эту цифру, по крайней мѣрѣ, до 9 милліоновъ. *)

Необходимо замѣтить, что подсчетъ этотъ, сдѣланный проф. Карскимъ на основаніи этнографическихъ данныхъ, нѣсколько отличается отъ цифръ Переписи 1897 года. Именно, по Переписи, во всей Россіи бѣлоруссовъ около 6 милліоновъ (5.885,000) или 4,6% всего населенія Россіи; въ бѣлорусско-литовскомъ краѣ (губ. Витебской, Могилевской, Минской, Виленской, Гродненской и Ковенской), по Переписи 1897 г., живутъ почти 5½ милліоновъ (5.546,200) бѣлоруссовъ**).

На 5½ милліоновъ бѣлоруссовъ въ бѣлорусско-литовскомъ краѣ живетъ: не много болѣе ½ милл. поляковъ (565,700),—ровно столько

*) Губерніи, по количеству въ нихъ бѣлорусскаго населенія, согласно изслѣдованіямъ проф. Е. Ѳ. Карскаго, идутъ въ нижеслѣдующемъ порядкѣ: 1) Минская—1.755,069, 2) Могилевская - 1.650,069, 3) Виленская—1.076,435, 4) Витебская—976,638, 5) Смоленская—947,826, 6) Гродненская—861,640, 7) Черниговская—700,000, 8) Тверская—125,000, 9) Ковенская—60,000, 10) Псковская—42,400, 11) Калужская—41,029, 12) Орловская—38,484, 13) Сувалкская—22,390, 14) Курляндская—20,981.

**) 1) Минской—1.633,100, 2) Могилевской—1.389,800, 3) Виленской - 891,900, 4) Витебской—788,600, 5) Гродненской—705,000, 6) Ковенской—37.800, 7) Черниговской—151,500, 8) Смоленской—101,000, 9) Сувалкской—26,600, 10) Курляндской—12,300, 11) Орловской—3,000, 12) Псковской—2,300, 13) Калужской—700, 14) Тверской—400.

же, сколько и великоруссовъ (566 т.),—не много болѣе 1½ милліоновъ литовцевъ, латышей и жмудинъ (1.618,600), менѣе 1½ милл. евреевъ (1.414,000); другихъ народностей ничтожное сравнительно количество.

По вѣроисповѣданіямъ, населеніе бѣлорусско-литовскаго края распредѣляется, по Переписи 1897 г., такъ: православныхъ со старообрядцами—5½ милл. (5.384,000), прочихъ христіанскихъ исповѣданій, преимущественно католиковъ—3¼ милл. (3.281,000), въ томъ числѣ бѣлоруссовъ-католиковъ до 800 т., іудейскаго 1½ милліона (1.414,000).

Чѣмъ же объяснить разницу между исчисленіемъ бѣлоруссовъ Переписи 1897 г. и подсчетомъ проф. Карскаго? Разница эта, по всей вѣроятности, явилась вслѣдствіе указанной выше причины: бѣлоруссы-простолюдины не называютъ себя бѣлоруссами, а потому во время Переписи, при вопросѣ о народности, бѣлоруссы-православные отвѣчали, что они „русскіе“, а бѣлоруссы-католики, что они „польской вѣры“, а не всегда разборчивые счетчики записали ихъ „поляками“. Даже въ офиціальномъ языкѣ народность нерѣдко отожествляется съ вѣроисповѣданіемъ: православные—русскіе, католики—поляки. Особенно досадно и важно по своимъ послѣдствіямъ смѣшеніе словъ полякъ и католикъ. Вѣдь это же нелѣпость: не всѣ вѣдь поляки католики, а тѣмъ болѣе не всѣ католики—поляки.

Поляковъ, какъ основной народности, въ Западномъ Краѣ нѣтъ вовсе, да и не было никогда!

Не болѣе трехъ вѣковъ тому назадъ все населеніе Бѣлоруссіи было сплошь бѣлорусскимъ, сплошь православнымъ. Я говорю здѣсь о Бѣлоруссіи, какъ болѣе мнѣ извѣстной, но то же положеніе дѣла было и во всемъ Западномъ краѣ. (О латышахъ и литовцахъ тутъ рѣчь не идетъ, то—особь статья).

Въ силу историческихъ данныхъ, въ Бѣлоруссіи въ настоящее время есть бѣлоруссы-католики, хотя и не особенно много, не болѣе 10%.

Высшій классъ бѣлоруссовъ-католиковъ, болѣе или менѣе крупные землевладѣльцы, въ теченіе трехъ вѣковъ усвоили себѣ польскій

языкъ, пріобщились польской культурѣ и въ настоящее время, проникнутые польскимъ духомъ, величаютъ себя поляками. Но и такихъ поляковъ надо считать только сотнями, а ужъ никакъ не десятками тысячъ.

Правда, и они, вотъ эти поляки, называютъ себя иногда бѣлоруссами; но это только тогда, когда такое заявленіе можетъ принести имъ въ томъ или иномъ отношеніи выгоду. Такія слова ихъ, конечно, ни къ чему не обязываютъ, это только слова, слова! Но разъ они хотятъ быть поляками, пусть будутъ поляками,—это ихъ дѣло.

Но мелкая шляхта и крестьяне-католики въ домашнемъ быту говорятъ, обыкновенно, по бѣлорусски и почти ничѣмъ не отличаются отъ своихъ собратій—православныхъ бѣлоруссовъ. Зачислять въ число поляковъ этихъ бѣлоруссовъ только потому, что они католики, это ужъ прямо этнографическій грабежъ, если позволительно такъ выразиться.

Вотъ какъ въ жизни сказывается иногда столь желанная свобода совѣсти: пожелалъ человѣкъ быть католикомъ, а, смотришь, его записали уже и въ поляки. Да это уже почти совершившійся фактъ: вѣдь, Законъ Божій римско-католическаго исповѣданія во всѣхъ учебныхъ заведеніяхъ Западнаго края преподается исключительно на польскомъ языкѣ. Такимъ образомъ, наши бѣлоруссы-католики исподоволь полонизируются...

Имѣя въ виду все вышесказанное, необходимо число бѣлоруссовъ, указанное Переписью 1897 г., въ бѣлорусско-литовскомъ краѣ значительно повысить, а число поляковъ понизить. Отожествленіемъ понятій православнаго и русскаго объясняется и то явленіе, что, напримѣръ, въ Тверской губ., по исчисленію проф. Карскаго, 125 тысячъ бѣлоруссовъ, а по Переписи 1897 года—ихъ всего 400: остальное число, очевидно, сошло за «русскихъ», т. е., по мнѣнію счетчиковъ, непремѣнно великоруссовъ.

Исчисленіе проф. Карскаго, сдѣланное на основаніи этнографическихъ данныхъ, несомнѣнно, точнѣе въ этомъ отношеніи, чѣмъ данныя Переписи 1897 г.

На всемъ вышесказанномъ пространствѣ 72 уѣздовъ господствуетъ бѣлорусскій языкъ. «Бѣлорусское нарѣчіе,—говоритъ извѣстный славистъ Срезневскій,—принадлежитъ къ числу самыхъ важныхъ мѣстныхъ видоизмѣненій русскаго народнаго языка; оно важно и по обширности пространства, на которомъ господствуетъ, какъ языкъ народный».

Я не буду вдаваться въ подробности относительно особенностей бѣлорусскаго языка и только вкратцѣ отмѣчу историческія судьбы этого языка.

Авторъ начальной лѣтописи нигдѣ не касается отличій тѣхъ или другихъ русскихъ племенъ въ языкѣ; всѣ они у него «словѣнескъ языкъ въ Руси». Но различіе въ говорахъ начало сказываться въ древней Руси довольно рано. Уже въ XII—XIII в.в. выдѣляются говоры кіевскій, галицко-волынскій, новгородскій и смоленско-полоцкій. Смоленско-полоцкій говоръ былъ очень близокъ къ говору дреговичей и радимичей. Этимъ и объясняется то явленіе, что эти три племени выработали съ теченіемъ времени одно нарѣчіе и слились въ одну бѣлорусскую народность.

Итакъ, главнѣйшія особенности современныхъ бѣлорусскихъ говоровъ въ большей или меньшей степени сложились не позже XIII в. Въ большинствѣ особенностей бѣлорусское нарѣчіе является „прямымъ носителемъ общерусскихъ чертъ".

Бѣлорусское нарѣчіе было нѣкогда языкомъ мѣстныхъ дѣловыхъ актовъ и грамотъ. По завоеваніи западнаго края Литвою, оно осталось государственнымъ языкомъ литовско-русскаго великаго княжества. Языкомъ дѣловой офиціальной жизни бѣлорусское нарѣчіе оставалось съ XIV вплоть до XVIII вѣка. Такъ, этому языку принадлежитъ такой замѣчательный памятникъ, какъ Литовскій Статутъ (правильнѣе—Бѣлорусскій, такъ какъ онъ—плодъ генія бѣлорусскаго народа), напечатанный въ Вильнѣ въ 1588 году, и та масса историческихъ документовъ, какая появляется въ новѣйшихъ археографическихъ изданіяхъ.

Вотъ образчикъ языка Литовскаго Статута: „Што продокъ нашъ славное памети, король его милость и велики князь литовъскій, Жик-

гимонтъ Августъ выдаючи ку вжыванью обывателемъ того паньства, князства литовъскаго, сесь статутъ права посполитого земскаго и т. д.“... Особенно замѣчательно въ Статутѣ слѣдующее мѣсто: «А писаръ земски маетъ по русски, литерами и словы русскими вси листы, выписы и позвы писати, а не иншимъ езыкомъ и словы»...*)

На томъ же бѣлорусскомъ языкѣ написаны такъ-называемыя литовскія (точнѣе, западно-русскіе) лѣтописи: „Лѣтопись Быховца“ (изд. Нарбутомъ въ 1827 г.), «Лѣтопись вел. кн. литовскихъ» (изд. Марциновскимъ въ 1827 г., а затѣмъ А. Поповымъ въ 1854 г.), «Варколабовская лѣтопись» (охватывающая событія 1526—1608 гг.; издана нѣсколько разъ: Кулишемъ, М. В. Довнаръ-Запольскимъ, Е. Р. Романовымъ); Скориною, уроженцемъ Полоцка, издана Библія въ 1517 г. въ Прагѣ; имъ же изданы Псалмы и Дѣянія Апостольскія въ 1526 г.; Василіемъ Тяпинскимъ, полоцкимъ шляхтичемъ, переведена на бѣлорусскій языкъ и напечатана около 1580 г. въ своей типографіи (въ Лепельскомъ у.) Библія; многія изъ политическихъ сочиненій въ эпоху религіознаго движенія XVII в. также написаны на бѣлорусскомъ нарѣчіи. **)

Въ послѣднее время въ Западномъ краѣ взялись за изданіе и разработку памятниковъ древней западно-русской письменности. Путь этотъ оказывается самымъ счастливымъ. Имъ можно дойти до самаго вѣрнаго пониманія западно-русской жизни. Въ этихъ памятникахъ вездѣ и во всемъ—одно великое, объединяющее всѣхъ русскихъ, слово—Русь и Русь. «Литовская Русь, говоритъ одинъ изъ ученыхъ,—исконная Русь, сидѣвшая на старомъ корню».

Да, наконецъ, объ этомъ,—что край нашъ искони русскій,—буквально «камни вопіютъ»: я имѣю въ виду такъ-называемые „Борисовы камни“, находящіеся по берегамъ и въ руслѣ рѣки Зададной Двины, а также и въ другихъ мѣстахъ Бѣлоруссіи; славянскія над-

*) Замѣчательно, что когда впослѣдствіи Статутъ былъ переведенъ на польскій языкъ (впервые въ 1648 г.), то во всѣхъ изданіяхъ его вышеприведенныя слова повторяются безъ всякаго измѣненія: „A Pisarz Ziemski ma po ruski literami y słowy Ruskiemi wszystkie listy, wypisy y pozwy pisac, a nie inszym jezykom y słowy“.

**) Интересно мнѣніе объ этомъ и нѣкоторыхъ польскихъ публицистовъ. „Никто не станетъ отвергать, пишетъ „Gazeta Polska“, что языкъ могилевскаго или витебскаго бѣлорусса есть русскій языкъ. Не отвергали этого и въ польскія времена; наоборотъ, этотъ языкъ былъ языкомъ государственныхъ актовъ“... Но далеко не вся польская періодическая печать относится такъ добросовѣстно къ этому вопросу.

писи на этихъ камняхъ приписываются полоцкому князю Борису Всеславичу, скончавшемуся въ 1128 г.; сюда же слѣдуетъ отнести и „Рогволодовъ камень“, близъ г. Орши, съ славянскою надписью 1171 г.*)

Нынѣшніе бѣлорусскіе говоры до послѣдняго времени не имѣли, да и теперь, въ сущности, не имѣютъ литературной обработки. Попытки ввести въ бѣлорусскій языкъ легкую литературу дѣлались, однако, и съ польской стороны, и съ бѣлорусской.

Но особенно цѣнны и важны новѣйшіе сборники бѣлорусской народной поэзіи**). Теперь, послѣ прекрасныхъ трудовъ Е. Р. Романова и покойныхъ: Гильтебрандта, Безсонова, Шейна, недавно скончавшагося Н. Я. Никифоровскаго и др., ясно всѣмъ желающимъ видѣть, какія богатыя духовныя силы таятся въ душѣ бѣлоруса; капитальные труды упомянутыхъ этнографовъ опровергли ходячее мнѣніе о хилости и дряблости натуры потомковъ «оныхъ грозныхъ полочанъ», какъ называетъ ихъ пѣвецъ «Слова о полку Игоревѣ»... Вѣдь, именно, бѣлоруссы дали полякамъ и ихъ величайшаго поэта, и ихъ величайшаго героя: и Мицкевичъ, и Костюшко по происхожденію бѣлоруссы. Такъ было въ прошломъ; есть, значитъ, основаніе, что въ будущемъ бѣлоруссы и для себя выдѣлятъ изъ нѣдръ своихъ такихъ же великихъ людей.

„Не бездарна та природа,
Не погибъ еще тотъ край“,

изъ котораго вышли, какъ вышеупомянутые, такъ и многіе другіе великіе люди...

---

*) См. мою брошюру: „Двинскіе или Борисовы камни“. Витебскъ, 1890.

**) Вотъ отрывки изъ двухъ бѣлорусскихъ народныхъ пѣсенъ:

Прылецѣли гуси
Ды зъ чужей Руси,
Сѣли яны надъ вадою,
Стали яны ваду пици,
Абъ ледъ крыльлимъ бици.
Яны вады ни напили,
Крыльля паразбили...

Щибитау салавей у бару,
А на калининкѣ сидзючы,
Горку ягадку клюючы:
„Ай кабъ-жа ка мнѣ зязюля,
„А умѣу бы я зъ ей щибитаць,
„На аднэй вѣтачкѣ сиздючы,
„Адну калинку клюючы“...

Бѣлорусскій край извѣстенъ съ древнѣйшихъ временъ. Здѣсь пролегалъ знаменитый путь «изъ Варягъ въ Греки». Въ древнихъ сагахъ скандинавскихъ также находится любопытныя свѣдѣнія о нашемъ краѣ. Въ этихъ сагахъ, задолго до Рюрика, есть извѣстія о Полоцкѣ, какъ о богатомъ и сильномъ владѣніи, имѣвшемъ своего государя, по имени Палтеса. Въ русскихъ лѣтописяхъ Полоцкъ впервые упоминается подъ 862 г., когда онъ былъ отданъ Рюрикомъ одному изъ его мужей. Полочане принимали участіе въ походахъ на Грецію при Олегѣ и Игорѣ. Въ 980 г. въ Полоцкѣ является самостоятельный князь Рогволодъ, пришедшій, по словамъ лѣтописи, изъза моря. Рогволодъ и его сыновья пали въ битвѣ съ кіевскимъ кн. Владиміромъ; дочь же Рогволода, Рогнѣду, кіевскій князь взялъ себѣ въ супруги. Впослѣдствіи Владиміръ отдалъ Полоцкъ въ удѣлъ своему сыну отъ Рогнѣды, Изяславу, который и былъ родоначальникомъ полоцкаго княжескаго дома. Въ XI—XII в. Полоцкое княжество является однимъ изъ самыхъ могущественныхъ на Руси. Самымъ знаменитымъ княземъ здѣсь былъ внукъ Изяслава, Всеславъ, княжившій во второй половинѣ XI вѣка. Этотъ князь слылъ чародѣемъ. Пѣвецъ «Слова о полку Игоревѣ» такъ вспоминаетъ о немъ. (Слова древняго пѣвца и великаго русскаго патріота я приведу въ переводѣ на современный языкъ):

„Князь Всеславъ народу
Судъ давалъ и рядилъ князьямъ города; а самъ волкомъ
Рыскалъ въ ночи. Кидался изъ Кіева къ Тьмутаракани
И перерыскивалъ волкомъ дорогу великому Хорсу.
Въ Полоцкѣ стольномъ ему позвониии къ заутренѣ рано
Въ колокола у Софіи святой, а онъ въ Кіевѣ слышалъ
Благовѣстъ тотъ“.

При этомъ-то князѣ-чародѣѣ въ составъ Полоцкаго княжества входили: нынѣшняя Витебская губернія, значительныя части губерній— Могилевской, Минской и Виленской, а также нѣкоторыя части губерній: Ковенской, Курляндской и Лифляндской.

Вскорѣ послѣ смерти Всеслава, между его многочисленнымъ потомствомъ начались безконечныя распри. Тотъ же пѣвецъ „Слова“ возмущенно поетъ:

...„Вы, внуки Всеслава, склоните долу знамена,
Вложите мечи притупленные:
Вы помрачили славу могучаго дѣда.
Не вы-ль принимали поганыхъ (т. е. литовцевъ)
Вашей крамолой на Русскую землю,
На племя Всеслава, чтобъ и отъ нихъ мы узнали насилье“...

Нельзя не обратить вниманія на то, что пѣвецъ «Слова» не дѣлаетъ различія между составными частями Русской земли, у него нѣтъ окраинъ, у него вездѣ—одна Русь.

Но вскорѣ начинается расчлененіе единой Руси.

Первые воспользовались усобицами князей полоцкихъ нѣмцы.

Отъ полоцкаго князя зависѣли земли по Двинѣ вплоть до самаго Балтійскаго моря. Когда именно впервые появились въ латышско-ливскихъ земляхъ поселенія полоцкихъ кривичей—неизвѣстно; но что придвинскіе народцы были данниками полоцкаго князя задолго до прихода сюда нѣмцевъ, на это имѣются прямыя свидѣтельства, неподлежащія ни малѣйшему сомнѣнію.

Передовымъ форпостомъ полоцкихъ князей на Двинѣ былъ Куконосъ, нынѣшній Кокенгузенъ, въ трехъ стахъ двадцати верстахъ отъ Полоцка. Другой городъ былъ Герсикъ, въ 50 верстахъ отъ Двинска.

Къ концу XII в. полоцкая земля раздробилась на много удѣловъ; такихъ удѣловъ было болѣе десяти, а именно: полоцкій, витебскій, минскій, друцкій, изяславскій, логойскій, слуцкій новгородскій (новогрудскій), гродненскій, клецкій, свислоцкій, лукомльскій, кокенгузенскій и герсицкій.

Полочане выказали большую силу не только въ государственномъ строеніи, но и въ области общественной. Полоцкая земля выработала принципъ широкаго участія вѣча, т. е. всего земства, въ дѣлахъ всей земли. Дробленіе на удѣлы дало начало развитію вѣчевыхъ отношеній и въ пригородахъ полоцкихъ. «Мужи полочане вѣчомъ ся справовали, какъ Великій Новгородъ и Псковъ», говоритъ мѣстный лѣтописецъ [лѣт. Буховца]; въ Лаврентьевской лѣтописи объ этомъ сказано нѣсколько подробнѣе: «Новгородцы бо изначала, и смоляне, и кыяне, и полочане и вся власти якоже на думу на вѣча сходятся, на что же старѣйшіи сдумаютъ, на томъ же пригороды станутъ»...

Вѣче полоцкое было изъ числа самыхъ сильныхъ. Эту силу и бодрость долго сохраняли полочане, а за ними витебляне, минчане и могилевцы.

Городское вѣче избирало себѣ князя и заключало съ нимъ «рядъ», т. е. договоръ; оно же контролировало дѣятельность князя, и въ случаѣ разногласія, «указывало ему путь».

Мало того, вѣче заключало договоръ съ сосѣдними землями; даже брало на себя роль судьи въ болѣе важныхъ случаяхъ и рѣзко выражало свою волю*).

Однимъ словомъ, вѣче въ Полоцкѣ и его пригородахъ получило такое же широкое значеніе, такъ же прочно осуществляло права верховной власти, какъ это было въ Новгородѣ и Псковѣ...

Въ концѣ XII вѣка въ устьѣ Двины появились нѣмецкіе купцы, завязали торговыя сношенія съ туземцами и основали свои колоніи, затѣмъ явились и миссіонеры. Полоцкій князь Владиміръ позволилъ нѣмецкимъ миссіонерамъ распространять христіанство между туземцами, часть которыхъ уже исповѣдывала православіе. Дорого пришлось потомъ заплатить этому князю за свою недальновидность.

Несмотря на сильный по временамъ отпоръ со стороны ливовъ, нѣмцы все болѣе и болѣе утверждаютъ свое господство въ нижнемъ теченіи Двины. Въ 1202 году они построили укрѣпленный городъ Ригу. Въ томъ-же году утвержденъ папою новый монашескій рыцарскій орденъ въ Ливоніи, извѣстный подъ названіемъ Ливонскаго ордена или ордена Меченосцевъ.

---

*) Приведу (въ сокращеніи) характерный эпизодъ изъ полоцкой лѣтописи (тѣмъ болѣе, что это единственное прямое указаніе на существованіе несохранившихся полоцкихъ лѣтописей):

Князь полоцкій Борисъ Давидовичъ женился вторымъ бракомъ на Святохнѣ, дочери Казимира померанскаго. Святохна, хотя и приняла греческое исповѣданіе, но втайнѣ держалась католицизма, и въ числѣ ея дворянъ-поморянъ былъ католическій священникъ. У Бориса отъ Святохны родился сынъ, котораго „отецъ именовалъ Владимиръ, а мать назвала Войцехъ“. Но отъ первой супруги у Бориса было два сына, Василько и Вячко. Святохна не любила своихъ пасынковъ: по ея происканъ, Борисъ удалилъ ихъ отъ себя и далъ имъ въ удѣлъ Двинскую область. У Василька и Вячка въ Полоцкѣ было много сторонниковъ. Святохна, „устраивая путь, какъ бы пасынковъ отцова наслѣдія лишить, и все оное сыну своему утвердить“, начала гнать преданныхъ княжичамъ бояръ, а „своихъ поморянцевъ во всѣ чины и управленія вводить“. Борисъ смотрѣлъ на все глазами Святохны. Наконецъ, полочане, видя, какъ пришельцы „города разоряютъ, народъ грабятъ, предѣлы пустошатъ“, въ день Спаса, при звукѣ вѣчеваго колокола, произвели возстаніе, „посадили княгиню подъ крѣпкую стражу, поморянъ всѣхъ побили, а иныхъ изгнали; князю же никакого вреда не учинили и немедленно послали по Василька (удѣльнаго кн. герсицкаго) знатныхъ людей“...

Въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ земля ливомъ покорена была совершенно; за ливами наступила очередь латышей. Это быстрое наступательное движеніе нѣмцевъ на востокъ побудило, наконецъ, безпечнаго князя полоцкаго вступиться за своихъ бывшихъ подданныхъ, неоднократно обращавшихся къ нему за помощью. Владиміръ приплылъ на судахъ со значительнымъ ополченіемъ къ Гольму, въ 15 в. отъ Риги; но послѣ одиннадцати-дневной осады отступилъ. Это было въ 1206 г. А въ слѣдующемъ году тщетно призывалъ къ себѣ на помощь Владимира полоцкаго удѣльный князь куконоскій, Вячко, тѣснимый нѣмцами. Отчаявшись въ успѣхѣ обороны, Вячко сжегъ родной Куконосъ, а самъ удалился въ Русь...

Такая же участь постигла и другого удѣльного князя, Всеволода, который владѣлъ Герсикомъ. Въ 1210 г. нѣмцы взяли и сожгли Герсикъ. Князь Всеволодъ, видя съ лѣваго берега Двины разгромъ и пожаръ своего города, громко рыдая, говорилъ: «О, Герсикъ, любезный городъ, наслѣдство моихъ отцовъ. О, непредвидѣнное разореніе моего народа! Ахъ, не родиться бы мнѣ лучше на свѣтъ, чѣмъ видѣть пожаръ моего города и истребленіе моего народа»...

Нѣмцы дошли такимъ образомъ до самаго Двинска (Динабургъ) гдѣ въ 1275 г. и основанъ былъ крѣпкій замокъ.

Дальнѣйшіе успѣхи нѣмцевъ встрѣтили отпоръ уже не со стороны полоцкихъ князей, а со стороны литовцевъ, захватившихъ русскія земли.

О первыхъ столкновеніяхъ полоцкихъ князей съ литовцами также говорится въ «Словѣ о полку Игоревѣ». Пѣвецъ съ глубокою грустью поетъ:

...«Двина болотомъ течетъ къ полочанамъ
Грознымъ, подъ кликомъ поганыхъ (т. е. литовцевъ).
Одинъ Изяславъ Васильковичъ
Въ шлемы литовскіе острымъ мечомъ позвонилъ и, затьмивши
Славу дѣда, Всеслава, покрытый стальными щитами,
Палъ на кровавой травѣ подъ ударами сабель литовскихъ;
Слегъ на кровать и сказалъ: «Князь, дружину твою удалую
Крыльями птицы одѣли, а звѣри кровь полизали».

Ни Брячислава съ нимъ не было, ни Всеволода;
Одинъ онъ выронилъ пышно-жемчужную душу изъ храбраго тѣла
Сквозь золотое свое ожерелье. Поникло веселье;
Смолкли печальныя пѣсни»...

Подъ умолканіе этихъ пѣсенъ замерла навсегда и русская независимость полоцкой земли, завоеванной Литвою...

Замолкли и извѣстія русскихъ лѣтописей о нашемъ краѣ: судьбу его мы знаемъ изъ такъ-называемыхъ русско-литовскихъ, или, вѣрнѣе, западно-русскихъ лѣтописей. По этимъ свѣдѣніямъ, Полоцкъ уже въ концѣ XII вѣка былъ завоеванъ литовскимъ княземъ Мингайломъ. Но литовцы не сразу утвердились въ этомъ городѣ: спустя нѣсколько лѣтъ, въ Полоцкѣ опять является князь изъ дома Изяслава. Послѣднимъ княземъ изъ этого дома считается Брячиславъ, но онъ жилъ уже въ Витебскѣ; дочь этого князя была супругою благовѣрнаго князя Александра Невскаго, который, къ слову сказать, въ 1238 г. посѣтилъ Витебскъ. Первымъ собственно литовскимъ княземъ въ Полоцкѣ былъ Тоствивилъ. Князь этотъ или одинъ изъ его преемниковъ, неизвѣстно когда и по какой причинѣ, подчинилъ Полоцкъ власти рижскаго архіепископа; но впослѣдствіи рыцари Ливонскаго ордена уступили, за денежное вознагражденіе, свое право на Полоцкъ вел. князю литовскому. Съ этого времени въ Полоцкѣ княжили литовскіе князья. Но одинъ изъ удѣловъ Полоцкаго княжества, именно витебскій, еще долго, почти сто лѣтъ, сохранялъ свою независимость. Послѣднимъ княземъ витебскимъ былъ Ярославъ Васильевичъ, на единственной дочери котораго, Маріи, былъ женатъ литовскій князь Ольгердъ. По смерти Ярослава, въ 1320 г., и княжество витебское отошло къ Литвѣ...

Такимъ образомъ, земли Полоцкаго княжества постепенно были захвачены литовцами, нѣкогда платившими дань князьямъ полоцкимъ.

Перехожу къ краткому изложенію судьбы православія въ нашемъ краѣ. Я отмѣчу только выдающіяся событія.

Полоцкая православная епархія—одна изъ самыхъ древнихъ на святой Руси. Христіанство утвердилось здѣсь, безъ сомнѣнія, уже при Владимірѣ Святомъ; Изяславъ, его сынъ отъ Рогнѣды, похваляемый лѣтописцами за благочестіе, былъ главнымъ дѣятелемъ въ семъ святомъ дѣлѣ.

Мирно распространялось христіанство,—точнѣе православіе,—по всѣмъ городамъ и весямъ полоцкимъ (какъ и по всей Руси); не было ни противодѣйствія съ одной стороны, ни насилія—съ другой.

Къ концу X в. вся область полоцкая была уже христіанскою; около 992 г. учреждена въ Полоцкѣ епархія.

Въ XII в. здѣсь процвѣтала уже и жизнь иноческая; многія княгини и княжны посвятили себя иноческой жизни; во главѣ ихъ сіяетъ Преподобная Евфросинія, въ мірѣ Предислава, „яко луча солнечная, просвѣтившая всю землю Полоцкую“,—говорится въ древнемъ Житіи Преподобной. Преп. Евфросинія—дочь Георгія-Святослава, внучка знаменитаго кн. Всеслава.

Вскорѣ послѣ кончины Преподобной начинаютъ исчезать съ лица исторіи потомки Изяслава Владиміровича; владѣнія ихъ, какъ уже было сказано, мало-по-малу переходятъ въ руки литовцевъ.

Но съ паденіемъ политической независимости Полоцкаго княжества положеніе здѣсь церкви православной почти совсѣмъ не измѣнилось: мирно насажденное православіе мирно же продолжало свои мирныя завоеванія.

Пріобрѣтеніе русскихъ областей имѣло благотворное вліяніе на весь литовскій народъ. Польскій историкъ Ярошевичъ говоритъ: „Кромѣ торговли, которая, издавна сближая оба народа, познакомила литовцевъ съ русскимъ языкомъ, кромѣ религіи восточнаго исповѣданія, которая подъ покровительствомъ княжескихъ женъ, по большей части русскаго происхожденія, уже отъ начала XIII ст., дѣлая въ Литвѣ значительные успѣхи, посредствомъ духовныхъ лицъ, и славянской литургіи, освоила литовцевъ со всѣмъ русскимъ: еще больше содѣйствовали тому политическія отношенія Литвы съ болѣе населенной и гораздо болѣе образованной христіанской Русью. Еще прежде завоеваній Гедимина и Ольгерда, начали литовцы вмѣшиваться въ дѣла русскихъ князей и городовъ; завоеванія же эти еще бо-

ГОСУДАРСТВ. ПУБЛИЧНАЯ ИСТОРИЧЕСКАЯ БИБЛИОТЕКА
496862

лѣе сроднили ихъ съ русскимъ народомъ. Вслѣдствіе этого, многіе изъ нихъ, проживая долго между русскими, старались приноравливаться къ ихъ образу жизни, учились ихъ языку, принимали крещеніе и православное исповѣданіе.

„Еще во времена язычества“, по словамъ польскаго ученаго Мацѣевскаго, въ Литвѣ говорили по-русски и въ дворцахъ, и въ хижинахъ“.

Польскій историкъ Нарбутъ прибавляетъ: «Христіанская вѣра восточнаго исповѣданія первая начала распространяться въ Литвѣ тихимъ путемъ свободнаго убѣжденія въ святыхъ истинахъ, а не по приказу и принужденію».

Русское племя составляло $^{9}/_{10}$ литовскаго государства; что-жъ удивительнаго, что русское народное начало, русская культура занимали въ немъ преобладающее положеніе. Въ то время распространеніе той или другой культуры находилось въ тѣснѣйшей связи съ вѣроисповѣданіемъ народа. Русская народность отождествлялась съ православіемъ, которое поэтому и называлось русскою вѣрою.

Если-бы такое теченіе дѣлъ продлилось еще нѣкоторое время, то, по страведливому замѣчанію названнаго уже польскаго историка Ярошевича,—«Литва перемѣнила бы современемъ свою литовско-языческую народность въ христіанско-русскую»...

Неожиданное событіе въ концѣ XIV в. совершенно измѣнило мирное и нормальное теченіе жизни русско-литовскаго государства: въ февралѣ 1386 г. в. кн. литовскій Ягайло, въ православіи Яковъ, сынъ Ольгерда, женился на польской королевѣ Ядвигѣ, перешелъ изъ православія въ католичество и далъ обѣщаніе обратить въ католичество и всѣхъ подданныхъ своихъ литовцевъ и русскихъ; государство же свое обязался соединить съ польскимъ. Это и была первая политическая унія, послужившая началомъ всѣхъ послѣдующихъ уній, легшихъ тяжелымъ ярмомъ надъ западно-русскимъ православнымъ народомъ. По словамъ польскаго историка Нарбута, „эпоха религіозной нетерпимости въ Польшѣ и Литвѣ началась со времени владычества Ягайлы, т. е. со введеніемъ латинскаго исповѣданія въ Литву“, въ концѣ XIV в.

Съ этого времени въ русско-литовскомъ государствѣ борются

два начала: русско-православное и польско-католическое. Борьба продолжается въ теченіе двухъ вѣковъ. Эта двухвѣковая борьба велась не съ одинаковымъ напряженіемъ и постоянствомъ и еще болѣе не съ одинаковымъ успѣхомъ: «Не разъ клонилась подъ грозою то ихъ, то наша сторона». Періодъ съ 1386 г. по 1569 г., т. е. до Люблинской политической уніи Литвы съ Польшею—это періодъ «агоніи» русско-литовскаго государства. Но и въ теченіе всего этого періода замѣтно сильное вліяніе русскаго православнаго начала.

„Первые литовскіе князья не нарушали установившагося въ древней Руси государственнаго и общественнаго правопорядка. Государство представляло изъ себя рядъ отдѣльныхъ княженій, подчиненныхъ великому князю. Но уже со времени Ольгерда великокняжеская политика стремилась къ тому, чтобы наиболѣе крупные города не составляли удѣловъ. Такъ, Полоцкъ, Витебскъ и Смоленскъ, съ ихъ территоріями составляли общины, находившіяся въ верховной зависимости отъ великаго князя. Желая крѣпче связать крупныя земли съ государствомъ, примирить ихъ съ непосредственной зависимостью отъ центральнаго правительства, Витовтъ выдалъ такимъ областямъ уставныя грамоты. Такія грамоты выданы были Полоцку, Витебску и Смоленску. Въ основу этихъ законовъ, регулирующихъ мѣстную жизнь, былъ положенъ принципъ, что „мы (т. е. господарь) старины не нарушаемъ, а новины не вводимъ“. Дѣйствительно, уставныя грамоты закрѣпили собою порядокъ, выработанный въ этихъ земляхъ въ теченіе предшествующихъ вѣковъ. Полоцкъ и Витебскъ представляли собою народоправства, въ которыхъ всѣми дѣлами вѣдало вѣче. И теперь собраніе добрыхъ и малыхъ людей, всѣхъ горожанъ, являлось высшимъ органомъ въ дѣлахъ, касающихся мѣстнаго управленія. Оригинальною особенностью древне-русскаго города было его единеніе съ землей, т. е. съ цѣлой областью; городъ былъ центромъ, гдѣ на вѣчѣ принимали участіе жители области и города.

Съ такимъ же характеромъ городъ является и въ уставной грамотѣ. Городъ имѣлъ свою казну, городскіе выборные присутствовали на судѣ намѣстника. Нормы уголовнаго и гражданскаго права, выработанныя обычаемъ, были закрѣплены теперь закономъ. Постановленія уставныхъ грамотъ указываютъ на высокое по-

литическое развитіе древнерусскаго земства. Такъ, великій князь гарантировалъ областямъ личную безопасность жителей (никто не могъ быть лишенъ свободы и казненъ безъ суда и слѣдствія), право передвиженія въ сосѣднія области и за границу государства, сохраненіе личныхъ привилегій и «чести», шляхетства; въ области имущественныхъ правъ гражданъ были подтверждены права владѣнія имуществомъ, завѣщанія, наслѣдованія. Наконецъ, грамоты обезпечивали старинное процессуальное право, торговый судъ и опредѣленныя обязательства населенія по отбыванію государственныхъ податей и повинностей. Городъ даже самъ сносился, правда только по торговымъ дѣламъ, съ сосѣдними государствами и городами, напр. съ Ригой и др. Въ городѣ былъ великокняжескій намѣстникъ, но онъ назначался господаремъ изъ мѣстнаго боярства и съ согласія всего „поспольства“, т. е. всѣхъ жителей. По объему и важности обязательствъ, принимаемыхъ государемъ по отношенію къ каждой отдѣльной области, видно, что земскія уставныя грамоты были, такъ сказать, конституціонными грамотами отдѣльныхъ земель“.

Я позволю себѣ привести выдержки изъ Уставной витебской грамоты; кстати, читатель познакомится и съ языкомъ, на которомъ писались тогда всѣ грамоты*): „Штожъ намъ (королю) въ домы церковныи, въ домъ Божій свѣтое Богородицы, и въ домъ Божій свѣтого Духа, и въ домъ Божій Благовѣщенія пречистое, и въ иные церкви не вступатися; а который витблянинъ, умирая, откажетъ остатокъ своего имѣнія кому, и въ то намъ не вступатися; а безъ исправы витблянина не казнити, а чоломъ-битіе намъ у витблянъ прыймати черезъ поруку, въ желѣза ихъ не засажаючи, а ни въ которую муку; а отчинъ у нихъ не отнимати; такежъ и въ села ихъ куплены и въ поля не вступатися и на заочное повѣданіе не вѣрити; а кто имѣетъ ихъ намъ обмовляти, того намъ витбляномъ объявити, а въ заставу нигдѣ витблянъ не сажати; а по волости по витебской воеводѣ нашому не ѣздити, а поѣдетъ въ ловы, ино его по станомъ не дарити. Такежъ и въ вѣсы витебскіи а ни въ локоть (мѣру) не вступатися; и коли который витблянинъ въ вѣсѣхъ проступилъ або въ

*) Всѣ грамоты, на которыя дѣлаются ссылки въ предлагаемомъ очеркѣ, напечатаны въ изданной мною „Витебской Старинѣ“ (т. т. I, IV и V).

локти, ино витбляномъ самимъ казнити по своему праву, а намъ въ то не вступатися.,. Такежъ и намъ давати воеводу по старому, по ихъ волѣ, и который имъ будетъ не любъ воевода, а вмовятъ его передъ нами, ино намъ воеводу имъ иного дати, по ихъ воли; а пріѣхавши воеводѣ нашему первого дня къ Витебску, цѣловати ему крестъ къ витбляномъ на томъ, штожъ безъ права ихъ не казнити по вадамъ ни въ чомъ... Такежъ которыи будутъ литвинъ або ляхъ крещены были въ Витебску въ русскую вѣру, а хто изъ того роду и тепере живетъ, того намъ не рушити, права ихъ христіанскаго ни въ чомъ не ломити“...

На Люблинскомъ сеймѣ 1569 г. закрѣплено окончательно политическое соединеніе Литвы съ Польшею. Но это было, такъ сказать, чисто внѣшнее, механическое соединеніе; необходимо было сліяніе православной русско-литовской народности съ народностью католическо-польскою; а нужно это было для того, чтобы отвратить взоры русскихъ и литовцевъ отъ православнаго востока и обратить ихъ къ католическому западу... Но православное русское народонаселеніе выказывало явное отвращеніе къ католичеству. Въ какомъ печальномъ положеніи было это вѣроисповѣданіе въ нашемъ краѣ, лучше всего видно изъ слѣдующаго: іезуитъ Ростовскій пишетъ, что „въ концѣ XVI в. во всей Полоцкой области считалось не болѣе десяти дворянъ, исповѣдывавшихъ католическіе догматы“... Въ то же время папскій легатъ Поссевинъ нашелъ въ Витебскѣ только одного католическаго ксендза, дряхлаго лѣтами; небольшое число католиковъ здѣсь состояло изъ польскихъ выходцевъ, жившихъ здѣсь по дѣламъ службы или торговли.

Въ такомъ же точно положеніи находилось католичество и во всей Бѣлоруссіи. Самая Вильна, по словамъ польскаго же историка Стебельскаго, была „гнѣздомъ православія“.

Въ самый годъ политической Люблинской уніи въ Бѣлоруссіи появились іезуиты. Эти вѣроисповѣдныхъ дѣлъ мастера придумали „мостъ“ для перехода изъ православія въ католичество—унію.

Спустя всего четверть вѣка послѣ Люблинской политической уніи, на соборѣ въ Брестѣ, въ 1596 г., была провозглашена церковная унія.

Шляхта и магнаты нашего края переходили, впрочемъ, и прямо въ католичество; для нихъ выступалъ болѣе и болѣе интересъ шляхетства, а интересъ родины, интересъ народа сглаживался, исчезалъ. Шляхетство западно-русское, сливаясь съ шляхетствомъ польскимъ, находило себѣ національную смерть. Эту смерть краснорѣчиво изображаетъ авторъ знаменитаго сочиненія „Θриносъ“ («Плачъ», 1610 г.) —Мелетій Смотрицкій, бывшій впослѣдствіи епископомъ полоцкимъ. Онъ оплакиваетъ отъ лица православной церкви погибель въ католичествѣ лучшихъ родовъ западно-русскихъ; но въ этомъ религіозномъ плачѣ ясно слышится и плачъ родины о погибели для нея этихъ людей. Вотъ замѣчательное мѣсто этого „Плача“:

„Гдѣ теперь тотъ неоцѣненный камень, который я носила вмѣстѣ съ другими брилліантами на моей головѣ въ вѣнцѣ, какъ солнце среди звѣздъ,—гдѣ теперь домъ князей Острожскихъ, который превосходилъ всѣхъ яркимъ блескомъ своей древней (православной) вѣры. Гдѣ и другіе также неоцѣненные камни моего вѣнца, славные роды русскихъ князей, мои самфиры и алмазы: князья Слуцкіе, Заславскіе, Збаражскіе, Вишневецкіе, Сангушки, Чарторыйскіе, Пронскіе, Рожинскіе, Соломерецкіе, Головчицкіе, Массальскіе, Горскіе, Соколинскіе, Лукомскіе и другіе, безъ числа. Гдѣ вмѣстѣ съ ними и другіе роды,—древніе, именитые, сильные роды славнаго по всему міру силою и могуществомъ народа русскаго: Ходкевичи, Глѣбовичи, Сапѣги, Доростайскіе, Воловичи, Зеновичи, Пацы, Тышкевичи, Корсаки, Хребтовичи, Заборовскіе, Мелешки, Поцѣи и другіе... Вы, злые люди (своею измѣною), обнажили меня отъ этой дорогой моей ризы и теперь насмѣхаетесь надъ немощнымъ моимъ тѣломъ, изъ котораго, однако, вы всѣ вышли. Прокляты будете вы всѣ, насмѣхающіеся надъ моей наготой, радующіеся ей. Настанетъ время, что вы будете стыдиться своихъ дѣйствій“...

Въ 1617 году появился протестъ дворянства православнаго исповѣданія Минскаго и др. воеводствъ; въ этомъ протестѣ дворяне жалуются на отступленіе части духовенства, безъ позволенія всей Руси, отъ повиновенія константинопольскому патріарху и принятіе уніи, на что они, дворяне, никогда не соглашались. Актъ этотъ подписали: Огинскіе, Ратомскіе, Тышкевичъ, Тризны, Во

лодковичъ, Заруцкій, Стецкевичи, Косовъ, Рагозы, Ходкевичи, Войничи, Вержбиловичъ, Верига, Есьманъ, Селява, Станкевичъ, Кусцинскій и мн. др.

Къ 1619 году относится другой протестъ князей, дворянъ и обывателей кор. Польскаго и вел. кн. Литовскаго «**народу Росейскаго, реліи старожитное греческое**, подъ благословенствомъ патріарха константинопольскаго будучихъ», противъ намѣренія польскаго правительства забрать на унію основанный въ г. Минскѣ дворянствомъ правосл. Петро-Павловскій монастырь и истребить православіе. Протестъ подписали: Огинскій, Гурко, Укольскій, Ратомскій, Стецкевичъ Полецкій и мн. др.

Въ фундушовой записи на возобновленіе православнаго витебскаго Маркова мон., данной Самуиломъ Огинскимъ, въ 1642 г., между прочимъ, говорится: „Если бы который игуменъ, чего Боже уховай, отъ тое реліи нашей старожитной греческой отступилъ, а до уніатской, яко се теперь вынайдуетъ, або якое иншое приступилъ, теды таковый одступца отлученъ и декградованъ (низложенъ) быти маетъ".

Подобныхъ записей множество.

А вотъ описаніе положенія русскихъ православныхъ людей изъ прошенія къ польскому сейму въ 1623 г. отъ имени всѣхъ русскихъ западной Россіи: „Въ Бѣлоруссіи, въ Оршѣ и Могилевѣ, владыка полоцкій (уніатъ) Іосафатъ Кунцевичъ запечаталъ церкви и уже пять лѣтъ держитъ ихъ такъ. Въ Полоцкѣ и Витебскѣ мы не можемъ имѣть для богослуженія ни церкви, ни дома... Но, что всего хуже, что составляетъ варварство и звѣрство выше вѣроятія, въ томъ же Бѣлорусскомъ Полоцкѣ,—тотъ же отступникъ владыка полоцкій (Кунцевичъ), чтобы досадить тамошнимъ мѣщанамъ, приказалъ вырыть недавно похороненныя подлѣ церкви христіанскія тѣла умершихъ и бросить на съѣденіе собакамъ, какъ какую падаль"...

Жестокости еп. Кунцевича вывели изъ терпѣнія православныхъ, и онъ былъ убитъ въ Витебскѣ 12 ноября 1623 г.

Папа Урбанъ VIII, узнавъ объ убійствѣ Кунцевича, писалъ, между прочимъ, королю Сигизмунду III: «Да будетъ проклятъ тотъ, кто удержитъ мечъ свой отъ крови... Ты, державный король, не долженъ удержаться отъ меча и огня»...

Когда пала западно-русская аристократія, народное западно-русское дѣло перешло подъ защиту средняго сословія,—городского, мѣщанскаго, и еще больше, чѣмъ у аристократіи, сосредоточилось въ вопросѣ о вѣрѣ. Подлѣ ихъ городскихъ братствъ формировались вездѣ и примыкали къ нимъ братства сельскія... Мѣщане находили иногда опору въ остаткахъ высшаго своего сословія, неизмѣнившихъ еще своему народу. Какъ люди благороднаго (шляхетскаго) сословія, они имѣли право быть депутатами на сеймахъ. Одинъ изъ такихъ депутатовъ, Лаврентій Древинскій, обращаясь къ королю, говорилъ такъ: „Кто-жъ, о Боже живый, явственно не видитъ, сколь великія притѣсненія и несносныя огорченія сей древній россійскій народъ въ разсужденіи благочестія своего претерпѣваетъ... И такъ,—заключаетъ свою рѣчь Древинскій,—милосердія ради Божія, именемъ всея братіи нашея, прошу ваше королевское величество сжалиться въ обидѣ не нашей, но Божіей... Въ противномъ случаѣ (что да отвратитъ Богъ), если совершенное успокоеніе на сеймѣ и уврачеваніе столь тяжкихъ язвъ не послѣдуетъ, то принужденныхъ себя увидимъ съ пророкомъ возопить: «суди ми, Боже, и разсуди прю мою»...

Насиліемъ и хитростью іезуитовъ и базиліанъ (уніатовъ), которые всегда находили энергичную поддержку со стороны польскаго правительства, совращались въ унію жители Бѣлоруссіи. Но и сильная струя православія, то съуживаясь, то расширяясь, струилась, словно источникъ живой воды, по дебрямъ уніи.

На защиту православія, какъ я уже сказалъ, выступило сельское и особенно городское населеніе, и тутъ-то бѣлоруссъ—этотъ „хилый, забитый“ бѣлоруссъ, какъ привыкли представлять его себѣ мало знакомые съ нимъ,—выказалъ удивительную стойкость: грудью, а нерѣдко и головой, отстаивалъ онъ свою прародительскую вѣру, свой языкъ, свои нравы и обычаи. Это не слова только; можно привести массу доказательствъ, но достаточно указать на слѣдующія два:

Въ постановленіяхъ витебскаго сеймика, въ 1721 г., между прочимъ, сказано: „весьма много дизунитовъ (православныхъ), явныхъ и тайныхъ, въ нарушеніи права, въ городѣ (Витебскѣ) живутъ, производятъ торговлю, получаютъ съ города пользу и другихъ обращаютъ въ дизунію (православіе). Въ томъ же году витебскій воевода

такъ укорялъ витебскихъ мѣщанъ: „Вы,—говорилъ воевода,—въ явное презрѣніе св. уніи, прикрываясь однимъ лишь именемъ уніатовъ, ходите въ уніатскія церкви только для поруганія хвалы Божіей, тогда какъ въ годовые праздники и воскресные дни, для исповѣди и причастія, посѣщаете Марковъ благочестивый (т. е. православный) монастырь, гдѣ исполняете свои схизматицкіе обряды, и другихъ людей, истыхъ уніатовъ, привлекаете и подговариваете къ дизуніи, соблазняя этихъ надежныхъ и правыхъ уніатовъ своимъ примѣромъ“...

Въ актовыя ратушныя книги г. Полоцка занесенъ актъ о томъ, что, при выборѣ членовъ магистрата на 1726 г. одна сторона общества, православная, рекомендовала въ ратманы своихъ кандидатовъ, а другая, неправославная, своихъ. „Мы, магистратъ,—говорится въ этомъ документѣ,—дали знать обществу, что у насъ, съ римской стороны, мало католиковъ, а съ греческой—уніатовъ. Общество, утвердивъ это единогласно, просило насъ допустить русиновъ (т. е. православныхъ) къ должностямъ“. Такимъ образомъ, 145 лѣтъ послѣ появленія въ Полоцкѣ іезуитовъ и 130 л. послѣ провозглашенія уніи, въ этомъ городѣ, гдѣ была резиденція уніатскаго архіепископа, гдѣ были сосредоточены лучшія силы базиліанъ, гдѣ, наконецъ, прочно водворились іезуиты,—было „весьма мало католиковъ и уніатовъ“.

Въ другихъ мѣстахъ Бѣлоруссіи было тоже; вездѣ бѣлоруссы, какъ говорится въ одномъ документѣ, „только фарбу уніи по себѣ показуютъ, свои же обряды старогреческіе заховуютъ (сохраняютъ), едностью съ Римомъ погоржаютъ“ (гнушаются)...

Борьба, и борьба болѣе или менѣе успѣшная, съ такими противниками какъ іезуиты, базиліане и масса всякихъ другихъ католическихъ орденовъ, едва ли свидѣтельствуетъ о слабости натуры бѣлорусса! И эта борьба велась несмотря на почти невозможныя условія: бѣлоруссъ постоянно переходилъ съ новоселья на пепелище; бѣлоруссъ, по бѣлорусской же пословицѣ, былъ «якъ горохъ при дорозѣ: хто идзеть, тотъ скубнеть»...

Въ чемъ же и гдѣ находило поддержку православіе и русская народность въ нашемъ краѣ?

Въ концѣ XVIII вѣка Польша, какъ политическій организмъ,

окончательно пала въ ту могилу, которую вырыла своими же собственными руками.

Прямое слѣдствіе политическихъ событій конца XVIII в. есть религіозное событіе 1839 года, т. е. религіозное возсоединеніе бѣлорусскихъ уніатовъ.

Всѣ эти возсоединенія, и политическія и религіозныя, составляли „дорогіе завѣты и стремленія русскаго народа и стоятъ въ большомъ ряду однородныхъ событій, выражаютъ одну и ту же мысль, одну и ту же тягу русскаго народа западной и восточной половинъ—составлять единое цѣлое и въ гражданской, и въ духовной жизни".

Прослѣдимъ вкратцѣ эти взаимныя стремленія.

Начало XIV вѣка ознаменовалось въ нашемъ отечествѣ событіями великой важности, имѣвшими громадное вліяніе на всю послѣдующую государственную жизнь русскаго народа. Въ началѣ этого вѣка, Восточная Русь, раздробленная на удѣлы, начала группироваться и укрѣпляться подъ сѣнью Москвы. Первымъ „собрателемъ земли Русской" былъ Іоаннъ Даниловичъ Калита (1328—1341), внукъ благовѣрнаго князя Александра Невскаго.

Въ то-же время и земли Западной Руси (главнымъ, кривскія княжества—Полоцкое, Витебское, Минское) мало-по-малу объединяются, при содѣйствіи литовскаго элемента. Истиннымъ основателемъ Русско-Литовскаго государства является Гедиминъ, современникъ Калиты; оба они скончались въ 1341 году.

Іоаннъ Даниловичъ уже именовалъ себя „княземъ великимъ всея Руси", Гедиминъ принялъ титулъ „короля Литвы и Руси".

Образовались, такимъ образомъ, два русскія государства—московское и литовское изъ одного и того-же народа, нераздѣленныя притомъ никакими рѣзкими физическими границами. Разумѣется, между ними, раньше или позже, непремѣнно должна была возникнуть борьба. Она и возникла и продолжалась въ теченіе 4 столѣтій.

Уже Дмитрій Донской хотѣлъ отнять у Литвы Полоцкъ, Витебскъ и Кіевъ, какъ свою отчину. Іоаннъ III говорилъ польскимъ посламъ: «Отчина королевская есть земля польская, а русская наша». Василій III заявилъ великому князю литовскому, что вся русская земля—его наслѣдіе, и что онъ желаетъ добыть Кіевъ, Смоленскъ, Полоцкъ и

другіе города: „Доколѣ конь мой будетъ ходить и мечъ рубить,—говаривалъ онъ,—не дамъ покоя Литвѣ“ Іоаннъ Грозный пошелъ далѣе своего отца и дѣда. Когда король польскій Сигизмундъ-Августъ предлагалъ Москвѣ вѣчный миръ, Грозный царь далъ такой отвѣтъ: «За королемъ наша отчина извѣчная: Кіевъ, Волынская земля, Полоцкъ, Витебскъ и многіе другіе города русскіе, такъ пригоже ли съ королемъ миръ заключать»? На требованіе польскихъ пословъ не воевать Ливоніи царь Іоаннъ Васильевичъ отвѣтилъ: „Вспомните, что и самая Литва есть отчина государей московскихъ“. За словомъ слѣдовало дѣло. 15 февраля 1563 г. царь овладѣлъ ключемъ Ливоніи и Литвы—Полоцкомъ. Грозный царь принялъ титулъ князя Полоцкаго.

Во время двух-недѣльной осады Полоцка Грозный царь имѣлъ мѣстопребываніе въ Спасо-Евфросиніевскомъ монастырѣ. Отмѣчу кстати, что въ это время въ Полоцкѣ было тринадцать монастырей.

Не прошло и ста лѣтъ со времени Грознаго царя, какъ другой русскій царь, «Тишайшій», вновь вырываетъ изъ рукъ поляковъ ту-же многострадальную Бѣлоруссію.

Овладѣвъ всею Бѣлоруссіею, царь Алексѣй Михайловичъ принялъ титулъ „государя всея Великія и Малыя и Бѣлыя Россіи“.

Однимъ изъ первыхъ распоряженій Тишайшаго царя въ Бѣлоруссіи было: „костеламъ не быть, унеятамъ не быть, жидамъ не быть и житія никакого не имѣть“. Православные, разумѣется, возстановлены были во всѣхъ своихъ правахъ. Въ 1656 г., царь Алексѣй Михайловичъ, отправляясь въ походъ подъ Ригу, пробылъ въ Полоцкѣ 10 дней. Это пребываніе ознаменовалось торжественнымъ освященіемъ Софійскаго соборнаго храма, захваченнаго базиліанами; освященъ былъ также въ присутствіи самаго царя и древнѣйшій храмъ Преображенія Господня въ Спасо-Евфросиніевскомъ монастырѣ, долгое время, еще со временъ короля Стефана Баторія, находившійся въ рукахъ іезуитовъ.

Вотъ и подлинная запись въ современныхъ дворцовыхъ разрядахъ:

„Того-жъ мѣсяца іюля въ 8 д. изъ Полоцка ходилъ Государь (Алексѣй Михайловичъ) въ Спасскій монастырь, что бывалъ дѣвичей монастырь благовѣрной княжны Евфросиніи Полоцкой. Того жъ мѣ-

сяца іюля въ 9 день въ Спасскомъ монастырѣ было священіе церкви Преображеніе Спасово".

Петръ Великій энергически поддерживалъ православныхъ бѣлоруссовъ.

Въ концѣ XVIII вѣка Польша, какъ политическій организмъ, погибла, погибла не случайно, не вслѣдствіе какихъ-либо внѣшнихъ причинъ, а вполнѣ естественною смертью. Теперь для всѣхъ ясно, что не императрица Екатерина II, даже не Фридрихъ II прусскій погубили Польшу: она пала вслѣдствіе собственныхъ неурядицъ; недаромъ сами поляки говаривали: «Polska stoi nierzadem» (Польша держится неурядицей). Разумѣется, такіе устои крайне ненадежны, и Польша должна была пасть. Даже друзья Польши обвиняютъ теперь самихъ же поляковъ въ политической гибели ихъ отечества. Извѣстный французскій историкъ Альбертъ Сорель, коснувшись польской революціи 1793 года, говоритъ такъ: «Не трудно было подражать крайностямъ французской революціи, для этого стоило только отдаться влеченію своихъ страстей. Труднѣе было обнаружить такую энергію, какую проявили французы; для этого было необходимо имѣть то, чѣмъ обладали французскіе патріоты: національнымъ единствомъ, выработаннымъ вѣками монархическаго правленія, восторженнымъ чувствомъ своихъ правъ и величія родины, институтомъ государственности, преданностью идеѣ соціальнаго равенства, правами гражданской свободы. Всего этого не было въ Польшѣ: существенный элементъ плодотворныхъ революцій, національность, оставался безплоднымъ, потому что народъ не представлялъ сплоченнаго цѣлаго».

Еще рѣзче выражается другой французъ-историкъ:

„Исторія паденія Польши есть постыдная исторія преступленія шляхты, исторія, налагающая клеймо позора на тѣхъ, кто на всякомъ шагу попиралъ и сокрушалъ всякія права, терзалъ страну, волновалъ ее безпрестанными раздорами, разрывалъ жилы народа и какъ вампиръ высасывалъ его кровь, пока, наконецъ, обезсиленный организмъ не потерялъ возможности самостоятельнаго существованія"...

Польскій патріотъ того времени, Коллонтай, говоритъ: „Всеобщій безпорядокъ въ домахъ, злонравіе въ семействахъ, несправедливость

въ судахъ, безнравственность и невѣжество духовенства, негодность войска, неповиновеніе закону и властямъ—все это привело насъ къ тому презрѣнному и подлому состоянію, которое даетъ нашимъ сосѣдямъ противъ насъ смѣлость"...

Къ такой яркой картинѣ прибавлять нечего. Все это видѣла, все это знала Великая императрица. Въ одномъ изъ своихъ писемъ къ Гримму императрица пишетъ (въ январѣ 1779 г.): „Вамъ нечего хлопотать о гибели польскаго народа: онъ самъ объ этомъ старается"...*)

Въ другомъ письмѣ Императрица прибавляетъ: «Если этотъ народъ утратилъ даже свое имя, то мнѣ кажется, что онъ этого достоинъ... Онъ не хотѣлъ внимать никакимъ совѣтамъ и потерялъ всякое единодушіе до того, что между поляками нельзя найти двухъ людей, согласныхъ между собою. Продажные, испорченные, легкомысленные, вздорные, деспоты, прожектеры, предоставляющіе свои имѣнія въ управленіе жидамъ, которые сосутъ кровь ихъ подданныхъ и платятъ за то очень мало: вотъ вамъ живой портретъ поляковъ».

О вѣковѣчныхъ, безспорныхъ правахъ Россіи на Западный край Императрица Екатерина II имѣла опредѣленныя и непоколебимыя убѣжденія; она смотрѣла на него, какъ на коренное, древнѣйшее достояніе Россіи, и присоединеніе его къ Имперіи въ 72, 93 и 95 г.г. признавала возвращеніемъ и возстановленіемъ законнаго, историческаго права Русскаго государства.

По первому раздѣлу Польши, въ 1772 г., Россіи досталась самая неплодородная часть русской Польши, восточная Бѣлоруссія, именно, почти вся нынѣшняя Витебская губ. и часть Могилевской.

По второму раздѣлу, въ 1793 г., пріобрѣтена часть Бѣлоруссіи по Двинскъ, Минскъ и Пинскъ, и часть западной Малороссіи отъ Пинска до Каменецъ-Подольска, почти по прямой линіи, т. е. нынѣшняя губ. Минская, часть Виленской, восточная часть Волынской и Подольская.

Въ 1795 г. Польша подверглась третьему раздѣлу, и на этотъ

---

*) Нельзя при этомъ не вспомнить словъ папы Льва X; убѣждая в. кн. Василія Іоанновича примириться съ Литвою, папа говорилъ: „Литву не надобѣ оружьемъ воевати: время ее воюетъ"...

раздѣлена уже вся; Россія получила западную часть Бѣлоруссіи и восточную Литвы, а именно остальную часть Виленской губ., губернію Ковенскую и Гродненскую.

Императрица Екатерина II говорила, что ею присоединены къ Россіи: „земли, издревле Россіи принадлежавшія, грады, русскими князьями созданные, и народы общаго съ россіянами происхожденія и имъ единовѣрные... Ни одного вершка польской земли не получила я при раздѣлахъ Польши".

Послѣ второго раздѣла Польши, Императрица Екатерина II повелѣла отчеканить медаль съ изображеніемъ карты отнятыхъ областей и съ надписью вокругъ нея: «Отторженная возвратихъ».

Эта надпись вполнѣ справедлива, такъ какъ въ отнятыхъ у Польши областяхъ, дѣйствительно, не было ни одной мѣстности, которая не принадлежала бы нѣкогда Россіи... „Жизнь въ этихъ областяхъ возстановлялась съ такою быстротой и силой, что не могло возникать никакого сомнѣнія въ прочности сліянія съ остальною Россіей этихъ, нѣкогда отторгнутыхъ и теперь возвращенныхъ областей".

Отрекаясь отъ престола, король Станиславъ-Августъ писалъ Императрицѣ Екатеринѣ II: „примите остальныхъ поляковъ въ число своихъ подданныхъ, которыхъ вы счастливите и осчастливьте три милліона людей, которымъ я желалъ, но не могъ доставить счастья".

И это не фраза. Извѣстный польскій патріотъ Нѣмцевичъ (сподвижникъ Костюшки*) пишетъ въ своихъ „Запискахъ": „Я долженъ съ грустью сознаться, что Бѣлоруссія сильно выиграла въ матеріальномъ отношеніи со времени раздѣла Польши"...

Тотчасъ по присоединеніи Бѣлоруссіи къ Россіи началось движеніе уніатовъ къ возсоединенію съ православною церковью. Императрица отлично понимала всю важность начавшагося движенія. Въ одномъ изъ своихъ указовъ Императрица говоритъ: „Расторгнувъ узы принужденія, угнетавшаго свободу исповѣданія прародительской вѣры, мы съ удо-

*) Кстати, о польскомъ героѣ Костюшкѣ. Костюшко былъ родомъ бѣлоруссъ; онъ родился въ селѣ Сехновичи, Кобринскаго уѣз., Гродненской губ., и крещенъ въ мѣстной церкви по греко-уніатскому обряду. Родители его, мелко-помѣстные шляхтичи, были также уніаты, а дѣдъ—православный. Дядя героя, Павелъ Костюшко, былъ городскимъ писаремъ Брестскаго воеводства и не только придерживался русскаго обряда, но и отличался преданностію православію: въ 1727 году онъ обновилъ церковь св. Николая въ Брестъ-Литовскѣ.

вольствіемъ видимъ, что обитатели возвращенныхъ отъ Польши областей, исполненные усердія къ благочестію, возвращаются радостно въ объятія православной восточной церкви»...

Въ то время во главѣ уніатскаго духовенства стоялъ достойный пастырь, еще и доселѣ неоцѣненный вполнѣ, Ираклій Лисовскій, бѣлоруссъ по происхожденію; во главѣ же православной паствы бѣлорусской стоялъ знаменитый Георгій Конисскій.

Начатое Екатериной Великой довершено Императоромъ Николаемъ I-мъ: 25 марта 1839 г. совершилось возсоединеніе западнорусскихъ уніатовъ съ православною церковію.

Такимъ образомъ, мы видимъ, что государи русскіе, начиная съ великаго князя Дмитрія Донского и кончая Императоромъ Николаемъ Павловичемъ, съ живѣйшимъ сочувствіемъ обращали взоры свои на Бѣлоруссію и внимательно слѣдили за всѣмъ, что тамъ происходило.

Народное и религіозное единство давало всегда русскому правительству твердую опору для дѣйствій.

Теперь посмотримъ, какъ же Бѣлая Русь относилась къ Руси Великой. Здѣсь, на Бѣлой Руси, у великихъ князей и царей московскихъ было всегда много искреннихъ друзей; здѣсь никогда не исчезала мысль о родствѣ съ православною Великою Русью. Еще при великомъ князѣ Витовтѣ въ русско-литовскомъ государствѣ замѣчалось явное тяготѣніе къ Руси Великой; а съ тѣхъ поръ, какъ въ русско-литовскомъ государствѣ началось стѣсненіе русской народности и православной вѣры, взаимное тяготѣніе еще усилилось. Іезуитъ Поссевинъ, современникъ царя Грознаго и короля Баторія, близко знакомый съ положеніемъ дѣлъ, говоритъ: „Въ Руси, Волыни, Литвѣ, въ присоединенныхъ къ Коронѣ Польской областяхъ, жители, хотя и состоятъ подданными католиковъ, упорно привержены къ греческой схизмѣ (т. е. православію). Сенатъ и прежде всего король (Баторій) желаетъ, чтобы они сдѣлались католиками; жители уличены въ тяготѣніи, вслѣдствіе схизмы, къ московитамъ: они публично молятся о дарованіи московитамъ побѣды надъ поляками“.

Унія не могла вдругъ измѣнить эти братскія чувства. Въ приведенномъ выше протестѣ 1619 г. противъ введенія уніи, многіе князья, дворяне и обыватели в. кн. литовскаго прямо называютъ себя „народомъ россейскимъ, религіи старожитной греческой“...

Въ 1654 г., какъ извѣстно, благодаря Богдану Хмѣльницкому, «все войско запорожское съ городами и съ землями царь Алексѣй Михайловичъ принялъ подъ свою высокую руку».

Въ Бѣлоруссіи къ дѣлу казаковъ относились весьма сочувственно. Во всѣхъ бѣлорусскихъ городахъ православные толковали: „Когда у поляковъ съ черкасами будутъ бои, и станутъ поляки черкасъ осиливать, то мы, всякихъ чиновъ люди, поднимемся на поляковъ и станемъ Польшу и Литву воевать, для того: если поляки черкасъ осилятъ, то и насъ всѣхъ православныхъ христіанъ выгубятъ, и намъ поневолѣ противъ поляковъ стоять и биться, пока нашей мочи будетъ". Хмѣльницкій, съ своей стороны, говорилъ московскимъ посламъ: «Только-де царское величество изволитъ принять подъ свою высокую руку запорожцевъ и послать своихъ ратныхъ людей, и бѣлорусскіе люди, что за Литвою живутъ, тотчасъ учнутъ съ ляхи биться».

И дѣйствительно, при вступленіи войскъ царя Алексѣя Михайловича въ Бѣлоруссію, населеніе встрѣчало ихъ, какъ давно желанныхъ освободителей отъ польско-католическаго ига. Въ современныхъ польскихъ реляціяхъ говорится: „здѣшніе (бѣлорусскіе) города угрожаютъ явно возмущеніемъ, а другіе наперерывъ сдаются на имя царское"... „Мужики (бѣлоруссы)—говорится въ другой реляціи,—молятъ Бога, чтобы пришли московиты"...

То же мы видимъ и сто лѣтъ спустя.

Лучшимъ выразителемъ чувствъ, воодушевлявшихъ бѣлоруссовъ во время присоединенія Бѣлоруссіи къ Россіи въ 1772 году, является вышеупомянутый Георгій Конисскій. „Тяжкія узы расторгнуты повелѣніемъ твоимъ,—говоритъ достойный архипастырь Великой Императрицѣ,—нынѣ настали намъ времена прохладныя: укротились свирѣпѣвшіе... Мы и восторгъ приходимъ, и недоумѣваемъ, сонъ-ли се сладкій намъ, или истинное событіе"...

Сочувствіе и стремленіе къ единенію видны и въ неоднократныхъ попыткахъ западно-русскихъ людей къ избранію на престолъ литовско-польскій государей русскихъ; такъ было при Василіи III, Іоаннѣ IV, его сынѣ Ѳеодорѣ и при Алексѣѣ Михайловичѣ. Избраніе на польскій престолъ Алексѣя Михайловича считалось дѣломъ до того безспорнымъ, что во время пребыванія царя въ Полоцкѣ умный ар-

химандритъ Богоявленскаго монастыря Игнатій Іевлевичъ уже обращался въ своей рѣчи къ нему, какъ къ «нареченному королю польскому, великому князю литовскому».

Сказаннаго, полагаю, достаточно, чтобы видѣть безпрерывное взаимное тяготѣніе Руси Бѣлой и Великой, какъ въ политическомъ, такъ и религіозномъ отношеніяхъ. И тѣ и другія отношенія одинаково важны...

Судьба нашего отечества, какъ я уже сказалъ, тѣсно связана съ судьбой нашей церкви. Охлажденіе въ началахъ православной церкви влечетъ за собою и охлажденіе къ началамъ русской народной жизни. Таковъ взглядъ и самого русскаго народа, у котораго самое слово «православные» замѣнило слово «соотечественники». „Русскій народъ,—говоритъ Достоевскій,—весь въ православіи и идеѣ его... Кто не понимаетъ православія, тотъ никогда и ничего не поймetъ въ народѣ“...

Поляки и ополяченные бѣлоруссы-католики особенно подчеркиваютъ культурное вліяніе Польши на Бѣлоруссію за время польскаго владычества, и это обстоятельство даетъ имъ поводъ претендовать на руководящую здѣсь роль.

Лучшимъ показателемъ степени культурности страны служитъ положеніе въ ней дѣла народнаго образованія.

Что же сдѣлано поляками для народнаго образованія въ Бѣлоруссіи? Въ какомъ положеніи находилось это дѣло въ нашемъ краѣ къ концу здѣсь польскаго владычества?

Вслѣдъ за присоединеніемъ Бѣлоруссіи къ Россіи, полоцкое намѣстническое правленіе затребовало свѣдѣнія: „нѣтъ ли въ которыхъ городахъ и мѣстечкахъ городскихъ школъ, и чему въ оныхъ учатъ какого рода люди, и сколько учениковъ“.

Отвѣты получились крайне любопытные, и я позволю себѣ привести ихъ въ подлинникахъ:*)

1) «Касательно до г. Дриссы, то въ ономъ школъ никакихъ не состоитъ»;

---

*) Сборникъ Матеріаловъ для исторіи просвѣщенія въ Россіи, т. 1.

2) «въ г. Себежѣ и уѣздѣ школъ никакихъ не имѣется»;

3) «школъ и учениковъ въ г. Рѣжицахъ и въ уѣздѣ никакихъ нѣтъ»;

4) «въ г. Люцинѣ при плебаніи и ни подъ какою дирекціею школъ не имѣется; въ Люцинскомъ уѣздѣ школъ тоже не оказалось»;

5) въ г. Суражѣ «школы никакой и учащихся не имѣется»;

6) въ г. Невелѣ «школъ никакихъ нѣту, обучаются только обывательскія дѣти въ своихъ домахъ азбукѣ»;

7) въ г. Велижѣ также «не было никакой школы»;

8) въ Витебскѣ «въ приходѣ Ильинской церкви находилась школа, построенная дьячкомъ Запольскимъ, въ которой разнаго званія малолѣтнихъ школьниковъ 16, обучаются только одной азбукѣ»;

9) Наконецъ, въ Полоцкѣ существовала «школа партикулярная въ полоцкомъ Богоявленскомъ монастырѣ, гдѣ на русскомъ и польскомъ діалектахъ учатъ мѣщанскихъ дѣтей».

„А для женскаго полу, говорится въ томъ же документѣ, никакой нѣтъ науки, кромѣ только полоцкаго монастыря дѣвицъ Маріевитокъ, при которомъ школьницъ шляхетскаго и мѣщанскаго роду находится до 10 душъ, на польскомъ діалектѣ обучающихся“. .

Такимъ образомъ, для образованія дѣтей купцовъ и мѣщанъ не было сдѣлано ровно ничего; объ образованіи крестьянскихъ дѣтей не можетъ быть и рѣчи.

Вотъ результатъ двух-вѣковой просвѣтительной дѣятельности культурныхъ поляковъ въ нашемъ краѣ.

Были, правда іезуитскія школы въ Полоцкѣ, Витебскѣ и Двинскѣ*); но, во-первыхъ, школъ этихъ, какъ и учащихся въ нихъ, было очень мало; а во вторыхъ, въ школахъ этихъ получали образованіе только дѣти шляхты. Кромѣ того, справедливость требуетъ ска-

*) Въ томъ же документѣ говорится:

„въ Полоцкѣ у кс. іезуитовъ находятся школьники изъ дворянства здѣшней губерніи, отъ своихъ домовъ пріѣзжающіе, и заграничные; но въ другихъ мѣстахъ таковыхъ же школъ нѣтъ, кромѣ Забяльскаго монастыря кс. доминикановъ, хотя при маломъ школьниковъ собраніи“;

„въ Витебскѣ при іезуитскомъ кляшторѣ имѣется школа для обученія малолѣтнихъ шляхетскихъ дѣтей; равно и въ піярскомъ кляшторѣ тоже школа имѣется“;

въ г. Дюнебургѣ, при іезуитскомъ кляшторѣ была „школа, въ которой обучалось шляхтичей 30, мѣщанъ 2, а всего 32 челов.“.

зать, что іезуитскія школы существованіемъ своимъ въ то время обязаны русскому правительству.

Въ 1773 г. папа Климентъ XV обнародовалъ буллу объ уничтоженіи іезуитскаго ордена. Императрица Екатерина II даровала имъ убѣжище въ Бѣлоруссіи, въ надеждѣ, что оставшіеся отъ всеобщаго уничтоженія іезуиты, отказавшись отъ всѣхъ дѣйствій, противныхъ гражданскому порядку, бывшихъ причиною уничтоженія ихъ общества, посвятятъ себя воспитанію въ Бѣлоруссіи римско-католическаго юношества... Имъ предоставлены были въ Бѣлоруссіи недвижимыя имѣнія. Но Императрица торжественно объявила, что „покровительство это продолжится только до тѣхъ поръ, пока іезуиты не преступятъ за границы начертаннаго имъ долга“.

Послѣдняя оговорка была весьма умѣстна: политическія и общественныя дѣла до того поглощали всю дѣятельность католическаго духовенства, что оно, по выраженію одного польскаго же писателя, „обратило религію въ прислужницу политикѣ“.

Великая Императрица знала все это и терпѣла этихъ просвѣтителей только какъ временное зло*). А что училища эти, какъ оказалось впослѣдствіи, приносили много зла русскому дѣлу въ краѣ, доказать нетрудно: по выраженію извѣстнаго Сенковскаго (ревизовавшаго, по порученію петербургскаго университета, эти школы въ 1825 г.) „въ нихъ явно развивался духъ полонизма**)... Сознаются въ этомъ и сами поляки. „Неоспоримо, говоритъ одинъ изъ польскихъ писателей, что католицизмъ, а вмѣстѣ съ нимъ и полонизмъ не пали бы такъ быстро въ Бѣлоруссіи, если бы іезуиты могли долѣе сѣять здоровое зерно правды католической и неразлучнаго съ нею полонизма“...

Вредъ этотъ не искупался серьезностью занятій въ этихъ школахъ. Внѣшняя, показная сторона, въ нихъ была часто блестяща;

---

*) Въ наказѣ, данномъ губернаторамъ въ Бѣлоруссіи предлагается: „Вы за ними (іезуитами) наипаче недремлющо смотрѣть имѣете, яко за коварнѣйшимъ изъ всѣхъ католическихъ орденовъ“... Въ письмахъ своихъ къ Гримму Императрица называетъ іезуитовъ „ces coquins, ces gueux, ces pecores, ces maroufles de la Russie Blanche“..

**) Это—плоды дѣятельности попечителя Виленскаго учебнаго округа (учрежд. въ 1804 г.) гр. Адама Чарторыскаго.

что же касается внутренней, несравненно болѣе важной стороны, то учебно-ученая жизнь здѣсь была далеко неудовлетворительна. Преподавателями въ этимъ школахъ были духовныя лица, часто безъ всякой къ тому серьезной подготовки; преподавали они съ своей особенной точки зрѣнія; напр., профессорамъ всеобщей исторіи вмѣнено было въ обязанность выставлять на видъ, какъ много содѣйствовали римскіе папы общему благу Европы, развитію искусствъ и наукъ; они должны были доказывать, что Іоаннъ Гуссъ осужденъ на костеръ не Констанцкимъ соборомъ, а свѣтскою властью; имъ предлагалось опровергать ошибочныя, будто-бы, сказанія относительно Галилея, инквизиціи, Варѳоломеевской ночи и т. п. событій, въ которыхъ католическое духовенство играло далеко некрасивую роль.

Нечего и добавлять, что національность польская поддерживалась сильно; при всякомъ случаѣ умѣли возвеличить прелесть края польскаго, образованность поляковъ, ихъ великую заслугу въ успѣхахъ наукъ и литературы; прославляли мужество, непобѣдимость польскихъ воиновъ, добродѣтели поляковъ, ихъ врожденное дарованіе ко всему и т. п. Оттого юноши бѣлорусскіе обожали Польшу и въ равной степени не любили Россіи. Исторія послѣдней оставалась для учениковъ неизвѣстной или искаженной.

Всѣ предметы въ школахъ преподавались, конечно, на польскомъ языкѣ.

Стоявшая во главѣ этихъ училищъ полоцкая іезуитская коллегія, а затѣмъ (съ 1812 г.) и академія, служила предметомъ насмѣшекъ для самихъ же поляковъ: академія эта считалась „гнѣздомъ обскурантизма“ и была извѣстна подъ названіемъ „Сморгоньской академіи“*)...

Здѣсь мы сдѣлаемъ маленькое отступленіе и слегка коснемся нашихъ современныхъ отношеній къ полякамъ.

Мы, православные бѣлоруссы, не враги поляковъ, мы ратуемъ только противъ польскихъ,—на нашъ взглядъ, неправильныхъ,—притязаній на нашъ край.

---

*) Сморгонь—м. въ Ошмянскомъ у., Виленской губ., славилось искусствомъ жителей обучать медвѣдей.

Еще славянофилы признавали (признаемъ и мы теперь) за поляками широкія права въ Польшѣ; но въ какой Польшѣ? Въ этнографической, исключительно въ этнографической, но отнюдь не въ исторической, не въ границахъ до 1772 г.

Поляки—наши братья (признаютъ они это или не признаютъ, хотимъ мы этого или не хотимъ, но это же фактъ). И мы глубоко убѣждены, что наступитъ то время, то желанное свѣтлое будущее, когда мы съ поляками, путемъ взаимнаго уваженія, путемъ взаимныхъ справедливыхъ уступокъ, придемъ къ благопріятному рѣшенію нашего вѣкового «домашняго» спора. Надо только ближе узнать другъ друга.

Не могу не привести слѣдующихъ строкъ изъ «Записокъ» кн. Адама Чарторыскаго:*)

«Мало-по-малу мы (поляки) убѣдились, что эти русскіе, которыхъ мы инстинктивно ненавидѣли и признавали, безъ различія, существами злыми и кровожадными, отъ которыхъ мы отстранялись, и самая встрѣча съ которыми возбуждала отвращеніе,—такіе же люди, какъ и мы... и что можно питать къ нимъ и дружбу, и признательность»...

А. Сапуновъ.

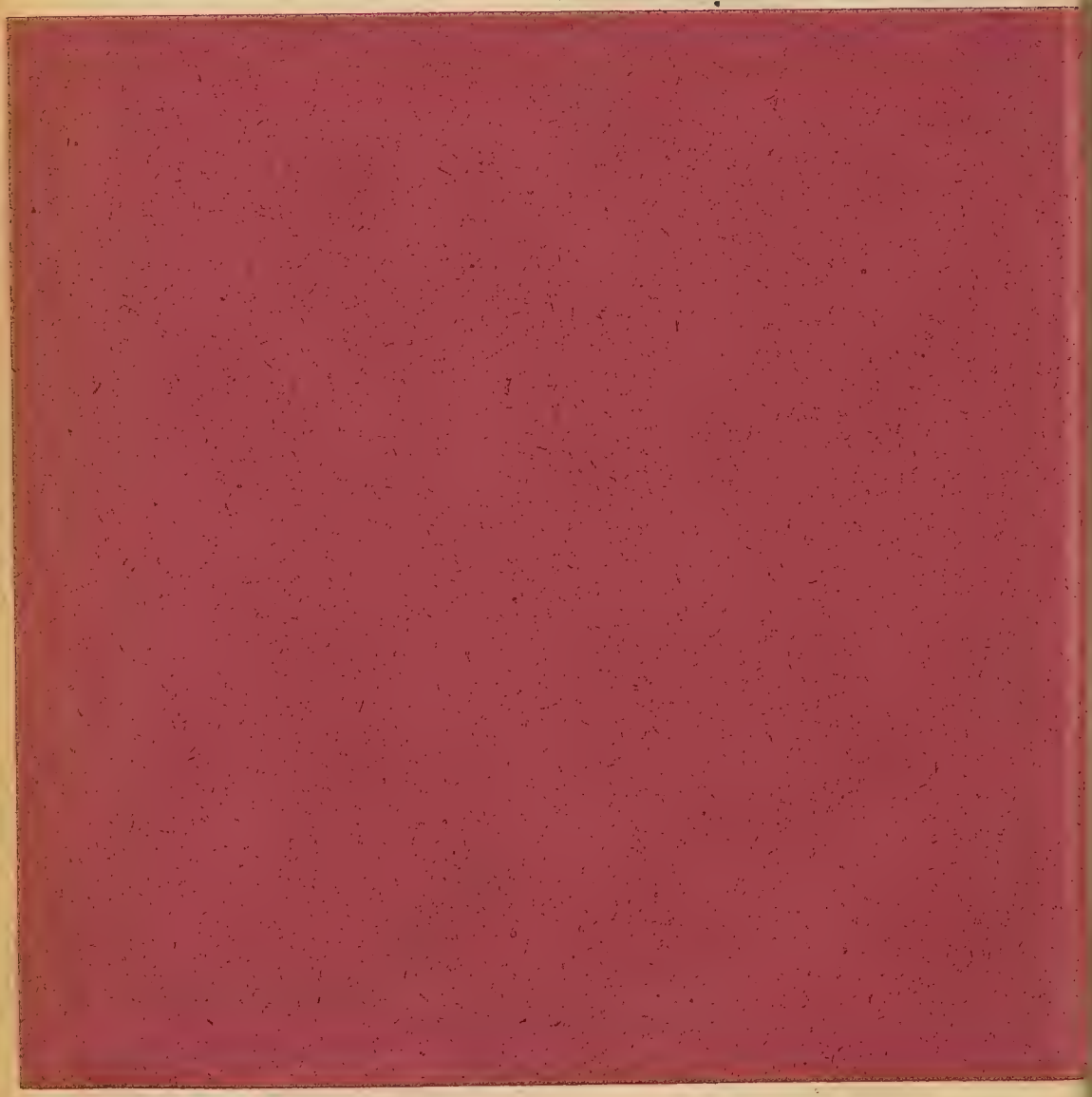
*) Memoires du prince Adam Czartoryski.

ОПЕЧАТКИ.

Страница.	Строка сверху.	Напечатано.	Слѣдуетъ читать.
7	32	въ Малороссіи	съ Малороссіей
8	23	внутри	внутрь
„	34	архитактуры	архитектуры
12	28	деталій	деталей
14	14	полуэлликписисомъ	полуэллипсисомъ
15	36	Сергія 7 Пол. Еп. Вѣд. за 1886 г.	Сергія. Пол. Еп. Вѣд. за 1887
17	6	оригальности	оригинальности
20	3	изрѣздка	изрѣдка
„	34	преобразы	прообразы
23	25	амвонъ	амвоны
26	24	!!!Интересны	Интересны
34	34	въ союзъ, невѣжествомъ	въ союзъ съ невѣжествомъ
43	4	еще достигшихъ	еще не достигшихъ
„	29	XXII—XXII	XXII—XXIII
57	26	свѣдующихъ	свѣдущихъ
60	15	„распятте“	„распятте“
„	32	собственнаго	собственно
63	25	опроверженія	опроверженіе
64	9	ходчества	зодчества

имѣемъ немного памятниковъ старины по сравненію съ краями, на долю которыхъ выпала мирная жизнь въ теченіи долгихъ годовъ.

Тѣмъ драгоцѣннѣе для насъ должно быть то немногое, что не-



Памятники церковной старины Полоцко-Витебскаго края и ихъ охраненіе.

Историческія обстоятельства нашего края не благопріятствовали ни выработкѣ самобытныхъ художественныхъ формъ въ архитектурѣ и въ обстановкѣ религіознаго, семейнаго и общественнаго быта, ни собиранію книжныхъ сокровищъ и широкому развитію письменности, ни, тѣмъ болѣе, сохраненію всѣхъ этихъ культурныхъ богатствъ. Безпрерывная ожесточенная борьба племенная и религіозная; вѣковой гнетъ религіозный, культурный, племенной, классовой, соціальный и экономическій, тяготѣвшій и тяготѣющій надъ бѣлоруссомъ; междоусобія князей Руси и Литвы, возстанія, почти безпрерывныя войны, въ которыхъ право на власть въ краѣ оспаривали другъ у друга Полоцкое княжество, Литва, Ливонскій орденъ, Москва и Польша, войны, завершеніемъ которыхъ было сто лѣтъ назадъ нашествіе Наполеона и съ нимъ дванадесяти языкъ—вотъ вкратцѣ исторія нашего края.—Понятно, какъ въ этой постоянной борьбѣ гибли зачатки своеобразной культуры и ея выраженія въ литературѣ и искусствѣ, когда то, что уцѣлѣвало отъ огня и разрушенія въ періодъ войнъ, частью разграблялось и увозилось изъ края побѣдителемъ, частью истреблялось и передѣлывалось имъ, какъ носившее въ его глазахъ явные слѣды вражеской культуры и религіи.—Не удивительно, поэтому, что мы имѣемъ немного памятниковъ старины по сравненію съ краями, на долю которыхъ выпала мирная жизнь въ теченіи долгихъ годовъ.

Тѣмъ драгоцѣннѣе для насъ должно быть то немногое, что пе-

режило стихійную и сознательную ломку и говоритъ намъ о минувшемъ нашего края. Тѣмъ больше побужденій къ собиранію, описанію и охраненію памятниковъ мѣстной старины, представляющей громадный интересъ и цѣнность, какъ матеріалъ и для историка, археолога, и для художника.

Нашъ Полоцко-Витебскій край не можетъ пожаловаться на недостатокъ въ отдѣльныхъ лицахъ, внесшихъ свою долю въ дѣло собиранія и описанія памятниковъ мѣстной старины. Достаточно упомянуть имена А. П. Сапунова, капитальные труды котораго по изученію Витебской старины извѣстны, конечно, каждому изъ присутствующихъ, Е. Р. Романова, помимо трудовъ въ области родного бѣлорусскаго слова и другихъ разнообразныхъ работъ немало потрудившагося въ дѣлѣ раскопокъ, и вмѣстѣ съ А. П. Сапуновымъ положившаго начало Витебскому церковно-археологическому музею, покойнаго Н. Я. Никифоровскаго, о трудахъ котораго не такъ давно Вы слышали докладъ, Д. И. Довгялло, немало потрудившагося на пользу упомянутаго музея и въ дѣлѣ изученія родной старины и, наконецъ, покойныхъ незабвенныхъ коллекціонеровъ К. К. Бергнера, частью богатыхъ коллекцій котораго обогатился нашъ Витебскій церковно-археологическій музей, а библіотекой Витебская мужская гимназія, и В. П. Федоровича, богатыя коллекціи котораго многимъ изъ Васъ извѣстны,—достаточно вспомнить эти имена, чтобы сказать, что нашъ край не бѣденъ любителями родной старины и частными усиліями собирать, охранять, описывать ее и развивать въ другихъ любовь къ родной старинѣ и ея охраненію.

Объединить эти силы и частныя попытки, привлечь къ этому дѣлу вниманіе и содѣйствіе духовныхъ и гражданскихъ властей—и поставила себѣ задачей Витебская Ученая Архивная Комиссія, съ любезнаго согласія которой выступилъ предъ Вами сегодняшній докладчикъ.

Освѣжить въ памяти почтенныхъ членовъ Архивной Комиссіи ту часть мѣстнаго археологическаго матеріала, которая относится къ церковной старинѣ, коснуться печальной исторіи нашихъ церковныхъ памятниковъ въ связи съ общими культурными условіями и особенными мѣстными обстоятельствами и, наконецъ, поставить на

обсужденіе Комиссіи тѣ мѣры, какія могутъ быть ей доступны въ дорогомъ для насъ дѣлѣ—такова цѣль нашего доклада, не претендующаго ни на полноту, ни, тѣмъ болѣе, на спеціальность.

Обращаясь къ обозрѣнію архитектурныхъ церковныхъ памятниковъ нашего края, мы должны сказать, что отъ древнѣйшихъ временъ въ предѣлахъ нашей епархіи уцѣлѣло всего лишь два храма. Первый изъ нихъ по древности это—Витебская Благовѣщенская церковь „на нижнемъ замкѣ," которая въ старомъ Витебскѣ имѣла тоже значеніе, что въ Полоцкѣ и Новгородѣ Софіи, во Псковѣ „домъ Святыя Троицы".—Витеблянинъ тѣхъ вѣковъ, уходя на чужбину и возвращаясь домой, „билъ челомъ святому Благовѣщенію".

По заключенію покойнаго археолога А. М. Павлинова,—интересующихся подробностями мы отсылаемъ къ его статьѣ, помѣщенной въ 1-мъ томѣ трудовъ девятаго Археологическаго Съѣзда въ Вильнѣ, Благовѣщенская церковь по ея кладкѣ и стилю относится къ XI-му а, быть можетъ, и къ X-му вѣку. Кладка ея византійскаго характера, тождественна съ кладкой Кіевской и Новгородской Софій и Черниговскаго собора (XI вѣка), и, „состоитъ изъ тонкаго кирпича толщиною въ $^5/_8$ вершка и длиною въ $^7/_8$ вершка. Кирпичъ по большей части продолговатый, но есть и квадратный; шовъ раствора по толщинѣ иногда равенъ кирпичу, но бываетъ и толще. За двумя рядами кирпича идетъ тесаный камень, толщиною равный четыремъ рядамъ кирпича со швами, затѣмъ опять кирпичъ и т. д.; иногда вмѣсто двухъ рядовъ кирпича встрѣчается три" [1]).

Въ верхнихъ частяхъ кладка частью позднѣйшая. Къ позднѣйшему же времени (XIV вѣку) относятся и своды. Глава храма деревянная, устроена сравнительно недавно; снизу закрыта. Несомнѣнно, въ старину храмъ имѣлъ каменную главу, расположенную надъ иконостасомъ. Передняя часть храма по изслѣдованію Павлинова оказалась позднѣйшей пристройкой. Храмъ въ древней его части представляетъ собою продолговатый прямоугольникъ, подраздѣленный шестью четыреугольными столбами. Между западными столбами, опираясь на нихъ, и западной стѣной каменные хоры, отъ которыхъ

[1]) А. К. Павлиновъ, l. c. стр. 4.

уцѣлѣли боковыя части. Алтарь троечастный. „Средняя его часть изнутри и снаружи въ видѣ полукруга, а боковыя скрыты въ толщѣ стѣны въ видѣ полукруглыхъ нишъ, а снаружи полукруговъ не имѣютъ и образуютъ прямые углы съ лопатками“ [1]). Наружная штукатурка позднѣйшая; въ древности храмъ несомнѣнно, по византійскому образцу, былъ неоштукатуренъ и представлялся снаружи „разукрашеннымъ по полю изъ тесанаго камня полосами краснаго кирпича“ [2]). Первоначальное покрытіе храма, вѣроятно, было поарочное. Восьмискатное покрытіе, какъ это изображено, или, лучше сказать, повидимому имѣлось въ виду изобразить на планѣ г. Витебска 1664 года представляется маловѣроятнымъ, такъ какъ при такомъ покрытіи фасады со всѣхъ сторонъ имѣютъ трехчастное дѣленіе, между тѣмъ какъ въ нашемъ храмѣ южный и сѣверный фасады четырехчастные. Притомъ же этотъ типъ покрытія наблюдается у насъ только съ конца XIII вѣка [3]).

Второй памятникъ глубокой старины—это церковь Спаса Преображенія въ Полоцкомъ Спасо-Евфросиніевскомъ монастырѣ, построенная въ XII вѣкѣ основательницей монастыря, преподобною Евфросиніею, какъ объ этомъ говоритъ ея древнее житіе. Церковь эта также была обслѣдована акад. А. М. Павлиновымъ и оказалась имѣющею однородную кладку изъ тонкаго кирпича, „похожаго на кирпичъ Св. Софіи (въ Полоцкѣ—часть стѣны, вошедшей въ новый храмъ XVII в.), Борисоглѣбской (въ Полоцкѣ—развалины), Благовѣщенской въ Витебскѣ и другихъ церквей того времени [4])“ безъ примѣси матеріала другого рода—булыжника или тесанаго камня. Такимъ образомъ, „церковь эта въ своемъ первоначальномъ видѣ была одноцвѣтная и тѣмъ самымъ сильно отличалась отъ другихъ древнихъ церквей, имѣвшихъ кладку разнородную и потому полосатый фасадъ [5])“. „Однородность кладки, замѣчаетъ А. М. Павлиновъ, въ церквахъ XII вѣка—явленіе весьма рѣдкое“. [6]) Близь основанія и особенно въ

[1]) Ibid. стр. 4.

[2]) Ibid. стр. 5.

[3]) В. В. Сусловъ. Матеріалы къ исторіи древней Новгородско-Псковской архитектуры, стр. 10.

[4]) А. М. Павлиновъ. l. c. стр. 15.

[5]) Ibid. стр. 16.

[6]) Ibid. стр. 16.

верхнихъ частяхъ слѣды позднѣйшихъ исправленій болѣе крупнымъ кирпичомъ.

„Планъ Спасской церкви въ Евфросиніевскомъ монастырѣ", пишетъ А. М. Павлиновъ, „весьма много имѣетъ общаго съ планомъ Благовѣщенской церкви въ Витебскѣ. Онъ тоже продолговатый; восточный фасадъ имѣетъ одинъ полукруглый выступъ средняго алтарнаго полукружія, боковыя же заключены въ прямыя стѣнки и такимъ образомъ замаскированы фасадомъ главной массы церкви... Внутри онъ имѣетъ тоже три столба съ каждой стороны„ [1]); прибавимъ отъ себя, что, въ отличіе отъ Благовѣщенской церкви, столбы здѣсь расположены не на равномъ разстояніи другъ отъ друга и восточной и западной стѣнъ и т. о. церковь по длинѣ разбита столбами не на равныя части, а части западная и особенно средняя подъ куполомъ шире. Столбы, исключая двухъ восточныхъ. въ нижней своей части имѣютъ осмигранную форму, сближающую ихъ съ круглыми столбами въ церквахъ Новгородско-Псковской области (встрѣчаются начиная съ XIII вѣка [2]). На западные столбы опираются хоры съ двумя кельями по сторонамъ (правая изъ нихъ—келья преп. Евфросиніи). Первоначальное покрытіе храма было поарочное (посводное).

Вотъ въ краткихъ чертахъ то, что отмѣчено обслѣдованіемъ А. М. Павлинова. Въ концѣ концовъ оба эти храма должны быть признаны построенными по типу византійскихъ церквей X—XII вѣковъ, а своею упомянутою особенностью въ устройствѣ боковыхъ дѣленій алтаря сближаются съ церквами Новгородско-Псковскаго края, но только тамъ эта особенность появляется позднѣе, съ XIII вѣка [3]). Итакъ, существенное объ этихъ храмахъ мы теперь знаемъ благодаря обслѣдованіямъ А. М. Павлинова.

Остались однако необслѣдованными кое-какіе вопросы, а именно о первоначальной формѣ, величинѣ и распредѣленіи оконъ (вѣдь теперешнія окна позднѣйшія),—о древней стѣнописи, которая можетъ статься уцѣлѣла подъ верхними слоями краски и штукатурки (по крайней мѣрѣ относительно стѣнописи Спасской церкви мы имѣемъ

[1]) А. М. Павлиновъ. l. c. стр. 11.
[2]) В. В. Сусловъ. l. c. стр. 11.
[3]) В. В. Сусловъ, l. c. стр. 12—18.

свѣдѣнія отъ 1832 года, когда храмъ былъ переданъ „въ вѣдомство греко-россійскаго духовенства"), о уровнѣ первоначальнаго пола (поясню это примѣромъ: въ Новгородской Софіи при реставраціи было обнаружено, что уровень первоначальнаго пола на сажень ниже нынѣшняго, приблизительно, какъ это установлено недавно, такова же разница между древнимъ и современнымъ поломъ въ Московскомъ Успенскомъ соборѣ).

Говорить о важности обслѣдованія такихъ вопросовъ много не приходится. Если бы удалось открыть стѣнопись въ названныхъ храмахъ, то какое громадное археологическое и художественное значеніе имѣла бы эта находка! Относительно важности установленія уровня первоначальнаго пола, я позволю себѣ напомнить Вамъ, что при этомъ могутъ быть получены такія цѣнныя находки, какъ, напримѣръ, древнія погребенія, гробницы, можетъ быть, съ надписями. Особенно это интересно относительно Полоцкаго Спасскаго храма. Вѣдь, какъ извѣстно, до поселенія преп. Евфросиніи въ сельцѣ Св. Спаса, это послѣднее служило мѣстомъ погребенія Полоцкихъ епископовъ. Очевидно, могилы ихъ находились при прежней церкви, а можетъ быть, и даже вѣроятнѣе, въ самой церкви. Весьма возможно, что преп. Евфросинія строила храмъ не только на старомъ мѣстѣ, но и *на старомъ основаніи* (какъ это извѣстно относительно нѣкоторыхъ храмовъ Новгородско-Псковскаго края) [1]). Скрытыя теперь подъ землей части храма могутъ оказаться болѣе древними и содержащими могилы первыхъ полоцкихъ епископовъ!

Завершеніе обслѣдованія Витебскаго и Полоцкаго храмовъ, разумѣется, должно составить первый шагъ въ заботахъ любителей старины. Второй шагъ это реставрація храмовъ.

Если въ отношеніи Витебской Благовѣщенской церкви, за отсутствіемъ мѣстныхъ средствъ, приходится ожидать помощи Императорскаго Археологическаго Общества и другихъ аналогичныхъ учрежденій, а также пособій отъ казны, то осуществленіе нашихъ пожеланій въ отношеніи Полоцкаго храма составляетъ священную обязанность обители, съ перенесеніемъ мощей преподобной Евфросиніи получившей обильный потокъ пожертвованій и денежныхъ поступленій.

[1]) См. приведенную выше статью В. В. Суслова.

Хорошо бы сдѣлала обитель, если бы вмѣсто дорогихъ и, какъ это часто бываетъ въ нашемъ церковномъ благолѣпіи, безвкусныхъ украшеній задалась бы цѣлью при помощи спеціалистовъ обслѣдовать и реставрировать свою святыню, приблизить въ возможной мѣрѣ ея наружный и внутренній видъ къ тому, какой она имѣла при жизни преподобной!

..... Послѣ этихъ двухъ храмовъ, близкихъ къ началу христіанства въ краѣ, наши данныя относительно церковной архитектуры края обрываются, и мы должны перейти прямо къ 17 вѣку.

Причины такого перерыва коренятся, во первыхъ, въ тѣхъ разгромахъ, которымъ подвергался край и среди которыхъ лишь какимъ то чудомъ уцѣлѣли упомянутые два памятника, а, во вторыхъ, въ томъ, что архитектура нашего края вообще была по преимуществу деревянная. Вспомните, напр., что стѣны и башни стараго Витебска въ значительной своей части были деревянныя.

Если упомянутые древнѣйшіе памятники церковной архитектуры нашего края имѣютъ явный характеръ византійскаго зодчества и, кромѣ того, нѣкоторые общіе признаки съ памятниками Новгородско—Псковскаго края, то немногіе уцѣлѣвшіе или лучше сказать еще недавно сушествовавшіе памятники деревянной архитектуры XVII столѣтія и по своимъ основнымъ формамъ, и по деталямъ сближаютъ нашъ край съ Малороссіей и даже Галиціей съ одной стороны, и Донской областью—съ другой. Причина такой общности въ архитектурѣ ясна: общность политической, культурной и особенно религіозной жизни. Одна и таже митрополія Кіевская. И тутъ, и тамъ, хотя и въ разной степени, и съ разнымъ успѣхомъ стремленіе водворить унію и Латинство, и, какъ противовѣсъ этимъ стремленіямъ, православныя братства въ Кіевѣ, Львовѣ, Могилевѣ, Вильнѣ, Полоцкѣ и другихъ городахъ, братства, находившіеся въ тѣсномъ общеніи другъ съ другомъ подъ покровительствомъ Константинопольскаго патріарха.

Итакъ, въ XVII столѣтіи мы видимъ общій въ Малороссіи типъ шатровыхъ храмовъ, о пяти верхахъ. Планъ ихъ крестообразный. Западная оконечность креста прямоугольная, остальныя имѣютъ скошенные углы. Такимъ образомъ, воспользуемся сло-

вами академика Суслова о близкихъ по типу пятибашенныхъ церквахъ Донской области, „пятиглавыя церкви большей частью состояли по плану изъ двухъ продолговатыхъ срубовъ, пересѣкающихся въ перпендикулярномъ направленіи, причемъ каждый изъ срубовъ дѣлался длиною около трехъ квадратовъ..... выступающіе части срубовъ ограничивались съ основанія полувосьмиугольными стѣнами“[1])....
Надъ центральной частью креста и его оконечностями возвышаются высокіе шатры, изъ нихъ соотвѣтственно плану церкви западный, а иногда и центральный четырескатные, восточный, южный и сѣверный осмискатные, а иногда и семискатные. Шатры завершаются восьмигранными главками. Восьмерикъ центральной главы обыкновенно изнутри открытъ. Боковыя оконечности креста иногда представляются укороченными по сравненію съ восточной и западной. Въ такихъ случаяхъ, когда вообще оконечности креста укорочены, по необходимости измѣняется частью положеніе, частью и форма шатровъ. А именно боковые шатры налегаютъ на центральный (какъ это можно видѣть на разрѣзахъ и планахъ древней Ильинской Витебской церкви и проэктѣ ея воспроизведенія), а чтобы это налеганіе не было чрезмѣрнымъ чтобы боковые шатры съ пентральнымъ не представляли какъ бы сросшуюся массу, то скаты боковыхъ шатровъ, обращенные внутрь, къ центральному шатру, дѣлались круче, чѣмъ наружные скаты. Иногда часть бокового шатра обращенная внутри имѣла не три ската, а только два, и тогда шатеръ представлялся семи—а не осмиугольнымъ (такъ было, напр. въ Витебской Ильинской церкви). Въ юго и сѣверо-восточныхъ углахъ находятся низенькіе пристройки—ризница и пономарня, послѣдняя съ дверью наружу. Иногда вокругъ всего храма, иногда вокругъ его западной оконечности идетъ открытая галлерея на фигурныхъ столбахъ. Иногда вмѣсто открытой галлереи западную часть окружаетъ глухая паперть.

Къ описанному типу принадлежали въ Витебскѣ Іоанно-Богословская и Ильинская церкви, въ пограничныхъ уѣздахъ сосѣднихъ епархій, въ прежнее время составлявшихъ одно церковное

[1]) В. В. Сусловъ. Памятники древней деревянной архитектуры въ Южной Россіи въ книгѣ: Очерки по исторіи древне-русскаго зодчества, стр. 29.

Къ стр. 8. Витебская Ильинская церковь (XVII в.), сгорѣвшая 13 апрѣля 1904 г.

Къ стр. 12. Рис. 1. Колокольни: а—Сѣвера Россіи, б—Западнаго Края.

цѣлое съ теперешней Полоцкой епархіей, церкви Оршанскихъ Кутеинскихъ монастырей-мужскаго и женскаго, Якобштадтская Св. Духовская церковь. Всѣ эти храмы въ сравнительно недавнее время, (Богословская въ 60-хъ годахъ, Кутеинскія и Якобштадтская въ 80-хъ годахъ прошлаго столѣтія, и Ильинская въ 1904 году) сдѣлались жертвой огня.

Единственный, извѣстный, по крайней мѣрѣ, мнѣ, уцѣлѣвшій представитель этого типа въ нашемъ краѣ—это Троицкая церковь Маркова монастыря (освящена въ 1691 году) представляющая, такимъ образомъ, архитектурную драгоцѣнность края.

Замѣчу, между прочимъ, что въ Малороссіи къ описанному типу принадлежитъ знаменитый Переяславскій соборъ, въ которомъ Богданъ Хмѣльницкій принесъ присягу на вѣрность Московскому Государю.

Другой типъ, также характерный по мнѣнію академика А. М. Павлинова[1]) для XVII столѣтія, это церковь въ видѣ прямоконечнаго креста съ осмигранникомъ въ центрѣ его. Надъ центральной осмигранной частью высится меньшаго размѣра осмигранникъ, покрытый или шатромъ, или куполообразно. Вершина увѣнчана маленькой восьмигранной главкой. Прямоугольныя оконечности креста покрыты двускатными кровлями съ фронтонами. Также какъ и въ предыдущемъ типѣ по сторонамъ алтаря низенькія пристройки также съ выходомъ наружу. Со стороны входа иногда обширная низкая паперть, окружающая переднюю оконечность креста. Къ этому типу принадлежатъ: Витебская Троицкая церковь на Песковатикѣ XVIII столѣтія, описанная акад. А. М. Павлиновымъ, въ настоящее время составляющая предметъ заботъ Витебской Ученой Архивной Комиссіи, и церкви селъ Фалковичи и Слобода, Витебскаго уѣзда. Другіе представители этого типа въ Полоцкой епархіи мнѣ неизвѣстны.

Церкви обоихъ описанныхъ крестовыхъ типовъ всѣ деревянныя.

Послѣдующіе типы относящіеся, гл. о., къ XVIII и началу XIX столѣтія, имѣютъ какъ деревянныхъ (преимущественно), такъ и каменныхъ представителей.

[1]) l. c. стр. 20.

Таковъ во 1-хъ типъ (латинскаго) прямоугольнаго креста съ куполомъ или шатромъ на пересѣченіи его продольной и поперечной частей. Длинникъ храма обыкновенно больше поперечника. Кромѣ того поперечная часть креста зачастую не только короче, но и уже продольной и, т. о., центральная часть (подъ куполомъ) представляется не въ видѣ квадрата, а въ видѣ продолговатаго прямоугольника (приноровляясь къ такой особенности и барабанъ купола, если онъ осмиугольный, имѣетъ иногда суженныя боковыя стороны.) По сторонамъ алтаря аналогичныя предыдущимъ типамъ пристройки. У каменныхъ церквей этого типа иногда и по сторонамъ передней оконечности креста пристройки, соединяющіяся съ крестовой частью храма арками.

Этотъ типъ церквей былъ очень распространенный и еще недавно имѣлось много его представителей. Такъ, варварски уничтоженная лѣтъ 13—15 назадъ древлеправославная Николаевская церковь въ м. Бѣшенковичахъ принадлежала именно къ этому типу. Изъ каменныхъ храмовъ этого типа назову въ Витебскѣ Спасскую и Рождественскую церкви (послѣдняя въ недавнее время, лѣтъ 18 назадъ, измѣнила свой видъ послѣ пристройки колокольни, по своему стилю совершенно дисгармонирующей съ храмомъ), церковь с. Добеи, Полоцкаго уѣзда, (послѣдняя надъ фронтонами оконечностей креста имѣетъ еще маленькія главки, по одной съ каждой стороны).

Всѣ перечисленные типы вообще говоря, какъ правило, не имѣютъ колокольни. Если при нѣкоторыхъ изъ нихъ мы имѣемъ колокольни надъ входной частью, то это, обыкновенно, позднѣйшія пристройки.

Другой еще болѣе распространенный типъ, къ которому принадлежатъ почти всѣ малыя приписныя и кладбищенскія церкви, и не мало приходскихъ, типъ въ основномъ своемъ планѣ очень простой: продолговатое зданіе съ закругленной алтарной частью. Послѣдняя представляетъ придатокъ къ прямоугольнику храма, болѣе узкій, но одинаковой вышины съ храмомъ, въ видѣ полукружія у каменныхъ храмовъ, въ видѣ отрѣзка осмигранника у деревянныхъ. У малыхъ деревянныхъ храмовъ вмѣсто алтарной при-

стройки, просто скошены углы задней части храма. По сторонамъ алтаря иногда одна, иногда двѣ пристройки. Такіе храмы обыкновенно покрыты высокой кровлей съ фронтономъ надъ входомъ. Фронтонъ нерѣдко увѣнчанъ главкой. У каменныхъ храмовъ фронтонъ имѣетъ довольно сложныя очертанія и украшенія, чисто западнаго характера. Фронтонъ обыкновенно снабженъ пролетомъ въ чердачное помѣщеніе, закрытымъ дверью, иногда съ изображеніемъ храмового праздника или святого. Зачастую въ этомъ пролетѣ помѣщаются колокола. Иногда по угламъ передней части возвышаются двѣ башни или глухія или съ пролетами. Какъ рѣдкость можно указать храмы съ одной башней-колокольней надъ входомъ во храмъ. Такова, наприм., древле-православная Михайловская церковь въ м. Бѣшенковичахъ. Крыша алтарной части сливается съ заднимъ скатомъ крыши храма. Иногда съ угловъ прямоугольной части храма крыша перекидывается на скошенныя (или закругленныя) части алтарной пристройки, нависая, такимъ образомъ надъ боковыми пристройками въ видѣ навѣса (подшитаго потолкомъ). На гребнѣ кровли иногда возвышается главка.

Къ названному типу принадлежатъ всѣ кладбищенскія церкви г. Витебска. Къ этому же типу должна быть отнесена и Рынково-Воскресенская церковь, лучшее украшеніе нашего города.

Упомяну еще объ очень рѣдкомъ типѣ церквей въ формѣ восьмигранника, покрытаго шатромъ съ главой. Единственную, насколько знаю, такого типа церковь можно еще было видѣть лѣтъ 18—20 тому назадъ въ с. Свѣча, Леп. уѣзда. За возведеніемъ новой церкви эта архитектурная на мой взглядъ рѣдкость была въ свое время разобрана.

Перечисленные три типа сближаютъ церковную архитектуру нашего края съ католическимъ западомъ.

Для монументальныхъ построекъ, каковы соборы, монастырскіе храмы и городскія богатыя приходскія церкви уже съ 17 столѣтія водворяется по всему Западному краю чисто западный типъ: базилика по формѣ, по деталямъ—ренессансъ въ его разныхъ видоизмѣненіяхъ, почти какъ правило съ двумя башнями по переднему фасаду. Это относится не только къ уніатскимъ храмамъ, но и къ пра-

вославнымъ. Такъ—позволю себѣ выйти изъ предѣловъ Витебской губерніи—къ этому типу принадлежатъ историческіе соборные храмы братскихъ монастырей—Виленскаго Свято-Духова и Могилевскаго Богоявленскаго. Оба конца XVII столѣтія.

По большей части эти базилики состоятъ изъ трехъ продольныхъ нефовъ и одного поперечнаго (трансептъ) съ куполомъ на пересѣченіи средняго продольнаго и поперечнаго нефовъ.

Въ позднѣйшихъ уніатскихъ храмахъ куполъ зачастую исчезаетъ. Какъ на примѣръ, я укажу на Петропавловскую церковь г. Витебска.

По типу такой базилики (съ куполомъ) построена большая часть Витебскихъ церквей, начиная съ Успенскаго собора.

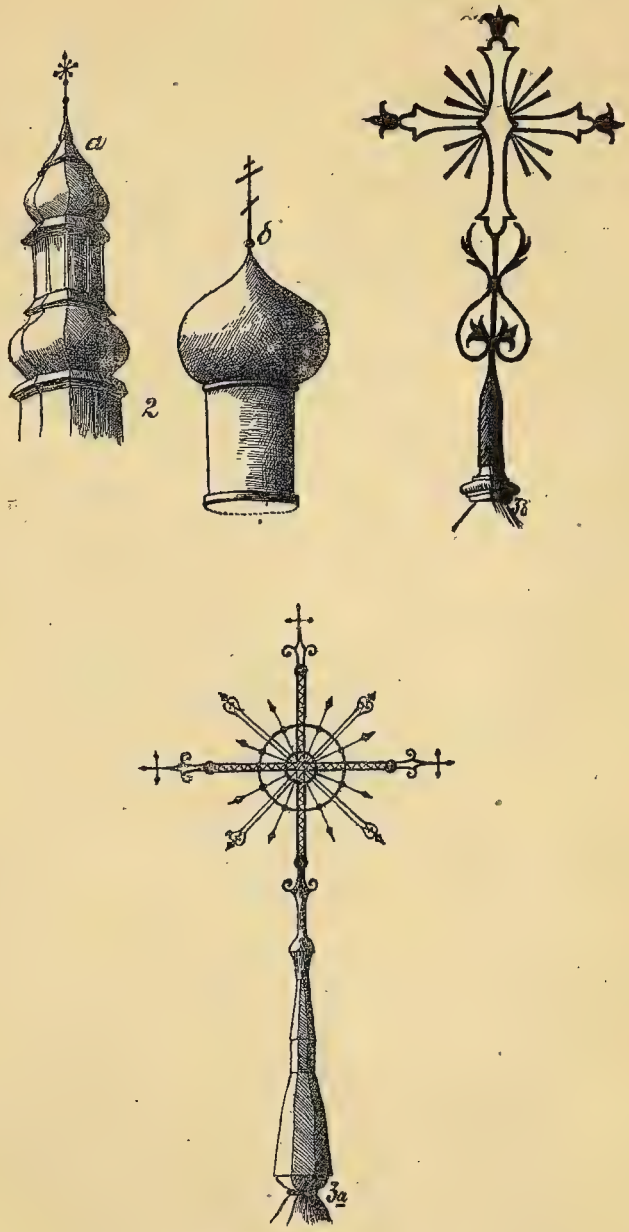
Водворяется, но менѣе распространенъ, и типъ базилики состоящей только изъ продольныхъ нефовъ. Базилики этого типа купола, разумѣется, не имѣютъ. Таковъ Полоцкій Софійскій Соборъ.

Теперь два слова о колокольняхъ, отдѣльныхъ отъ храма. Онѣ представляются въ видѣ четыреугольной, б. ч., квадратной башни, обыкновенно невысокой, двухэтажной, съ неширокими пролетами для колоколовъ, какъ въ каменныхъ, такъ и въ деревянныхъ одинаково (это замѣчу, отличаетъ деревянные колокольни Западнаго края, какъ и Юго-Западнаго отъ колоколенъ Сѣвера Россіи (см. рис. 1[1]). Кровля шатровъ, б. ч. невысокая, съ главкой наверху, а чаще безъ нея, съ однимъ крестомъ. Рѣдко покрытіе колокольни принимаетъ болѣе сложныя формы. Колокольня находится, б. ч., въ сторонѣ отъ церкви, рѣдко надъ воротами. Какъ на образчикъ укажу на колокольню Витебской Спасской церкви.

Послѣ этого краткаго обзора основныхъ формъ западно-русской церковной архитектуры остается коснуться нѣкоторыхъ наружныхъ деталій и описать внутреннее устройство бѣлорусскаго храма.

Церкви позднѣйшія въ деталяхъ своего убранства представляли всѣ особенности Ренессанса въ его различныхъ модификаціяхъ. Въ древнѣйшихъ по преимуществу деревянныхъ, церквахъ XVII столѣтія и частію XVIII мы встрѣчаемъ кое-какія черты сближающія съ памятниками архитектуры Сѣверной и Восточной Россіи, но при ближайшемъ и детальномъ разсмотрѣніи и тутъ выступаютъ свои особенности.

[1]) См. Сусловъ. l. c. стр. 38.



Къ стр 13. Рис. 2. Главы деревянныхъ церквей: а—Западнаго Края, б—Сѣвера Россіи. Рис. 3. а и б—кресты церквей Западнаго Края.

Если, напримѣръ, мы сравнимъ главы Западно-русскихъ деревянныхъ церквей съ главами деревянныхъ церквей русскаго Сѣвера, то видимъ слѣдующія отличія. На сѣверѣ Россіи—шейка главы цилиндрическая, глава въ видѣ луковицы, круглой въ горизонтальномъ разрѣзѣ. Въ Западной Россіи –шейка осмигранная, такова же и луковица. Послѣдняя представляется значительно сложнѣе и какъ бы составленной изъ отдѣльныхъ частей (см. рис. 2).

Кресты на типичныхъ западно-русскихъ церквахъ прорѣзные, изъ тонкихъ пластинокъ желѣза, склепанныхъ большими гвоздями, четвероконечные, съ сіяніемъ. Крестъ связанъ съ главкой или вершиной кровли не шаромъ, какъ это обычно въ церквахъ русскаго стиля, а болѣе или менѣе длиннымъ и сложнымъ желѣзнымъ стержнемъ. Шаръ у подножія креста не составляетъ необходимой принадлежности (см. рис. 3 a и b) Въ позднѣйшее время подъ вліяніемъ католицизма иногда взамѣнъ крестовъ надъ фронтонами и башнями появляются монограммы Спасителя въ кругѣ, окруженномъ сіяніемъ.

Для покрытія кровель, обыкновенно, употреблялся гонтъ. И это относится не только къ деревяннымъ, но и къ большинству каменныхъ храмовъ. Желѣзныя крыши появились, большей частью, въ позднѣйшее время. Изрѣдка примѣнялась для покрытія каменныхъ зданій и черепица.

Купола покрывались частью гонтомъ, но нерѣдко и желѣзомъ. Главы и верхи башенъ, а также извилистые края фронтоновъ покрывались желѣзомъ.

Стѣны каменныхъ церквей, какъ правило, покрывались штукатуркой, капители колоннъ и орнаменты обыкновенно были штукатурные.

Деревянныя церкви почти никогда не оставлялись необшитыми, и мы не видимъ въ Бѣлоруссіи тѣхъ бревенчатыхъ церквей, какъ на Сѣверѣ Россіи. Стѣны покрыты „шелевкой“ вертикально стоящими досками съ арочками въ поперечно лежащей вверху подъ карнизомъ доскѣ, какъ это наблюдается и въ Малороссіи, Галиціи, Донской области (см. рис. 4)*) Обшивкѣ угловъ, обыкновенно, придавался

*) В. В. Сусловъ, Очерки по исторіи древне-русскаго зодчества, стр. 26—7, 33, 36.

видъ пилястровъ. Шелевка, какъ и крыши, обыкновенно оставлялась неокрашенной, и старыя церкви выступали чернымъ силуэтомъ среди окружающей ихъ зелени.

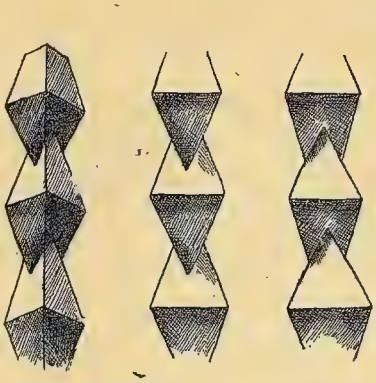
Маленькія бѣднѣйшія церкви (кладбищенскія, каплицы) иногда оставлялись необшитыми. Въ такомъ случаѣ стѣны складывались изъ обтесанныхъ со всѣхъ сторонъ брусьевъ.

Большія окна, освѣщавшія храмъ и алтарь, располагались высоко, подъ потолками или сводами зданія; обыкновенно имѣли значительные размѣры въ высоту и ширину. Верхняя часть окна, въ большинствѣ случаевъ, представлялась въ видѣ отрѣзка кривой линіи, пересѣкающагося съ боковыми линіями окна. Это относится одинаково какъ къ деревяннымъ, такъ и къ каменнымъ церквамъ (см. рис. 5,a). Свойственныя русской каменной архитектурѣ закругленные полукругомъ или полуэлклипсисомъ верхи оконъ, встрѣчаются очень рѣдко и то, б. ч., только въ купольныхъ окнахъ.

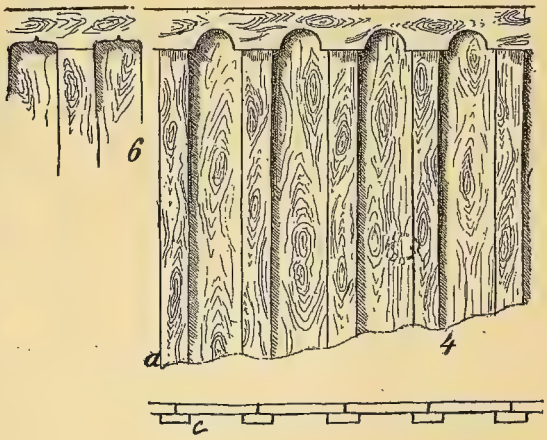
Малыя окна (ризница, паперть) въ каменныхъ храмахъ въ видѣ широкаго прямоугольника, въ деревянныхъ, кромѣ того, круглыя (въ такихъ иногда взамѣнъ обычной рѣшетки вертикально поставленный стержень), съ наличникомъ въ видѣ квадрата, діагонали котораго расположены горизонтально и вертикально; иногда само окно имѣло видъ такъ поставленнаго квадрата, (см. рис. 5 b и c.), наконецъ, въ видѣ узкой горизонтальной щели (d; таковы окна изъ паперти или галлереи въ храмъ).

Въ древнѣйшихъ церквахъ стекла были вставлены въ свинцовый переплетъ (см. рис. 5, d, e и f.) Двери въ каменныхъ церквахъ, б. ч., были окованныя желѣзомъ, иногда съ рельефными орнаментами, въ деревянныхъ б. ч.—обшиты довольно узенькими досками расположенными квадратами, діагонали которыхъ относятся между собою горизонтально и вертикально. Такія двери украшаются желѣзными гвоздями, сдѣланными иногда въ видѣ розетокъ.

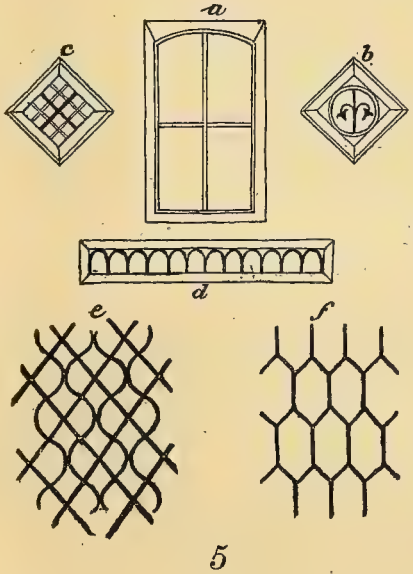
Какъ на рѣдкость можно указать на входныя двери Троицкой церкви Маркова монастыря, богато украшенныя рѣзьбой съ рельефными изображеніями Св. Троицы (вверху), ангеловъ, и (на



6



Къ стр. 13. Рис. 4. Шелевка деревянныхъ зданій Западнаго Края. При a и b показанъ различный видъ обработки арочекъ верхней горизонтально лежащей доски, при a—общеупотребительный, при —b рѣдкій (Витебская Троицкая „черная" церковь. c—горизонтальный разрѣзъ.



5

Къ стр. 14. Рис. 5. Различныя формы оконъ—a, b, c и d и оконныхъ переплетовъ—d, e и f. При b изображенъ замѣняющій въ малыхъ окнахъ рѣшетку вертикальный стержень съ изогнутыми боковыми придатками.

Къ стр 15. Рис. 6. Столбики наружной галлереи Троицкой церкви Витебскаго Маркова монастыря.

створахъ) символовъ евангелистовъ. Южная малая дверь также съ рѣзьбой, украшенная серафимами [1]).

Крыши крылецъ и открытыхъ галлерей поддерживаются точеными столбиками, иногда довольно причудливой, сложной формы (см. рис. 6—столбики галлереи Троицкой церкви Витебскаго Маркова монастыря.

Теперь предстоитъ описать внутренность Бѣлорусскаго храма.

Тотъ типъ уніатскихъ храмовъ, на которыхъ въ полной мѣрѣ отразилось вліяніе католицизма, до полной утраты чертъ восточнаго обряда, въ нашемъ докладѣ не подлежитъ описанію.

Достаточно представить себѣ обыкновенную внутренность костела съ тѣмъ лишь отличіемъ, что кое-гдѣ встрѣчаются славянскія надписи (на иконахъ и стѣнной росписи) и уцѣлѣвшія отъ древнѣйшихъ временъ (преим. XVII столѣтія)иконы типичнаго западно-русскаго письма. Такой храмъ, знаменовавшій уже полное обезличеніе уніи, еще недавно (а, м. б., и теперь) можно было видѣть въ полуразрушенномъ состояніи близъ Витебска, въ лѣсу между Двиной и Островенскимъ трактомъ (недоѣзжая им. Куковячино).

Въ нашемъ докладѣ мы имѣемъ въ виду какъ немногіе древлеправославные, такъ и сохранившіе черты православія уніатскіе храмы въ ихъ общихъ особенностяхъ по сравненію съ храмами Великой Руси.

Въ отношеніи уніатскихъ храмовъ намъ придется только отмѣтить нѣкоторыя особенности, возникшія непосредственно подъ вліяніемъ католицизма и вызывавшіяся требованіями католическаго обряда.

Полы какъ въ каменныхъ, такъ и въ большинствѣ деревянныхъ церквей обыкновенно были кирпичные, нерѣдко изъ шестигранныхъ плитокъ.

Полъ алтаря, также кирпичный, былъ на одномъ уровнѣ съ поломъ церкви. Подъ иконостасомъ, выступая на ½ аршина наружу и настолько же внутрь алтаря идетъ низенькая, деревянная ступенька съ откосомъ въ обѣ стороны, въ сѣверныхъ и южныхъ дверяхъ представляющая собою порогъ. Полъ между престоломъ и царскими дверями (въ православныхъ церквахъ и въ уніатскихъ, сохранив-

[1]) Подробности см, А, М. Павлиновъ, Древніе храмы Витебска и Полоцка (Труды 6-го арх. съѣзда, стр. 23) а также статью іеромон. Сергія 7 Пол. Еп. Вѣд. за 1886 г.

шихъ престолъ на его обычномъ въ православной церкви мѣстѣ) поднятъ на одну ступень. Также и внѣ алтаря предъ царскими дверями—въ видѣ продолговатой площадки.

Клиросы, при отсутствіи предъалтарной солеи устраивались отдѣльно, иногда значительно выступая на средину храма, такъ что между клиросами и алтаремъ стояли молящіеся.

Описанныя особенности въ устройствѣ половъ и клиросовъ свойственны не только Западной Руси, но и Малороссіи.

Клиросы бѣлорусскихъ церквей, большей частью были передвижные, огороженные глухой стѣнкой спереди и сзади, съ полкой для книгъ на передней стѣнкѣ. Образецъ такого клироса можно видѣть въ Витебской Троицкой, что на Песковатикѣ, церкви.

Надъ входомъ въ церковь, иногда надъ притворомъ, устраивались хоры. Въ древнѣйшихъ церквахъ (XVII стол.) хоры нерѣдко окружали значительную часть храма въ видѣ висячей галлереи въ деревянныхъ церквахъ (Троицкая ц. Маркова Монастыря, ц. Кутеинскаго Оршанскаго, Якобштадтская Свято-Духовская [сгорѣвшія]). Въ большихъ каменныхъ храмахъ съ колоннами хоры иногда занимали пространство между колоннами и боковыми и западной стѣнами (соборъ Могилевскаго Братскаго монастыря).

Стѣны и своды каменныхъ храмовъ были расписаны клеевою краскою по штукатуркѣ священными изображеніями и орнаментами (Барокко, Рококо). Излюбленными сюжетами были евангельскія событія и притчи, отчасти событія, описанныя въ кн. Дѣяній апостольскихъ и ветхозавѣтныя. Отмѣтить какую-либо опредѣленную традицію въ распредѣленіи сюжетовъ затруднительно. Живопись итальянская иногда очень слабая по техникѣ, но не лишенная оригинальности въ изображеніи лицъ и сценъ. Такъ, напр,, въ Витебской Заручевско-Воскресенской церкви „врагъ всѣявшій плевелы“ изображенъ съ коровьей головой, причемъ живописецъ сумѣлъ придать этому лицу злорадно самодовольную усмѣшку.—Типы и костюмы отражаютъ особенности эпохи и края.

Значительно рѣже и деревянные храмы были расписаны, по холсту, которымъ были проклеены стѣны и потолки—обыкновенно клеевой краской, въ рѣдкихъ случаяхъ масляной. Послѣдняго рода стѣн-

ная роспись Троицкой церкви Маркова монастыря, относящаяся кажется, къ началу XVIII столѣтія. Нужно сказать, что роспись эта имѣетъ исключительную цѣнность, какъ по количеству и разнообразію сюжетовъ (Ветхій Завѣтъ, евангеліе, Дѣянія апостоловъ, апокалипсисъ, страданія мучениковъ, сцены изъ жизни Кіево-Печерскихъ святыхъ), такъ и по оригальности ихъ трактовки. Нужно отмѣтить, что лѣтъ 15 назадъ стѣнопись эту осматривалъ знаменитый художникъ И. Е. Рѣпинъ. Передаютъ, что онъ опредѣлилъ эту стѣнопись какъ работу талантливаго самоучки, придавшаго много жизни и движенія фигурамъ*). Эта замѣчательная стѣнопись ждетъ изданія въ фотографическихъ снимкахъ. Это должно составить заботу просвѣщенныхъ любителей старины, особенно въ виду того, что храмъ—деревянный.

Надписи, объясняющія священныя изображенія, обыкновенно, представляютъ собою выдержки изъ соотвѣтствующаго евангельскаго или библейскаго текста, изъ житій, иногда церковныхъ пѣснопѣній, но также и составлялись нарочно, и тогда нерѣдко были очень оригинальны, напр. «Іудиѳь гетману Олоферну царя Навходоносора главу отсѣче» (Марк. мон.).

Въ большинствѣ деревянныхъ церквей стѣны были довольно грубо обтесаны топоромъ и выбѣлены, иногда выкрашены клеевой краской. Иногда (въ приписныхъ и кладбищенскихъ церквахъ) оставались и не выкрашенными.

Иконостасы древлеправославныхъ храмовъ и тѣхъ изъ уніатскихъ, которые ихъ сохранили, обыкновенно были высокіе, многоярусные. Надъ рядомъ мѣстныхъ иконъ въ медальонахъ изображались двенадесятые праздники, во второмъ ярусѣ Деисусъ (Спаситель на тронѣ съ предстоящими Богоматерью и Предтечей) и апостолы, въ третьемъ пророки, и въ центрѣ Богоматерь съ Предвѣчнымъ Младенцемъ или (въ позднѣйшее время), коронованія Богоматери въ четвертомъ праотцы. Иконостасъ, б. ч., завершался Распятіемъ (иногда рѣзнымъ) съ предстоящими, и нерѣдко группой медальоновъ въ рѣзьбѣ съ изображеніями страданій Спасителя.

Иконостасы XVII и начало XVIII столѣтія обыкновенно были обильно изукрашены рѣзьбой (въ стилѣ Ренессансъ съ его разновидностью Ба-

*) Подробности относительно этой стѣнописи см. въ весьма обстоятельной статьѣ іеромон. Сергія (Басилевскаго), посвященной Маркову монастырю (Полоцк. Еп. Вѣд. 1887 г.—перепечатка изъ Губ. Вѣд. 60-яхъ годовъ.

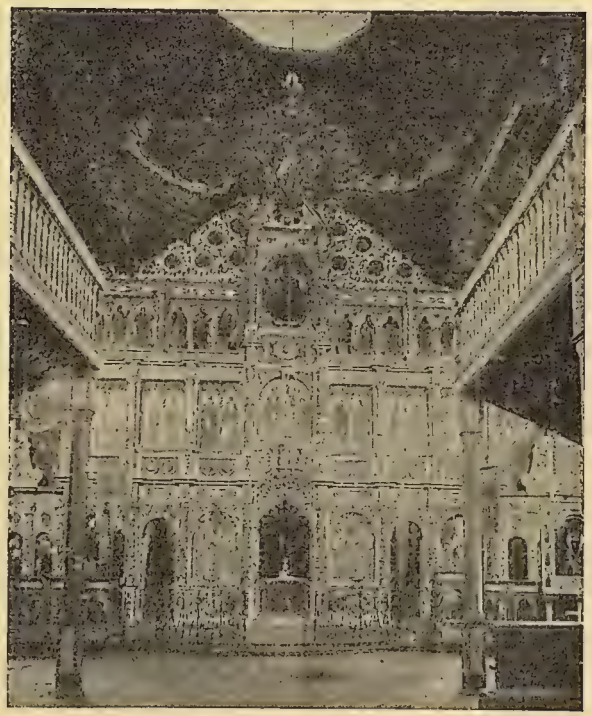
рокко). Нижній ярусъ обыкновенно имѣлъ рѣзныя витыя колонки, остальные ярусы частью колонки, частью полуколонки и пилястры. Царскія двери представляли сплетеніе виноградныхъ вѣтвей съ гроздьями. Фонъ иконостаса, б. ч., былъ зеленый или синій подъ мраморъ. Рѣзьба частью вызолочена и высеребрена, частью раскрашена.

Иконостасы позднѣйшаго времени—второй половины XVIII столѣтія въ стилѣ Барокко и Рококо обыкновенно вмѣсто колонокъ имѣли пилястры, вообще представлялись не такъ массивными, какъ иконостасы болѣе ранняго времени. Впечатлѣнію легкости содѣйствовало и то что нерѣдко иконостасы въ планѣ имѣли видъ не прямой стѣны, а ломаной линіи.

Подъ мѣстными иконами въ рамкахъ помѣщались изображенія евангельскихъ и библейскихъ сценъ, притчей.

Нѣкоторые изъ каменныхъ храмовъ имѣли каменные же иконостасы съ кирпичными или штукатурными колоннами, съ штукатурными же орнаментами на верху. Фонъ иконостаса расписанъ былъ подъ мраморъ, карнизы и капители колоннъ были покрыты матовой позолотой; колонны или раскрашивались подъ мраморъ или, если онѣ были витыя, покрывались матовой позолотой или серебромъ. Иконы устанавливались въ нишахъ или сквозныхъ пролетахъ. Такіе иконостасы имѣются въ Витебскомъ Успенскомъ соборѣ (закрытъ позднѣйшимъ деревяннымъ иконостасомъ, причемъ колонны б. ч. отбиты), въ Витебской Благовѣщенской церкви (позднѣйшаго устройства), въ Полоцкомъ Софійскомъ соборѣ.

Рѣдкостный въ своемъ родѣ иконостасъ сохранился въ Витебской Троицкой („черной"), что на Песковатикѣ, церкви. Онъ представляетъ обширный—во всю ширину алтаря и высокій—до потолка досчатый щитъ (вертикально поставленныя доски), на которомъ клеевой краской нарисованы въ нѣсколько ярусовъ колонны коринѳскаго ордера, карнизы, украшенные цвѣтами, рамы, медальоны, и въ нихъ на томъ же щитѣ нарисованы иконы (исключеніе представляютъ иконы нижняго яруса, нарисованныя на отдѣльныхъ доскахъ). Фонъ иконостаса—подъ мраморъ. Царскія двери, современныя иконостасу, къ сожалѣнію не сохранились, и замѣнены позднѣйшими, совершенно дисгармонирующими съ иконостасомъ.—Иконостасъ заслуживаетъ того, чтобы его сфотографировать.



Къ стр. 9 и 17. Наружный и внутренній видъ Троицкой церкви Витебскаго Маркова монастыря (XVII в.).

Надпрестольныя сѣни представляютъ сравнительную рѣдкость. Намъ лично извѣстна массивная сѣнь на 4 хъ колоннахъ въ Троицкой церкви Маркова монастыря, и висячая—въ видѣ четырехскатной крышки въ древлеправославной Бѣшенковичской Михайловской церкви.

Въ уніатскихъ храмахъ, даже сохранившихъ иконостасы, престолы, б. ч., по католическому обычаю, были придвинуты къ алтарной стѣнѣ, при чемъ имѣли обычный видъ выступа предъ болѣе или менѣе грандіознымъ кіотомъ съ изображеніемъ храмовой иконы. На алтарной стѣнѣ обыкновенно изображалась распростертая мантія, увѣнчанная короной. Кіотъ представлялся включеннымъ въ эту мантію и, такъ сказать, осѣняемымъ его.

При стѣнахъ и колоннахъ древлеправославныхъ храмовъ расположены были кіоты. Въ уніатскихъ храмахъ они имѣли особенно большіе размѣры и у подножія ихъ располагались придѣльные престолы въ видѣ выступа. На этомъ выступѣ стояли оловянные подсвѣчники (4—6). Такого вида боковые алтари еще недавно можно было видѣть въ Витебскѣ, въ сгорѣвшей Ильинской церкви, также въ Петро-Павловской церкви. Число ихъ достигало шести и больше.

Кіоты, б. ч., украшены были многочисленными колоннами, часто въ два яруса, и богатой рѣзьбой. Въ бѣднѣйшихъ церквахъ, они представляли собою, подобно описанному иконостасу Витебской Троицкой церкви, досчатые щиты, разрисованные колоннами, орнаментами, съ иконой въ центрѣ.

Что касается до иконописи, то древнѣйшая (XVII вѣка) носитъ смѣшанный характеръ. Въ ней отразились различныя вліянія. Съ одной стороны, проглядываютъ византійскія традиціи—въ типахъ лицъ, въ одеждѣ, позахъ. Видимо, для живописца прототипами служили иконы греческаго письма. Но въ техникѣ уже сказывается сильное вліяніе Запада. Иконы Греческаго и Русскаго письма носятъ иконописный характеръ (извѣстный схематизмъ въ изображеніи, отвлеченность), иконы Западно-русскаго письма,—живописный: черты лица, тѣло, одежда, въ сложныхъ композиціяхъ—окружающая обстановка—все это какъ бы взято съ натуры, болѣе детально и сообразно съ природой выписано. Тоны красокъ болѣе свѣтлые, яркіе, чѣмъ

это принято было въ Греческой и Русской иконописи.—Краски употреблялись масляныя.—Писаны были иконы, б. ч., на доскахъ, но изрѣздка и на полотнѣ.

Въ мѣстныхъ иконахъ (Спасителя, Б. Матери, Николая Чудотворца и др.) фигуры обыкновенно были изображаемы не по поясъ, какъ на иконахъ византійскаго письма, а въ $^2/_3$ роста.

Мѣстныя иконы, и особенно иконы въ боковыхъ кіотахъ отличались довольно крупными размѣрами.

Нерѣдко иконы покрывались серебряными или металлическими окладами кованой работы. Оклады эти лишь въ рѣдкихъ случаяхъ покрывали всю икону, обыкновенно же только самую фигуру. Окладъ не представлялся вообще сплошнымъ, а состоялъ изъ отдѣльныхъ довольно тонкихъ пластинъ, соединенныхъ гвоздями.—Поле иконы обыкновенно было обработано такимъ образомъ, что представлялось на первый взглядъ также обложеннымъ окладомъ. Достигалось это тѣмъ, что на доску накладывался гипсъ и при помощи формы полю придавался извѣстный рельефъ (орнаментъ, окружающая обстановка) затѣмъ накладывалась позолота, серебро, иногда краски. Нерѣдко такимъ же образомъ, взамѣнъ оклада была сработана и одежда и нимбъ вокругъ лика, словомъ имѣлись довольно искусныя имитаціи серебряныхъ и золотыхъ окладовъ. Такимъ способомъ, при сравнительной бѣдности населенія Западной Руси, удовлетворялось стремленіе къ церковному благолѣпію.

Для большихъ иконъ, размѣщенныхъ въ отдѣльныхъ кіотахъ, излюбленнымъ было вокругъ центральнаго изображенія (Спасителя, Божьей Матери, Святого или священнаго событія), окруженнаго рельефнымъ бордюромъ, на той же доскѣ среди завитковъ орнамента размѣстить многочисленные медальоны. Въ этихъ медальонахъ, сообразно съ центральной иконой изображались событія изъ жизни Спасителя, Богоматери, Святого (нерѣдко въ видѣ такъ называемаго лицевого акаѳиста: то есть темы были взяты изъ акаѳиста и пояснялись надписями изъ соотвѣтствующихъ икосовъ и кондаковъ акаѳиста); вокругъ иконы Божьей Матери иногда въ медальонахъ изображались ветхозавѣтные преобразы относимые Церковью къ Богоматери „(лѣствица высокая“, „стамна манны“, „купина неопалимая“ и пр.). Надъ

центральнымъ изображеніемъ или подъ нимъ въ медальонѣ или на держимомъ ангелами свиткѣ помѣщался (цѣликомъ или же только начало) соотвѣтственный тропарь или кондакъ. Иногда такая надпись помѣщалась въ отдѣльномъ медальонѣ надъ иконой. Можно было вмѣсто традиціоннаго церковнаго текста встрѣтить и нарочито составленные вирши.

Съ XVIII столѣтія окончательно водворяется итальянская живопись съ ея достоинствами и недостатками (живость и движеніе въ фигурахъ, реализмъ, манерность и напыщенность). Мѣстныя иконы обыкновенно пишутся во весь ростъ. На Богоматери и святыхъ нерѣдко одежды, воспроизводящія тогдашнія моды. Одежда часто покрывается окладомъ, но поле иконы входитъ теперь въ обычай покрывать бархатомъ краснаго или фіолетоваго цвѣта.

Украшались храмы Западнаго края и скульптурой. Въ древлеправославныхъ храмахъ она встрѣчалась рѣже и притомъ, обыкновенно, въ видѣ, такъ сказать, декоративныхъ украшеній (фигуры ангеловъ наверху иконостаса и надъ кіотами и т. п.,) изрѣдка въ видѣ собственно иконъ (напр. Распятіе съ предстоящими надъ иконостасомъ). Значительно чаще скульптурныя изображенія встрѣчались въ уніатскихъ храмахъ, и притомъ уже нерѣдко въ качествѣ иконъ.

Статуи и скульптурныя распятія были большей частью довольно грубой работы, рѣзныя изъ дерева, иногда гипсовыя, довольно грубо раскрашенныя. Изрѣдка, впрочемъ, попадались и художественныя произведенія. Таково, говорятъ, было распятіе въ Витебскомъ Успенскомъ соборѣ, рѣзное, изъ кости, неизвѣстно куда исчезнувшее при капитальномъ ремонтѣ собора въ 70-хъ годахъ прошлаго столѣтія.

За исключеніемъ малыхъ храмовъ, каковы приписные и кладбищенскіе, какъ уніатскіе, такъ и древлеправославные храмы постоянною своею принадлежностью имѣли амвоны для проповѣдниковъ въ видѣ балкончика у колонны или боковой стѣны, обыкновенно съ навѣсомъ (сѣнью) надъ нимъ.

Такъ какъ точно такіе же амвоны мы видимъ въ католическихъ храмахъ, то при объясненіи того, какъ появились въ Западно-русскихъ церквахъ эти амвоны первою является мысль, что амвоны за-

имствованы уніатами отъ католиковъ, и въ подражаніе имъ же введены и въ православныхъ храмахъ.

Это объясненіе является довольно вѣроятнымъ, но возможно и другое объясненіе, когда мы вникнемъ въ исторію амвона, этой древнѣйшей принадлежности христіанскихъ храмовъ.

Съ этой цѣлью позволю себѣ сдѣлать выдержку изъ Исторіи Русской Церкви Е. Е. Голубинскаго.

...„Въ настоящее время у насъ нѣтъ совершенно никакой и па„мяти о древнихъ амвонахъ, а между тѣмъ они исчезли у насъ не „далѣе, какъ только въ началѣ XVIII столѣтія и въ исторіи нашей „церковной археологіи представляютъ ту замѣчательную особенность, „что мы сохранили ихъ гораздо долѣе, чѣмъ Греки. Древній амвонъ, „явившійся въ церквахъ для той цѣли, чтобы все читаемое, возгла„шаемое и поемое въ нихъ было лучше слышимо присутствующими „и, въ особенности, чтобы это такъ было съ чтеніемъ Священнаго „Писанія, представлялъ изъ себя большее или меньшее возвышеніе „на которое должны были восходить читающіе, возглашающіе и пою„щіе. Наши свѣдѣнія относительно формъ, въ какихъ устроялъ „былъ древній амвонъ, весьма недостаточны, но очень вѣроятно, что „форма, которую далъ ему Юстиніанъ въ своей Софіи, была наиболѣе „господствующею. Пусть читатель вообразитъ себѣ бесѣдку въ фор„мѣ овальнаго огражденія, сдѣланнаго посредствомъ глухихъ погруд„ныхъ стѣнокъ...; пусть онъ поставитъ эту бесѣдку на колонны вы„шиной примѣрно отъ двухъ до трехъ аршинъ; пусть онъ вообра„зитъ себѣ, что на эту бесѣдку съ двухъ противоположныхъ и имен„но длинныхъ сторонъ овала*) сдѣланы два входа .. Иногда бесѣдка „оставлялась открытой, иногда же дѣлался на ней верхъ, именно на ея „огражденіе (барьеръ) ставились колонки и на эти колонки стави„лась сферическая или пирамидальная крыша“...

...„На Западѣ были устрояемы два особые амвона,—одинъ для „евангелія, другой для апостола; иногда устрояемъ былъ и одинъ „амвонъ, но двухэтажный: двѣ бесѣдки, меньшая въ большей, изъ „коихъ нижняя или большая для чтенія апостола, а верхняя или „меньшая, для чтенія евангелія“..

*) Съ востока и запада.

...„Не знаемъ съ какого времени до Симеона Солунскаго[1]) **амвоны „начали быть скосины у нихъ (грековъ) съ середины церкви на сторону „и къ половинѣ XVII вѣка послѣднее стало у нихъ общимъ обычаемъ[2]),** „а первое было совсѣмъ забыто. На сторонѣ, и именно сѣверной, **не „знаемъ по позднѣйшему ли примѣру Запада, или наоборотъ ему показавъ „примѣръ[3])**, Греки не поставили амвоновъ на полъ церковный, но „въ видѣ малыхъ бесѣдокъ или глухихъ балкончиковъ подвѣсили „ихъ къ заднему подкупольному столбу (или смотря по устройству „церкви... къ одному изъ заднихъ столбовъ и къ стѣнѣ), въ видѣ „каковыхъ висячихъ балкончиковъ, служа для чтенія евангелія на „литургіи и для сказыванія проповѣдей они остаются у нихъ и до настоящаго времени“...

„Первую мысль объ уничтоженіи у насъ древнихъ амвоновъ[4]) „подалъ Арсеній Сухановъ, не совсѣмъ впопадъ считавшій ихъ на- „шимъ нововведеніемъ; въ своемъ Проскинитаріи онъ пишетъ: «амбо- „на (нашего) отнюдь нигдѣ нѣту (у Грековъ) и нашихъ зазираютъ, „что церковь всю заслонилъ: алтарь и образы и престолъ и царскія „двери, всю де красоту отнялъ; а у нихъ (Грековъ) есть **амвоны ста- „ринныя подлѣ стѣны на странѣ высоко** (курсивъ нашъ)»[5]).

Такимъ образомъ, прежде всего является спорнымъ вопросомъ, Западъ ли у Грековъ, или Греческій Востокъ у Запада заимствовалъ новую форму амвона.

Во вторыхъ, съ одинаковымъ правомъ можно предполагать и то, что Западная Русь и Малороссія заимствовали новую форму амвона съ Запада; и то, что амвонъ въ Кіевской Митрополіи (въ составъ которой входилъ и Западный край) появились подъ вліяніемъ Греческой Константинопольской церкви, съ которою Юго-Западная Русь въ концѣ XVII—XVIII вѣкѣ находилась въ тѣснѣйшемъ церковномъ общеніи.

Во всякомъ случаѣ, въ этой особенности Западно-русскихъ храмовъ нельзя усматривать чего-то противнаго духу православія и за-

---

[1]) Начало 15 столѣтія.

[2]) Курсивъ нашъ.

[3]) Курсивъ нашъ.

[4]) Посредникъ храма.

[5]) Е. Е. Голубинскій, Исторія Русской Церкви 2-я пол. 1-го тома, 1904 г., стр. 231—237.

служивающаго уничтоженія, наоборотъ, нужно считать ее весьма разумной и цѣлесообразной не только для произношенія проповѣдей, но и для чтенія Св. Писанія и Евангелія. Кстати могу засвидѣтельствовать, какъ очевидецъ, что чтеніе въ Греческихъ церквахъ евангелія діакономъ съ высокаго амвона производитъ сильное, величественное впечатлѣніе; во всякомъ случаѣ, слова Евангелія достигаютъ слуха присутствующихъ, а не уносятся въ алтарь, какъ это бываетъ въ большихъ храмахъ при нашемъ обычаѣ чтенія евангелія.

Взамѣнъ обычной въ Великороссіи запрестольной выносной иконы Божіей Матери церкви Западной Руси имѣютъ выносной („поносный“) образъ особаго устройства. На столикѣ о четырехъ ножкахъ вертикально установлена икона, на лицевой сторонѣ которой изображеніе Божіей Матери, на оборотной—храмового праздника. Нерѣдко надъ столикомъ водружена сѣнь на четырехъ колонкахъ. Въ прикрѣпленныя къ столику кольца во время процессій продѣваются шесты, которые богомольцы (обыкновенно женщины) кладутъ на плечи и такимъ образомъ несутъ икону, высоко поднявъ надъ головами молящихся. Икона эта обыкновенно стоитъ съ лѣвой стороны храма.

Хоругви, б. ч., употреблялись матерчатыя (суконныя, изъ тонкой шерстяной матеріи, иногда шелковыя), съ священными изображеніями, писанными на холстѣ.

Нерѣдко (особенно носимыя въ похоронныхъ процессіяхъ) онѣ имѣли видъ знамени (т. е. были прикрѣплены одной стороной къ древку и свободно свѣшивались внизъ).

Большіе подсвѣчники обыкновенно были оловянные. На верху подсвѣчника для постановки свѣчей устроенъ былъ плоскій оловянный же кругъ, съ острымъ стержнемъ посрединѣ для большой свѣчи и съ чашечками вокругъ для малыхъ свѣчей. Иногда устраивались и деревянные подсвѣчники. Иногда же вмѣсто подсвѣчника у подножія иконы просто придѣлывался желѣзный прутъ съ чашечками, а то и просто деревянная доска, къ краю которой прилѣпливались свѣчи.

Въ братскіе праздники *), когда предъ братской иконой зажигались большія (отъ 2 до 5 фунтовъ) братскія свѣчи (иногда до 100 штукъ), для этой цѣли передъ иконой ставились деревянные рѣзныя тумбы на подобіе подсвѣчниковъ. На эти тумбы клали доски (такимъ образомъ, что получалась буква П или же четыреугольникъ) съ шипами или гвоздями, на которые насаживались свѣчи.

Теперь нѣсколько словъ о богослужебныхъ сосудахъ, облаченіяхъ, книгахъ и другихъ предметахъ церковнаго обихода. Богослужебные сосуды православныхъ храмовъ въ существенномъ были таковы же, какъ и въ другихъ областяхъ Россіи. Разумѣется въ рисункахъ и отдѣлкѣ сказывалось вліяніе Запада (Ренессансъ). Что же касается уніатскихъ храмовъ, то литургійныя чаши имѣли форму вытянутой рюмки. Величина ихъ, большей частью незначительная (отъ $^1/_2$ чайной чашки до стакана). Священныхъ изображеній вокругъ, какъ принято въ православной церкви, они не имѣютъ, а только украшены орнаментомъ, нерѣдко накладнымъ. Чаши внутри вызолоченныя, снаружи нерѣдко безъ позолоты или съ позолоченнымъ орнаментомъ.

Для храненія Св. Даровъ въ уніатскихъ церквахъ служили особыя чаши, такъ называемыя „пушки“ въ видѣ шара, состоящаго изъ двухъ половинъ. Нижняя на ножкѣ съ пьедесталомъ, какъ у литургійной чаши, верхняя—крышка—съ крестикомъ наверху.

Дароносицы имѣли видъ блюдечекъ или чашечекъ съ выпуклой, вытянутой вверхъ крышечкой, наверху которой изображеніе Спасителя (Воскресеніе) въ сіяніи. Иногда онѣ устраи-

*) При многихъ церквахъ Западнаго края существовали братства особаго характера, имѣвшія скромною задачей поддерживать благолѣпіе приходского храма. Братство имѣло свою братскую икону, которая ежегодно переходила отъ одного очередного братчика къ другому. Очередной братчикъ обязанъ былъ собирать пожертвованія и устроить братскую трапезу въ братскій праздникъ. Въ этотъ день икона приносилась въ храмъ, а затѣмъ послѣ трапезы въ домѣ очередного братчика, переносилась на другой день къ новому очередному братчику. Главнымъ предметомъ пожертвованій служили братскія свѣчи. Такое братство до сего времени существуетъ при Витебской Ильинской церкви („Никольщина“). См. Пол. Еп. Вѣд. за 1874г. № 24.

вались проще—безъ пьедестала и съ плоской крышечкой, на которой изображена монограмма Спасителя и крестъ.

Матеріаломъ для всѣхъ этихъ сосудовъ въ болѣе богатыхъ храмахъ служило серебро, а въ бѣдныхъ сплавы съ большей или меньшей примѣсью серебра.

Для выставленія Даровъ и ношенія ихъ въ процессіяхъ—по католическому обычаю—введены были въ уніатскихъ церквахъ монстранціи того же образца, что и въ римско-католическихъ храмахъ.

Священническія облаченія отъ теперешнихъ отличались тѣмъ, что были вообще короче, но передъ не былъ такъ высоко вырѣзанъ, и т. о. они болѣе приближались къ древней формѣ фелони. На оплечьѣ нашивался крестъ. Звѣзды какъ теперь—внизу не было. Эпитрахиль узкая, двойная (каждая половина въ ширину діаконскаго ораря), причемъ обѣ половины соединялись завязками. Поручи весьма длинныя. Матеріаломъ для облаченій служили обыкновенно шелковыя (рѣже шерстяныя и льняныя) ткани, зачастую затканныя разноцвѣтными букетами и гирляндами, а также парчи, нерѣдко мѣстнаго производства (Слуцкъ).

Плащаницы, обыкновенно, представляли собою написанное на полотнѣ изображеніе положенія Спасителя во гробъ, наклеенное на обшитый бахромой кусокъ цвѣтной шелковой матеріи, по краямъ котораго серебромъ или золотомъ написанъ тропарь «Благообразный Іосифъ». Иногда и самое изображеніе писалось на шелку.

!!!Интересны вѣнцы для новобрачныхъ—въ видѣ кружка вершковъ 2—3-хъ въ діаметрѣ и ½ вершка шириной—изъ бересты, иногда обшитой цвѣтною шерстью.

Что касается богослужебныхъ книгъ, то наряду съ уніатскими Почаевскими, Супрасльскими и др. изданіями, частью воспроизводившими съ нѣкоторыми измѣненіями православныя книги, частью представлявшими нѣчто новое въ смыслѣ состава (требники, служебники со внесеніемъ въ нихъ дневныхъ евангелій и пр.), попадаются и книги православныя, Кіевской, Львовской и др. юго и западно-русскихъ типографій и даже Московской печати, а также иногда и рукописныя евангелія. Помимо ихъ непосредственной цѣнности, какъ большихъ или меньшихъ библіографическихъ рѣдкостей, книги эти имѣютъ иногда

и особенную цѣнность, благодаря имѣющимся на поляхъ надписямъ (напримѣръ, имена жертвователей, кое какія данныя относительно прихода, событій приходской жизни).

Вотъ въ существенномъ и все, что касается церковной старины нашего края. Надѣюсь, мнѣ удалось показать, что она имѣетъ **свое лицо**, а вмѣстѣ съ тѣмъ и право на бережное къ себѣ отношеніе.

Каково было и есть на дѣлѣ отношеніе къ церковной старинѣ въ нашемъ краѣ, это также небезъинтересно окинуть взоромъ.

...Печальна вообще исторія памятниковъ церковной, да и всякой старины во всѣхъ концахъ нашего отечества.

Но нашъ край, наряду съ общими, дѣйствующими повсемѣстно въ Россійскомъ Государствѣ причинами и условіями, имѣетъ еще и свои особенныя, усугубляющія дѣло разрушенія.

Начнемъ обзоръ съ общихъ и закончимъ мѣстными, иллюстрируя примѣрами.

Прежде всего, гибели памятниковъ старины содѣйствуетъ наша **некультурность и бѣдность**.

Въ самомъ дѣлѣ, вспомните, сколько памятниковъ церковной архитектуры гибнетъ отъ пожаровъ. Скученность построекъ, вопреки всякихъ законныхъ правилъ и соображеній здраваго смысла, крыши изъ неогнеупорнаго матеріала даютъ возможность широко разливаться морю огня... Вспомните, какими средствами располагаетъ наша деревня для тушенія пожаровъ, вспомните эти пресловутыя вывѣски у воротъ: гдѣ ведро, гдѣ багоръ и т. п. Да и въ городахъ подчасъ немногимъ лучше: плохо сформированныя, съ плохими машинами, городскія и вольныя пожарныя команды, растерянность и несогласованность въ дѣйствіяхъ, неумѣнье локализовать пожаръ.

Вспомните, что многія церкви, высоко поднимаясь надъ окружающими постройками, загараются отъ ударовъ молніи и справьтесь, во многихъ ли мѣстахъ существуютъ громоотводы на церковныхъ куполахъ и башняхъ: могу васъ увѣрить, вы найдете ихъ не какъ правило, а какъ рѣдкое исключеніе.

Коснемся теперь другихъ условій стихійнаго характера.

Извѣстно, что для благополучія каменнаго зданія имѣетъ важное значеніе состояніе почвы, въ особенности, когда оно стоитъ на

холмѣ или на высокомъ берегу рѣки. Нагорный берегъ систематически подмывается теченіемъ рѣки. Ведутъ свою работу и почвенныя воды. Въ результатѣ получаются иногда громадныхъ размѣровъ оползни. Представьте себѣ, какое значеніе имѣетъ для стоящихъ на берегу зданій укрѣпленіе берега, дренажированіе почвы, строгое наблюденіе за спускомъ отработанныхъ водъ и жидкостей.

При отсутствіи всѣхъ упомянутыхъ мѣръ, въ лучшемъ случаѣ зданія медленно разрушаются, получаютъ трещины, въ худшемъ вы неожиданно можете видѣть паденіе и разрушеніе зданій вслѣдствіе оползня горы. Такъ, ровно 60 назадъ лѣтъ, вмѣстѣ съ частью берега рухнула въ р. Нѣманъ южная стѣна древняго*), построеннаго въ XII столѣтіи, Коложанскаго храма въ г. Гроднѣ.

Съ этой точки зрѣнія взгляните хотя бы на Витебскій Успенскій Соборъ. Нельзя сказать, чтобы укрѣпленіе берега, наблюденіе за дренажированіемъ почвы какъ всей окружающей мѣстности, такъ вокругъ самаго зданія и подъ нимъ составляло предметъ, видимыхъ по крайней мѣрѣ заботъ**). Техническій осмотръ самаго зданія не производился съ незапамятныхъ временъ и только недавно былъ произведенъ въ виду многочисленныхъ, съ верхняго края до ниж-

---

*) Е. Орловскій. Судьбы православія въ связи съ исторіею латинства и уніи въ Гродненской губерніи въ XIX столѣтіи. Гродна, 1903 г., стр. 134—135, 151, 503.

**) „Зиждители Успенскаго храма", пишетъ Н. Я. Никифоровскій, „и зданія, занимаемаго нынѣ семинаріей, заложивши его въ 1743 г. для помѣщенія братіи и училища, дорожили шириной этой площади, а возможныя измѣненія ея отъ подпочвенныхъ вліяній тогда же поспѣшили оградить каменными и деревянными укрѣпленіями, видимые остатки которыхъ сохранились въ обломкахъ каменныхъ стѣнъ и срубовъ по склону набережной, да цѣлыхъ пока срубовъ и свай въ водѣ у самаго берега Двины; для отвода же подпочвенной воды, возможной виновницы разрушенія, проведены были подземные стоки, дающіе еще и доселѣ поводъ утверждать, будто изъ Успенскаго собора и семинаріи подъ двинскимъ ложемъ есть ходы на правую сторону рѣки"... Съ теченіемъ времени „давнія инженерныя работы остались въ забвеніи; водоотводы засорились и грунтъ разжидился. Послѣдствіемъ сего было то, что значительная часть бульвара, противъ Бибкина переулка и далѣе, по направленію „къ дворцу", осѣла на нѣсколько саженей, причемъ разрушились укрѣпленія, а сплывшая къ Двинѣ земля была унесена водою: сплошной раньше бульваръ (Успенско-Дворцовый) раздвоился"... Много лѣтъ спустя послѣдовало „новое осѣданіе грунта противъ Бибкина переулка (въ 1866—67 г.г.)". Н. Я. Никифоровскій. Странички изъ недавней старины г. Витебска. Витебскъ, 1899 г., стр. 66—70.

няго зіяющихъ трещинъ, отхожденія правой башни въ сторону и другихъ дефектовъ зданія. А, между тѣмъ, вѣдь это краса всего города, видимая болѣе, чѣмъ за десятокъ верстъ издали!

Взглянемъ теперь на судьбу храмовъ, въ которыхъ почему либо прекращено богослуженіе, напримѣръ, вслѣдствіе упраздненія прихода, какъ это было въ 60-хъ годахъ, при сокращеніи штатовъ духовнаго вѣдомства, постройки новаго храма. Обыкновенно, если такую церковь не разберутъ на кирпичъ или на дрова, то лишь въ рѣдкихъ случаяхъ поддерживаютъ и ремонтируютъ ее, а чаще она медленно разрушается. А, между тѣмъ, иногда нѣсколько десятковъ рублей могли бы сохранить памятникъ старины.

...Не могу я забыть экскурсіи по предложенію и въ обществѣ Д. И. Довгялло къ „лѣсной“ церкви вблизи Островенскаго тракта, неподалеку отъ им. Куковячино. Среди лѣса, на небольшомъ холмѣ перекосившаяся черная церковь. Окна безъ стеколъ. Крыша поросла мхомъ и даже молоденькими березками, мѣстами совсѣмъ провалилась и вездѣ свѣтится какъ рѣшето. Куполъ перекосился и также зіяей щелями. Полы обвалились. Птицы подъ крышей и у алтарей свили гнѣзда. Краски иконъ и стѣнной живописи поблекли и частью осыпались, и изображенія имѣютъ видъ какихъ то тѣней. По краямъ кіотовъ съ иконами и у подножія ихъ навѣшаны и разложены куски полотна, пучки льна и шерсти—жертвы бѣлорусса, который въ эти развалины идетъ повѣдать въ молитвѣ свои нужды и скорби предъ тѣми иконами и алтарями, къ которымъ приходили еще его дѣды и прадѣды... Обошли зданіе кругомъ, постояли внутри, посмотрѣли, разобрали съ трудомъ и списали кое-какія надписи, сопутствовавшій намъ фотографъ-любитель семинаристъ сдѣлалъ нѣсколько снимковъ... Еще разъ окинули взоромъ картину разрушенія и пошли назадъ...

...Невдалекѣ оттуда, ниже по теченію Двины, въ предѣлахъ Могилевской епархіи, расположено с. Дорогокупово. Не такъ давно тамъ выстроена новая церковь. Проѣзжающій на пароходѣ можетъ видѣть неподалеку отъ новой церкви старую-черную, перекосившуюся. Стекла въ окнахъ перебиты. Крыша свѣтится. А, между тѣмъ, вѣдь это постройка XVIII столѣтія, довольно характерная по стилю. Для нашего небогатаго церковной стариной Западнаго Края — это

цѣнность не такъ уже малая. На мѣстѣ или не могутъ, или не умѣютъ изыскать средствъ для ремонта, да и просто въ голову не приходитъ, что это нужно сдѣлать, а свыше никто и вниманія не обращаетъ: вѣдь это окраина Могилевской епархіи.

Впрочемъ, что и геворить о глухихъ углахъ. Старожилы витебляне помнятъ, за городомъ по дорогѣ къ Мазурину на берегу Двины стояла, если не ошибаюсь, на землѣ Витебскаго архіерейскаго дома, Борисоглѣбская церковь, каменная. Она давно уже была покинута. Штукатурка на половину обвалилась. Крыша обветшала. У входа стоялъ часовой. Въ ней помѣщался долгіе годы пороховой складъ, пока, наконецъ, въ началѣ 90-хъ годовъ ее не продали на сломъ. Позорное пятно съ лицъ и учрежденій, которымъ вѣдать было должно охраненіе храма, было снято самымъ простымъ способомъ.

...Православная церковь въ нашемъ краѣ частію унаслѣдовала отъ уніи, частію получила при закрытіи католическихъ монастырей въ разное время и при конфискаціи костеловъ во время мятежа 1863 года немало церковныхъ зданій, обширныхъ по размѣрамъ, величественныхъ по архитектурѣ. Бѣдность православнаго населенія, невозможность, а можетъ быть,—судить трудно,—иногда и неумѣнье, и нежеланіе изыскать средства для поддержанія и ремонта дѣлаютъ то, что иногда эти великолѣпныя зданія вопіютъ на небо своимъ жалкимъ видомъ, пока на нихъ не обратитъ вниманіе начальство, и ремонтъ не произведутъ на казенный счетъ. Таковъ, не далеко ходить, Витебскій Успенскій Соборъ, въ несравненно большей степени Полоцкій Софійскій Соборъ. Къ утѣшенію любителей старины, впрочемъ, надо сказать, послѣдній уже ремонтируется, а первый стоитъ на очереди въ этомъ отношеніи... Не могу не вспомнить судьбу Ушачской церкви, Лепельскаго уѣзда. Во время польскаго мятежа Ушачскій костелъ былъ закрытъ, а въ началѣ 70-хъ годовъ переданъ въ вѣдомство православнаго исповѣданія и освященъ во им. Св. Александра Невскаго. Недолго въ немъ совершалось богослуженіе. Вскорѣ храмъ былъ заброшенъ. Отъ времени крыша и окна сильно пострадали. Запустѣніе дошло до того, что въ храмѣ ставили въ базарные дни лошадей. На печальную судьбу храма обратилъ вниманіе своею

газетною статьей Д. И. Довгялло, и по иниціативѣ Св. Синода была отпущена крупная сумма на капитальный ремонтъ.

...Таковы результаты нашей бѣдности и некультурности для памятниковъ церковной старины.

Но бѣда была бы въ половину, если бы у насъ только пассивно относились къ работѣ стихій надъ памятниками старины.

Увы! на каждомъ шагу мы видимъ уже и человѣческую работу, направленную на разрушеніе родной старины, работу, въ основѣ которой лежитъ, какъ и во всѣхъ краяхъ нашего отечества **невѣжество** и притомъ, на еще большую бѣду, часто въ союзѣ съ **заботой о церковномъ благолѣпіи**.

Какой опасности, трудно предугадываемой для интеллигентнаго человѣка, подвергаетъ невѣжество памятники старины, поясню примѣрами.

...Въ одно изъ селъ Могилевской епархіи, гдѣ священствовалъ мой родственникъ, въ годы моего студенчества, ожидался пріѣздъ архіерея. Я проводилъ тамъ вакаціи. Привлекли и меня къ приготовленіямъ. Приводилъ я въ порядокъ церковную лѣтопись и т. п. Однажды, вечеромъ, дядя говоритъ: „сходи, пожалуйста, въ церковь. Тамъ дзякъ приводитъ въ порядокъ библіотеку. Помоги ему разобрать книги“. Иду. Въ полумракѣ, при свѣтѣ тоненькой восковой свѣчки, надъ столомъ, заваленнымъ грудами книгъ стоитъ съ глубокомысленнымъ видомъ псаломщикъ и время отъ времени со словами: «гэто у печку» швыряетъ на полъ книги, имѣющія особенно истрепанный, старый видъ. Я наклонился надъ образовавшейся уже довольно большой кучей книгъ, обреченныхъ на сожженіе, и, что же? въ одной изъ книгъ, оборванныхъ, безъ переплета, усматриваю рукописное евангеліе, да еще съ весьма характерными помѣтками одного изъ священниковъ XVIII столѣтія на поляхъ, помѣтками, имѣющими цѣнность для исторіи прихода. Итакъ, лишь благодаря счастливой случайности евангеліе уцѣлѣло и попало на храненіе въ Витебскій церковно-археологическій музей. *)

*) Съ грустью вспоминаю, какъ тогда же, благодаря моей опрометчивости и святой простотѣ моей тетушки погибъ цѣнный въ археологическомъ отношеніи предметъ. Во время генеральной чистки церкви я нашелъ среди разнаго хлама атлас-

...Съ содроганіемъ, помню, когда то слушалъ наивный разсказъ глубокаго старика-священника, какъ въ сѣняхъ его дома, бывшаго базиліанскаго кляштора, въ углу стояли портреты родовитыхъ фундаторовъ монастыря и храма; стояли, стояли, но въ одинъ прекрасный день онъ разсудилъ за ненадобностью бросить ихъ въ печь: „я не полагалъ", говорилъ старикъ, „что они могутъ кому нибудь понадобиться".

...Иногда приходится подивиться дикой настойчивости людей въ желаніи истребить историческій памятникъ, и, если не искать какихъ либо низкихъ побужденій, то—относить дѣйствія людей на счетъ чистаго варварства...

...Въ Задвинской Слободкѣ м. Бѣшенковичъ находилась церковь во имя Св. Николая Чудотворца. Построена она была въ послѣдней четверти XVIII столѣтія для удовлетворенія религіозныхъ нуждъ православнаго населенія русской пограничной таможни. Съ теченіемъ времени Николаевскій Бѣшенковичскій приходъ былъ упраздненъ и присоединенъ сперва къ приходу Михайловской, а потомъ вмѣстѣ съ послѣднею къ Ильинской церкви, находящейся въ самомъ мѣстечкѣ. Церковь преблагополучно стояла, очень медленно поддавалась дѣйствію времени, и при всемъ беззаботномъ отношеніи къ ней, вѣроятно, простояла бы и до сего дня... Въ началѣ 90-хъ годовъ возвращена была прилегающая къ Николаевской церкви огородная земля, взятая управленіемъ имѣнія гр. Хребтовича за ничтожную ругу. Казалось бы, создаются благопріятныя условія для возстановленія при церкви прихода, что и желательно было въ виду неудобства сообщенія для зарѣчныхъ прихожанъ съ церковью въ весеннее и осеннее время и крайняго много-

---

ный платочекъ (покровецъ), на которомъ весьма тонкимъ узловатымъ швомъ было вышито изображеніе Спасителя, лежащаго во гробѣ, и греческая надпись. Я въ числѣ другихъ предметовъ отобралъ этотъ платочекъ для передачи въ Витебскій церковно-археологическій музей. На бѣду платочекъ увидала тетушка и стала его просить у меня на время, чтобы завязать въ него обрѣзки галуновъ, бахромы, и т. п. получившіеся при починкѣ облаченій. Я упирался, но уступилъ увѣреніямъ тетушки, что она платочекъ сохранитъ въ цѣлости. Только я его и видѣлъ. Проѣхалъ архіерей. Начала тетушка искать узелочекъ, и не нашла. Вѣроятно, въ суматохѣ его бросили въ печь.

людства Бѣшенковичскаго прихода. Но не такъ случилось... Со стороны причта Бѣшенковичскаго прихода послѣдовало ходатайство предъ епархіальной властью объ уничтоженіи Николаевской церкви въ виду ея ветхости. Бѣшенковичскіе прихожане въ свою очередь возбуждаютъ ходатайство о сохраненіи древлеправославной святыни. Въ епархіальныхъ учрежденіяхъ дѣло затягивается. Однакоже, въ концѣ концовъ, указомъ консисторіи предписывается церковь снести. Тогда два ревнителя родной старины Н. Я. Никифоровскій и Д. И. Довгялло издаютъ подробное описаніе и исторію церкви, съ планомъ и снимками, и взываютъ о пощадѣ для историческаго памятника*). Надежда почтенныхъ дѣятелей, что ихъ вопль дойдетъ до кого слѣдуетъ, осталась тщетною. Указъ консисторіи былъ исполненъ, и отъ храма остались на мѣстѣ фундаменты, да въ Витебскомъ церковно-археологическомъ музеѣ иконостасъ.

...Человѣческое невѣжество, ради ничтожной корысти, за жалкіе гроши или въ обмѣнъ на дешевенькіе предметы церковнаго обихода, сбывало цѣнныя старинныя парчевыя облаченія съ не менѣе цѣнными галунами развозчикамъ церковныхъ вещей и на парчевыя фабрики—для добыванія изъ нихъ серебра. Такимъ образомъ, иногда ради нѣсколькихъ золотниковъ серебра гибли рѣдкіе образцы парчей и галуновъ.

Словомъ, трудно и перечесть всѣ способы, которыми невѣжество уничтожало церковную старину.

...Случайное, но также очень характерное для нравовъ и порядковъ нашего отечества обстоятельство лишило, по разсказамъ А. П. Сапунова, многія церкви Полоцко-Витебскаго края значительнаго количества цѣнныхъ предметовъ церковной старины.

Въ началѣ 90-хъ годовъ прошлаго столѣтія на витебскомъ горизонтѣ появился не безызвѣстный въ Западномъ Краѣ минскій антикварій, quasi ученый Татуръ, коллекціонеръ и, какъ поговаривали, поставщикъ заграницу (въ Германію) предметовъ старины. Представившись архіерею (пр. Антонинъ) и губернатору (кн. Долгоруковъ),

*) Н. Я. Никифоровскій и Д. И. Довгялло. Никольская церковь въ Задвинской Слободкѣ м. Бѣшенковичъ, Лепельскаго у.. Витебскъ, 1899 г. (отд. отт. изъ №№ 3—5 Пол. Еп. Вѣд. 1899 г.).

онъ предъявилъ выданный ему въ Св. Синодѣ открытый листъ, въ которомъ предлагалось мѣстнымъ духовнымъ и гражданскимъ властямъ оказывать ему всяческое содѣйствіе въ его дѣятельности по церковной археологіи. Сомнительно казалось нашимъ мѣстнымъ властямъ... Предъявитель былъ лицомъ польскаго происхожденія и римско-католическаго вѣроисповѣданія, а православный Святѣйшій Синодъ пускалъ его хозяйничать въ православныхъ церквахъ. Но... Петербургъ велитъ, надо слушаться. Архіерей—духовенству, губернаторъ—администраціи предписали содѣйствовать во всемъ Татуру... Духовенство принимало Татура уже чуть не какъ начальство и пассивно созерцало его дѣятельность. А дѣятельность эта состояла въ изъятіи изъ церквей и обращеніи въ личную собственность безвозмездно наиболѣе цѣнныхъ въ археологическомъ отношеніи предметовъ. И нужно отдать справедливость: Татуръ воспользовался въ полной мѣрѣ данными ему правами и произвелъ основательную чистку церквей въ отношеніи церковной старины...Когда не много времени спустя А. П. Сапуновъ и Е. Р. Романовъ посѣтили витебскія церкви съ цѣлію отобрать для учреждавшагося церковно-археологическаго музея предметы церковной старины, то убѣдились, что ихъ трудъ очень облегчилъ Татуръ. Когда, просматривая старыя описи, они находили то или другое интереснымъ для музея и спрашивали у священниковъ, то зачастую слышался отвѣтъ: «взялъ Татуръ». Или же священники говорили: „вотъ, у насъ было еще то-то и то-то, но забралъ Татуръ“. А то видятъ старинное цѣнное облаченіе, но обезображенное: съ него спорото оплечье.—„Оплечье было шитое. Оно понравилось Татуру, и онъ споролъ его и забралъ“...

...О если бы мы могли быть увѣрены, что и въ наше время церковная старина, столь ревностно оберегаемая духовнымъ вѣдомствомъ отъ попаданія въ общественные музеи, не состоящіе въ духовномъ вѣдомствѣ (какъ, напримѣръ, нашъ музей Архивной Комиссіи), обезопашена была и отъ поползновеній подобныхъ Татуру, покровительствуемыхъ свыше, гастролеровъ по части церковно-археологическихъ цѣнностей...

...На бѣду для церковной старины въ союзъ, невѣжествомъ, особенно за послѣднія десятилѣтія вошла еще **любовь къ церковному благолѣпію**. И пошла ломка стараго, представлявшагося ретивымъ не-

вѣждамъ некрасивымъ и замѣна новымъ, зачастую топорнымъ, аляповатымъ, но блестящимъ...

Для примѣра возьмемъ хоть Полоцкъ, а потомъ перейдемъ и въ Витебскъ.

...Извѣстно, что древняя церковь Св. Спаса въ Полоцкомъ Ефросиніевскомъ монастырѣ до передачи ея въ вѣдомство православнаго исповѣданія сохраняла древнюю стѣнную роспись. Роспись эта сильно пострадала и отъ времени, а еще больше отъ рукъ іезуитскихъ учениковъ (монастырь долгое время принадлежалъ іезуитамъ). Въ видахъ церковнаго благолѣпія, при обновленіи храма, стѣны церкви были покрыты краской. Неизвѣстно, закрашена ли только, или же стерта совсѣмъ древняя стѣнопись.

Въ 90 годахъ прошлаго столѣтія на синодальныя суммы производился капитальный ремонтъ Полоцкаго Николаевскаго Собора. Припередѣлкѣ въ царствованіе Императора Николая I этого храма изъ костела поставленъ былъ (для главнаго алтаря) невысокій, одноярусный иконостасъ, весьма тонкой изящной работы, своими пропорціями, линіями и деталями вполнѣ гармонировавшій со внутренней отдѣлкой храма. Иконы были прекрасной академической живописи (помнится, напримѣръ, иконы на царскихъ дверяхъ—копіи съ таковыхъ же Петербургскаго Казанскаго Собора—кисти Боровиковскаго). Распорядители ремонта озабочены были, куда подѣть деньги и чѣмъ бы пріукрасить соборъ. И вотъ, рѣшили, что старый иконостасъ малъ и некрасивъ, притомъ не въ русскомъ стилѣ. Убрали старый, соорудили новый, выше раза въ 2 противъ прежняго, аляповатой, ремесленной работы въ quasi русскомъ стилѣ съ ремесленническаго же производства иконами. Дисгармонія главнаго иконостаса съ боковыми и со всей отдѣлкой собора рѣжетъ глазъ.

Не лучше обстояло дѣло и въ Витебскѣ. Въ концѣ 80-хъ и началѣ 90-хъ годовъ прошлаго столѣтія въ Витебскомъ Марковомъ монастырѣ настоятельствовалъ архимандритъ Иларіонъ, употребившій около двухъ десятковъ тысячъ личныхъ средствъ на украшеніе и передѣлку монастырскихъ храмовъ. Въ своемъ усердіи онъ исказилъ шатровые верхи древней Троицкой церкви, измѣнилъ форму главъ, уничтожилъ шатровыя крыльца, уменьшилъ высоту окружа-

ющей храмъ галлереи. Внутри храма не только перекрасилъ и перезолотилъ заново иконостасъ, но и уничтожилъ грандіозные боковые кіоты, замѣнивъ ихъ иконостасами для предполагавшихся придѣльныхъ алтарей, снялъ сѣнь надъ жертвенникомъ, уничтожилъ старый ходъ на хоры (въ южной части хра́ма), наружная стѣна котораго была покрыта росписью, взамѣнъ его устроилъ ходъ и, для симметріи, кладовушку въ западной части храма, закрывъ при этомъ часть стѣнописи. Мало того, онъ и вовсе собирался уничтожить стѣнную роспись, но отъ этого удержали его нашъ историкъ А. П. Сапуновъ и Е. Р. Романовъ.

Въ началѣ 90-хъ годовъ причтъ и староста военной Николаевской церкви, построенной въ 1779 г., для русскаго гарнизона комендантомъ гр. Минихомъ, рѣшили замѣнить новымъ старый иконостасъ, легкій, высокій, уходившій въ куполъ, прекрасной работы въ стилѣ Рококо, съ весьма приличной итальянской живописью. И вотъ, на мѣсто стараго явился новый, дубовый, тяжелый, приземистый, крайне грубой работы съ иконами на рѣдкость аляповато написанными, съ техникой, достойной мастера вывѣсокъ. Старый иконостасъ свалили въ сарай въ надеждѣ найти покупателей. Увы! покупатель не нашелся, и иконостасъ пошелъ на дрова. Когда сожгли остовъ иконостаса и всѣ рѣзныя украшенія, начали употреблять на топливо и иконы. Къ счастью, съ назначеніемъ нынѣшняго настоятеля церкви остатки иконостаса были спасены. Иконы размѣщены по стѣнамъ церкви, а царскія двери, единственное, что уцѣлѣло отъ рѣзьбы,— на горнемъ мѣстѣ придѣльнаго храма.

Въ концѣ 90-хъ годовъ изящный иконостасъ Витебскій Іоанно-Богословской церкви, перенесенный сюда изъ Витебскаго Николаевскаго собора, представлявшій собою какъ бы портикъ зданія, съ пилястрами коринѳскаго ордера и тонкой рѣзьбой царскихъ дверей, съ иконами итальянскаго письма, рѣшено было преобразовать на русскій стиль. Остовъ иконостаса, карнизы, рѣзныя украшенія, царскія двери оставлены были въ неприкосновенности, но пилястры замѣнены полуколонками, если можно такъ назвать какія то вычурныя комбинаціи изъ полукруговъ, четыреугольниковъ и пр., нагроможденныхъ другъ на друга и изукрашенныхъ херувимами, а

надъ мѣстными иконами устроены въ томъ же якобы русскомъ стилѣ, балдахины. Иконамъ придали золотой чеканный фонъ; лики прописаны свѣтлыми красками, а одежды яркой красной и синей. Вообразите, какія пестрота и смѣшеніе получились!

Въ самое недавнее время тяжелая рука любителей церковнаго благолѣпія налегла и на Витебскую Петропавловскую церковь (построена въ концѣ XVШ столѣтія, освящена въ началѣ XIX митрополитомъ Иракліемъ Лисовскимъ). И вотъ, правда, поблекшая, но очень хорошая стѣнная роспись итальянскаго письма замазана, и стѣны окрашены въ ярко розовый колеръ „подъ мраморъ", а своды подъ звѣздное небо: послѣднее слово шика! Иконостасъ стиля Рококо, отличавшійся замѣчательно удачнымъ сочетаніемъ цвѣтовъ, при чемъ фонъ былъ зеленый подъ малахитъ, мѣстами (напр. пилястры) красноватый съ золотыми тѣнями, позолота рѣзьбы и рамъ матовая, нѣжная, а въ цѣломъ получалось впечатлѣніе свѣжести, живости,— иконостасъ густо раззолоченъ «подъ поліментъ»; фонъ окрашенъ въ однообразный мертвенный голубовато—сѣрый цвѣтъ; иконы хорошаго итальянскаго письма безъ всякой нужды и въ ущербъ ансамблю замѣнены новыми, правда, приличнаго письма, но шаблонными; прекрасный запрестольный массивный кіотъ съ сквозными рѣзными колонками и иконой Св. апп. Петра и Павла замѣненъ намозолившей глаза въ Витебскихъ церквахъ, почему то излюбленной въ нашей епархіи за послѣдніе годы для помѣщенія за престоломъ вопреки всякимъ традиціямъ православной церкви (традиціонныя изображенія: Тайная Вечеря, Богоматерь съ Предвѣчнымъ Младенцемъ, въ позднѣйшее время—Св. Троица, Воскресеніе Христово), копіей съ картины Бруни «Моленіе о чашѣ»—въ широкой багетной рамѣ. Кіотъ, вѣроятно, помѣщенъ на чердакѣ или въ кладовой.

При этомъ въ притворѣ были закрашены надписи о построеніи и освященіи церкви.

И такой, по истинѣ варварскій въ художественномъ и церковно-археологическомъ смыслѣ, ремонтъ продѣланъ былъ на глазахъ и съ одобренія епархіальной власти, въ то время, какъ приглашенною тою же епархіальною властью комиссіей изъ свѣдущихъ лицъ (въ числѣ ихъ былъ и А. П. Сапуновъ) выработаны были сообразно съ задачами искусства и

археологіи весьма опредѣленныя директивы для ремонта... Но невѣжество и безвкусіе всегда увѣрены въ своей правотѣ, и что для нихъ указанія спеціалистовъ...

Разумѣется, расказанное мною, извѣстное мнѣ составляетъ только ничтожную частичку въ работѣ надъ разрушеніемъ церковной старины. И тутъ, и тамъ то уродуютъ до неузнаваемости, то прямо таки сваливаютъ въ кладовыя, сараи и на чердаки церковную старину, предметы нерѣдко высокаго изящества (напр. въ Витебской Задунавской церкви на площадкѣ лѣстницы, ведущей на колокольню, лѣтъ шесть тому назадъ я видѣлъ прекрасной работы царскія двери), и тамъ все это покрывается пылью, гніетъ, разваливается, пока случайно какой либо любитель старины не вытянетъ на свѣтъ Божій...

Таже исторія впрочемъ, повторяется и во всѣхъ концахъ нашего отечества. И въ центральныхъ губерніяхъ, и на далекомъ Сѣверѣ чердаки и кладовыя церквей завалены художественными и историческими драгоцѣнностями, въ то время какъ храмы наполняются произведеніями ремесленническаго производства, грубыми, шаблонными, безъидейными...

Но нашъ край въ дѣлѣ разрушенія старины имѣлъ и имѣетъ еще одного могучаго фактора, стершаго съ лица земли безконечное множество памятниковъ церковнаго зодчества, иконописи, утвари и пр. Разумѣю неразумную **ревность по вѣрѣ**.

При польско-католическомъ владычествѣ въ усиленной степени проявляли ее католики, старательно уничтожая слѣды православія, настолько старательно, что нашъ край сохранилъ меньше памятниковъ православно-русской старины, чѣмъ края, по которымъ прошли дикія полчища татаръ и надъ которыми тяготѣло вѣковое татарское иго.

...Приведу одинъ наглядный примѣръ, какъ относилось римско-католическое духовенство къ попавшимъ въ ихъ руки православнымъ святынямъ.

„Послѣ изгнанія іезуитовъ“ пишетъ А. П. Сапуновъ,*) храмъ „Св. Спаса въ Полоцкомъ Евфросиніевскомъ монастырѣ**) (бывшій до

*) А. Сапуновъ. Памятники временъ древнихъ и новѣйшихъ въ Витебской губерніи. Витебскъ, 1903 г. стр. 9.

**) О немъ см. выше.

1832 года въ вѣдѣніи піаровъ, находился въ самомъ жалкомъ видѣ"

„Храмъ стоялъ безъ оконъ и дверей, стѣнная древняя живо-
„пись была во многихъ мѣстахъ попорчена выцарапанными на ней.
„(руками іезуитскихъ воспитанниковъ) надписями, вродѣ: «кривоустъ»
„косоглазъ" и т. п. На многихъ иконахъ глаза святыхъ были выко-
„лоты. Слѣды пуль видны были въ ликѣ благословляющаго Спасите-
„ля въ куполѣ и въ образѣ Знаменія въ кельѣ преп. Евфросиніи"...

Таково было отношеніе къ православной древней святынѣ въ самомъ центрѣ католическаго просвѣщенія, на глазахъ у генераловъ іезуитскаго ордена (въ бывшемъ монастырѣ Св. Спаса находилась лѣтняя ихъ резиденція).

...По возсоединеніи уніатовъ съ православною церковью, отчасти и до него, началась работа по приданію храмамъ Западнаго Края православнаго вида: устраивали иконостасы, гдѣ ихъ не было, замѣняли уніатскія утварь (католическаго образца), богослужебныя книги православными, и пр. Но все это первые дѣятели по возсоединенію митрополитъ Іосифъ Сѣмашко, Василій Лужинскій*) Антоній Зубко и изъ древле православныхъ еп. Исидоръ (впослѣдствіи митрополитъ С. Петербургскій) вели съ мудрою постепенностью и съ умѣніемъ отличать существенное отъ несущественнаго и западно-русское православное—отъ католическаго.—При томъ они и не имѣли въ виду совершенно неразумной цѣли стереть поучительные слѣды пережитаго православнымъ западно-русскимъ населеніемъ. По этому, въ поуніатскихъ храмахъ въ это время наряду съ высокими иконостасами можно было видѣть боковые алтари католическаго типа, статуи, наряду съ православнаго образца сосудами—уніатскіе; оставались на своемъ мѣстѣ и служили своей цѣли амвоны для проповѣдниковъ, и пр., и пр., и все это не мѣшало постепенному росту православнаго и русскаго самосознанія въ духовенствѣ и народонаселеніи Края. Какой степени достигъ этотъ ростъ въ теченіи немно-

---

*) О дѣятельности въ этомъ отношеніи Архіепископа Василія Лужинскаго—въ предѣлахъ нашей епархіи см. книгу: Прот. Г. Шавельскій. Послѣднее возсоединеніе съ православною церковію уніатовъ Бѣлорусской епархіи. С.-Петербургъ, 1910 г.

гихъ десятилѣтій показалъ 1863 годъ, когда шляхта встрѣтила дружный отпоръ въ западно-русскомъ народѣ.

Съ 1866 года для церковной старины Полоцко-Витебскаго края наступили лихія времена. Въ этомъ году на Полоцкую Каѳедру вмѣсто отозваннаго для присутствованія въ Св. Синодѣ архіеп. Василія Лужинскаго былъ назначенъ изъ Московскихъ викаріевъ епископъ Савва.

Преосвященный Савва, впослѣдствіи архіепископъ Тверской, былъ личностью, далеко не заурядною среди іерарховъ Русской Церкви. Въ церковно-исторической наукѣ его имя еще при жизни пріобрѣло извѣстность благодаря изданному имъ весьма тщательно составленному описанію Московской патріаршей ризницы, а также многолѣтнимъ трудамъ по собиранію, систематизаціи и редактированію мнѣній и отзывовъ, резолюцій и писемъ Филарета, митрополита Московскаго, собраніе которыхъ составило многотомныя изданія. Свою любовь къ знанію преосвящ. Савва засвидѣтельствовалъ составленіемъ громадной, преимущественно богословской и церковно-исторической библіотеки, оставленной имъ Московской Духовной Академіи. Оставленныя имъ и изданныя посмертно колоссальныя по объему автобіографическія записки, не говоря уже о ихъ значеніи какъ историческаго матеріала,—самымъ фактомъ своего существованія характеризуютъ личность архипастыря съ точки зрѣнія работоспособности и пунктуальности. Въ самомъ дѣлѣ, только человѣкъ до крайности пунктуальный въ состояніи былъ бы въ теченіе всей жизни неопустительно собирать документальныя данныя для своей автобіографіи: и не только документы высокаго историческаго значенія, но и всѣ, даже самыя ничтожныя и по содержанію (сплетни), и по источнику происхожденія письма, а также телеграммы, даже простого поздравительнаго содержанія; снимать копіи съ отправляемыхъ имъ самимъ бумагъ, писемъ и телеграммъ; все это хранить и содержать въ порядкѣ; и только чрезвычайная работоспособность въ состояніи была систематизировать этотъ матеріалъ въ хронологическомъ порядкѣ и изложить вмѣстѣ съ воспоминаніями и характеристиками въ видѣ болѣе или менѣе стройнаго цѣлаго.

Что преосвященный Савва не только въ кабинетной работѣ, но

и въ своей архипастырской дѣятельности отличался тою же пунктуальностью и основательностью, объ этомъ свидѣтельствуетъ, между прочими другими, и такой примѣръ изъ его Записокъ.---Преосвященный обратилъ вниманіе на то, что въ Витебскомъ каѳедральномъ соборѣ облаченія священнослужителей, напрестольныя одежды и пр. не отличаются гармоническимъ сочетаніемъ цвѣтовъ, и сплошь и рядомъ завѣдующія этимъ лица неудачно въ этомъ отношеніи подбираютъ вещи одну къ другой, напримѣръ, цвѣтъ подризника не гармонируетъ съ цвѣтомъ ризы. Преосвященный рѣшилъ положить этому конецъ, но какъ человѣкъ основательный не положился въ этомъ дѣлѣ на себя и своихъ непосредственныхъ помощниковъ, а отнесся за указаніями въ соотвѣтствующую инстанцію. Но кто же можетъ въ такомъ тонкомъ дѣлѣ, какъ гармонія цвѣтовъ въ одеждахъ, быть наиболѣе компетентными, какъ не дамы? И вотъ преосвященный Савва обратился къ благочестивымъ Московскимъ дамамъ съ письменной просьбой о томъ, чтобы онѣ, посовѣтовавшись между собою, составили бы таблицу цвѣтовъ, гармонирующихъ другъ съ другомъ. Просьба была обязательно исполнена, и трудъ Московскихъ дамъ запечатлѣнъ для церковно-исторической науки въ Запискахъ преосвященнаго. Тамъ приведена таблица цвѣтовъ, составленная въ такомъ, приблизительно, видѣ: розовый цвѣтъ гармонируетъ съ голубымъ, зеленымъ, крэмъ и т. д.; красный цвѣтъ гармонируетъ съ желтымъ и т. д.—Таблица принята была преосвященнымъ къ свѣдѣнію и руководству для Витебскаго каѳедральнаго собора...

Если такой, повидимому, маловажный предметъ вызвалъ столько заботъ и столько самой тщательной, пунктуальной работы со стороны преосвященнаго Саввы, то можно ли думать, чтобы насущные запросы и нужды церковной жизни оставались безъ разработки, во много кратъ болѣе пунктуальной и тщательной?

Упомянутыя качества преосвященнаго Саввы, несомнѣнно выдѣлявшія его среди современниковъ-архипастырей, поставили бы его въ ряду знаменитѣйшихъ іерарховъ не только Русской, но и Вселенской церкви всѣхъ временъ, если бы онѣ сочетались съ глубиной и широтой мысли и богословско-научнаго и нравственно-практическаго воззрѣнія.

Но этого то ему и не доставало. При богатыхъ фактическихъ свѣдѣніяхъ въ области богословской и церковно-исторической преосвященный Савва сохранилъ школьную узость взглядовъ по богословскимъ и церковно-практическимъ вопросамъ и въ выработкѣ сужденій о разныхъ сторонахъ церковной жизни держался въ рамкахъ „мнѣній и отзывовъ“ митрополита Московскаго Филарета. Что касается общаго уклада и внѣшнихъ формъ церковно-религіознаго быта и богослуженія, то преосвященный Савва былъ строгимъ охранителемъ и насадителемъ православія, притомъ въ очень узкомъ смыслѣ, то есть, все, чему онъ не находилъ соотвѣтствія въ родныхъ ему губерніяхъ Владимірской и Московской, представлялось ему противорѣчащимъ духу православія и заслуживающимъ неуклоннаго и немедленнаго искорененія.

Поэтому, и къ личностямъ, и къ дѣятельности первыхъ дѣятелей по возсоединенію уніатовъ, дѣйствовавшихъ съ мудрой постепенностью и строгимъ различеніемъ существеннаго и второстепеннаго, въ особенности же къ своему непосредственному предшественнику по епархіи Высокопреосвященному Василію*), преосвященный Савва от-

---

*) „Образъ Бѣлорусскаго возсоединителя“, пишетъ въ своей книгѣ прот. Г. Шавельскій, „вышелъ изъ подъ его пера (преосвященнаго Саввы въ его запискахъ) очень непривлекательнымъ; индиферентъ, или въ лучшемъ случаѣ католикъ по религіознымъ убѣжденіямъ, полякъ по политическимъ симпатіямъ, не только не сдѣлавшій ничего для утвержденія православія, но даже гнавшій и преслѣдовавшій все православное, такимъ или почти такимъ рисуетъ пр. Василія его преемникъ... Слишкомъ рѣзкій отзывъ пр. Саввы объ убѣжденіяхъ пр. Василія и его управленіи епархіею, могущій набросить мрачную тѣнь подозрѣнія и на возсоединительное прошлое“ пр. Василія, требуетъ, чтобы мы не оставили его безъ необходимыхъ на нашъ взглядъ поясненій. Трудно указать всѣ мотивы, чувства и побужденія, подъ вліяніемъ которыхъ сложился въ представленіи пр. Саввы образъ его предшественника. Тутъ играли роль *и строго уставныя убѣжденія* (курсивъ вездѣ нашъ) бывшаго московскаго викарія, владимірца по рожденію, очень часто у подобныхъ людей *доходящія до фанатизма, до ненависти ко всему, не укладывавшемуся въ рамки устава и „древняго благочестія“*; тутъ играли роль и довольно обычныя въ жизни *чувства недовольства преемниковъ предшественниками, неумѣренной критики и строгости* первыхъ къ дѣйствіямъ послѣднихъ; тутъ же имѣли значеніе и *навыкъ подчиненныхъ, льстившихъ новому владыкѣ и унижавшихъ прежняго* и довѣрчивость къ нимъ

носился съ непреодолимой антипатіей и безпощадной, но далеко не безпристрастной и не тщательно освѣдомленной критикой. Въ мѣстныхъ церковныхъ дѣятеляхъ преосвящ. Савва въ лучшемъ случаѣ усматривалъ людей, стремящихся, но еще достигшихъ въ своей жизни и дѣятельности того православія, какое наблюдается въ Великороссійскихъ епархіяхъ*), недовѣрковъ, въ худшемъ случаѣ лицемѣровъ и затаенныхъ уніатовъ.

„пр. Саввы; тутъ наконецъ оказали свое вліяніе и *личные счеты* епископовъ... и кое-„что другое. Грѣхъ пр. Саввы въ томъ состоитъ, что онъ поддался этимъ вліяніямъ и измѣрялъ личность пр. Василія только по опредѣляемому ими масштабу, не сдѣ-„лавъ усилія провѣрить свое измѣреніе болѣе объективнымъ способомъ. Увлеченіе „пр. автора при этомъ иногда доходило *до курьезовъ*.

„Укажемъ на слѣдующій примѣръ. Преосв. Савва объясняетъ православный „образъ мыслей и дѣйствій митр. Іос. Сѣмашки тѣмъ, что, по словамъ послѣдняго, „во время его обученія въ главной семинаріи, были приняты по богословскимъ нау-„камъ учебники, употреблявшіеся въ австрійскихъ университетахъ и составленные „подъ вліяніемъ духа царствованія Іосифа II, направленные противъ злоупотребле-„ній папской власти. Объясненіе—исторически естественное и основательное. Но „антогонизмъ къ своему предшественнику заставилъ преосвященнаго автора пойти „дальше и запутаться въ сѣтяхъ противорѣчія. „А не тѣ, прибавимъ отъ себя—про-„должаетъ преосв. Савва,—какіе употреблялись въ прежнее время, когда воспитывал-„ся въ томъ же Виленскомъ университетѣ В. Лужинскій, т. е. проникнутые насквозь „духомъ іезуитскимъ". Между тѣмъ Сѣмашко и Лужинскій были товарищами по „скамьѣ, въ 1816 году поступившими, а въ 1820 году окончившими курсъ главной „семинаріи. Вообще надо сказать, что если бы пр. Савва спокойнѣе и объективнѣе „отнесся къ пр. Василію и не бросалъ бы обвиненій, не провѣривши ихъ справед-„ливость,—онъ многое изъ сказаннаго имъ не предалъ бы гласности и на многое „казавшееся въ пр. Василіи преступнымъ, измѣнилъ бы свой взглядъ"...

Прот. Г. Шавельскій. Послѣднее возсоединеніе съ православной церковью уніатовъ Бѣлорусской епархіи. С.-Петербургъ, 1910 г., введеніе стр. XXII—XXII.

*) Съ чувствомъ глубокаго превосходства преосвящ. Савва отмѣчаетъ всѣ уклоненія въ быту Западно-русскихъ архіереевъ отъ установившагося въ Великороссіи уклада архіерейской жизни. Описывая, напримѣръ, свой пріѣздъ въ Вильну для свиданія съ митрополитомъ Іосифомъ Сѣмашко, онъ съ благодушной ироніей изображаетъ, въ какое затруднительное положеніе поставленъ былъ маститый старецъ, самъ употреблявшій мясную пищу, узнавъ о пріѣздѣ строгаго постника-епископа изъ православной Москвы, и сколькихъ хлопотъ стоило достать для него рыбокъ и состряпать скудный постный обѣдъ. Преосвящ. Савва при этомъ упуститъ изъ виду, что преосвящ. Іосифъ (какъ и другіе возсоединенные архіереи) не былъ

А такъ какъ и жизнь, и люди Западнаго Края оказали при первой встрѣчѣ съ ними преосвященнаго Саввы пассивное (а иногда и активное) противодѣйствіе проведенію въ жизнь его взглядовъ и симпатій, то не удивительно, что преосвящ. Савва, отличавшійся при томъ чрезвычайно острымъ самолюбіемъ и отсутствіемъ самокритики, если не принесъ, то на мѣстѣ воспиталъ въ себѣ, доходящую подчасъ до ненависти, антипатію ко всему мѣстному, начиная съ обрядовъ и церковной обстановки и кончая людьми, сохранившими хоть тѣнь независимости сужденія и дѣйствія.

Изъ сказаннаго понятно уже, каково могло быть отношеніе преосвящ. Саввы къ мѣстной церковной старинѣ, въ значительной степени уніатской, и во всякомъ случаѣ Западно-русской, а не Московской.

Ее начали безпощадно искоренять.

Прежде всего и больше всего налегли на скульптурныя изображенія, усматривая въ нихъ высшую точку проявленія католическаго духа*), хотя стоящій внѣ всякаго подозрѣнія относительно чистоты и истовости православія Русскій Сѣверъ полонъ скульптурными изображеніями въ своихъ храмахъ и хотя въ бытность Московскимъ викаріемъ преосвящ. Савва, вѣроятно, неоднократно прикладывался къ статуѣ **Никола Можайскій**, чтимой въ Москвѣ какъ чудотворная икона. Кладовыя, чердаки и подвалы церквей завалены были статуями. А исполнители наиболѣе ретивые даже жгли ихъ.—Рѣзнымъ распятіямъ оказано было снисхожденіе (можетъ быть, въ виду того, что снятіе ихъ съ мѣста слишкомъ чувствительно отзывалось на религіозныхъ чувствахъ народа): имъ только «распиливали ножки**)». Эта послѣдняя

монахомъ, а былъ возведенъ въ архіерейскій санъ изъ бѣлыхъ священниковъ безъ предварительнаго постриженія въ монахи (по обычаю уніатской церкви, согласному съ древней практикой Вселенской церкви и нынѣшней Греческой), а, во вторыхъ, что даже и въ монастыряхъ Западнаго края было разрѣшено высшей церковной властью употребленіе мясной пищи.

*) То правда, что скульптурныя изображенія больше привились на Западѣ, а Восточная церковь ихъ избѣгала. Однакоже нужно замѣтить, что одна изъ первыхъ извѣстныхъ иконъ, изображеніе Спасителя, поставленное Имп. Константиномъ Великимъ на воротахъ Константинополя,—было *скульптурное*.

**) По католическому преданію ноги Спасителя были приГвождены однимъ

мѣра вошла даже въ мѣстные анекдоты, какъ свидѣтельствуетъ статья «Изъ воспоминаній о прошломъ», напечатанная въ Церковно-Общественномъ Вѣстникѣ за 1879 годъ *). „На нѣкоторомъ обѣдѣ одно высокопоставленное лицо выразило сожалѣніе, что не прибылъ владыка ...скій. «Не досугъ ему», отвѣчало другое высокопоставленное лицо: «занятъ весьма важнымъ дѣломъ».—Какимъ такимъ весьма важнымъ?—«Спасителю ноги **распиливаетъ** (намекъ на передѣлку рѣзныхъ распятій), былъ отвѣтъ». Боковые алтари католическаго образца были подвергнуты удаленію къ великому смущенію и горю прихожанъ, особенно стариковъ, не подозрѣвавшихъ, что эти алтари наносятъ ущербъ православію. Приняты были мѣры и къ уничтоженію амвоновъ для проповѣдниковъ, хотя ни по существу, ни по исторіи происхожденія, какъ можно видѣть изъ ранѣе сказаннаго, въ нихъ ничего нельзя усматривать противнаго православію, а съ практической точки зрѣнія имъ нельзя отказать въ цѣлесообразности, и хотя преосв. Савва могъ видѣть ихъ въ храмахъ Петербурга, въ частности, въ тѣхъ, гдѣ собирается на торжественное служеніе Св. Правительствующій Си-

---

гвоздемъ, будучи положены одна на другую. Распятія въ уніатскихъ церквахъ были устроены сообразно этому преданію. Чтобы привести ихъ въ согласіе съ православнымъ преданіемъ, и приходилось прибѣгать къ распиливанію.

*) Церк.-Общ. Вѣстникъ, 1879 г., № 14, стр. 5. Статья эта была напечатана безъ указанія мѣста дѣйствія и, разумѣется, безъ подписи автора. Духовенство Полоцкой епархіи однакоже безъ труда узнало въ статьѣ свою епархію и образъ преосвящ. Саввы. Оо. депутаты епархіальнаго съѣзда 1880 г. обратили вниманіе на эту статью. „Хотя въ статьѣ не обозначено ни мѣста, ни времени дѣйствія, и не названы лица, тѣмъ не менѣе съѣздъ нашелъ, что эта статья касается именно Полоцкой епархіи. Съѣздъ постановилъ: просить довести до надлежащаго свѣдѣнія, что съѣздъ признаетъ написанное въ такой-то статьѣ клеветой, ибо ничего подобнаго въ епархіи и консисторіи (откуда депутаты подобное узнали?) не было и всѣ дѣйствія лица, къ которому статья будто бы относится были благія и т. п...,—благодарить его за заботы о духовенствѣ и выразить сожалѣніе о незаслуженномъ оскорбленіи его неизвѣстнымъ составителемъ статьи". Церк.-Общ. Вѣстн., 1880 г. № 20 стр. 3. „То-то порадовали", замѣчаетъ по этому поводу другой корреспондентъ Ibid. стр. 5. „Преосвященнѣйшій, получивши этотъ адресъ, изволилъ выразить подписавшимъ его свою искреннюю благодарность за добрую память о немъ (отнош. отъ 23 февраля № 1507)". Ibid. № 47—48, стр. 5. (Опроверженіе корреспонденціи за подписью свящ. А. Гнѣдовскаго).

нодъ (Исакіевскій, Казанскій соборы). Полы въ алтаряхъ и клиросы подверглись также передѣлкѣ для приведенія въ соотвѣтствіе съ устройствомъ ихъ въ Великороссійскихъ епархіяхъ. Съ итальянской живописью, скрѣпя сердце, пришлось помириться, такъ какъ иначе пришлось бы вынести изъ церквей или переписать вновь большинство иконъ; впрочемъ, гдѣ позволяли средства, тамъ иконы итальянскаго письма удалялись и замѣнялись новыми, претендовавшими на православіе: написанными на золотомъ фонѣ. Такъ, изъ каѳедральнаго собора при ремонтѣ его удалена была икона „Снятіе со креста", приписываемая Сальватору Розѣ. Она нашла себѣ мѣсто въ Петропавловской церкви, а въ настоящее время, переживъ нѣсколько доморощенныхъ реставрацій, въ результатѣ которыхъ краски растрескались и въ значительной степени осыпались, помѣщена въ Витебскомъ церковно-археологическомъ музеѣ. Наконецъ, и наружный видъ храмовъ стали подвергать измѣненію съ цѣлью придать имъ православный видъ: воздвигались купола (деревянные наружные) тамъ, гдѣ ихъ не было; верхамъ башенъ придавался видъ русскихъ главъ. Конечно, при этомъ получалась дисгармонія и смѣшеніе стилей, а иногда и вопіющія архитектурныя несообразности, когда, напримѣръ куполъ устраивался надъ базиликой, не имѣющей поперечнаго нефа (куполъ въ базиликахъ, какъ говорилось выше, устраивается на пересѣченіи средняго продольнаго и поперечнаго нефовъ), а состоящей только изъ продольныхъ (какъ это, напримѣръ, имѣетъ мѣсто въ Витебской Покровской церкви), или установка его не сообразована съ расположеніемъ пилястровъ, раздѣляющихъ боковые фасады (такъ обстоитъ дѣло въ Витебской Рынковой Воскресенской церкви). Наиболѣе радикальной передѣлкѣ подверглись въ Витебскѣ каѳедральный Николаевскій соборъ и Св. Духовская церковь. Въ первомъ были заложены прежнія широкія окна и устроены новыя маленькія; верхній ярусъ башенъ былъ снятъ; фасады передѣланы. Въ Св. Духовской церкви также передѣланы окна, разобраны двѣ переднія башни и взамѣнъ ихъ построена высокая колокольня въ русскомъ стилѣ; но куполъ оставленъ въ прежнемъ видѣ и плохо согласуется съ фасадами и колокольней.

...Таковъ былъ тонъ, заданный преосвящ. Саввой, въ отноше-

ніи къ мѣстной старинѣ. Немало памятниковъ старины и искусства было погублено и изуродовано. Но зло, причиненное преосвящ. Саввою мѣстной церковной старинѣ не исчерпывается тѣмъ, что сдѣлано непосредственно имъ и по его распоряженію, и въ угоду ему за немногіе годы пребыванія его на Полоцкой каѳедрѣ. Болѣе глубокое зло, дающее себѣ чувствовать и по настоящее время, это духъ **презрѣнія** къ родной старинѣ и духъ узкаго **фанатизма**, внесенный имъ въ среду мѣстнаго духовенства, да и нѣкоторой части мірянъ. Чтобы не утомлять многими примѣрами въ этомъ отношеніи за недавнее сравнительно время, укажу только, что нѣсколько лѣтъ тому назадъ изъ Полоцкаго Николаевскаго собора удалена въ Софійскій высокохудожественная картина приписываемая Сальватору Розѣ, изображающая побіеніе Св. Первомученика Стефана камнями. Причина удаленія та, что чувство ревнителей православія смущалось видомъ мученика, напоминающимъ католическаго ксендза. И вотъ, полное жизни и движенія, способное доставить высокое художественное наслажденіе произведеніе искусства загнано въ заброшенный, холодный и сырой Софійскій соборъ, а, когда и послѣдній будетъ капитально ремонтированъ и станетъ мѣстомъ постояннаго богослуженія, то чувству ревности о православіи будетъ новая забота, куда бы еще загнать эту картину... Припоминаю, какъ лѣтъ 25 назадъ въ томъ же Полоцкомъ Николаевскомъ соборѣ досужіе ревнители отыскали въ одной изъ оставшихся отъ временъ іезуитовъ иконъ ничто иное, какъ изображеніе страждущей Польши, которую обнимаетъ Божія Матерь, а Божественный Младенецъ вручаетъ обручальное кольцо. Что это именно страждущая Польша, въ этомъ особенно убѣждало ревнителей и изображеніе (съ краю) орудій казни (колесованіе). Впрочемъ, нѣкоторые изъ нихъ въ этихъ колесахъ усмотрѣли колеса пушечнаго лафета. Казалось, революціонный характеръ иконы не подлежитъ никакому сомнѣнію. Оставалось только удалить соблазнъ, да еще помѣщенный на видномъ мѣстѣ, на лѣвомъ клиросѣ. Однакоже, болѣе спокойное и вдумчивое отношеніе открыло въ этой иконѣ изображеніе Св. великокомученицы Екатерины на сюжетъ изъ ея жизни (явленіе Небеснаго Жениха), а изображеніе орудія колесованія находящимся также въ полномъ соотвѣтствіи съ исторіей ея страданій. Икона осталась на своемъ мѣстѣ...

...И много пройдетъ еще времени, пока у насъ въ средѣ духовенства и православнаго народа привыкнутъ различать существенное отъ второстепеннаго, Западно-русское отъ католическаго и православное отъ Московскаго, цѣнить и уважать родную Бѣлорусскую старину и беречь памятники искусства, какому бы вѣроисповѣданію и народу они ни принадлежали...

...Къ счастью для нашей Бѣлорусской церковной старины, наряду съ разрушительнымъ, привнесеннымъ извнѣ, теченіемъ, возникло и другое теченіе въ сторону бережнаго и любовнаго отношенія ко всему родному...

Это теченіе возникло въ средѣ уроженцевъ Бѣлоруссіи, трудившихся на разныхъ поприщахъ государственной и общественной службы—въ родномъ краѣ.

Духовенство, связанное съ своими прихожанами тысячью нитей, въ свое время выступившее самымъ энергичнымъ бойцомъ противъ полонизма и латинства и отстоявшее русское дѣло въ Западномъ краѣ до 1863 года*), педагогическій міръ, начиная съ наставниковъ Духовной Семинаріи и Гимназіи, воспитавшихъ цѣлые ряды поколѣній мѣстной русской духовной и свѣтской интеллигенціи, и кончая скромнымъ труженикомъ на нивѣ народной—сельскимъ учителемъ, чиновничество, преимущественно невысокихъ ранговъ, наконецъ, немногочисленные не поглощенные полонизаціей, сохранившіе всецѣло духовный обликъ бѣлорусса представители бѣлорусскаго, преимущественно, мелкопомѣстнаго дворянства,—вотъ та среда, не богатая матеріально, не сильная положеніемъ, но богатая дарованіями и крѣпкая духомъ, близкая къ родному народу по рожденію, воспитанію, душевному складу, сроднившаяся съ его бытомъ, воззрѣніями, нравами и обычаями, вотъ среда, въ которой вмѣстѣ съ горячей привязанностью къ общему отечеству, единой и недѣлимой Россіи, съ глубокимъ сознаніемъ неразрывной духовной связи съ нимъ, жила и возрастала сознательная любовь къ родному Бѣлорусскому краю, къ своему тихому и кротко-

*) В. К. Стукаличъ, Н. Я. Никифоровскій, Вильна, 1910 г. (отд. отт. изъ „Записокъ Сѣверо-Западнаго Отдѣла Императорскаго Русскаго Географическаго Общества, кн. 1) стр. 3, 4, 5.

му народу, его быту, языку, поэзіи, къ исторіи родного края и народа и памятникамъ родной старины.

Эта то среда дала Полоцко-Витебскому краю Ксенофонта Говорскаго, М. Л. Веревкина, А. П. Сапунова, Е. Р. Романова, Н. Я. Никифоровскаго, В. К. Стукалича, Д. И. Довгялло и другихъ менѣе извѣстныхъ, а то и вовсе затерявшихся въ безвѣстности тружениковъ по изученію родного края въ области исторіи, археологіи, географіи, этнографіи, языка и народной словесности.

Въ этой же средѣ эти труженики нашли посильное содѣйствіе и сотрудничество, сочувствіе и нравственную поддержку въ своей нелегкой, богатой препятствіями и терніями идейной дѣятельности, казавшейся иногда окружающимъ лицамъ и начальству*) странной, неумѣстной и даже подозрительной въ смыслѣ областного сепаратизма...

И вотъ, бѣлоруссъ, который долгіе годы служилъ въ рукахъ своего полонизованнаго господствующаго класса не болѣе какъ этнографическимъ матеріаломъ для осуществленія культурной польско-католической задачи, который, послѣ крушенія этой задачи и государственнаго, религіознаго и культурнаго объединенія Края съ Россіей, даже въ глазахъ родного брата, именующаго себя старшимъ[1]), великорусса, призваннаго въ край послѣ 63 года для занятія всѣхъ болѣе или менѣе отвѣтственныхъ должностей[2]), остался непонятымъ и неоцѣненнымъ, считался,—таково было господствующее мнѣніе,—захудалой и зачахшей вѣтвью русскаго дерева[3]) „слабымъ и хилымъ“ народомъ, даже помѣсью съ польскимъ племенемъ, народомъ съ нарѣчіемъ, представляющимъ неудачную смѣсь русскаго языка съ польскимъ, народомъ безъ прошлаго и будущаго[4]), бѣлоруссъ, который и самъ, поддавшись настроенію своихъ новыхъ руководителей,

---

*) Въ этомъ отношеніи мы не мало разсказовъ слышали изъ устъ А. П. Сапунова.

[1]) В. К. Стукаличъ, l. c., стр. 3.

[2]) Ibid, стр. 2.

[3]) Ibid, стр. 4.

[4]) Ibid, стр. 4—6.

нерѣдко впадалъ въ самоотрицаніе, самоосмѣяніе и самооплеваніе[5]), отъ этихъ піонеровъ по изученію Бѣлоруссіи услышалъ впервые, что его народъ является „древнею, самостоятельною и значительною отраслью великаго русскаго племени", языкъ этого народа, якобы „неправильный и некрасивый", представляется въ дѣйствительности богатымъ и своеобразнымъ нарѣчіемъ, близкимъ къ русскому литературному языку[6]); что онъ имѣетъ свою поэзію, выразившуюся въ тысячахъ пѣсенъ, заунывныхъ и монотонныхъ, но богатыхъ внутреннимъ содержаніемъ, былинъ, сказокъ, пословицъ, прибаутокъ, свои были и преданія, носящія слѣды глубокой старины; что онъ имѣетъ свою исторію, богатую крупными событіями и драматическими эпизодами, своихъ героевъ, отмѣченныхъ лѣтописцами и воспѣтыхъ въ древне-русскомъ художественномъ эпосѣ (Всеславъ, князь Полоцкій, герой Слова о полку Игоревѣ); что еще въ тѣ времена, когда Московская Русь едва-едва выходила изъ мрака невѣжества, онъ имѣлъ уже своихъ ученыхъ и писателей (Францискъ Скорина, уроженецъ Полоцка, Симеонъ Полоцкій); что его города, теперь представляющіяся гнѣздами чуждаго племени, возникли въ сѣдой, даже доисторической древности (Полоцкъ, Витебскъ и др.) и играли видную роль не только въ русской исторіи, но и въ международныхъ культурныхъ сношеніяхъ (о чемъ свидѣтельствуютъ, напр., такое крупное явленіе, какъ торговля съ Ганзой, и такой историческій фактъ, какъ посѣщеніе Витебска сподвижникомъ Іоанна Гуса-Іеронимомъ Пражскимъ*) а также и въ боевыхъ столкновеніяхъ племенъ и культуръ (борьба съ Литвой, съ Ливонскимъ орденомъ, войны Москвы и Польши); что

---

[5]) „Очень многіе", пишетъ В. К. Стукаличъ, „видѣли свое честолюбіе въ томъ чтобы стать возможно дальше отъ массы народа, подвергали осмѣянію очень многое изъ того, чѣмъ жили и что было создано ихъ отцами и дѣдами, свято хранившими свои завѣтныя преданія, свою вѣру и народность въ самыя черныя годины испытаній, когда русская аристократія и русское общество протягивали дружескія руки исторической, клерикально-шляхетской Польшѣ... Ibid, стр. 5.

[6]) Ibid, стр. 3, 4, 5.

*) ...„Всѣ сыновья Ольгерда, пишетъ А. П. Сапуновъ, исповѣдывали право„славную вѣру; но особенное предпочтеніе православію оказывалъ Свидригайло— „Левъ, за что и былъ любимъ жителями Витебска... Этотъ князь былъ, надо думать, „въ близкихъ сношеніяхъ съ Гуситами. Въ 1413 г., любимый ученикъ Гуса Іеро-

въ безчисленныхъ могильныхъ курганахъ его края хранятся памятники глубокой древности; что его храмы, за своеобразный видъ которыхъ онъ нерѣдко стѣснялся и конфузился («старосвѣтскій, молъ видъ», „старосвѣтчина“) представляютъ изъ себя цѣнные памятники мѣстнаго зодчества, иногда отличающіеся высокимъ художественнымъ достоинствомъ, нѣкоторые, правда, немногіе имѣютъ глубокую древность, и одинъ изъ нихъ—Полоцкая Софія даже въ чрезвычайно поэтической формѣ упомянутъ въ знаменитомъ „Словѣ о полку Игоревѣ*), а хранящіеся въ ризницахъ, кладовыхъ, на чердакахъ и въ подвалахъ этихъ храмовъ—иконы, статуи, сосуды, ветхія облаченія и пр., и пр.—представляютъ цѣнный археологическій матеріалъ; услышалъ вмѣстѣ съ тѣмъ и горячій призывъ уважать и любить свою старину, собирать и охранять слѣды ея въ зданіяхъ, предметахъ религіознаго, общественнаго и домашняго обихода, въ книгахъ и въ живомъ народномъ словѣ.

Отсюда же раздался и голосъ объ открытіи въ Витебскѣ хранилища для памятниковъ церковной старины.

Дальнѣйшія подробности объ этомъ мы заимствуемъ изъ описанія музея, составленнаго Д. И. Довгялло и Н. Я. Никифоровскимъ**).

...„18 іюля 1892 года б. инспекторъ народныхъ училищъ Витебской губерніи Е. Р. Романовъ подалъ тогдашнему Преосвященному Полоцкому и Витебскому Антонину, записку „объ устройствѣ въ

„нимъ Пражскій былъ, между прочимъ, въ Витебскѣ, гдѣ публично заявлялъ, что вѣра православная „будетъ и есть совершенная, и Русскіе хорошіе христіане“... А. П. Сапуновъ. Рѣка Западная Двина. Витебскъ, 1893 г., стр. 387. Любопытныя подробности объ этомъ пребываніи и объ участіи Іеронима Пражскаго въ православной церковной процессіи, извлеченныя изъ актовъ Констанцскаго собора, см. А. П. Сапуновъ. Витебская Старина, т. 1 стр. 27—28.

*) „Въ Полоцкѣ стольномъ ему позвонили къ заутрени рано
„Въ колокола у Софіи святой, а онъ въ Кіевѣ слышалъ
„Благовѣстъ тотъ“...
Цитируется по вышеупомянутой книгѣ А. П. Сапунова, стр. 408—409.

**) Описаніе предметовъ древности, поступившихъ въ Витебское Епархіальное церковно-археологическое хранилище по ноябрь 1897 года. Вып. 1-й, Витебскъ 1899 г., (отд. оттиски изъ приложеній къ Полоцк. Епарх. Вѣд. 1897, 98 и 99 г.г.

Витебскѣ „мѣстнаго церковнаго хранилища“ для памятниковъ церковной старины*).

„На очередномъ собраніи Свято-Владимирскаго Братства 8 ноя„бря 1892 года заботливый архипастырь предложилъ осуществить „устройство церковно-археологическаго музея совмѣстно съ народной „читальней. Для помѣщенія музея и читальни онъ предоставлялъ „свободный залъ въ архіерейскомъ домѣ. Предложеніе Владыки было „принято собраніемъ съ братскимъ сочувствіемъ, и Братство просило „иниціатора дать сему дѣлу дальнѣйшее движеніе“.

„Утверждая 11 декабря 1892 года проектъ составленной смѣты,

---

*) Приводимъ изъ вышеупомянутаго описанія полный текстъ поданной Е. Р. Романовымъ записки:

„Во многихъ храмахъ Высочайше ввѣренной Вашему Преосвященству епархіи „имѣются памятники церковной старины, предстаавляющіе не только мѣстный, но и „общій церковно-археологическій интересъ, и съ этой стороны заслуживающіе тща„тельнаго сохраненія отъ уничтоженія временемъ и неопытностью лицъ, ближайшему „наблюденію которыхъ они ввѣрены. Въ числѣ этихъ памятниковъ встрѣчаются, „какъ мнѣ извѣстно, древнія облаченія, нерѣдко изъ холста или пестряди, а иногда „изъ замѣчательныхъ образцовъ древней парчи и шелка; встрѣчаются древніе сосу„ды: деревянные и оловянные потиры, дискосы, блюда, свѣщники, часто со священ„ными изображеніями или рѣдкимъ орнаментомъ, рѣзнымъ и живописнымъ; имѣют„ся древніе металлическіе и деревянные кресты и образа стараго письма: западной „и великорусской школы; старинныя плащаницы; старопечатныя и рукописныя бо„гослужебныя книги, старинные планы несуществующихъ въ настоящее время хра„мовъ; древніе колокола, предметы церковной утвари, лубочные вѣнцы и т. п.

„Въ настоящее время предметы эти уже не употребляются при богослуженіи „и, большею частью, хранятся въ кладовыхъ, въ башняхъ колоколенъ и даже въ „сараяхъ, безъ подобающей имъ благоговѣйной бережливости“.

„Въ виду сего и принимая во вниманіе, съ одной стороны, совершенную не„надобность помянутыхъ предметовъ для церковнаго обихода и неимѣнія средствъ „у причтовъ для содержанія ихъ въ должной сохранности,—и съ другой,—громад„ную важность ихъ для церковной археологіи, считаю долгомъ обратить на это об„стоятельство высокопросвѣщенное вниманіе Вашего Преосвященства, на тотъ пред„метъ, не соблаговолите ли Вы сдѣлать распоряженіе о высылкѣ при этомъ всѣхъ „такихъ предметовъ, неимѣющихъ особенной цѣнности по матеріалу и не составляю„щихъ мѣстночтимой святыни, въ Витебскъ, гдѣ съ благословенія Вашего Преосвя„щенства могло бы быть устроено, по примѣру другихъ епархій, мѣстное церковное „хранилище“. I. с. стр. 8—9.

„Преосвященный Антонинъ выразилъ желаніе, чтобы члены по устрое-„нію церковно-археологическаго древлехранилища и завѣдыванію „онымъ стояли внѣ зависимости отъ проектируемой читальни, вѣда-„лись съ предметами исключительно музейными. При этомъ Владыка „назначилъ членами-устроителями древлехранилища г.г. Е. Р. Рома-„нова, А. П. Сапунова и свящ. В. О. Говорскаго".

„2 сентября 1893 г., въ присутствіи Преосвященнаго Антонина, „послѣдовало частное открытіе древлехранилища, съ какового дня „это учрежденіе можно считать начавшимъ свое бытіе".

„Къ этому дню г.г. Романовъ и Сапуновъ представили Преосвя-„щенному проэктъ устава древлехранилища, который съ представле-„ніемъ Владыки отъ 11 сентября 1893 года, былъ направленъ въ Св. „Синодъ на утвержденіе".

„Тѣмъ временемъ, съ разрѣшенія Преосвященнаго Антонина, „г.г. Романовъ и Сапуновъ начали устроеніе древлехранилища. Они „посѣтили городскія церкви: Благовѣщенскую, Ильинскую, Петропав-„ловскую, кладбищенскую Михайловскую и церкви Маркова мона-„стыря, гдѣ намѣтили предметы, непригодные для текущей церков-„ной обиходности, но вполнѣ достойные занять мѣсто въ древлехра-„нилищномъ помѣщеніи. Доставленные въ древлехранилище, отобран-„ные г.г. Романовымъ и Сапуновымъ предметы размѣщены были „устроителями въ посильной систематичности".

27 октября 1895 года послѣдовалъ указъ Св. Синода объ откры-тіи въ Витебскѣ церковно-археологическаго древлехранилища, съ по-мѣщеніемъ его въ зданіи архіерейскаго дома, при чемъ народная чи-тальня, согласно представленію новаго Полоцкаго архипастыря, прео-священнаго Александра (съ 1894 г.) должна была быть устроена въ отдѣльномъ наемномъ помѣщеніи. Уставы обоихъ учрежденій были утверждены.

„Такимъ образомъ, древлехранилище получило все, что санкціо-„нируетъ его бытіе—бытіе отдѣльнаго отъ читальни, самостоятельна-„го учрежденія, имѣющаго свой уставъ".

...„За перемѣщеніемъ г. Романова на службу въ Гродненскую „губернію, въ январѣ 1895 г., устраиваемое древлехранилище оста „лось на рукахъ лишь г. Сапунова. По предложенію Преосвященна-

„го Александра Епископа Полоцкаго и Витебскаго, 5 марта 1895 г., „собраніе членовъ Св.-Владимирскаго Братства, въ помощь г. Сапуно„ву, избрало въ члены комиссіи по завѣдыванію церковно-археологи„ческимъ древлехранилищемъ слѣдующихъ лицъ: помощника инспек„тора Витебской духовной семинаріи,—Дм. Ив. Довгялло и учителя „приготовительнаго класса Витебской мужской гимназіи Ник. Як. „Никифоровскаго. Эти два члена занялись составленіемъ каталога и „описанія всѣхъ предметовъ древности, имѣющихся въ древлехрани„лищѣ, чего до того времени еще не было. Потративъ на это дѣло „не мало времени, означенные же члены въ заботахъ о ростѣ и преу„спѣяніи древлехранилища, просили Совѣтъ Братства снестись съ „Полоцкой духовной консисторіей, чтобы она циркулярно предложи„да духовенству епархіи сообщить: гдѣ и какіе имѣются предметы „древности. И Совѣтъ Братства въ концѣ апрѣля 1897 года отнесся „о томъ въ консисторію".

Въ августѣ мѣсяцѣ 1897 г. А. П. Сапуновъ отказался отъ завѣдыванія древлехранилищемъ за переходомъ на службу въ Москву и на его мѣсто былъ избранъ Братствомъ учитель Витебской мужской гимназіи И. Ю. Сабинъ-Гусъ. Послѣдній изготовилъ нѣсколько фотографическихъ снимковъ съ наиболѣе достопримѣчательныхъ предметовъ древлехранилища*).

Первоначально подъ церковно-археологическій музей отведенъ былъ просторный залъ въ южной части зданія архіерейскаго дома,— нѣкогда залъ засѣданій витебскихъ іезуитовъ. Нѣсколько лѣтъ спустя музей былъ переведенъ въ новое, менѣе удобное и довольно тѣсное помѣщеніе надъ архіерейской церковью, состоящее изъ трехъ небольшихъ комнатъ, гдѣ и помѣщается доселѣ.

Заканчивая историческій очеркъ и общее описаніе помѣщенія древлехранилища (первоначальнаго), почтенные составители дѣлаютъ такое, полное надеждъ, заключительное замѣчаніе:

„Просторъ древлехранилищнаго помѣщенія, свѣтовое его довольство, достатокъ складищной мебели и мебели подслорной, какъ столы и стулья, дающіе возможность посѣтителю не только отдохнуть,

*) I. c., стр. 9—14.

„но и **заняться**,—сразу ставитъ наше Витебское церковно-археологи-„ческое древлехранилище на извѣстную высоту, и **если оно займетъ „пока послѣднее мѣсто въ числѣ сродныхъ учрежденій другихъ епархій, „такъ только** пока, **въ виду его совершенно недавняго возникновенія** „(курсивъ, исключая слова **пока** нашъ)".

„Участливое отношеніе къ древлехранилищу епархіальной вла-„сти, дѣятельная помощь епархіальнаго духовенства въ доставленіи „въ древлехранилище имѣющихся въ ихъ приходахъ предметовъ „древности,—вотъ несомнѣнныя, твердыя ручательства за ростъ и „преуспѣяніе нашего юнаго древлехранилища!*).

Увы! и тогда уже почтенные дѣятели по музею могли видѣть дѣйствительное отношеніе къ нему, и, конечно, тѣ упоминанія объ участливомъ отношеніи и пр. были не болѣе, какъ pia desideria, но чего они, вѣроятно, не предвидѣли, такъ это того, что все же музей тогда переживалъ если не золотой, то по крайней мѣрѣ серебряный вѣкъ своего существованія, и что скоро наступитъ желѣзный вѣкъ и вмѣсто ожидаемаго роста состояніе летаргіи въ жизни музея.

Уже вскорѣ послѣ открытія, черезъ годъ, два видно стало, что музей въ глазахъ кого слѣдуетъ является только терпимымъ, въ силу разъ допущенной и уже непоправимой ошибки, зломъ, только обузой, отнимающей лишнее помѣщеніе у недостаточно просторнаго и безъ того архіерейскаго дома.

О расширеніи помѣщеній музея, конечно, и рѣчи быть не могло и не можетъ.

А такъ какъ музей быстро наполнился памятниками старины, то и это уже одно явилось препятствіемъ къ росту этого почтеннаго учрежденія: новыхъ поступленій дѣвать стало некуда.

Къ тому же и Свято-Владимирское Братство скоро охладѣло къ своему дѣтищу, занявшись другими операціями, экономическаго характера.

Если Вы, увидя вблизи архіерейской церкви при входѣ въ архіерейскій дворъ вывѣску «Церковно-археологическій музей», попытаетесь проникнуть въ него въ будни, то послѣ долгихъ мытарствъ и

---

*) Ibid. стр. 18.

разспросовъ у встрѣчныхъ обитателей архіерейскаго дома и въ братской лавкѣ, узнаете, что музей открытъ лишь въ праздники, а въ будни въ него никакъ проникнуть нельзя, такъ какъ ключи находятся у завѣдующаго музеемъ, который въ будни поглощенъ педагогической дѣятельностью.

Такимъ образомъ, для Васъ ясно становится, что музей въ настоящей его постановкѣ является только хранилищемъ церковной старины, а не научно-образовательнымъ учрежденіемъ. Въ самомъ дѣлѣ, проѣзжающій черезъ Витебскъ путешественникъ, можетъ ознакомиться съ памятниками Полоцко-Витебской церковной старины, сгруппированными въ музеѣ, лишь въ томъ случаѣ, если онъ пріѣдетъ въ Витебскъ въ праздничный день или останется ради музея до праздничнаго дня. Представьте же, какъ мало проѣзжихъ лицъ, даже изъ имѣющихъ интересъ къ церковной старинѣ, могутъ посѣтить музей. О научныхъ занятіяхъ въ музеѣ и говорить нечего. Какая же систематичная научная работа возможна въ учрежденіи, которое открывается такъ рѣдко и притомъ на короткое время, когда эта работа требуетъ просиживать многіе часы и цѣлые дни, разбираясь, сравнивая, списывая и срисовыя? Чтобы основательно изучить что-нибудь при такихъ условіяхъ, вѣдь, надо посвятить вмѣсто недѣль—многіе мѣсяцы.

...Какъ бы тамъ ни было, въ праздничный день, въ извѣстные часы, идете Вы посмотрѣть хранилище старины Полоцко-Витебскаго края. Уже самая дверь, ведущая изъ архіерейскаго палисадника въ музей, но болѣе приличная для чернаго хода въ кухню, покажетъ Вамъ сразу, что это учрежденіе не принадлежитъ къ числу пользующихся почетомъ. Пройдя эту дверь, Вы попадаете въ полутемныя, холодныя и не особенно чистыя сѣни съ лѣстницей во второй этажъ. Въ сѣняхъ, на площадкѣ лѣстницы и на верху предъ входомъ въ музей навалены какіе то ящики. Вы узнаете, что это товаръ братской лавки.

Въ самомъ музеѣ иконы, статуи, витрины—покрыты пылью, какъ бы усугубляя впечатлѣніе старины и напоминая „пыль вѣковъ“. Въ зимнее время въ помѣщеніи музея адская стужа.

Отъ почтеннаго завѣдующаго музеемъ Вы узнаете, что онъ яв-

ляется единственнымъ лицомъ, на попеченіи котораго находится музей, что музей не имѣетъ ни одного постояннаго служителя и не пользуется и смѣнной прислугой отъ архіерейскаго дома и отъ братства, что помѣщеніе музея тѣсно и вновь поступающіе предметы, какъ бы мало ихъ ни поступало, не приходится располагать въ опредѣленномъ порядкѣ и на виду.

...Врядъ ли кто теперь, видя настоящее музея, будетъ возлагать надежды на ростъ и процвѣтаніе этого учрежденія въ будущемъ.

...Съ учрежденіемъ у насъ Ученой Архивной Комиссіи Полоцко-Витебскій край имѣетъ возможность сдѣлать шагъ впередъ въ дѣлѣ изученія и охраненія памятниковъ церковной старины.

Никто не будетъ сомнѣваться, что Архивная Комиссія близко принимаетъ къ сердцу это дѣло, полна самаго горячаго сочувствія къ нему.

Но, чтобы это сочувствіе перешло въ жизнь и дало осязательные результаты, для этого Комиссіи необходимо, во первыхъ, учесть свои наличныя силы и сорганизовать ихъ на дѣло изученія и охраненія памятниковъ церковной старины, а, во вторыхъ, сообразуясь съ реальными условіями, выработать планъ своей работы въ этомъ отношеніи.

Нѣсколько соображеній по этому предмету я позволю себѣ изложить предъ Вами съ цѣлью вызвать обмѣнъ мнѣній, который, конечно, послужитъ къ полному и стройному развитію программы дѣятельности.

...Кто бы что ни говорилъ, среди членовъ Комиссіи нѣтъ недостатка въ свѣдующихъ людяхъ по вопросамъ археологіи вообще, и церковной въ частности и въ особенности.—Но, чтобы эти силы вызвать къ дѣятельности (не единоличной, а комиссіонной), дѣятельности этой придать характеръ постоянной, регулярной и стройной, чтобы Комиссіи не быть иной разъ застигнутой требованіями жизни въ данномъ отношеніи врасплохъ, эти силы необходимо объединить въ видѣ особой секціи или подкомиссіи по изученію и охраненію памятниковъ мѣстной церковной старины. Эта то секція или подкомиссія и была бы тѣмъ постояннымъ органомъ, при помощи котораго Архивная Комиссія могла бы удовлетворять запросамъ, предъявляемымъ

представителями духовнаго вѣдомства и приходовъ, а также частными лицами, имѣющими интересъ къ церковной старинѣ,—съ одной стороны, а съ другой стороны, собирать матеріалы относительно памятниковъ церковной старины края, обрабатывать ихъ, опубликовывать въ текущей печати и спеціальныхъ изданіяхъ; на основаніи собранныхъ данныхъ разрабатывать свои соображенія и входить съ тѣми или другими представленіями къ духовной власти, а также въ соотвѣтствующія научныя и правительственныя инстанціи.

Въ составъ такого спеціальнаго органа должны были бы войти, помимо свѣдущихъ собственно въ церковной археологіи людей, еще и лица съ художественнымъ и техническимъ образованіемъ, а также представители духовнаго вѣдомства изъ числа нашихъ членовъ. О значеніи участія въ церковно-археологической секціи или подкомиссіи такихъ лицъ, думаю, нѣтъ нужды распространяться.

Теперь посмотримъ, что могла бы сдѣлать Комиссія, пользуясь такимъ спеціальнымъ органомъ, на пользу церковной археологіи края.

Прежде всего нужно озаботиться распространіемъ и популяризаціей свѣдѣній по церковной археологіи края и развитіемъ любви и интереса къ ней. Такимъ путемъ, вѣдь, Комиссія получитъ цѣлые кадры сотрудниковъ, съ помощью которыхъ можно сдѣлать гораздо больше, чѣмъ путемъ административныхъ предписаній и мѣръ поощренія и наказанія и детальныхъ программъ и правилъ относительно церковной старины кабинетно-бюрократическаго характера.

Для достиженія указанной цѣли, не довольствуясь самымъ лишь фактомъ открытія у насъ Отдѣленія Московскаго Археологическаго Института, нужно въ достаточной степени представлять руководителямъ Института необходимость введенія въ преподаваніе ряда спеціальныхъ дисциплинъ, нужныхъ для изученія археологіи и археографіи Западнаго Края.

Не вдаваясь въ подробности по этому общему вопросу постановки преподаванія въ Институтѣ, укажу, что для цѣлей церковной археологіи необходимо преподаваніе исторіи Западно-русской церковной архитектуры въ связи и сопоставленіи съ архитектурой Мало-

россіи, Галиціи, Донской области и Католическаго Запада съ одной стороны, Византіи и Великой Руси съ другой, Западно-русской иконографіи и церковной археологіи вообще, исторіи письменности и печатнаго дѣла въ Западной и Юго-Западной Руси.

Съ другой стороны, пользуясь наличнымъ матеріаломъ, какъ библіотечнымъ, такъ и въ особенности живымъ, въ видѣ находящихся у всѣхъ на глазахъ памятниковъ церковной старины, Архивная Комиссія могла бы предпринять составленіе, печатаніе и возможно широкое распространеніе въ мѣстномъ обществѣ и въ особенности среди духовенства—общедоступныхъ статей по церковной археологіи края, какъ общаго характера, имѣющихъ цѣлью дать основныя свѣдѣнія и развить интересъ и любовь къ церковной старинѣ, такъ и посвященныхъ вопросамъ церковной археологіи и отдѣльнымъ памятникамъ старины.

Что касается чисто научной дѣятельности по изученію памятниковъ церковной старины, то Комиссія должна озаботиться подробнымъ описаніемъ памятниковъ церковной архитектуры нашего края, разумѣется, выдвинувъ на первый планъ наиболѣе древніе и наиболѣе цѣнные въ художественномъ отношеніи. Для составленія такихъ описаній Комиссія, разумѣется, должна выступить во всеоружіи своихъ научныхъ, художественныхъ и техническихъ силъ. Необходимо изготовленіе возможно большаго количества фотографическихъ снимковъ какъ общаго наружнаго и внутренняго вида зданія, такъ и отдѣльныхъ его частей, и архитектурныхъ и декоративныхъ деталей. Наиболѣе достопримѣчательныя иконы и стѣнопись должны быть сфотографированы и, кромѣ того, сняты на кальку. Не довольствуясь фотографическими снимками зданія, необходимо произвести точные и подробные обмѣры въ длину, ширину и высоту, и на основаніи ихъ составить точные чертежи.

Разумѣется, одновременно съ осмотромъ зданія, члены Комиссіи должны, заручившись на это разрѣшеніемъ епархіальнаго начальства, произвести самый подробный осмотръ библіотеки, архива, сосудовъ, облаченій, иконъ, статуй и прочаго имущества храма, при чемъ нужно помнить, что причты далеко не всегда знаютъ, что у нихъ есть цѣннаго въ археологическомъ и художественномъ отношеніи, а так-

же и то, что иногда можно сдѣлать цѣнныя находки тамъ, гдѣ ихъ меньше всего можно было ожидать. Въ этомъ отношеніи позволю себѣ привести слѣдующій примѣръ. Въ боковушкѣ-кладовой одной сельской церкви стоялъ большой книжный шкапъ, занимая все пространство отъ южной до сѣверной стѣны. Разбирая книги въ этомъ шкапу, я обратилъ вниманіе, что глубина этого шкапа не соотвѣтствуетъ длинѣ соотвѣтственныхъ боковыхъ стѣнъ зданія, и, слѣдовательно, шкапъ не вплотную приставленъ къ восточной стѣнѣ, а остается еще довольно значительное пространство. Когда я спросилъ у церковнаго старосты, зачѣмъ это такъ сдѣлано, онъ объяснилъ мнѣ, что туда лѣтъ 30 назадъ бывшій тогда священникъ помѣстилъ рѣзное распятіе. Заинтересовавшись этимъ распятіемъ, я попросилъ одного изъ подвернувшихся крестьянъ забраться за шкапъ черезъ верхъ и попытаться достать распятіе. Тотъ, забравшись, объявляетъ что тутъ, дѣйствительно, есть „распятте“ и еще «другій», котораго онъ даже испугался. Что это такое «другій», онъ никакъ не могъ объяснить. Когда мы общими усиліями наклонили шкапъ впередъ, и явилась возможность достать оттуда находившіеся тамъ предметы, то оказалось, что «другій»—довольно хорошей работы статуя Спасителя, которая мною и была доставлена въ Витебскій церковно-археологическій музей...

Съ предметовъ цѣнныхъ должны быть сдѣланы фотографическіе снимки.

Предметамъ цѣннымъ въ археологическомъ отношеніи долженъ быть составленъ каталогъ съ подробнымъ описаніемъ. Копіи съ этого каталога должны быть вручены епархіальному начальству и причтамъ церквей.

Такія описанія наиболѣе древнихъ церквей и цѣнныхъ въ археологическомъ отношеніи предметовъ по мѣрѣ возможности должны быть печатаемы въ приложеніи къ книжкамъ «Полоцко-Витебской Старины».

Для дѣла собственнаго охраненія памятниковъ церковной старины, какъ то—церковныхъ зданій и ихъ обстановки, Архивная Комиссія можетъ принести посильную пользу постольку, поскольку епархіальное начальство и причты церквей, какъ это нерѣдко имѣло

мѣсто и доселѣ, будутъ обращаться въ Архивную Комиссію съ вопросами, касающимися сноски, передѣлокъ, перестроекъ церковныхъ зданій,—измѣненія ихъ наружнаго вида и замѣны иконостасовъ и прочаго стараго убранства новымъ, подновленія иконъ и стѣнописи. Церковно-археологическая секція получивъ такіе запросы командируетъ на мѣсто одного изъ своихъ компетентныхъ въ дѣлѣ членовъ, а въ исключительно важныхъ случаяхъ выбываетъ и in corpore; на основаніи собранныхъ данныхъ секція даетъ свое заключеніе. Ученая Архивная Комиссія въ нужныхъ случаяхъ отстаиваетъ предъ епархіальнымъ начальствомъ точку зрѣнія и предположенія своего спеціальнаго органа.

Впрочемъ независимо отъ обращеній къ Архивной Комиссіи со стороны Духовнаго Вѣдомства, и сама она, по своей иниціативѣ, можетъ содѣйствовать охраненію памятниковъ старины путемъ представленій и ходатайствъ предъ духовной и гражданской властью и путемъ печатнаго слова.

Въ частности, напримѣръ, слѣдовало бы обратиться къ епархіальному начальству съ представленіемъ о необходимости для предохраненія церковныхъ зданій отъ ударовъ молніи снабдить церкви громоотводами, въ особенности такія цѣнныя въ археологическомъ отношеніи, какъ, напримѣръ, Троицкая церковь Маркова монастыря.

...Нечего и говорить, что въ цѣляхъ сохраненія цѣнныхъ въ археологическомъ отношеніи книгъ, облаченій, утварей, иконъ и прочихъ предметовъ церковной обстановки, а также и облегченія научнаго и художественнаго ихъ изученія является настоятельно нужнымъ собирать ихъ въ музеи.

И, разумѣется, Музей Архивной Комиссіи охотно бы раскрылъ свои двери и витрины для нихъ, и многіе изъ духовенства охотно бы доставили многое, зная по опыту, какъ трудно беречь все это въ тѣснотѣ ризницъ и кладовыхъ и избѣжать порчи на чердакахъ и въ подвалахъ. Но... по постановленію высшей духовной власти иконы и древности изъ церквей могутъ быть сдаваемы только въ музеи Духовнаго Вѣдомства, и Архивная Комиссія не имѣетъ права принимать такіе предметы въ свой музей, а экспоненты изъ духовенства за доставку ихъ сюда могутъ нажить серьезныя непріятности. Такимъ

образомъ, для Полоцко-Витебскаго края получается такое положеніе церковно-археологическій музей не можетъ принимать предметы церковной старины за тѣснотою помѣщенія, во всякомъ случаѣ, не имѣетъ возможности, принявъ ихъ, расположить, какъ слѣдуетъ, а музей Архивной Комиссіи и радъ бы принимать, да не смѣетъ. Ergo, предметы церковной старины должны находиться тамъ же, гдѣ доселѣ находились, то есть, въ кладовыхъ, на чердакахъ и въ подвалахъ, и портиться такъ же, какъ доселѣ портились. Въ лучшемъ случаѣ, они могутъ дѣлаться достояніемъ частныхъ лицъ, коллекціонеровъ въ родѣ небезызвѣстнаго минскаго quasi ученаго Татура.

Такому печальному положенію дѣла Архивная Комиссія врядъ ли будетъ въ силахъ пособить.

Скорѣе, быть можетъ, удалось бы исхлопотать разрѣшеніе открыть при Витебскомъ Отдѣленіи Московскаго Археологическаго Института учебный музей для цѣлей преподаванія мѣстной церковной археологіи.

Кстати скажу, что открытіе такого учебнаго музея при Витебской Духовной Семинаріи было бы весьма полезнымъ для будущихъ пастырей церкви. Архивная Комиссія, конечно, могла бы представить по этому предмету свои соображенія духовной власти...

Такимъ путемъ достигнуто было бы двѣ цѣли, образовательная и—сбереженіе хоть небольшой части цѣнныхъ церковно-археологическихъ предметовъ отъ порчи и гибели.

Вотъ, въ существенномъ и все, что составляетъ, на мой взглядъ, задачи Архивной Комиссіи въ дѣлѣ изученія и охраненія памятниковъ церковной старины Полоцко-Витебскаго края.

Въ заключеніе долгомъ считаю выразить мою искреннюю признательность А. П. Сапунову и В. К. Стукаличу, не отказавшимъ мнѣ въ совѣтахъ и указаніяхъ, а также К. А. Змигродскому, любезно принявшему на себя трудъ дать къ моему докладу пояснительные рисунки.

П. Красавицкій.

11 февраля 1912 года.

Витебскъ.

ЛИТЕРАТУРА.

1) Е. Е. Голубинскій. Исторія Русской Церкви. 2-я пол. 1-го тома, 1904 г., стр. 231—237.
2) Изъ воспоминаній о прошломъ. Церковно-Общественный Вѣстникъ за 1879 г., № 14.
3) Свящ. М. И. Красавицкій. Братчина святителя Николая при Витебской Иліинской церкви. Полоцкія Епархіальныя Вѣдомости за 1874 г., № 24.
4) Н. Я. Никифоровскій. Странички изъ недавней старины г. Витебска. Витебскъ, 1899 г.
5) „ „ „ „ и Д. И. Довгялло. Никольская церковь въ Задвинской Слободкѣ м. Бѣшенковичъ, Лепельскаго уѣзда. Витебскъ, 1899 г. (отдѣльн. отт. изъ №№ 3—5 Полоцк. Епарх. Вѣд. за 1899 г.).
6) „ „ „ „ „ „ „ Описаніе предметовъ, поступившихъ въ Витебское Епархіальное церковно-археологическое хранилище по ноябрь 1897 года. Вып. 1-й, Витебскъ, 1899 г. (отд. отт. изъ приложеній къ Полоцк. Еп. Вѣд. за 1897, 98 и 99 г.г.).
7) Е. Орловскій. Судьбы православія въ связи съ исторіею латинства и уніи въ Гродненской губерніи въ XIX столѣтіи. Гродна, 1903 г.
8) А. М. Павлиновъ. Древніе храмы Витебска и Полоцка (1-й т. Трудовъ IX Археологическаго Съѣзда въ Вильнѣ).
9) Полоцкій Епархіальный Съѣздъ (корреспонденціи и опроверженія). Церковно-Общественный Вѣстникъ. за 1880 г., №№ 20,
10) А. П. Сапуновъ. Витебская Старина, т. 1-й. Витебскъ, 1883 г.
11) „ „ „ Памятники временъ древнихъ и новѣйшихъ въ Витебской губерніи. Витебскъ, 1903 г.
12) „ „ „ Рѣка Западная Двина. Витебскъ, 1893 г.

13) Іеромонахъ Сергій (Василевскій). Витебскій Марковъ Свято-Троицкій мужескій монастырь. Полоцкія Еп. Вѣд. за 1887 г.

14) В. К. Стукаличъ. Н. Я. Никифоровскій. Вильна, 1908 г. (отд. отт. изъ „Записокъ Сѣверо-Западнаго Отдѣла Императорскаго Русскаго Географическаго Общества, кн. 1-я).

15) В. В. Сусловъ. Матеріалы къ исторіи древней Новгородско-Псковской архитектуры. С.-Петербургъ, 1888 г.

16) „ „ „ Памятники древней деревянной архитектуры въ Южной Россіи (въ кн. Очерки по исторіи древне-русскаго ходчества, С.-Петербургъ, 1889 г.).

17) Прот. Г. Шавельскій. Послѣднее возсоединеніе съ православною церковью уніатовъ Бѣлорусской епархіи. С.-Петербургъ, 1910 г.

18) Хроника моей жизни. Автобіографическія записки Высокопреосвященнаго Саввы, Архіепископа Тверского). 3-й и послѣдующіе томы.

19) „Чертежъ“ города Витебска 1664 года. Труды Витебской Ученой Архивной Комиссіи, кн. 1 я. 1910 г.

Спасопреображенскій монастырь въ г. Невелѣ, Витебской губерніи.

Спасопреображенскій Мужской Монастырь находится въ г. Невелѣ, Витебской губ., въ 96 верст. отъ губ. гор. Витебска. Монастырь расположенъ недалеко отъ праваго берега малой рѣки Еменки и занимаетъ видное и ровное мѣсто на городской торговой красной площади, чрезъ которую пролегаетъ шоссейная дорога, соединяющая С.-Петербургъ съ южнымъ краемъ нашего Отечества.

Монастырь возникъ въ концѣ XVII ст., когда сюда къ Церкви въ честь Преображенія Господня были переведены иноки изъ Троицкаго Монастыря, отъ котораго осталась безприходная церковь во имя Св. Троицы, въ 4 верст. отъ г. Невеля, по дорогѣ къ Великимъ-Лукамъ [1]).

Для поясненія этого историческаго указанія считаемъ не лишнимъ коснуться существовавшаго въ г. Невелѣ Православнаго Благовѣщенскаго Братства, стараніемъ котораго Св. Троицкій Монастырь съ малымъ числомъ монаховъ переведенъ въ гор. Невель и монашествующіе водворены при деревянной Церкви въ честь Благовѣщенія Пресв. Богородицы, находившейся на мѣстѣ настоящаго храма Преображенія. Притѣсненія, какъ монаховъ, такъ и жителей православныхъ отъ поляковъ—іезуитовъ было весьма тягостно и побудило поборниковъ православной вѣры соединиться въ братство около Церкви Благовѣщенія Пресв. Богородицы, наименовавъ его Благовѣщенскимъ Братствомъ, которое пожелало вмѣсто сгорѣвшей въ 1720 году деревянной Церкви имѣть каменную Церковь и въ 1725 г. на собственныя средства приступило къ постройкѣ довольно обширнаго каменнаго храма въ честь Преображенія Господня.

Монастырскій храмъ въ честь Преображенія Господня и до сей поры служитъ памятникомъ благочестиваго усердія Невельскаго Благовѣщенскаго Братства.

---

[1]) Монастыри по штатамъ 1764, 1786 и 1795 г.г. т. II. Трудъ В. В. Звѣринскаго, СПБ. 1892 г. стр. 283 и т. III СПБ. 1897 г. стр. 188, также см. Полное Собраніе Историческихъ свѣдѣній о всѣхъ бывшихъ въ древности и нынѣ существующихъ монастыряхъ и примѣч. церквахъ въ Россіи. Состав. А. Ратшинъ. М. 1852 г. стр. 23.— Исторія Росс. Іерархіи. Собран. Амвросіемъ, ч. V, М. 1813 г. стр. 138—140, Географич. Статистич. Словарь Росс. Имперіи. Состав. П. Семеновъ. Т, IV. СПБ. 1873 г. стр. 206. —Безъ Корнилевичъ. Историч. свѣдѣнія о Бѣлоруссіи, стр. 142. Но во всѣхъ вышеупомянутыхъ изданіяхъ весьма отрывочныя свѣдѣнія о Невельскомъ Спасопреображенскомъ Мужскомъ Монастырѣ, такъ что до сей поры не было еще общаго даже краткаго историческаго очерка послѣдовательно составленнаго и доведеннаго до послѣдняго времени.

Монастырскій Храмъ оконченъ постройкою въ 1732 году и 1-го августа того же года освященъ.

Храмъ высотою 8 сажень, въ ширину 6 сажень и въ длину 11 сажень, построенъ продолговатымъ крестомъ, одно-этажный, заканчивающійся вверху восьмигранным каменнымъ куполомъ, который увѣнчанъ малымъ деревяннымъ фонаремъ съ водруженными на немъ главою и желѣзнымъ восьмиконечнымъ крестомъ. Кровля храма шатрообразная желѣзная на два ската; освѣщается храмъ 34 окнами разной величины, въ два свѣта; въ нѣкоторыхъ окнахъ желѣзныя рѣшетки. Храмъ холодный; Св. Алтарь возвышенъ отъ деревяннаго пола тремя ступенями и отдѣляется отъ храма желѣзною рѣшеткою. Алтарь обращенъ къ востоку; за уничтоженіемъ по случаю пожара боковыхъ придѣловъ—однопрестольный. Въ правомъ предъалтаріи помѣщается ризница, а въ лѣвомъ понамарская; престолъ деревянный. Иконостасъ храма прямой, трехъярусный; царскія двери рѣзныя съ изображеніями Благовѣщенія Пресв. Богородицы и Св. Апп. Евангелистовъ. Надъ западною частію храма устроены хоры. Съ южной стороны къ храму въ честь Преображенія Господня во всю длину его пристроенъ теплый храмъ во имя Св. Николая Чудотворца въ высоту 9½ сажен., длину 10 сажен. и ширину 3 сажени; кровля этого храма шатрообразная на одинъ скатъ, къ храму примыкаетъ притворъ храма въ честь Преображенія Господня. Алтарь церкви во имя Св. Николая Чудотв. обращенъ на востокъ. Иконостасъ двухъярусный, простой столярной работы; царскія двери рѣзныя.

На востокъ отъ храма въ честь Преображенія Господня въ 1½ саженяхъ отъ него расположенъ другой каменный холодный храмъ во имя Преподобнаго Нила Столбенскаго съ каменною трехъярусною колокольнею. Храмъ построенъ въ 1811—1825 г.г. на средства Братчиковъ и частныхъ благотворителей при Игуменѣ Боголѣпѣ.

Монастырь съ западной и сѣверной стороны обнесенъ каменною оградою съ тремя воротами. Подъ сводами храма въ честь Преображенія Господня въ заалтарной стѣнѣ погребенъ въ 1752 г. Благотворитель монастыря бургомистръ г. Невеля Симонъ Быховецъ.

Въ настоящее время изъ иконъ и другихъ предметовъ старины сохранились и особенно замѣчательны слѣдующіе:

1) Икона Господа Вседержителя, сидящаго на престолѣ съ предстоящими Ему Богоматерью и Св. Прор. Предтечей и Крестителемъ Господа Іоанномъ, древней кисти, строго византійскаго письма. Икона облечена въ золоченную ризу и стоитъ на горнемъ мѣстѣ въ церкви во имя Св. Николая Чудотворца.

2) Икона Преподобнаго Нила Столбенскаго въ серебряно-вызолоченной ризѣ; вверху оной изображеніе Богоявленія Господня. Эта икона весьма почитается, какъ чудотворная, мѣстными и окрестными жителями г. Невеля. Въ день обрѣтенія мощей Преподобнаго Нила Столбенскаго, 27 мая, ежегодно на поклоненіе этой иконѣ въ обитель собираются въ большомъ числѣ молящіеся и служатъ молебны. Икона, по преданію, перенесена въ монастырь изъ Нило-Столбенской мужской Пустыни, Осташковскаго у., Тверской губ. [2])

3) Икона Преподобнаго Сергія Радонежскаго Чудотворца съ частицею отъ гроба его. Прислана съ свидѣтельствомъ въ благословеніе Невельскому Спасо-Преображенскому монастырю намѣстникомъ Троице-Сергіевой Лавры Архимандритомъ Антоніемъ въ 1874 г.—На персяхъ Преподобнаго Сергія имѣется серебрянно-вызолоченный крестъ съ такою же цѣпочкой; въ крестѣ помѣщены части мощей: Преп. Сергія Радонежскаго, Святителя Іоны, Митрополита Московскаго, Св. цѣлителей Космы и Даміана; по надписи на упомянутомъ крестѣ видно, что онъ принадлежалъ Св. Іонѣ и присланъ въ Невель-

---

[2]) Преп. Нилъ Столбенскій преставился 7 декабря 1555 года, а 27 мая 1667 года были обрѣтены мощи Преп. Нила, а съ 1756 года 27 мая установленъ ежегодный Крестный ходъ изъ Нило-Столбенской Пустыни въ у. гор. Осташковъ. Болѣе подробныя свѣдѣнія о Нило-Столбенской пустыни читатель найдетъ на стр. 385—396 книги: городъ Осташковъ (Тверской губ,) и его уѣздъ. Сборникъ Историко-Статистическихъ и Археологическихъ Свѣдѣній состав. И. Ѳ. Токмаковъ съ 161 рисункомъ (in 8⁰ 422 стран.). Считаемъ не лишнимъ сообщить, что въ другихъ мѣстахъ нашего обширнаго отечества также чествуется память Преп. Нила Столбенскаго; такъ въ Тверской губ. въ у. гор. Ржевѣ и въ посадѣ Погорѣломъ Городищѣ Зубцовскаго у. Тверской губ. (См. стр. 8, Посадъ Погорѣлое Городищѣ. Составилъ И. Ѳ. Токмаковъ. М. 1906 г. in 8⁰ съ 16 рисунками).—Наша первопрестольная столица Москва также празднуетъ издавно день 27 мая обрѣтеніе честныхъ мощей Преп. Нила Столбенскаго. Еще до 1812 г. существовала на Петровкѣ близъ Кузнецкаго моста церковь въ честь Воскресенія Христова, въ которой былъ придѣлъ во имя Преп. Нила Столбенскаго устроенный въ 1663 году. Въ приходѣ церкви въ честь Успенія Пресв. Богородицы, что на Овражкахъ въ Москвѣ, въ Газетномъ переулкѣ существовало подворье Ниловой Пустыни съ домовой церковью во имя Преп. Нила Столбенскаго съ 1667—1812 г. Въ настоящее время только въ Московскомъ Страстномъ Дѣвичьемъ Монастырѣ сохранился Чудотворный Образъ Преп. Нила Столбенскаго (см. Историко-Статистич. и Археологич. Описаніе Московскаго Страстнаго Дѣвичьяго Монастыря. Состав. И. Ѳ. Токмаковъ. М. 1897 г. in 8⁰ съ рисунк.).

скій Спасо-Преображенскій Монастырь въ 1875 г. изъ Св. Троицкой Сергіевой Лавры намѣстникомъ Архимандритомъ Антоніемъ.

4) Казанская Икона Божіей Матери, живописнаго письма, въ серебряной ризѣ, украшенная усердіемъ гражданъ г. Невеля въ память избавленія города въ 1841 году отъ холеры.

5) Небольшой серебряно-вызолоченный крестъ съ частицами животворящаго древа Господня и Свв. мощей Св. Ап. Павла и Св. Великомуч. Варвары.

6) Образъ Успенія Богоматери въ серебряно-вызолоченной ризѣ, мѣрой $5^1/_2$ вершк.$\times 3^1/_4$ вершк., [въ образѣ этомъ нѣкогда находились частицы Свв. мощей Великомуч. Георгія, Великомуч. Димитрія Мироточиваго, Преп. Матроны Солунскія и Преп. Анастасіи Рымныни]. Образъ принесенъ въ даръ обители въ 1865 году коллежск. совѣтн. Евфиміемъ Андреевичемъ Отрошкевичемъ.

Въ настоящее время частей Свв. мощей въ образѣ не имѣется.

7) Старинная Икона Знаменія Богоматери, именуемая Абалацкою [3]) съ предстоящими по сторонамъ Св. Николаемъ Чудотв. и Преп. Маріею Ематскою, мѣрою 1 арш. 1 вершк.$\times 11^1/_2$ вершк.

8) Евангеліе въ $^1/_4$ д. л. печ., въ Москвѣ 1685 года, въ переплетѣ обложенномъ цвѣтнымъ плисомъ; въ серединѣ Распятіе Господне, по угламъ четыре звѣздочки и мѣдныя застежки.

9) Евангеліе въ малый листъ, печ. въ Москвѣ 1694 г., въ переплетѣ, обложенномъ вишневымъ плисомъ; въ серединѣ образъ Господа Вседержителя, сидящаго на престолѣ, гравированный весьма тонкимъ серебромъ; застежки мѣдныя.

Къ числу принадлежавшихъ Невельскому Спасо-Преображенскому монастырю храмовъ былъ отнесенъ Кладбищенскій храмъ во имя Св.

---

[3]) Абалацкая Икона Божіей Матери написана въ 1637 г. при Тобольскомъ Архіепископѣ благочестив. Нектаріи. Писалъ ее Пратодіаконъ Тобольскаго Каѳедральнаго Собора Матѳій, извѣстный, въ первой половинѣ XVII вѣка, въ Сибири, какъ искусснный иконописецъ. Эта икона получила названіе Абалацкой отъ Абалацкаго села, а теперь (съ 1783 г.) Монастыря въ церкви котораго она находится. На Абалацкой иконѣ Божія Матерь изображена точно такъ же, какъ и на Знаменской, т. е. съ воздѣтыми къ верху руками и съ предвѣчнымъ Младенцемъ на персяхъ; только съ тою разницею, что на Абалацкой по сторонамъ Присно-Дѣвы изображены, съ правой стороны Св. Николай, а съ лѣвой Преподобная Марія Египетская. Доска подлинной Абалацкой Иконы имѣетъ длины аршинъ съ четвертью, а ширины 1 арш. $1^1/_4$ вершк. Особеннаго праздненства и службы въ честь Абалацкой Иконы Богоматери не положено, а празднуется ей 27 ноября въ день Знаменія Пресв. Богородицы (болѣе подробныя свѣдѣнія см. на стр. 552—562 Благодѣянія Богоматери роду христіанскому чрезъ Ея Св. Иконы. М. 1897 г. in 8°).

Влмч. Георгія въ ½ версты отъ монастыря. Храмъ деревянный, однопрестольный, длиною 7 сажен., шириною 4 сажен. ½ аршина, крытъ тесомъ, глава обита чешуею, крестъ желѣзный. По благословенію Преосвященнаго Варлаама въ 1812 году произведенъ ремонтъ означенной церкви, закончившійся въ 1817 г. при Архіепископѣ Даніилѣ, который на прошеніи Настоятеля Игумена Боголѣпа о разрѣшеніи освятить Церковь во имя Св. Влмч. Георгія положилъ резолюцію „не объяснено, поколебанъ ли Святой Престолъ: ежели поколебанъ, то освятить Соборне, починополоненію, большимъ освященіемъ, ежели престолъ непоколебанъ, то освятить Церковь малымъ освященіемъ по чинополоненію". [4]) Въ 1837 году Церковь во имя Св. Влмч. Георгія была упразднена. Лѣсъ, изъ котораго она была построена, употребленъ на выжегу кирпича для братскаго корпуса.

Церковь во имя Св. Николая Чудотворца, приписанная къ Монастырю, была построена во первой половинѣ XVII ст. [5]) или въ началѣ XVIII ст.; это видно изъ того, что въ 1702 г. эта Церковь именуется новою. По устройствѣ Спасо-Преображенскаго монастыря и по миновании въ Церкви во имя Св. Николая Чудотв. собственно для монастыря надобности, эта Церковь была обращена въ приходскую. Въ 1778 году, вмѣсто первоначальной Церкви, была выстроена по благословенію Преосвященнаго Георгія, другая деревянная двухъ-этажная Церковь, съ храмомъ во имя Св. Николая Чудотв. внизу, и въ честь Казанской Иконы Богоматери вверху. Новосозданный храмъ былъ освященъ въ 1778 году по благословенію Архіепископа Иннокентія [6]); чрезъ десять лѣтъ приходъ Церкви во имя Св. Николая Чудотв., состоявшій изъ 52 дворовъ приписанъ былъ къ Городской Церкви въ честь Успенія Пресв. Богородицы и Церковь была передана въ вѣдѣніе Невельскаго монастыря [7]). Въ 1833 г. церковь во имя Св. Николая Чудотв. за ветхостью была разобрана и уже болѣе не возстановлена.

---

[4]) См. Указъ Могилевской Духовной Консисторіи отъ 2 мая 1817 г., за № 864.

[5]) Изъ Описанія Документовъ Архива Западнорусскихъ Уніатскихъ Митрополитовъ 1470—1700 г. т. I. СПБ. 1897 г. in 8° стр. 277 показана Церковь Св. Николая въ 1633 году марта 14 въ спискѣ Универсало Короля Владислава IV о возвращеніи православнымъ ихъ нѣкоторыхъ церквей и монастырей на которые изъявляли свою претензію уніаты.

[6]) Указъ Псковской Духовной Консисторіи 1778 г. отъ 31 января, за № 154.

[7]) См. Предписаніе Архіепископа Иннокентія Игумену Сосипатру 1788 г. отъ 27 марта, за № 91.

Была еще церковь во имя Св. Ап. и Еванг. Іоанна Богослова и эта церковь также за ветхостью, по распоряженію Полоцкаго Епархіальнаго Начальства [8]) при Игуменѣ Амвросіи (Соловьевѣ) разобрана въ 1882 году а Свв. Иконы приняты и размѣщены въ церквахъ Невельскаго монастыря, утварныя же и ризничныя вещи хранятся въ ризницѣ помянутой обители; зданіе разобранной церкви употреблено на отопленіе монастырскихъ церквей—несгораемый же матеріалъ, какъ-то желѣзо, стекло—былъ проданъ.

Въ теченіи двухъ вѣковъ Невельскій Спасо - Преображенскій мужской монастырь претерпѣлъ немало бѣдъ и напастей, пронесшихся надъ священными его главами. Какъ расположенный въ центрѣ городской жизни и дѣятельности, Невельской Спасо - Преображенскій монастырь, по естественному ходу вещей, становился неизмѣннымъ участникомъ всѣхъ отрадныхъ и горестныхъ моментовъ исторической жизни г. Невеля. Вмѣстѣ съ городомъ Св. Обитель въ особенности много и часто страдала отъ опустошительныхъ пожаровъ иногда почти до основанія испепелявшихъ всѣ ея зданія. Такъ мы должны упомянуть о пожарѣ 1885 года, когда и главный и остальные храмы монастыря и иноческія келіи немногочисленнаго братства его сдѣлались жертвою пламени и долго не могли оправиться отъ обрушившагося на нихъ несчастья. Вслѣдъ за бѣдствіемъ 1865 года мы должны указать еще, что въ пожары 12 іюня 1888 г. и 8 августа 1897 г. къ глубокому прискорбію погибли многіе драгоцѣнные историческіе акты. Утрата этихъ древне-письменныхъ памятниковъ тяжела для церковной исторіи Сѣверо-Западнаго края Россіи тѣмъ болѣе, что, какъ намъ извѣстно, Невельскій Спасо-Преображенскій Мужской монастырь никогда не былъ предметомъ особеннаго изслѣдованія людей науки.

Утварью, равно и облаченіями, монастырь располагаетъ въ достаточномъ количествѣ, но замѣчательныхъ вещей не сохранилось. Архивъ и библіотека монастыря по причинѣ частыхъ пожаровъ почти истреблены, древнихъ документовъ не сохранилось.

Недвижимое монастырское имущество состоитъ нынѣ въ слѣдующемъ: а) земля подъ церквами, постройками, огородомъ и садомъ въ количествѣ 1700 кв. сажен., б) фольварокъ Сипово въ 3 верст. отъ монастыря, назначенный Невельскому монастырю отъ казны въ 1869 г.;

[8]) См. Указъ Полоцкой Духовной Консисторіи отъ 22 мая 1882 г., за № 2567.

Д630/П-52 Кн.1-496862

въ этомъ фольваркѣ имѣется 38 дес. лѣса и 122 дес. земли удобной и неудобной; в) часть озера Каратай въ 12 верст. отъ монастыря, г) каменная лавка на базарной площади и д) 11 плацовъ подъ домами разночинцевъ.

Средствами къ существованію монастыря служатъ; а) арендная плата за вышепоказанныя угодія 1175 р., б) 3% съ капитала въ 11534 р. заключающагося въ свидѣтельствахъ 4% ренты, в) ежегодно получаемыя отъ казны вспомоществованія 228 р. 40 к. и д) доходъ отъ богослуженія до 400 р.

Число братіи по штату не положено, нынѣ состоитъ на лицо: Игуменъ, три Іеромонаха, два Іеродіакона и 11 послушниковъ.

Среди бѣдствій отъ пожаровъ, непріятельскихъ нашествій и междоусобныхъ смутъ утратилось много древне-письменныхъ и археологическихъ памятниковъ, представлявшихъ не малый интересъ для исторіи Невельской Спасо-Преображенской мужской Обители и въ числѣ многихъ любопытныхъ документовъ исчезли и бумаги, содержавшія въ себѣ свѣдѣнія о дѣятельности настоятелей помянутаго монастыря, управлявшихъ обителью въ XVII—XVIII ст. Вотъ имена Настоятелей, дошедшія до насъ по тщательнымъ археографическо-библіографическимъ изслѣдованіямъ.

Игуменъ Исаакъ [9]) 1673 г.

Игуменъ Сафроній (Марецкій), при немъ заложенъ каменный храмъ въ честь Преображенія Господня въ 1725 г.

Игуменъ Досиѳей (Рубисъ) 1742 г.

Іеромонахъ Филаретъ 1750 г.

Игуменъ Веніаминъ (Соколовскій) 1768 г.

Игуменъ Іустинъ (Негребецкій) 1775 г.

Игуменъ Маркеллъ 1776 г.

Игуменъ Кириллъ [10]) 1778 г.

---

[9]) У П. М. Строева, Списки Іерарховъ и Настоятелей Монастырей Россійской Церкви. Изд. Археографической Комиссіи СПБ. 1877 г. стр. 504 показанъ Троицкаго Невельскаго Монастыря Игуменъ Исаакъ Ароновъ 1674 г., а на стр. 508 читаемъ: „въ Невлѣ черному попу Кириллу 29 сент. 1670 г. грамотою царскою велѣно построить Монастырь“ (какой ?).

[10]) Показанъ у П. М. Строева „Списки Іерарховъ и Настоятелей Монастырей Россійской Церкви“. Изд. Археографической Комиссіи СПБ. 1877 г. стр. 506.

Игуменъ Ѳерапонтъ [11]) 1778—1780 г.

Игуменъ Іассонъ 1782 г.

Игуменъ Іосифатъ 1784 г.

Игуменъ Сосифатръ (Потаповъ) 1787 г.

Игуменъ Сергій 1801 г.

Игуменъ Захарій (Полянскій) 1807 г.

Іеромонахъ Илларіонъ 1808 г.

Игуменъ Боголѣпъ 1815 г.

Іеромонахъ Самуилъ 1825 г.

Игуменъ Павелъ (Чичкевичъ [12]) 1830 г., а позднѣе въ Марковомъ Витебскомъ съ 1832 по 1861 г.

Архимандритъ Меѳодій (Краснопольскій) 1832 г. † 6 сентября 1867 г., погребенъ въ монастырѣ.

Архимандритъ Григорій (Лукашевичъ) 1866 г.

Архимандритъ Тихонъ 1867 г. † 1889 г. декабря, погребенъ въ монастырѣ.

Игуменъ Амвросій (Всудовъ) 1871 г. † 27 августа 1888 г., погребенъ въ монастырѣ.

Игуменъ Амвросій (Соловьевъ) 1880 г.

Архимандритъ Гаманіилъ (Никольскій) 1889 г. † 14 сентября 1900 г., погребенъ въ монастырѣ.

Ахимандритъ Іона съ 1900 г.

Игуменъ Порфирій съ 1902 г.

И. Ѳ. Токмаковъ.

---

[11]) Тамъ-же.

[12]) См. на стр. 503 у П. М. Строева, почему-то у П. М. показано только четыре наетоятеля.

Печатано по постановленію Совѣта Витебской Ученой Архивной Коммиссіи (отдѣльные оттиски изъ Трудовъ Коммиссіи).

Предсѣдатель Коммиссіи **В. Кадыгробовъ.**

11 февраля 1911 года.

2630/П-52 Кн 1-496562

ГРЮНВАЛЬДСКІЙ БОЙ

и его значеніе для славянъ *).

15 іюля сего 1910 года исполнилось ровно 500 лѣтъ, когда близъ Грюнвальда и Танненберга, къ югу отъ Маріенбурга, по словамъ русскихъ лѣтописей, „Бысть побоище королю Ягайлу Олгирдовичю, нарѣченному Владиславу, и великому князю Литовскому Витовту Кестутьевичу съ Нѣмцы, и Пруссы, въ земли ихъ Прусской межи городовъ Дубровна и Острода; и убиша местера, и моршалка, и кумендера, и кундура побиша, и всю силу ихъ Нѣмецкую одолѣша, и грады ихъ нѣмецкіа поимаша, токмо три грады не вдашася королю и Витовту“, т. е. на поляхъ нынѣшней восточной Пруссіи общими усиліями Литовскаго княжества и Польскаго королевства было на голову разбито нѣмецкое рыцарское войско. Этотъ историческій фактъ имѣетъ такое огромное значеніе для всѣхъ славянъ вообще и въ частности для насъ, бѣлоруссовъ, что нашей Архивной Комиссіи нельзя обойти молчаніемъ это знаменательное событіе.

*) Источники и пособія: 1) „Битва при Грюнвальдѣ“, Д. И. Довгялло. Вильна 1909 г. 2) „Грюнвальдская битва“. С. Томилинъ. Вильна 1910 г. 3) „Грюнвальдская битва“, Кояловича. СПБ. 1885 г. 4) „Таннебергская битва“, Барбашева. Журн. Мин. Нар. Пр., декабрь 1887 г. 5) „Исторія Литовскаго государства съ древнѣйшихъ временъ“, П. Д. Брянцева. Вильна 1889 г. 6) „Монографіи по исторіи западной и югозападной Россіи“, Антоновича, т. I. Кіевъ 1885 г. 7) „Grunwald“, M. Offmanski. Warszawa, 1903 г. 8) „Грюнвальдская годовщина“, И. Филевича „Новое Время“ 1911 г. 12321. 9) „Kurjer Warszawski“, Dnia 1 Stycznia 1910 г. 10) „Очеркъ исторіи Литовско-русскаго государства“, проф. М. Любавскій, Москва 1910 г.

Прекрасные результаты славной Грюнвальдской битвы были плодомъ полнаго единенія славянъ, слившихся въ этотъ историческій моментъ въ единое море и сознательно шедшихъ къ одной опредѣленной цѣли.

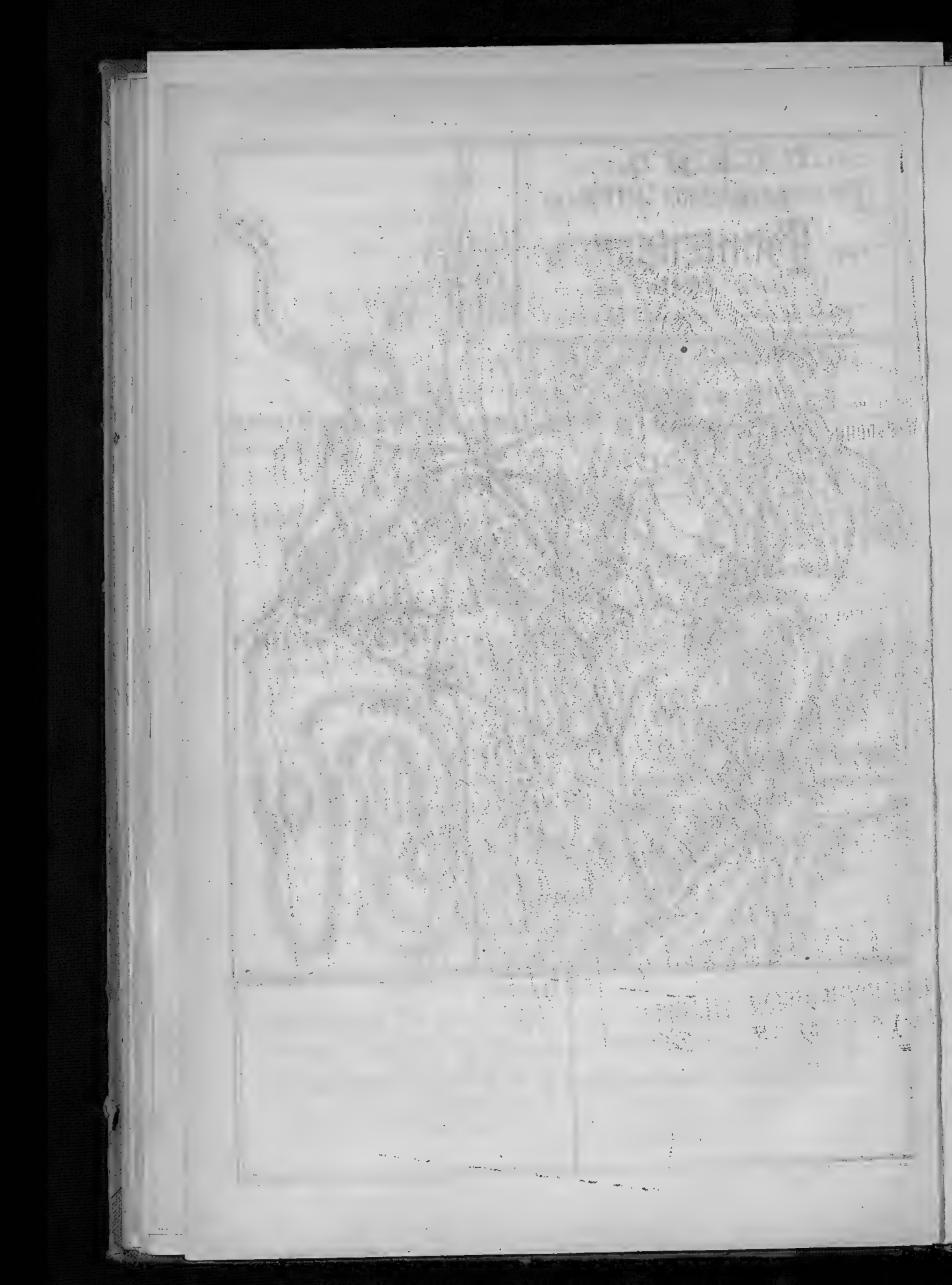
Грюнвальдская битва была одна изъ тѣхъ битвъ въ исторіи человѣчества, которыя рѣшаютъ судьбу народовъ: слава и сила ордена погибла въ этой битвѣ окончательно; побѣдители прусскихъ племенъ, рыцари, встрѣтили огромное ополченіе со стороны объединенныхъ славянскихъ народовъ восточной Европы и предъ ними оказались недостаточными ни искусство рыцарей, ни ихъ сила и мужество, ни слава непобѣдимости. Рыцарство послѣ Грюнвальдской битвы погибло окончательно. Это былъ такой его разгромъ, послѣ котораго существованіе его становилось уже безцѣльнымъ, невозможнымъ.

Какія же обстоятельства были причиной столкновенія близъ Грюнвальда славянъ и нѣмцевъ? Отвѣтить на этотъ вопросъ можно только тогда, когда мы припомнимъ, кто семьсотъ лѣтъ слишкомъ тому назадъ жилъ на берегу Балтійскаго моря, по нижнему теченію рѣкъ Западной Двины, Нѣмана, Вислы, Одера и Эльбы, или по-славянски Лабы, и какъ водворились въ названныхъ мѣстахъ нѣмцы. По свидѣтельству европейскихъ ученыхъ, нашихъ русскихъ и главнымъ образомъ нѣмцевъ, здѣсь жили славянскія племена, исчезнувшія нынѣ съ историческаго поприща, и литовское племя пруссы. Всѣ эти племена исповѣдывали язычество. Русскій народъ и русскіе князья, новгородскіе и полоцкіе относились терпимо къ своимъ сосѣдямъ, не обращали вниманія на ихъ бытъ и языческую религію, а довольствовались только незначительною данью, которую приносили имъ туземцы. Скоро въ этотъ край проникли нѣмцы. Въ началѣ XII вѣка на Балтійскомъ морѣ, на о. Готландѣ бременскіе и гамбургскіе купцы завели торговлю съ новгородцами. Въ концѣ же этого столѣтія нѣмецкіе купцы познакомились съ Ливоніей и основали въ ней свои дворы для склада товаровъ. Послѣ этого бременскій архіепископъ, узнавши отъ купцовъ, что въ Ливоніи и сосѣднихъ

ДБ30/П-52 кн. 1-496862

1, 2. Обозъ литовской арміи.
3. Королевская каплица.
4, 5. Боевое расположеніе литов. арміи
6, 7. Тоже польской арміи.
8, 9. Резервныя колонны.
10, 11. Позднѣйшее положеніе резерв.

A. B. C. D. E. F.—Обозъ крестоновцевъ.
G. H. I. K. L. M.—Ихъ боевое расположеніе.
N. O.—Двѣ резервныя колонны.
P.—Часть для защиты лѣваго крыла.
Q.—Такая же другая.
R.—Такая же третья для защ. праваго крыла.
S.—Мѣсто убіенія вел. магистра.
T.—Шесть дубовъ на холмѣ.
U.—Послѣдніе резервы крестоносцевъ



съ нею странахъ живутъ язычники, прислалъ сюда для распространенія христіанства августинскаго монаха Мейнгарда, который, по причинѣ раздробленія полоцкаго княжества на мелкіе удѣлы и розни отдѣльныхъ князей этого княжества, основалъ здѣсь нѣмецкую колонію.

Миссіонерскіе труды Мейнгарда не долго сопровождались успѣхомъ. Литовскія племена стали возставать противъ владычества пришельцевъ и ихъ вѣры, которую нѣмцы съ оружіемъ въ рукахъ навязывали имъ. Мейнгардъ скоро умеръ. Въ Ливонію былъ присланъ новый епископъ Альбертъ Буксгевденъ, человѣкъ умный, ловкій, хитрый и въ высшей степени энергичный. Онъ привелъ сюда крестоносное ополченіе, набранное съ благословенія папы, и положилъ въ 1200 году основаніе существующему до сихъ поръ гор. Ригѣ; въ томъ же году онъ основалъ духовно-рыцарскій орденъ, получившій уставъ ордена тампліеровъ и названный орденомъ меченосцевъ, крестоносцами.

Появленіе нѣмцевъ на южномъ побережьи Балтійскаго моря, въ странѣ пруссовъ, является дѣломъ недальновидности одного изъ удѣльныхъ польскихъ князей, герцога Мазовецкаго Конрада, который, въ огражденіе себя отъ опустошительныхъ набѣговъ пруссовъ, призвалъ въ 1225 году изъ Палестины рыцарей. Послѣдніе, основавъ орденъ Тевтонскій, покорили всю страну, обратили пруссовъ въ христіанство и начали съ помощью Конрада германизацію пруссовъ, покрывъ ихъ страну нѣмецкими колоніями и городами.

Въ 1237 году оба ордена соединились вмѣстѣ и стали дружно дѣйствовать противъ литовскихъ племенъ и сосѣднихъ славянъ. Славяне и литовцы, обезпокоенные этими непрошенными сосѣдями, стали вести съ ними борьбу, защищая свою вѣру и народность. Рыцари, крыжаки, заняли даже Псковъ, но князь Новгородскій Александръ Невскій, послѣ блистательной побѣды на льду Чудскаго озера, отнялъ вновь Псковъ и задержалъ дальнѣйшее наступательное движеніе крестоносцевъ на Русь. Тогда рыцари устремили все свое вниманіе на литовскія племена въ области нижняго теченія Нѣмана и Вислы. Созна-

ніе опасности, грозившей отъ нѣмцевъ, заставило раздробленныя литовскія племена соединиться вмѣстѣ противъ общаго врага. Особенно тяжело приходилось литовской области Жмуди, находившейся, какъ бы въ тискахъ, между Ливонскимъ и Тевтонскимъ орденомъ. Эту область защищали всѣ литовскіе князья, начиная съ основателя Литовскаго государства Миндовга, и защищали всегда успѣшно. Нужно замѣтить, что Миндовгъ, положившій начало объединенію Литвы и образованію княжества, включалъ путемъ различныхъ средствъ въ составъ Литовскаго государства сосѣднія русскія области и къ концу своего княженія владѣлъ тѣмъ пространствомъ Бѣлоруссіи, которое ограничивается рѣками—Западной Двиной, Днѣпромъ и Припетью, считая въ предѣлахъ его государства и Полоцкое княжество. Я привожу этотъ историческій фактъ для того, чтобы показать, что въ образовавшемся Литовскомъ государствѣ преобладающимъ элементомъ въ этнографическомъ смыслѣ былъ русскій элементъ. Послѣдующіе князья старались упрочить господство русскаго культурнаго начала въ Литовскомъ княжествѣ. Изъ сказаннаго можно видѣть, что успѣхъ въ борьбѣ Литовскихъ князей съ нѣмецкими рыцарями былъ возможенъ при условіи преобладанія русской народности въ Литовско-русскомъ государствѣ. Русскаго населенія въ составѣ Литовскаго государства было девять десятыхъ частей. Въ настоящее время фактъ этотъ неоспоримъ въ научной исторической литературѣ, какъ русской, такъ и иностранной. Я не буду перечислять всѣхъ тѣхъ фактовъ побѣды соединенныхъ силъ Русскаго и Литовскаго государства при преобладаніи русскихъ національныхъ началъ въ Литвѣ; ихъ слишкомъ много и они общеизвѣстны.

Въ ряду даровитыхъ преемниковъ Миндовга являются наиболѣе замѣчательнымъ Гедиминъ и сыновья его Ольгердъ и Кейстутъ. Всѣ они старались расширить предѣлы Литовскаго государства на счетъ русской территоріи и, слѣдовательно, увеличивали силы для борьбы съ нѣмцами, которые, будучи нѣсколько разъ жестоко разбиты, не рѣшались открыто нападать на Литву, а предпринимали воровскіе набѣги,

называемые у лѣтописцевъ ордена «рейзами». Литовцы платили ордену тѣмъ же, но такъ какъ литовскія нападенія требовали большихъ приготовленій, то они бывали рѣже. Такъ шли войны каждогодно, составляя главное занятіе литовцевъ и русскихъ во время княженія Ольгерда и Кейстута.

Кейстутъ былъ любимымъ національнымъ литовскимъ героемъ и при немъ дѣйствія нѣмцевъ были почти совершенно парализованы. Когда умеръ Ольгердъ, великокняжескій престолъ достался одному изъ его 12 сыновей Ягайлѣ, который сначала дѣйствовалъ по совѣту своего умнаго дяди Кейстута, но потомъ подчинился вліянію своихъ придворныхъ льстецовъ, предаваясь излишнимъ развлеченіямъ, за что не разъ получалъ отъ дяди строгій выговоръ. Мало-по-малу возрастало между дядей и племянникомъ неудовольствіе, весьма искусно поджигаемое крестоносцами. Скоро Ягайло заключилъ съ орденомъ союзъ и тайно сообщалъ врагамъ, когда дядя менѣе всего былъ готовъ къ битвѣ и когда онъ готовился къ нападенію. Крестоносцы тогда съ успѣхомъ могли нападать на Кейстута, а предупрежденные походы послѣдняго не всегда были удачны. Кейстутъ скоро узналъ, что его племянникъ находится въ тайныхъ сношеніяхъ съ орденомъ. Но сынъ Кейстута Витовтъ, или, какъ его поляки называютъ, Витольдъ, жившій въ дружбѣ съ Ягайло, удерживалъ отца отъ рѣшительнаго шага. Ягайло же самымъ вѣроломнымъ образомъ поступилъ съ дядей. Онъ заманилъ его къ себѣ для мирныхъ переговоровъ. Довѣрчивый Кейстутъ согласился, былъ схваченъ и посаженъ въ замокъ Крево, гдѣ былъ насильственно умерщвленъ. Витольдъ же бѣжалъ въ Мазовію. Ягайло заключилъ съ орденомъ союзъ, по которому отдалъ себя въ подчиненіе верховной опекѣ ордена, обѣщалъ послѣднему помощь во всѣхъ войнахъ и въ то же время не предпринимать наступательной войны безъ его вѣдома, совѣта и дозволенія; наконецъ онъ уступилъ ордену коренную область Литвы Жмудь отъ моря до рѣки Дубиссы.

Витовтъ, возмущенный такимъ поступкомъ своего брата, самъ всту-

пилъ въ сношеніе съ крестоносцами, принялъ у нихъ крещеніе подъ именемъ Виганда и письменно обязался уступить ордену Жмудь и половину Литвы, если съ его помощью овладѣетъ великимъ княжествомъ, которое готовъ онъ былъ принять въ видѣ лена отъ ордена. Какъ видно, крестоносцы за труды при крестинахъ литовскихъ князей требовали весьма большого вознагражденія. Наконецъ въ душѣ Витовта заговорили національныя чувства; ему стало неловко, что онъ поступаетъ въ союзъ съ вѣковыми врагами Литвы, что орденъ имѣетъ намѣреніе пользоваться имъ, какъ орудіемъ, для ослабленія Литвы, а потому охотно согласился примириться съ братомъ, если послѣдній объявитъ ему секретно, что отдастъ все Трокское княжество ему съ условіемъ прервать сношенія съ орденомъ и возвратиться въ отечество. Какъ только онъ получилъ отъ брата Ягайло на этотъ счетъ нужныя завѣренія, такъ измѣнически убилъ нѣсколькихъ рыцарей и, завладѣвъ нѣкоторыми изъ ихъ крѣпостей, открыто перешелъ на сторону Ягайлы.

Внезапная перемѣна въ отношеніяхъ Ягайлы, Витовта и ордена объясняется событіями, происходившими въ Польшѣ. Въ 1385 году изъ Польши Ягайлѣ было сдѣлано предложеніе жениться на польской королевѣ Ядвигѣ и соединить Польшу и Литву. Ягайло рѣшился жениться на королевѣ Ядвигѣ по совѣту съ матерью своею, великою княгинею Іуліаніею, и съ нѣкоторыми братьями—областными князьями, Скиргайломъ, Корибутомъ, Лугвеніемъ и др. Очевидно, что не личные только интересы Ягайла, но и государственные настойчиво рекомендовали такой образъ дѣйствій. Женившись на Ядвигѣ, онъ долженъ былъ обезпечить Польшѣ союзъ и содѣйствіе своего княжества. Это было весьма важно для обоихъ государствъ Литвы и Польши въ борьбѣ съ рыцарями, которые, овладѣвъ литовскими землями на Балтійскомъ побережьѣ, овладѣли Польскимъ Поморьемъ, отодвинули Польшу отъ моря и овладѣли торговымъ движеніемъ на Вислѣ, устье которой принадлежало уже ордену. Польша вела съ нѣмцами такую же народную войну, какъ и Литва; у нихъ такимъ образомъ

былъ общій врагъ. Вотъ причина, по которой поляки такъ настойчиво шли на соединеніе съ Литвой.

Но Ягайло поступилъ крайне несправедливо по отношенію къ своему двоюродному брату. Онъ не далъ ему великокняжескаго престола въ Вильнѣ, а отдалъ его своему родному брату Скиргайлѣ. Вѣроятно, лѣнивый и малодушный Ягайло чувствовалъ себя неловко подлѣ дѣятельнаго и предпріимчиваго Витовта. Оскорбленный Витовтъ опять вступилъ въ сношенія съ орденомъ и получилъ отъ него помощь противъ Ягайлы и Скиргайлы. Крестоносцы предприняли нѣсколько опустошительныхъ походовъ противъ Литвы, вошедшей въ составъ Польши. Ягайло, видя полную невозможность одному управиться съ орденомъ, помирился съ Витольдомъ, обѣщалъ ему великое княженіе при условіи расторженія всякаго его соглашенія съ орденомъ. Витольдъ бѣжалъ отъ рыцарей въ Вильну, гдѣ былъ принятъ съ большими почестями. Ягайло и Ядвига прибыли лично въ Литву для примиренія съ Витовтомъ, который получилъ достоинство великаго князя литовскаго на правахъ самостоятельнаго государя. Съ этихъ поръ дружба Ягайлы съ Витовтомъ уже больше не нарушается.

Крестоносцы, возмущенные вѣроломствомъ Витольда, заключили его брата въ тюрьму, отравили двухъ сыновей и распустили въ Европѣ слухъ, что онъ обратился снова въ язычество. Крестоносцы имѣли на своей сторонѣ много сообщниковъ даже среди славянъ. Они произвели страшное разложеніе въ славянской средѣ, имѣя друзей и набирая войска въ Помераніи и Силезіи; на ихъ сторонѣ былъ чешскій король Венцеславъ и венгерскій Сигизмундъ, который хотѣлъ продать имъ въ числѣ прочихъ земель Добржинскую землю, принадлежавшую полякамъ. Самъ магистръ пришелъ въ изумленіе отъ дерзости Сигизмунда, желавшаго продать чужую собственность безъ малѣйшаго на то права. Онъ не уклонялся, однакожъ, отъ переговоровъ, лишь бы венгерскій король представилъ какія бы то ни было права на Добржинскую землю. Нашлась возможность представить эти

права, и рыцари заняли названную землю, а жителей заставили принести присягу въ вѣрности ордену. Коронныя сословія, получивъ извѣстіе о занятіи Добржинской земли, отправили строгую декларацію магистру, но декларація эта не имѣла никакого успѣха. Крестоносцы послѣ этого нѣсколько разъ нападали на Литву и Польшу, предавая огню и мечу имущество ни въ чемъ неповинныхъ жителей. Витовтъ сталъ готовить большое войско, чтобы отомстить крестоносцамъ за ихъ опустошенія въ Литвѣ. Но слухъ о татарскомъ нашествіи на Литву заставилъ Витовта заключить съ крестоносцами миръ, по которому имъ уступалась Жмудь навсегда. Договоръ этотъ закончился свиданіемъ Витовта съ магистромъ ордена Конрадомъ Юнгингеномъ на островѣ Салинѣ, въ нижнемъ теченіи Нѣмана. Наступилъ знаменитый для Витольда 1399 годъ, знаменитый и несчастный, ибо повелитель Литвы на берегахъ рѣки Ворсклы былъ разбитъ татарами на голову; онъ лишился почти всего своего войска и сталъ такимъ слабымъ сосѣдомъ, что крестоносцы начали проявлять къ нему свое враждебное отношеніе. Имѣя такого настойчиваго врага въ лицѣ ордена, Литва и Польша 15 января 1401 года въ Вильнѣ подписали первый формальный актъ политической уніи обоихъ государствъ, въ силу которой оба государства обязались помогать другъ другу противъ общихъ враговъ, имѣя въ виду таковыхъ главнымъ образомъ въ лицѣ крестоносцевъ.

Положеніе литовскихъ земель и въ особенности Жмуди, очутившихся подъ началомъ ордена, было настолько тяжелымъ, что жители Жмуди часто поднимали возстаніе противъ крестоносцевъ. Гроссмейстеръ ордена обвинялъ Витольда въ подстрекательствѣ жмудиновъ къ возстанію, а Ягайла въ содѣйствіи своему брату. Витолдъ же обвинялъ крестоносцевъ въ нарушеніи условій договора и въ страшныхъ притѣсненіяхъ Жмуди. Жмудины разослали грамоты по всей Европѣ съ жалобою на орденъ. Въ этихъ грамотахъ они просили выслушать ихъ, угнетенныхъ и измученныхъ орденомъ, который не ищетъ ихъ душъ для Бога, а ищетъ ихъ земель для себя. Словомъ, шла борьба—въ предѣлахъ Литвы—

оружіемъ, а при европейскихъ дворахъ — взаимными обвиненіями. Съ Польшей, кромѣ того, были весьма натянутыя отношенія изъ-за Добржинской земли. Вообще причинъ и поводовъ къ войнѣ было очень много, и обѣ стороны стали дѣятельно слѣдить другъ за другомъ и настойчиво готовиться къ войнѣ. Рыцари разослали свои грамоты по всей Европѣ, приглашая охотниковъ. Въ теченіе цѣлой зимы 1409 года и весны 1410 года прибывали въ Маріенбургъ, столицу тевтонскихъ рыцарей, изъ самыхъ отдаленныхъ странъ Европы гости. Конечно, и Витольдъ не дремалъ: онъ немедленно далъ знать брату своему Ягайлѣ о готовящейся опасности и проснлъ свиданія для переговоровъ по сему дѣлу. Въ концѣ осени 1409 года въ Брестѣ оба брата заключили между собою договоръ защищать другъ друга до послѣдней капли крови и составили планъ войны. На совѣщаніяхъ въ Брестѣ между братьями могли присутствовать только самыя довѣренныя лица.

Въ 1410 году, въ концѣ іюня, Ягайло и Витовтъ съ польскими, русскими и литовскими войсками быстро двинулись въ предѣлы Пруссіи и стали лагеремъ между Грюнвальдомъ и Танненбергомъ, потому что сильное ополченіе ордена приближалось къ названному мѣсту. По лѣтописнымъ свидѣтельствамъ, число арміи крестоносцевъ равнялось 90000; тутъ принимали участіе войска германскія, англійскія, шотландскія, шведскія, богемскія, венгерскія, вооруженныя по послѣднему слову тогдашней науки, имѣвшія превосходное воинское устройство и прекрасную многочисленную артиллерію. Предводителемъ орденскаго войска былъ магистръ ордена Ульрихъ фонъ-Юнгингенъ, отличавшійся твердымъ характеромъ и истинно-рыцарскою храбростью. Оффиціальнымъ же предводителемъ славянско-литовскихъ войскъ считался король Ягайло, но фактически всѣмъ распоряжался и первый вступилъ въ бой Витовтъ.

Интереснымъ очень является національный составъ русско-польско-литовскихъ соединенныхъ силъ, участвовавшихъ въ Грюнвальдской битвѣ. Польскій историкъ Нарбутъ считаетъ, что всѣхъ хоруг-

вей, или полковъ, въ этой битвѣ участвовало болѣе ста. Но въ настоящее время ихъ насчитываетъ Оффманскій, польскій историкъ-публицистъ, только 91; столько же полковъ полагаетъ и проф. Филевичъ. Изъ этого числа, т. е. 91, на долю русскихъ приходилось 43 полка, или хоругви, польскихъ знаменъ 41, литовскихъ 5 и чешскихъ 2. Въ литовской земской арміи, исключительно русскіе по составу, были слѣдующіе полки: Брестскій, Витебскій, Гродненскій, Дрогичинскій, Кіевскій, Кременецкій, Лидскій, Мельникскій, Новгородскій (Псковскіе лучники), Пинскій, Полоцкій, Смоленскій 1, Смоленскій 2, Смоленскій 3 и Стародубскій. Въ польской арміи, такого же снаряженія, были русскіе полки: Галицкій, Люблинскій, Львовскій, Перемышльскій, Подольскій 1, Подольскій 2 и Подольскій 3. Польскихъ по составу земскихъ полковъ было только 9, а именно: Велюнскій, Добрыньскій, Калишскій, Куявскій, Ленчицкій, Познанскій, Сендомірскій, Сѣрадскій, Хелминскій. Наконецъ, спеціально литовскія знамена, или полки—Виленскій, Волковысскій, Ковенскій, Мѣдникскій и Трокскій. Кромѣ земскихъ полковъ, были еще полки, организованные за свой собственный счетъ удѣльными князьями Гедиминовичами и боярами литовскими, польскими и русскими, а также могущественными тогда Рюриковичами по происхожденію и другими княжескими фамиліями Бѣлой, Малой и Червонной Руси и магнатами Польши. Такъ, напримѣръ, 22 польскихъ магната на свой счетъ вооружили 22 полка и 16 знаменъ, организованныхъ посполитымъ рушеньемъ шляхты польскихъ земель. Въ литовской арміи участвовали полки слѣдующихъ подвластныхъ удѣльныхъ князей: Зыгмунта, Корибута, Лугвенія, Юрія и др. Нѣтъ сомнѣнія, что изъ многочисленныхъ западно-русскихъ фамилій, хорошо извѣстныхъ при Витовтѣ, православныхъ по вѣрѣ, какъ, напримѣръ: Гольшанскіе, Городецкіе, Дольскіе, Кобринскіе, Лукомльскіе, Мстиславскіе, Несвижскіе, Острожскіе, Пинскіе, Полубенскіе, Ружинскіе, Сангушки, Слуцкіе, Соломерецкіе, Четвертинскіе и др. участвовали со своими военными силами въ Грюнвальдской битвѣ. Едва ли кто станетъ оспаривать, что въ полкахъ

Витебскомъ, Полоцкомъ и трехъ Смоленскихъ и въ войскѣ нѣкоторыхъ княжескихъ фамилій Западной Руси (Мстиславскіе, Лукомльскіе), принимали участіе наши православные бѣлоруссы, чтившіе память преподобной Евфросиніи. Нельзя обойти молчаніемъ также и того, что среди знаменитыхъ участниковъ битвы при Грюнвальдѣ былъ чешскій вождь Янъ Жижка, ратоборецъ за дѣло славянства; кромѣ того, въ литовскомъ войскѣ было 30000 легкой татарской конницы, находившейся подъ начальствомъ одного изъ сыновей Тахтамыша.

Но честь побѣды и истинно-рыцарской храбрости стяжали въ этой битвѣ Смоленскіе полки подъ командою своего доблестнаго вождя Юрія Лугвеньевича, князя Мстиславскаго, приходившагося по отцу внукомъ литовскому князю Ольгерду и по матери (Маріи Дмитріевнѣ) внукомъ Московскому великому князю Дмитрію Ивановичу Донскому.

Чтобы вполнѣуразумѣть выдающуюся доблесть Смоленскихъ полковъ съ княземъ Юріемъ Лугвеньевичемъ, я остановлюсь на описаніи самой битвы и ея подробностей. Описаніе, сдѣлано польскимъ историкомъ Нарбутомъ. Вотъ какъ въ его исторіи говорится объ этомъ: 13 іюля объединенными силами славянъ былъ взятъ городъ Дубровно съ замкомъ Гильгенбургъ и вмѣстѣ съ нимъ большіе запасы, собранные для крестоносцевъ изъ окрестныхъ деревень. Послѣ этого союзники стали бивакомъ на восточномъ берегу озера Дубровна, между деревнями Ульново (Фауленъ) и Логдау. По дорогѣ изъ Любавы къ деревнѣ Фрегенау прибыли крестоносцы и расположились лагеремъ приблизительно въ 10 верстахъ отъ союзныхъ славянскихъ войскъ. Ночь наканунѣ 15 іюля была для крестоносцевъ чрезвычайно неудобной. Лилъ сильный дождь, гремѣлъ страшный громъ, порывистый вѣтеръ опрокинулъ очень много шатровъ въ станѣ. Въ лагерѣ же славянъ была полная противоположность. Ночь была тихая. Блѣдная полная луна свѣтила съ чистыхъ небесъ, и только передъ разсвѣтомъ не разъ набѣгалъ довольно сильный вѣтеръ и препятствовалъ установкѣ походной церкви, въ которой Ягайло могъ прослушать обѣд-

ню. Вотъ и солнце показалоось изъ-за тучъ и жгло такъ, что латники спѣшили укрыться въ тѣнь лѣса, гдѣ была прохлада. Король задумчиво сидѣлъ на пнѣ срубленнаго дуба, будучи окруженъ своими приближенными, въ числѣ которыхъ особенно было много духовныхъ лицъ, и, повидимому, совершенно безучастно смотрѣлъ на то, какъ энергичный, дѣятельный Витольдъ объѣзжалъ войска, расположенныя вдоль опушки лѣса и разставлялъ полки. Скоро стали прибывать гонцы съ передовыхъ постовъ съ извѣстіями, что вблизи Танненберга показались силы рыцарей. Витовтъ захотѣлъ лично убѣдиться въ порядкѣ расположенія рыцарскихъ войскъ и ихъ численности и поскакалъ на опушку лѣса, гдѣ увидѣлъ, что вся армія крестоносцевъ заняла господствующую надъ долиной передъ непріятельскимъ войскомъ возвышенность между Грюнвальдомъ и Танненбергомъ. Армія крестоносцевъ находилась почти на разстояніи не болѣе версты и прекрасно была видна Витовту, который могъ не только счесть всѣ знамена, но даже узнать и тѣхъ рыцарей, съ которыми встрѣчался въ своей жизни. Крестоносцы видѣли только ту часть славянскаго войска, которая не помѣстилась въ лѣсу и, слѣдовательно, не могли имѣть дѣйствительнаго понятія о настоящей численности своихъ противниковъ, и заранѣе радовались легкой побѣдѣ. Витовтъ расположилъ всѣ войска въ боевой порядокъ, выдвинулъ значительныя части изъ лѣсу. Правое крыло составляли русско-литовскія войска, лѣвое—польскія, средину между литовцами и поляками, заняли доблестные смоленкіе полки подъ начальствомъ Юрія Лугвеньевича. Позади главныхъ силъ скрывались большіе резервы, въ числѣ которыхъ были и кипчакскіе татары, числомъ около 30 тысячъ, подъ предводительствомъ султана Салладина. Расположены союзныя войска были по прямой линіи съ небольшими загибами (подъ тупымъ угломъ) впередъ. Ягайло находился въ тылу войска, окруженный найлучшими рыцарями, въ такомъ мѣстѣ, что и свои войска не знали, гдѣ онъ находится; для его спасенія разставлены были лошади, находившіяся на извѣстномъ разстояніи другъ отъ друга.

Былъ уже полдень, а король предавался несвоевременной молитвѣ, будучи неоднократно побуждаемъ энергичнымъ своимъ братомъ къ активнымъ дѣйствіямъ. Было весьма удивительно, что король съ ранняго утра молился предъ походнымъ алтаремъ, распростирался ницъ и цѣлыми минутами лежалъ неподвижно. Такая, можно сказать, преступная медлительность Ягайлы объясняется тѣмъ, что король ожидалъ отъ крестоносцевъ посольства съ цѣлью склонить дѣло къ мирному соглашенію, что въ пользу мирнаго соглашенія было мнѣніе многихъ рыцарей, въ томъ числѣ и самого магистра Юнгингена. О мнѣніи или, вѣрнѣе, желаніи послѣдняго, зналъ Ягайло. Во всякомъ случаѣ медлительность короля могла погубить все дѣло. Томительное ожиданіе съ обѣихъ сторонъ сдѣлало всѣхъ нетерпѣливыми. Нуженъ былъ хоть какой-нибудь конецъ неопредѣленному положенію.

По словамъ Барбашева, магистръ ордена, прождавъ напрасно до половины дня, отправилъ въ королевскій станъ два обнаженныхъ меча, знаки вызова на битву. Мечи эти были принесены въ королевскій станъ герольдомъ короля Сигизмунда Рамрихомъ, на груди котораго былъ вышитъ огромный щитъ, съ изображеніемъ на золотомъ полѣ чернаго орла, и герольдомъ герцога Штеттинскаго, имѣвшимъ на груди красный крестъ на бѣломъ полѣ. Фантастичные и роскошные костюмы пословъ и ихъ надменный, вызывающій видъ свидѣтельствовали, что они прибыли не съ мирными предложеніями. Ягайло же такъ вѣрилъ голосу своего убѣжденія относительно крестоносцевъ и такъ миролюбиво былъ настроенъ послѣ долгой молитвы въ каплицѣ, что съ чувствомъ полнаго удовлетворенія подозвалъ къ себѣ пословъ, надѣясь услышать отъ нихъ слова, соотвѣтствовавшія его желанію. Но каково же было его изумленіе, когда онъ услыхалъ: „Государь! Великій Магистръ честныхъ рыцарей меча, высокорожденный господинъ Ульрихъ фонъ-Юнгингенъ, посылаетъ тебѣ этотъ мечъ, а другой мы должны передать твоему брату Витовту отъ высокороднаго господина великаго

маршала, если только можемъ увидѣть князя лично". Витовтъ, передъ этимъ имѣвшій съ своимъ братомъ довольно рѣзкій разговоръ о причинахъ его медлительности и услыхавшій отъ него, что онъ не прочь мириться съ нѣмцами, если послѣдніе сознаютъ свою вину передъ нимъ, вскочилъ на коня и поскакалъ къ своему литовскому стану, не рѣшивъ еще, что ему предпринять въ виду измѣнившихся событій. Король послалъ за братомъ, и когда тотъ прибылъ, герольды передали ему второй мечъ отъ имени маршала съ слѣдующими надменными словами: «Государь и князь Витовтъ! приносимъ мы отъ имени высокорожденныхъ гроссмейстера, великаго маршалка и всей братіи ордена эти два пагіе меча въ помощь и возбужденіе къ борьбѣ, которую вы сегодня будете имѣть. Эти же господа разрѣшаютъ вамъ избрать себѣ мѣсто для битвы или предоставить это имъ, а не скрываться во мракѣ лѣсномъ, не прятаться малодушно, не уклоняться отъ битвы, избѣгнуть которой вы не въ состояніи».

На это Ягайло отвѣчалъ такъ: „Мы ни у кого не просимъ помощи да и не нуждаемся въ ней; единственная наша надежда на Бога. Во имя Его принимаемъ эти два меча. Мѣста себѣ мы не избираемъ, а выступимъ тамъ, гдѣ Онъ и намъ и вамъ укажетъ и расправимся съ вами». Потомъ, обратившись къ окружающей его свитѣ, Ягайло сказалъ: «Прекрасно, враги сами напа даютъ на свою голову". Вслѣдъ за этимъ король отдалъ приказъ къ наступленію, а самъ, по постановленію пановъ рады, окруженный лучшими рыцарями, отъѣхалъ въ сторону и сталъ подъ знаменемъ съ бѣлымъ орломъ.

Войска польскія, русскія и литовскія были выстроены въ три линіи, такъ что между ними были два промежутка, или двѣ „улицы", какъ тогда выражались, и съ пѣніемъ старинной боевой пѣсни „Богородице Дѣво, радуйся", двинулись впередъ. Передъ этимъ прошелъ небольшой дождикъ и прибилъ пыль, поднятую конницей. Витовтъ чувствовалъ себя перерожденнымъ. Послѣ такихъ сильныхъ колебаній

относительно возможности войны, теперь его завѣтная мечта отомстить своимъ исконнымъ врагамъ-крестоносцамъ, исполнялась. Вотъ Витовтъ передъ своими войсками, полный жажды мести и ненависти къ нѣмцамъ, мчится съ простертой повелительно рукой по направленію къ врагамъ; лицо его дышитъ дикой энергіей, сознаніемъ своей силы; его одушевленіе охватило всѣ дружины. Каждый чувствовалъ, что совершается великое дѣло. Передъ славянскими дружинами виднѣлись разнообразно одѣтыя рыцарскія войска въ латахъ и бѣлыхъ плащахъ. Многія изъ нихъ представляли лучшія рыцарскія силы всей Европы, созванныя сюда орденомъ на невиданный пиръ побоища. Витовтъ первый началъ битву. Крестоносцы открыли сраженіе выстрѣлами изъ пушекъ, которыя тогда уже имѣлись въ нѣкоторыхъ арміяхъ; ихъ имѣлъ и Витовтъ во время сраженія съ татарами на р. Ворсклѣ. Но пушечные выстрѣлы тогда, въ виду плохого состоянія артиллеріи, не могли причинить соединеннымъ войскамъ никакого вреда. Имѣли артиллерійскія орудія и поляки, но они берегли ихъ для штурма укрѣпленныхъ замковъ. Когда крестоносцы увидѣли, что ихъ орудія безполезно стрѣляютъ, то приказано было замолчать. Въ этой первой схваткѣ рыцари были далеко оттѣснены отъ первоначальной позиціи. Это было особенно непріятно рыцарямъ, считавшимъ себя лучшими въ мірѣ воинами и одушевленными обще-германской идеей своего превосходства надъ другими народами. Послѣ чуть замѣтнаго замѣшательства, магистръ приказалъ снова броситься въ бой. Враги спускались другъ на друга съ холмовъ и столкнулись въ долинѣ съ такимъ ожесточеніемъ и крикомъ, что земля, казалось, дрогнула отъ дружнаго удара копій по щитамъ и панцырямъ. Черезъ нѣкоторое время копья поломались, началась битва мечами и бердышами, свалугами, шестоперами и дубинами. Звонко раздавались тяжелые удары по рыцарскимъ доспѣхамъ. И только смерть каждаго очищала мѣсто для дальнѣйшаго движенія впередъ. Жестокій, небывалый бой кипѣлъ по всей линіи, съ обѣихъ сторонъ масса убитыхъ, а видимаго успѣха еще не было ни на чьей сторонѣ. Но вотъ пос-

лѣдній, дружный натискъ крестоносцевъ рѣшилъ бой въ одномъ мѣстѣ: рыцари сокрушили храбрыхъ своихъ соперниковъ, прорвали линію литовско-русскихъ полковъ и оттѣснили значительную часть арміи Витовта къ Лаубенскому озеру, а другую часть отбросили къ лѣвому флангу польскихъ войскъ, стоявшихъ въ небольшой рощѣ и не принимавшихъ никакого участія въ битвѣ. Въ этой послѣдней части были исключительно жмудинскія войска, которыя не могли вести долгой, правильной войны, а потому при энергичномъ методическомъ наступленіи нѣмцевъ не выдержали и побѣжали съ поля сраженія. Началась невообразимая паника. Сколько ни старался Литовскій Вождь пріостановить свои дружины, бѣжавшія въ паническомъ страхѣ, но возстановить боевой строй ему не удалось. Бой былъ проигранъ. Значительная часть крестоносцевъ съ радостными кликами погналась за убѣгающими литвинами, поражая ихъ оружіемъ и топча конями, а другая большая сила рыцарей, занялась литовско-русской арміей, отброшенной къ Лаубенскому озеру.

Но тутъ случилось такое обссоятельство, которое привело въ изумленіе орденскія войска. Незначительная часть литовско-русскаго войска, вдругъ выстроилась въ боевой порядокъ и смѣло перешла въ наступленіе, обрушившись во флангъ крестоносцевъ, стремившихся преслѣдовать бѣгущихъ литовцевъ. Это были доблестные смоленскіе полки подъ предводительствомъ своего мужественнаго князя Юрія Лугвеньевича. Странное впечатлѣніе производили воины Смоленскаго князя; очень немногіе изъ нихъ имѣли на головахъ кованныя желѣзныя шапочки и нашейники, а большинство носило поверхъ бѣлыхъ суконныхъ свитокъ бахтерцы, особый видъ домашняго изготовленія брони изъ плотно скрученныхъ и перевитыхъ между собой пеньковыхъ веревокъ. Эти бахтерцы нисколько не защищали воина отъ копій и стрѣлъ, но зато отлично сопротивлялись удару меча и рыцарской сѣкиры. Оружіемъ Смоленскихъ полковъ были обыкновенные дровосѣкные топоры, насаженные на топорище, нѣсколько длиннѣе

употребляемыхъ при рубкѣ дровъ. Обуты смольняне были кто въ лапоть, а кто и безъ всякой обуви. Само собой понятно, что смоленскіе полки были встрѣчены насмѣшками въ польско-литовскомъ лагерѣ; ихъ называли дегтярниками. Такія войска, покрытые тяжелыми веревочными бахтерцами, не годились для наступательныхъ дѣйствій, но гдѣ нужна была непоколебимая стѣна изъ живыхъ тѣлъ, тамъ эти войска составляли неодолимую твердыню. Эти сѣрые герои храбро напали на торжествующихъ уже рыцарей, достигли непріятельскихъ рядовъ и снова завязался бой, повернувшій колесо фортуны славянъ въ другую сторону. Медленно, но зато твердо подвигались впередъ смоленскіе полки; ихъ большіе топоры тяжело поднимались и падали глухо, поражая безъ разбора людей и лошадей. Рыцари, опьяненные первымъ успѣхомъ битвы, съ особой силой ударили на смольнянъ; къ сражавшимся крестоносцамъ присоединились и тѣ, которые были заняты преслѣдованіемъ бѣжавшихъ литовцевъ и жмудинъ. Но сокрушить эту живую твердыню имъ не удалось. За спиною смольнянъ приводило себя и вновь строилось въ боевой порядокъ то русско-литовское войско, которое было только разсѣяно, но не бѣжало въ паническомъ страхѣ. Рыцари видѣли, что имъ необходимо во что бы то ни стало побѣдить смольнянъ. Они сначала не видѣли, что изъ-за лѣса, находящагося правѣе ихъ, стали выступать стройныя знамена польскаго войска. Это нѣсколько смутило рыцарей, торжествовавшихъ уже побѣду надъ литовцами; но они скоро оправились, построились и съ побѣднымъ гимномъ на устахъ „Христосъ воскресе“ снова бросились съ удвоенною энергіей на поляковъ. Большое королевское знамя съ бѣлымъ орломъ было опрокинуто, и только съ большими усиліями поляки его возстановили. Минута была чрезвычайно опасная для славянъ, такъ какъ рыцари, преслѣдовавшіе литовцевъ, стали возвращаться на помощь своимъ. Но Витовтъ нашелся какъ нельзя лучше. Онъ взялъ нѣсколько полковъ изъ арміи Ягайлы и съ ними ударилъ на возвращавшихся съ погони рыцарей, большая часть которыхъ была перебита и захвачена въ плѣнъ. Всѣ уси-

лія крестоносцевъ теперь были направлены на ядро польской арміи, гдѣ были полки краковскій, сандомирскій, галицкій и др. Самъ великій магистръ принялъ начальство надъ аттакующей колонной и, выстроивъ въ густую массу всѣ свои знамена, двинулся впередъ, чтобы рѣшительнымъ ударомъ раздавить поляковъ. Витовтъ, видѣвшій это намѣреніе рыцарей, выдвинулъ противъ нихъ съ лѣваго фланга польскихъ войскъ нѣсколько полковъ охотниковъ, находившихся за небольшою рощей, чтобы отвлечь силы рыцарей. Но аттака послѣднихъ была такъ настойчива и стремительна, что только численный перевѣсъ, бывшій на сторонѣ славянъ, давалъ возможность противостоять бѣшеной аттакѣ враговъ. Много, конечно, придало бодрости польскому войску личное присутствіе короля Ягайло въ центрѣ своей арміи, хотя такое присутствіе не могло не быть опаснымъ для жизни короля. Сначала крестоносцы не предполагали, что среди польскихъ рыцарей, бывшихъ недалеко отъ нихъ, находится самъ король, такъ какъ королевское знамя было предусмотрительно спущено. Тѣмъ не менѣе нѣсколько рыцарей отдѣлились отъ общей массы нѣмецкихъ рыцарей и хотѣли было перевѣдаться съ блестящимъ королевскимъ конвоемъ, но магистръ, имѣя цѣлью всю польскую армію, скомандовалъ слѣдовать за нимъ по направленію къ центру польской арміи. Большинство рыцарей послушалось и присоединилось къ отряду, но одинъ изъ нихъ, самый значительный, Диппольдъ фонъ-Кикеритцъ изъ Лузаціи, не послушался. Желаніе завладѣть богатымъ вооруженіемъ короля и роскошнымъ убранствомъ его коня заставило его съ поднятымъ копьемъ неблагоразумно броситься на Ягайло, окруженнаго лучшими воинами. Ягайло поднялъ копье и отбилъ ударъ, а находившійся вблизи королевскій секретарь Сбигнѣвъ Олесницкій, державшій въ рукахъ изломанное копье, швырнулъ въ него обломкомъ и сбилъ рыцаря съ коня; король вонзилъ копье въ лобъ рыцаря, а окружающая короля стража разсѣкла дерзкаго нѣмца на части. Ягайло, въ которомъ заговорила кровь его знаменитыхъ предковъ Гедимина и Ольгерда, хотѣлъ было устремиться впередъ, но приближенные удержали его. Ме-

жду тѣмъ рыцари съ особенной настойчивостью стали насѣдать на польское войско, и такимъ образомъ опасность съ головы короля перешла на всю польскую армію. Поляки стали отступать. Королевскій секретарь Сбигнѣвъ-Олесницкій поскакалъ на своемъ конѣ къ командовавшему мазовецкими знаменами, находившимися впереди, Николаю Колбасѣ герба «Наленчъ», чтобы онъ своими войсками прикрылъ отступленіе. Но предводитель мазовецкихъ войскъ отказалъ на томъ основаніи, что крестоносцы, видя уходъ войскъ съ поля битвы, удвоили-бы только мужество. Въ эту критическую минуту Витовтъ вывелъ блестящія наемныя дружины. Онъ зашелъ во флангъ нападавшимъ нѣмецкимъ войскамъи отчасти въ тылъ, и началась новая, послѣдняя битва. Рыцари ударили на новыхъ враговъ, но не могли произвесть своего обычнаго дѣйствія, такъ какъ они были уже утомлены войной, и сомнѣніе въ благопріятномъ исходѣ битвы явилось не у одного рыцаря. Одинъ только великій маршалъ и безумно храбрый Ульрихъ фонъ-Юнгингенъ безстрашно смотрѣлъ въ глаза опасности и неблагоразумно начали войну. Витовтъ былъ всюду: онъ руководилъ наемными дружинами и не оставлялъ своихъ литовско-русскихъ войскъ, которыя не бѣжали съ поля битвы; къ этимъ послѣднимъ стали понемногу приставать тѣ, которые раньше бѣжали послѣ перваго сраженія. Побѣдный гимнъ нѣмцевъ уже умолкъ. Ряды ихъ стали мѣшаться; наступилъ такой безпорядокъ, что нельзя было разслышать команды начальниковъ. Оба крыла крестоносцевъ стали медленно отступать по направленію къ дер. Грюнвальду, гдѣ ихъ окружили татары султана Салладина, зашедшіе въ тылъ непріятеля. Крестоносцы уже у самой деревни были охвачены плотнымъ кольцомъ соединенныхъ силъ, и началась не война, а побоище. Пало много доблестныхъ рыцарей, и въ числѣ ихъ магистръ ордена Ульрихъ фонъ-Юнгингенъ; палъ маршалъ, большая часть командоровъ и братьевъ. Ни одинъ выстрѣлъ изъ лука, ни одинъ ударъ славянъ не пропадали даромъ. Къ довершенію несчастья для рыцарей, мѣстное земское и поморское рыцарство въ тотъ моментъ, когда стало

ясно, что крестоносцы проиграли битву,-или бѣжали съ поля сраженія, или обратили свое оружіе противъ своихъ поработителей. Разсказываютъ. что когда славяне почти окружили нѣмцевъ, начальники и вожди совѣтовали магистру спѣшно отступать, пробиваясь сквозь непріятельскія силы, въ замки, гдѣ и защищаться, но магистръ отвѣтилъ, что онъ не сойдетъ съ того поля битвы, гдѣ не одинъ мужественный рыцарь рядомъ съ нимъ нашелъ смерть. И дѣйствительно, въ полномъ смыслѣ слова оправдалъ свои слова. Битва была окончена вечеромъ взятіемъ лагеря подъ Фрегенау. Тутъ побѣдителямъ достался въ добычу огромный лагерь, большое количество всякаго рода запасовъ, множество разрушительныхъ орудій, цѣпи на плѣнниковъ, цѣпи на барьеры, экипажи, верховыя лошади, сундуки съ деньгами, бочки съ виномъ; словомъ, всего въ огромномъ колличествѣ. Грабежъ и своеволіе сопровождали разореніе лагеря.

Такъ окончилась при Грюнвальдѣ битва двухъ народовъ славянъ и нѣмцевъ. Стотысячная нѣмецкая-армія, состоящая изъ испытанныхъ въ военномъ дѣлѣ рыцарей, мужество и вѣрованія которыхъ были созданы для войны, ей одной служили и въ ней одной находили себѣ право, была совершенно уничтожена многочисленною, но слабѣе вооруженною и менѣе устроенною славянскою ратью. Случилось это потому, что нѣмецкое рыцарство, бывшее два вѣкагрозою славянъ, дѣйствовавшихъ всегда разрозненно, встрѣтило со стороны послѣднихъ на этотъ разъ нежелательное для себя единеніе, сознаніе до нѣкоторой степени важности исторической минуты и опредѣленности цѣли. Результаты такого сознанія славянами общности своихъ интересовъ на лицо. Орденъ потерялъ всякое значеніе для славянъ; хотя онъ продолжалъ независимо существовать еще около пятидесяти лѣтъ, но это было жалкое существованіе, потому что среди крестоносцевъ настали междоусобныя распри и возстанія среди подвластныхъ имъ народовъ; все это повело къ утратѣ очень важныхъ орденскихъ владѣній и наконецъ къ ленной зависимости отъ презираемой раньше Польши. Словомъ, стремленіе нѣмцевъ

drang nach Osten нашло свой предѣлъ, и начался славянскій drang nach Westen. „Межи грады Дубровны и Острода“ Польша получила свое историческое крещеніе. Взоры всѣхъ обратились на нее. Передъ ней открылась великая историческая перспектива остановить нѣмецкій drang nach Osten и изъ разрозненныхъ частей славянства создать могучее и красивое цѣлое. Прежняя борьба нѣмцевъ и славянъ должна была, казалось, совершенно измѣниться; но случилось не то, чего можно было ожидать. Славяне попрежнему остались разрозненными, а разбитые при Грюнвальдѣ нѣмцы собрались и выросли впослѣдствіи въ могучую Германію. Такія грустныя мысли неизбѣжно являются при воспоминаніи о Грюнвальдской битвѣ и заставляютъ испытывать невольное смущеніе, требуя уясненія логической стороны этого явленія. Кажется страннымъ, что когда то обширное славянское море, простиравшее свои заливы до Эльбы, Альпъ и Адріатическаго моря, стало постепенно отодвигать свою береговую линію на востокъ, будучи заносимо нѣмецкими дюнами, внѣдряющимися настойчиво и безпощадно въ славянскія волны.

Успѣхъ внѣдренія германизма подъ прикрытіемъ распространенія христіанства и ганзейскихъ торговыхъ сношеній объясняется тѣмъ, что нѣмецкіе аванпосты были тѣсно связаны съ германскимъ и даже романскимъ міромъ, который тогда былъ проникнутъ горячимъ религіознымъ одушевленіемъ и искреннимъ сознаніемъ, что онъ является единственнымъ представителемъ истиннаго христіанства, что его вожди, папа и императоръ, единственные источники права и власти на землѣ. Того, кто не признавалъ ихъ власти, необходимо было принуждать къ тому силою. „Папы же и императоръ зорко слѣдили за всѣми дѣйствіями крестоносцевъ, доставляли имъ силы и средства и освящали всѣ ихъ шаги своимъ авторитетомъ и благословеніемъ“. Да и теперь, гдѣ только нѣмцы свили свое гнѣздо, они находятъ моральную и матеріальную поддержку со стороны своего отечества. Въ вопросахъ, касающихся пангерманской идеи, всѣ нѣмцы дѣйствуютъ поразительно

единодушно. За предѣлами Германіи нѣтъ ни юнкеровъ, ни соціалъ-демократовъ, ни центра, ни вольномыслящихъ и другихъ партій, а есть только связанные сознаніемъ своей общенаціональной солидарности нѣмцы. У себя дома въ національныхъ вопросахъ Германія всегда выступаетъ какъ единая, цѣлая страна, въ которой нѣтъ мѣста внутреннимъ раздорамъ. Также единодушно сливаются въ этомъ отношеніи всѣ политическія партіи Англіи и Франціи.

Къ сожалѣнію, ничего подобнаго нѣтъ среди славянъ. Сейчасъ же послѣ разгрома ордена подъ Грюнвальдомъ вождь славянъ, польскій король Ягайло, вмѣсто того, чтобы немедленно двинуться съ войсками къ Маріенбургу для окончательнаго уничтоженія орденскихъ силъ, вступилъ въ пререканія и несогласія съ Витовтомъ, который совѣтовалъ разорить столицу крестоносцевъ. Ягайло же легкомысленно сталъ предаваться на полѣ битвы религіознымъ и побѣднымъ подвигамъ въ теченіе трехъ дней и такимъ образомъ упустилъ время для достиженія окончательной цѣли. Когда послѣ этого онъ подступилъ къ Маріенбургу, то уже было поздно, ибо тамъ успѣли приготовиться къ отпору, и Ягайло былъ отбитъ; пришлось заключить миръ, по которому не только былъ признанъ орденъ, но онъ получилъ назадъ всѣ свои земли.

Тѣмъ не менѣе значеніе побѣды при Грюнвальдѣ было громадное. Вѣсть о страшномъ пораженіи рыцарей разнеслась по всей Европѣ, а Польша съ этого времени стала источникомъ надеждъ и упованій всѣхъ западныхъ славянъ. Скоро послѣ 1410 г. чехи предложили польскому королю Ягайлѣ свою корону. Вмѣсто того, чтобы твердыми руками взять эту корону, Ягайло отправилъ посольствокъ императору Сигизмунду съ наивнымъ предложеніемъ отказаться отъ чешской короны, которую тотъ до этого времени носилъ, а къ папѣ—остановить призывъ къ крестовымъ походамъ противъ Чехіи. Само собою разумѣется, что заступничество польскаго короля не имѣло ни малѣйшаго успѣха. Мало того когда вслѣдъ за тѣмъ началась война Польши съ Русью и орденомъ

то западныя государства открыто стали поддерживать крестоносцевъ. Несмотря на такой горькій опытъ чехи опять, уже въ 1437 году, послѣ признанія Базельскимъ соборомъ утраквистовъ, просили у Польши покровительства, но всемогущее католическое духовенство во главѣ съ краковскимъ епископомъ наложило запрещеніе на попытку славянъ сблизиться другъ съ другомъ.

Во второй половинѣ пятнадцатаго столѣтія при преемникѣ Ягайла Казимирѣ Польша опять начала войну съ орденомъ, послѣ которой онъ призналъ себя польскимъ вассаломъ по Торунскому миру. Между тѣмъ папа подтвердилъ всѣ прежнія права и привиллегіи ордена. Вотъ какъ Польша держала въ своихъ рукахъ славянское знамя! Иначе впрочемъ и быть не могло, потому что въ духовномъ отношеніи она составляла часть западнаго міра и не могла, слѣдовательно, дѣйствовать самобытно и самостоятельно.

Дальнѣйшая политика польскихъ королей по отношенію къ славянству состояла въ созданіи нынѣшней Австріи и отчасти Пруссіи, т. е. тѣхъ нѣмецкихъ государствъ, отъ которыхъ болѣе всего приходится терпѣть славянамъ. Въ началѣ шестнадцатаго столѣтія Австрію стали тѣснить появившіеся тогда на политическомъ горизонтѣ турки. Польша до конца своего существованія безкорыстно напрягала всѣ силы для защиты Австріи отъ турецкой грозы; въ этой, иногда совершенно ненужной, борьбѣ Польша видѣла свое историческое призваніе. Такимъ образомъ славяне собственными руками создали нынѣшнюю свою притѣснительницу Австрію, гдѣ такъ тяжело приходится имъ всѣмъ и гдѣ незначительная сравнительно часть нѣмцевъ угнетаетъ большую половину населенія, принадлежащаго къ славянскому племени.

Такою же нѣжною нянькою оказалась другая славянская страна Россія по отношенію къ Пруссіи, которая одно время (10-го апрѣля 1525 года) давала ленную присягу въ вѣрности Польшѣ при торжественной обстановкѣ на Краковскомъ рынкѣ.

Въ восемнадцатомъ столѣтіи Пруссія не разъ была на краю гибели и спасало ее только заступничество русскихъ государей.

Чѣмъ же отплатили славянамъ за все это нѣмцы? Тѣмъ, что они прошли значительный путь по славянской землѣ, усѣявъ его славянскими трупами и обильно поливъ его славянскою кровью. Они глубоко врѣзались въ славянское тѣло на востокѣ и здѣсь событіями 1242 и 1410 г. г. были остановлены въ своемъ поступательномъ движеніи. Послѣ продолжительной слабости они вновь окрѣпли и съ особенною силою дружно ударили на славянъ, выбравъ линію наименьшаго сопротивленія въ своемъ движеніи drang nach Osten, а именно, черезъ Балканы. Еще не успѣла пройти жгучая боль обиды послѣ неожиданной анексіи Босніи и Герцеговины, какъ зрѣетъ, можетъ быть, уже новый преступный замыселъ противъ славянства, готовится новый ударъ. Развѣ могло быть что-либо подобное, если-бы не вѣковая, губительная, полная непримиримости, неосмысленная рознь славянъ? Теперь, спустя пятьсотъ лѣтъ послѣ знаменитой Грюнвальдской битвы, когда объединившаяся, хотя и не вся, часть великой славянской семьи могла сломить грозную нѣмецкую силу, мы вправѣ сказать, что только при взаимной поддержкѣ славяне могутъ достигнуть своихъ національныхъ стремленій, забывъ старые счеты, обиды и пререканія.

Да будетъ же славная Грюнвальдская битва прообразомъ единенія духа и силы славянъ!

Да будетъ вѣчная память всѣмъ героямъ этой битвы!

Ник. Крачковскій.

Василій Осиповичъ Ключевскій.

(Воспоминанія слушателя).

12 мая въ 3 часа и 5 минутъ дня скончался въ Москвѣ почетный членъ нашей Витебской Ученой Архивной Коммиссіи профессоръ Василій Осиповичъ Ключевскій.

Нѣтъ сомнѣнія, что значеніе покойнаго далеко не опредѣляется его членствомъ въ нашей коммиссіи. Василій Осиповичъ—гордость и слава нашей отечественной науки, такіе люди рѣдки, не всякое государство въ силахъ представить такого историка, какимъ былъ покойный. Многіе его лично не знали, но его произведеніями зачитывались; послѣднія для многихъ были настольною, руководственною книгою.

Для изображенія личности и выясненія дѣятельности Василія Осиповича нуженъ человѣкъ съ большею эрудиціей, съ талантами крупнаго оратора, съ тонкимъ и глубокимъ психологическимъ анализомъ.

Моя задача будетъ много скромнѣе. Я буду доволенъ, если мнѣ удастся удовлетворительно изложить свои воспоминанія о моемъ учителѣ, кратко намѣтить біографическія даты и опредѣлить мѣсто его среди отечественныхъ историковъ.

Впервые я увидѣлъ Василія Осиповича въ сентябрѣ 1900 года, когда я поступилъ въ число студентовъ 1-го курса Московской Духовной Академіи.

Начала его лекцій всѣ мы ожидали съ большимъ нетерпѣніемъ. Каждый зналъ его еще въ средней школѣ; многіе слышали объ немъ отъ своихъ земляковъ студентовъ, а нѣкоторые были знакомы съ нимъ по его произведеніямъ.

Когда разсуждали въ семинаріяхъ объ академіяхъ, то, при упоминаніи о Московской Академіи, говорили всегда и о Василіи Осиповичѣ. Имя его было окружено особымъ ореоломъ; говорили о его ученой славѣ, о его манерѣ говорить, о содержаніи его лекцій и никто никогда не касался его частной жизни; ею не интересовались, съ нею Василія Осиповича не связывали, считая его за его труды выше всего.

Московская Духовная Академія меня привлекала, при моемъ выборѣ учебнаго заведенія, потому, что тамъ я могъ слушать Василія Осиповича.

Желанный моментъ встрѣчи съ Василіемъ Осиповичемъ, наконецъ, для всѣхъ насъ наступилъ приблизительно около половины сентября.

Василій Осиповичъ обыкновенно читалъ студентамъ 2-го курса по понедѣльникамъ и вторникамъ послѣ двѣнадцати часовъ по двѣ получасовыя лекціи въ день. Но его аудиторія не ограничивалась вторымъ курсомъ. На его лекціи ходили студенты всѣхъ курсовъ. Многіе были неизмѣнными его слушателями съ перваго по четвертый курсъ. Другія аудиторіи въ это время были заняты очень немногими студентами, сплошь и рядомъ выборными по очереди дежурными. Профессора не обижались, не выговаривали, такъ какъ хорошо понимали наше увлеченье; сами когда то нѣкоторые изъ нихъ были учениками Василія Осиповича.

Къ началу лекціи первая аудиторія, въ которой читалъ лекціи Василій Осиповичъ, самая большая, была переполнена.

До сихъ поръ сохранилось у меня ясное воспоминаніе встрѣчи съ Василіемъ Осиповичемъ. Въ среднія двери, на которыя мы все время обращали вниманіе, быстро, мелкими шагами вошелъ немного сгорбленный, невысокаго роста, съ сѣдиною въ волосахъ, съ очками въ стальной оправѣ, человѣкъ. Раздались аплодисменты. Онъ слегка наклонился направо и налѣво и поспѣшно вошелъ на каѳедру. Вынулъ изъ портфеля записки, внимательно осмотрѣлъ аудиторію, какъ бы желая опредѣлить, какія требованія могутъ ему предъявить его новые слушатели. Видимо онъ волновался. Началъ лекцію безъ всякихъ вычурненныхъ обращеній, съ указанія того предмета, который

онъ будетъ читать и заявилъ, что въ Академіи онъ читаетъ болѣе полный курсъ, надѣясь на скромность слушателей и на то, что на лекцію не попадутъ неизвѣстные люди.

Предметомъ первой лекціи былъ географическій обзоръ Восточной Европы.

Читалъ Василій Осиповичъ сравнительно тихо, но ясно; рѣчь была безукоризненна, вполнѣ выражала мысль, какую хотѣлъ онъ высказать. Началъ чтеніе онъ по запискѣ, но потомъ увлекся, сошелъ съ каѳедры, начертилъ на доскѣ мѣломъ карту Россіи и уже до конца велъ лекцію, хотя по аудиторіи.

Мы многаго ожидали по разсказамъ нашихъ предшественниковъ отъ лекцій Василія Осиповича, но наше впечатлѣніе превзошло ожиданія. Сухой въ сущности предметъ лекціи Василій Осиповичъ оживилъ, заставилъ насъ забыть непосредственную дѣйствительность, перенестись за нѣсколько вѣковъ и углубиться въ уясненіе естественныхъ условій жизни въ Восточной Европѣ.

По окончаніи лекціи соблюдалось нѣсколько времени молчаніе, всѣ мы чего то ждали, а потомъ раздались оглушительные аплодисменты уходящему въ смущеніи профессору.

Дальнѣйшія лекціи проходили такъ же хорошо, какъ и первая, при многочисленныхъ слушателяхъ. Волненіе Василія Осиповича все больше и больше улегалось.

Василій Осиповичъ читалъ намъ особый курсъ русской исторіи; онъ мало обращалъ вниманія на событія и историческихъ дѣятелей, стараясь уяснить историческую жизнь, доказать, что иною она и не могла быть при тѣхъ условіяхъ—географическихъ, этнографическихъ и экономическихъ, въ какихъ находилось наше государство. Правда онъ иногда останавливался и на историческихъ дѣятеляхъ, выбирая такихъ, за дѣятельностью которыхъ признается обычно только вредъ или такихъ, которые считаются благодѣтелями отечества. Для первыхъ онъ иногда смягчалъ историческій приговоръ, какъ, напримѣръ, для Іоанна Грознаго; для другихъ ослаблялъ славу, какъ, напримѣръ, для Екатерины II.

Характеристики Василій Осиповичъ умѣлъ дѣлать неподражаемо; недаромъ слушатели его съ записокъ ихъ по нѣскольку разъ пере-

читывали и, думаю, многіе изъ нихъ съ удовольствіемъ читаютъ и теперь. Характеристиками такъ интересовались, что на нихъ ходили почти всѣ студенты Академіи. Это можно было сдѣлать потому, что Василій Осиповичъ сообщалъ предметъ своей слѣдующей лекціи. Это было необходимо въ виду особаго плана лекцій. При выясненіи исторической жизни Василію Осиповичу нужна была аудиторія, знакомая съ историческими фактами, которые могли бы служить вѣхами для его лекцій. Поэтому онъ предлагалъ слушателямъ дома прочесть фактическую исторію по учебнику Сергѣя Михайловича Соловьева, указывая страницы.

Я буду огорченъ, если изъ моихъ словъ читатель сдѣлаетъ выводъ, что на лекціи Василія Осиповича мы ходили исключительно для удовольствія выслушать красивую рѣчь, изящныя выраженія. Такая аудиторія, такія отношенія слушателей разстроили бы Василія Осиповича и онъ, я думаю, по свойственной ему откровенности попросилъ бы эстетиковъ не посѣщать его лекцій. Онъ самъ указалъ подробно и ясно безполезность такихъ учебныхъ занятій, когда между учителемъ и ученикомъ устанавливаются отношенія, основанныя на эстетическомъ наслажденіи. Выясняя значенье воспитанія Александра I, онъ замѣтилъ: «Это большое несчастье, когда между ученикомъ и учителемъ образуются отношенія зрителя къ артисту, когда урокъ послѣдняго становится эстетическимъ развлеченіемъ и только".

Характеристики Василія Осиповича привлекали насъ потому, что въ нихъ мы слышали какъ бы разсказы о нашихъ хорошихъ знакомыхъ, будутъ ли то великіе и полезные дѣятели или люди съ преступною волею и порочными наклонностями.

Василій Осиповичъ вообще обладалъ рѣдкимъ даромъ изображенія извѣстной эпохи, такъ что невольно во время его лекцій приходилось переносить себя въ старую обстановку и смотрѣть на умершихъ людей, какъ на своихъ современниковъ. Выгода положенія заключалась только въ томъ, что слушатели замѣчали всѣ ошибки своихъ предшественниковъ, сдѣлавшихся имъ знакомыми и родными благодаря умѣлому разсказу профессора.

Изображая тяжелыя для нашего отечества эпохи, характеризуя вредныхъ дѣятелей, Василій Осиповичъ никогда не раздражался, не

старался выставить ихъ на позоръ, но представляя ихъ непривлекательныя стороны, въ то же время болѣлъ душою такъ, какъ болитъ душею по поводу порочности своихъ дѣтей родитель.

Однимъ словомъ, рѣчь Василія Осиповича отличалась тѣми же достоинствами, какія мы находимъ въ записяхъ нашего перваго лѣтописца: та же изобразительность, та же деликатность въ отношеніяхъ къ людямъ, то же уваженіе человѣческаго достоинства даже въ отношеніи людей порочныхъ. Вотъ почему лекціи Василія Осиповича не могли разстроить юношескаго воображенія, не могли изъ юношей воспитать революціонеровъ. Не даромъ въ одномъ гектографированномъ изданіи лекцій студенты въ срединѣ записали такое чатверостишіе:

„Вы послушайте, ребята,
Что намъ скажетъ дѣдъ:
Велика земля наша, богата,
А порядка въ ней все нѣтъ.

Въ законномъ порядкѣ слушателемъ Василія Осиповича я сдѣлался на второмъ курсѣ, и слушалъ его въ продолженіи 1901—1902 учебнаго года. Нашему курсу выпало рѣдкое счастье: Василій Осиповичъ намъ читалъ не четыре лекціи, какъ это полагается по уставу, а шесть. Были свободны часы, посвященные лекціямъ по патристикѣ, вслѣдствіе заграничной командировки профессора Ивана Васильевича Попова. Мы обратились къ Василію Осиповичу съ просьбою, чтобы онъ въ эти часы читалъ намъ дополнительный курсъ русской исторіи. Результаты получились неожиданные: оказалось, что мы растрогали своимъ обращеніемъ Василія Осиповича. Онъ безъ всякихъ отговорокъ согласился и въ первой же лекціи высказался, что мы его очень обрадовали. Онъ сказалъ: „Я человѣкъ прошлаго столѣтія, случайно попавшій въ нынѣшнее; я думалъ, что не могу своими лекціями, составленными для другого поколѣнія, вполнѣ удовлетворить современную учащуюся молодежь. Вы меня порадовали, Вы мнѣ старику сказали, что я не безполезенъ для васъ, что желаете меня слушать».

Въ виду того, что Василій Осиповичъ читалъ больше лекцій, онъ для нашего курса прочелъ русскую исторію вплоть до царствованія нынѣ благополучно царствующаго ГОСУДАРЯ ИМПЕРАТОРА НИКОЛАЯ АЛЕКСАНДРОВИЧА.

Приступая къ характеристикѣ послѣднихъ реформъ Александра II, Василій Осиповичъ насъ предупредилъ, что мы теперь услышимъ отъ него не то, что слышали прежде, что теперь онъ теряетъ силу безпристрастнаго историка, такъ какъ ему придется изобразить жизнь, которая затронула и его, что у него могутъ въ отношеніи дѣятелей быть симпатіи и антипатіи, благодаря близкому знакомству съ ними; что онъ въ данномъ случаѣ предстанетъ предъ нами скорѣе со всею страстностью публициста, чѣмъ ученаго историка. Поэтому мы въ правѣ отнестись къ его рѣчамъ съ большею осторожностью. Такъ безпримѣрно честенъ и щепетиленъ былъ Василій Осиповичъ въ своей ученой дѣятельности.

На второмъ курсѣ намъ пришлось писать семестровое сочиненіе Василію Осиповичу.

Темы даны были такія, которыя требовали самостоятельнаго изученія источниковъ. Трудились мы больше, чѣмъ когда-либо, боясь осрамиться предъ любимымъ учителемъ.

Не могу забыть еще экзамена, произведеннаго Василіемъ Осиповичемъ. На экзаменахъ Василій Осиповичъ былъ очень строгъ, требовалъ отъ студентовъ ясныхъ отвѣтовъ и полнаго усвоенія своего курса. Готовились мы добросовѣстно, несмотря на то, что многіе лекціи прочли еще во время года.

Въ день экзамена всѣ чувствовали большую неловкость, боялись краткой программы, данной намъ Василіемъ Осиповичемъ. Составили мы программу болѣе подробную. Мнѣ было поручено курсомъ переговорить съ Василіемъ Осиповичемъ о дозволеніи отвѣчать по болѣе подробной программѣ. Для этой цѣли я ожидалъ его въ академическомъ саду. Съ тяжелымъ чувствомъ я пошелъ навстрѣчу, появившемуся профессору. Изложилъ кратко просьбу студентовъ, ожидая замѣчанія; но сверхъ всякаго ожиданія получилъ отвѣтъ, что для него все равно, по какой программѣ мы будемъ отвѣчать по краткой или подробной и что кто не знаетъ курса при всякомъ по-

ложеніи провалится. И дѣйствительно отъ Василія Осиповича трудно было скрыть незнаніе; онъ умѣлъ краткими вопросами провѣрить студента во всѣхъ отдѣлахъ. Полныхъ отмѣтокъ онъ ставилъ немного, но за то онѣ и цѣнились высоко.

Еще помню Василія Осиповича въ двадцатипяти-лѣтній юбилей со дня смерти крупнаго ректора Московской Духовной Академіи протоіерея Александра Васильевича Горскаго. Василій Осиповичъ представилъ намъ въ этотъ день воспоминанія объ Александрѣ Васильевичѣ, котораго онъ зналъ лично, при которомъ онъ началъ свою службу въ Академіи.

Съ благоговѣйнымъ чувствомъ вспомнилъ онъ своихъ первыхъ руководителей, отмѣтившихъ въ немъ талантъ избраніемъ на каѳедру въ Академіи—Александра Васильевича Горскаго и профессора Петра Симоновича Казанскаго. Вспомнилъ онъ о своихъ первоначальныхъ ученыхъ работахъ въ академической библіотекѣ, о своей магистерской диссертаціи, о своемъ юношескомъ ученомъ самолюбіи.

Однажды Василій Осиповичъ вошелъ въ нумеръ, занимаемый въ Лавской гостинницѣ Петромъ Симоновичемъ Казанскимъ и засталъ послѣдняго за чтеніемъ своей магистерской диссертаціи: «Древнерусскія житія святыхъ, какъ историческій источникъ». Захотѣлось ему узнать мнѣніе Петра Симоновича и онъ спросилъ его, ожидая похвалы за книгу, которая уже получила одобреніе университета. Петръ Симоновичъ указалъ на заглавіе и сказалъ: «очень хорошо!» Открылъ слѣдующую страницу, перелисталъ нѣсколько страницъ и сказалъ: «слабо»! Василій Осиповичъ обидѣлся и поговорилъ рѣзко. Этого онъ видимо не могъ забыть всю жизнь и вспоминая Александра Васильевича, вспомнилъ Петра Симоновича и признался намъ, что онъ теперь свою диссертацію считаетъ юношескимъ грѣхомъ. Это былъ единственный случай, когда мы ему не повѣрили. Конечно, ему были ясны ошибки его работы, но мы то, да, какъ можно читать въ отзывахъ печати, и другіе наши современники, не въ силахъ умалить такой крупный трудъ.

Пришлось мнѣ быть свидѣтелемъ и тридцатилѣтняго юбилея самого Василія Осиповича въ 1901 году. Мы ему послали въ Москву

телеграмму, въ которой выразили свои отношенія къ нему, его лекціямъ и ученымъ трудамъ.

Василій Осиповичъ по поводу телеграммы говорилъ съ нами на лекціи со слезами на глазахъ. Онъ сказалъ, что наша телеграмма для него была цѣннѣе всѣхъ привѣтствій и адресовъ, выслушанныхъ имъ въ юбилейный день потому, что онъ снова услышалъ отъ студентовъ Академіи, какъ тридцать лѣтъ назадъ, призывъ къ работѣ и сочувствіе въ исканіи истины. Онъ сказалъ, что Академію онъ очень любитъ и свое положеніе въ ней очень цѣнитъ. Цѣнила его въ то время и Академія, къ его голосу прислушивались и профессора. Мнѣ однажды пришлось разговаривать о Василіѣ Осиповичѣ съ инспекторомъ Академіи, архимандритомъ тогда, теперь викарнымъ Тульскимъ епископомъ, который потомъ, во время своего ректорства въ Академіи, былъ виновникомъ ухода изъ Академіи Василія Осиповича. Онъ говорилъ, что Василій Осиповичъ—крупная величина въ Академіи; пріѣздъ его—праздникъ не только для студентовъ, но и для профессоровъ. Для того, чтобы поговорить съ нимъ и послушать его разсказовъ, въ каждый пріѣздъ его собирались въ профессорскую всѣ профессора вмѣстѣ съ ректоромъ и инспекторомъ. И много онъ разсказывалъ имъ изъ прошлаго; не любилъ только касаться современныхъ политическихъ нестроеній.

Цѣнили Василія Осиповича тѣ изъ начальствующихъ, которые получили воспитаніе въ другихъ Академіяхъ. Хорошо онъ и самъ отзывался объ нѣкоторыхъ изъ нихъ. Но къ позору Академіи предалъ его и содѣйствовалъ его уходу его ученикъ, когда сдѣлался ректоромъ Академіи, епископъ Евдокимъ (Мещерскій).

Удаленіе Василія Осиповича изъ Академіи—темная страница въ лѣтописяхъ ея исторіи: пришлось уйти тому, кто больше всего любилъ ее.

Василій Осиповичъ своей любви къ Академіи и не скрывалъ и любовь эта была вполнѣ естественна. Василій Осиповичъ считалъ себя своимъ въ ней. Его ученикъ, профессоръ Московской Духовной Академіи Сергѣй Ивановичъ Смирновъ приводитъ важныя въ этомъ

отношеніи слова покойнаго: «Въ одномъ сѣверномъ житіи разсказывается, говорилъ Василій Осиповичъ, какъ старецъ—подвижникъ, войдя въ лѣсъ, за ограду обители, заслушался птички и заснулъ на 300 лѣтъ. Проснувшись, онъ пошелъ къ своему монастырю и не узналъ его: стѣны окрашены въ другой цвѣтъ, новый настоятель, чужая братія... Я былъ счастливѣе этого старца: рано оставивъ духовную школу, долго я скитался вдали отъ нея, но когда въ нее вернулся, я почувствовалъ себя снова живымъ».

Если сдѣлать справку въ біографіи Василія Осиповича, то окажется, что для Академіи Василій Осиповичъ дѣйствительно былъ своимъ.

Василій Осиповичъ происходилъ изъ духовнаго званія. Онъ былъ сыномъ священника Пензенской епархіи. Среднее образованіе получилъ въ Пензенской Духовной Семинаріи, въ которой учился только до богословскаго класса, а затѣмъ перешелъ на историко-филологическій факультетъ Московскаго Университета, который окончилъ въ 1865 году. Черезъ шесть лѣтъ по окончаніи на его труды и таланты обратили ученые Московской Духовной Академіи и въ 1871 году онъ былъ избранъ приватъ-доцентомъ Московской Духовной Академіи по каѳедрѣ русской гражданской исторіи. Въ 1872 году за свою диссертацію: «Древне-русскія житія святыхъ, какъ историческій источникъ» онъ получилъ при Московскомъ университетѣ степень магистра исторіи. Въ 1879 году онъ былъ избранъ доцентомъ по каѳедрѣ русской гражданской исторіи и въ Московскомъ Университетѣ, а въ Академіи получилъ званіе экстраординарнаго профессора. Въ 1882 году послѣ защиты диссертаціи подъ заглавіемъ: «Боярская дума древней Руси», онъ признанъ докторомъ русской исторіи. Въ томъ же году былъ утвержденъ ординарнымъ профессоромъ въ Академіи и Университетѣ.

Кромѣ Академіи и Университета Василій Осиповичъ читалъ лекціи въ Александровскомъ военномъ училищѣ (съ 1867 по 1873 г.) и на высшихъ женскихъ курсахъ Герье (съ 1872 по 1888 годъ). Съ осени 1893 года до марта 1895 года преподавалъ политическую исторію Великому Князю Георгію Александровичу. 1901 года Василій Осиповичъ былъ избранъ почетнымъ членомъ Академіи Наукъ. И, нако-

нецъ, онъ послѣ Сергѣя Михайловича Соловьева состоялъ предсѣдателемъ Императорскаго Общества исторіи и древностей Россійскихъ.

Съ Академіей связаны его лучшіе годы, въ Академіи положилъ онъ основу тому курсу лекцій, которыя составили ему имя; духовная школа дала ему элементарное образованіе, духовная школа его и выдвинула, отмѣтивъ его дарованія и оцѣнивъ ихъ по достоинству.

Василій Осиповичъ Ключевскій является крупнымъ, несравненнымъ историкомъ нашего отечества. Онъ положилъ начало новой современной исторической школѣ.

Послѣ него, кромѣ мелкихъ статей, разбросанныхъ по журналамъ, остались: «Древне-русскія житія святыхъ, какъ историческій источникъ», «Боярская дума древней Руси», «Сказанія иностранцевъ о Московскомъ государствѣ», «Русскій рубль въ XVI—XVII столѣтіи въ отношеніи къ нынѣшнему», «Новооткрытый памятникъ по исторіи раскола», «Происхожденіе крѣпостного права», «Подушная подать и отмѣна холопства въ Россіи», «Составъ представительства на земскихъ соборахъ древней Руси», «Добрые люди старой Руси», «Два воспитанія», «Воспоминаніе о Н. И. Новиковѣ и его времени», «Евгеній Онѣгинъ и его предки», «Памяти Императора Александра III», «Курсъ русской исторіи» въ IV кн. и др.

И до Василія Осиповича были у насъ историки, изъ которыхъ нѣкоторые оставили даже больше его изслѣдованій.

Ему пришлось выступить въ Московскомъ Университетѣ послѣ знаменитаго Сергѣя Михаиловича Соловьева. Но великія имена не помрачили славы его.

Карамзинъ нарисовалъ намъ изящнымъ языкомъ картину событій, происходившихъ при участіи верховъ общества; онъ далъ намъ исторію правящаго класса; постарался прикрыть грѣхи послѣдняго, а о народѣ, который представляетъ фундаментъ въ государствѣ онъ сказалъ очень мало.

Костомаровъ внесъ въ свои изысканія слишкомъ много чувства, слишкомъ много вниманія онъ обращалъ на изложеніе, придавая ему сплошь и рядомъ беллетристическую форму, но онъ не могъ исчер-

пать всей сущности исторіи, а главное уяснить значеніе центральной Россіи, такъ какъ, происходя съ окраины, онъ не могъ отрѣшиться отъ украинофильскихъ тенденцій.

Въ 29 томахъ исторіи С. М. Соловьева представлена съ крупною эрудиціею почти вся фактическая исторія нашего отечества, но въ ней нѣтъ существеннаго, нѣтъ уясненія событій, установленія причинной зависимости, нѣтъ тщательнаго изслѣдованія условій жизни.

Вотъ краткая характеристика трехъ китовъ нашей исторической науки.

Василій Осиповичъ является историкомъ въ иномъ родѣ. Онъ выдвинулъ низы общества—народъ, до котораго благородный и чистоплотный Карамзинъ побоялся дотронуться. Безстрастно, безъ особой антипатіи и симпатіи къ отдѣльнымъ личностямъ и сословіямъ, онъ слѣдитъ за жизнью всего русскаго народа, медленно, не спѣша, въ точныхъ краткихъ выраженіяхъ, безъ лишнихъ словъ указывая существенные и важные историческіе факторы.

У него нѣтъ ученаго аппарата во многихъ его произведеніяхъ, но вы не скажете, что не внимателенъ онъ къ своимъ предшественникамъ по изслѣдованіямъ или что онъ не видалъ какого-либо важнаго документа. Документальный, часто вполнѣ соотвѣтствующій эпохѣ характеръ имѣютъ всѣ его выраженія въ его произведеніяхъ. Онъ не отрицаетъ значенія трудовъ его предшественниковъ, отдаетъ имъ достойную дань, но онъ дѣлаетъ то, что не сдѣлано тамъ. Предшественники его сложили ячейку-соты, онъ въ нихъ вложилъ медъ; предшественники поставили вѣхи, а онъ проторилъ дорогу; предшественники разсказали о событіяхъ и дѣятеляхъ, а онъ уяснилъ причину событій и условія, подъ вліяніемъ которыхъ жили и дѣйствовали наши предки.

Не зачеркнулъ Василій Осиповичъ трудовъ своихъ предшественниковъ, не отнялъ у нихъ вѣнца славы, но занялъ среди ихъ особое мѣсто и надѣлъ на себя корону, равной которой еще не было.

Были у насъ до него историки, но не было философа-историка.

Значеніе его трудовъ, а особенно лекцій такъ велико, что трудно и раскрыть. Василія Осиповича многіе лично не знали, но знали

его лекціи, которыя появлялись въ гектографированныхъ и литографированныхъ изданіяхъ и ими зачитывались, часто съ большею осторожностью, чтобы кто-либо не замѣтилъ. Въ одно время лекціи были запретнымъ чтеніемъ. Пришлось ихъ издать подъ страннымъ заголовкомъ: „Лекціи по зоологіи“.

Въ настоящее время мы не нуждаемся въ нелегальныхъ изданіяхъ, тѣмъ больше, что отъ нихъ отрекся самъ Василій Осиповичъ и для читающей публики предложилъ печатное изданіе.

Василій Осиповичъ былъ очень скроменъ въ оцѣнкѣ своихъ произведеній: онъ себя любилъ называть человѣкомъ прошлаго вѣка, случайно попавшимъ въ нынѣшній, намекая этимъ на то, что современникамъ его произведенія не дадутъ удовлетворенія. Но мнѣ кажется, что за нимъ, при всей его скромности, обезпечено безсмертіе.

При жизни его мы его слушали, переслушивали и заслушивались; его произведенія читали, перечитывали и ими зачитывались.

Наступитъ время и близко уже оно, когда наши потомки будутъ его произведенія учить, переучивать и заучивать.

Николай Богородскій.

ОДА

Его Высокопревосходительству

Господину Генералу Аншефу, Двора Ея
ИМПЕРАТОРСКАГО ВЕЛИЧЕСТВА
дѣйствительному Камергеру, Сенатору и разныхъ орденовъ кавалеру Бѣлорусскому Генералъ-Губернатору

Петру Богдановичу

Пассеку

на посѣщеніе Полоцкаго Главнаго Народнаго училища при случившемся въ ономъ испытаніи 1789-го года Декабря 7-го дня.

Читанная учителемъ Иваномъ Сокольскимъ.

*
* *

О Градъ прекрасной Гориславы
Забудь бореевъ страшный ревъ!
Се правый мужъ, исполненъ славы
Суровость воздуха презревъ,
Приходитъ отъ зыбей Днепровыхъ
Тебѣ щедротъ явити новыхъ.
Приходитъ? нѣтъ; своей душей
Благой правдивыми дѣлами,
Какъ Фебъ блестящими лучами,
Онъ свѣтъ даетъ странѣ твоей.

*
* *

О мужъ Монархиней избранный
Законъ Ея здѣсь сохранять
Позволь намъ свѣтъ твой несказанный
Стихами слабыми вѣщать!
Твоимъ мы блѣскомъ осіянны,
Позволь, да блага ниспосланны
Предъ сонмищемъ симъ возгласимъ!
Впервые зранъ твой созерцая,
Позволь, да пѣснь провозглашая
Тѣмъ нашу искренность явимъ!

*
* *

Чтобы доброты всѣ прославить
Являешь кои ты собой
Довлеетъ долгъ намъ твой представить.
Нещастныхъ прекратити вой,
Сиротъ отъ рукъ избавить сильныхъ
Подати бѣднымъ благъ обильныхъ,

Всѣ козни испровергнуть злыхъ,
Въ мѣстахъ блаженство сихъ устроить,
Судити, миловать, покоить,
Вотъ дѣло рукъ твоихъ благихъ!

*
* *

Изъ всѣхъ лучей тѣхъ свѣтозарныхъ,
Какія мещешь ты на насъ,
Изъ всѣхъ сіяній несказанныхъ,
Превыше всѣхъ есть правды гласъ,
Которымъ злость искореняешь,
Которымъ честность ободряешь
И коимъ къ щастію ведешь.
Твой судъ любезенъ для правдивыхъ;
Но гордыхъ, дерскихъ и кичливыхъ
Ты съ правымъ гнѣвомъ изженешь.

*
* *

Какъ новый свѣтъ завоевали
Не милостивою рукой,
Тамъ подчиненны трепетали,
И всякой оставлялъ домъ свой,
Бежавъ ужаснаго Тирана,
Которому власть дарованна
Подъ титломъ славнымъ судіи.
Имъ видъ правителя ужасенъ.
Намъ кажется тотъ домъ прекрасенъ,
Стопы гдѣ шествуютъ твои.

*
* *

Съ какимъ восторгомъ ожидали
Въ сей градъ прихода твоего!
Мы часто взоры обращали
На южны страны для того.
Теперь пришли дни вожделенны.
О сколь мы Меценатъ блаженны

Твоимъ приходомъ въ здѣшній край
Среди бореевъ мы жестокихъ
Средь мразовъ и снѣговъ глубокихъ
Въ присудьствіи Твоемъ зримъ рай.

*
* *

Се долговременно желая
Счастливый зрѣти твой приходъ,
Стеклися, домы оставляя,
У струй живущи Двинскихъ водъ.
Двина! Почто ты зракъ свой скрыла?
Почто ты мразамъ попустила
Явити силу на себѣ?
Иль зная Пассека ты ходы,
Свои сковала быстры воды,
Чтобъ шествовалъ онъ по тебѣ?

*
* *

Въ Аѳинахъ, чтобъ соблюсть законы,
Архонтовъ избрали къ тому,
А чтобъ судить имъ безъ препоны,
Раздали судъ по одному.
Иной былъ Алтарей рачитель,
Другой о сѣдныхъ попечитель,
Иной въ смотреньи градъ имѣлъ,
Другой же управлялъ полками,
Сражаясь съ лютыми врагами
А иной у другихъ былъ дѣлъ.

*
* *

Монархиня страны Полночной
Таланты многи зря въ тебѣ,
Чтобъ подданнымъ явить судъ точной,
Избрала, дабы въ сей странѣ
Единъ ты блюлъ Ея уставы
И судъ творилъ въ мѣстахъ сихъ правый;

Единъ, чтобъ ты исполнилъ то,
Въ Аѳинахъ девять что творили.
Судомъ Архонты славны были.
Но столько славятъ ихъ за что?

*
* *

Страною правя просвѣщенной,
Едина вѣра гдѣ и нравъ,
Гдѣ Грѣнъ отъ Грѣна былъ рожденной,
Тутъ много ли потребно правъ?
Одни обычаи и воля
Едино счастье всѣхъ и доля.
Тутъ править тоже, что однимъ.
Не всѣ однакъ изъ нихъ столь славны
Лучемъ Паллады осіянны
Судомъ довольны были симъ.

*
* *

Враговъ ужасныхъ поразившій
Своимъ искуствомъ Мильтіадъ,
И гибели освободившій
Какую зрѣлъ Палладинъ градъ;
Сей мужъ согражданами гнанный
За всѣ услуги оказанны
Судомъ въ темницѣ умерщвленъ;
Сократъ, что былъ изъ всѣхъ мудрѣе.
Правдивѣе и всѣхъ честнѣе,
Судомъ былъ ядомъ отравленъ.

*
* *

Судомъ о Пассекъ ты правдивымъ
Архонтовъ славныхъ превзошелъ
Ты окомъ мудрымъ, прозорливымъ
На верьхъ блаженства всѣхъ возвелъ.
Хоть люди вѣрой отдѣленны,
Народъ хоть здѣсь разноплемѣнный,

Доволенъ счастьемъ всякъ своимъ
Несчетны блага ощущая,
Спѣшитъ, за щастье всякъ вмѣняя
Подъ кровомъ быть твоимъ благимъ.

*
* *

Здѣсь Пястъ хвалы тебѣ приноситъ
Дѣянія твои узнавъ,
И крики радостны возноситъ
Въ числѣ сыновъ Россійскихъ ставъ.
Монархини уму дивится
Когда ему вообразится,
Что къ управленію мужей
Она столь мудрыхъ призываетъ,
Какова самъ онъ созерцаетъ
Въ особѣ Меценатъ твоей.

*
* *

Сіона Іудей лишенный
Вторый находитъ здѣсь Сіонъ;
Покровомъ ставъ твоимъ блаженный
Забылъ гоненье Римлянъ онъ,
Забылъ тиранство Лузитановъ,
Забылъ и лютость Кастилановъ;
Спокоенъ ставъ въ Царицѣ зритъ
Освободителя отъ плѣна,
Какимъ томила ихъ вселенна,
Тебяжъ Зоровавелемъ чтитъ.

*
* *

Россіянинъ же веселится,
Что соотечественникъ твой
Имѣя право, онъ гордится
О мудрый Меценатъ тобой.
Но ту онъ гордость ощущаетъ,
Презренье Ноя навлекаетъ

И роду и честямъ другихъ;
Сабинцы же радость ощущали,
Когда съ восторгомъ восклицали,
Рожденъ что Нума между ихъ.

* * *

Французы и поднесь гордятся
Своимъ премудрымъ Решильемъ;
Когда въ Россіи тѣжь родятся,
Почтожь намъ не хвалиться тѣмъ?
Кому жъ болѣе довлѣетъ?
Кто право большее имѣетъ
Хвалиться Меценатъ тобой
Не тотъ ли, на кого щедроты
И несказанные доброты
Льются быстрою рѣкой?

* * *

Хоть быстры воды Бористена
На южную страну;
Сія страна благъ не лишенна,
Какія оной подаютъ
Твоя къ намъ милость благотворна,
Твоя душа къ щедротамъ склонна.
Живущій и при сихъ струяхъ
Несчетны выгоды имѣетъ,
Какими пользоваться смѣетъ
Днепровскихъ житель при водахъ.

* * *

Средь трудныхъ дѣлъ многоразличныхъ
Запутанныхъ между собой
Сомнительныхъ и необычныхъ,
Иль кратко, правя сей страной,
Творя судъ каждому правдивый
Твой бодрый духъ и прозорливый

Сей отроковъ растущій садъ
Счастливитъ, милуетъ, покоитъ,
Дѣтей сихъ младолѣтныхъ строитъ
Монархинѣ достойныхъ чадъ.

*
* *

И вашъ о Гости вожделенны
Любезенъ, милъ для насъ приходъ.
Сіи минуты драгоцѣнны
Пріятнѣе намъ, нежель годъ
Вѣковъ Піитами хвалимыхъ
И до небесъ превозносимыхъ,
Иль годъ Сатурновыхъ временъ
О естьлибъ годъ намъ восхищаться
Приходомъ вашимъ наслаждаться!
Златый вѣкъ былъ бы помраченъ.

*
* *

Не такъ птенцовъ томимыхъ гладомъ
Лѣтяща горлица живитъ,
Не такъ музыка нежнымъ складомъ
Сердца унылыхъ веселитъ;
Сколь вашъ приходъ насъ восхищаетъ
Крепитъ въ трудахъ и ободряетъ
А ты изящный Меценатъ
Сію твоимъ приходомъ радость
Сію души невинну сладость
Въ сей день величиши стократъ

*
* *

О дѣти юные взыграйте!
Восторгъ теперь явите свой,
И дѣтски пѣсни воспѣвайте
Хваля приходъ его благой!
Его добротами хвалиться
Его пришествіемъ гордиться

И вамъ счастливый рокъ судилъ.
Теперь торжественно явите
И гласомъ громкимъ прореките
Приходъ его намъ сколько милъ.

*
* *

И вы невинны нежны дщери
Красуйтесь въ радостный сей часъ
И вамъ теперь отверсты двери
Предъ сонмомъ симъ явитъ свой гласъ
Не сладки пѣсни воспѣвая,
Въ наукахъ же успѣхъ являя.
Пріятнѣй будетъ пѣснь сія
Родителямъ для васъ усерднымъ
И Меценатамъ безпримѣрнымъ
Чемъ лира слабая моя.

*
* *

Пришествіемъ твоимъ прославя
Сихъ юныхъ вертоградъ дѣтей;
Не складный, скучный тонъ оставя
Ты пѣсни Меценатъ моей,
Приникни окомъ благосклоннымъ
Воньми ты съ духомъ благотворнымъ
Кой свойственненъ тебѣ всегда,
Отвѣтамъ ихъ несовершенныхъ!
Гордиться слухомъ симъ смиреннымъ
Они пребудутъ навсегда!

Витебскій Губержскій Архивъ.

1836 годъ.

(№ 17. Св. 3.) Ген. Губ. (на 32-хъ листахъ).

Дѣло по предписанію Г. Министра Финансовъ **о сооруженіи монументовъ** въ Витебской Губерніи въ память 1812 года. Февраля 7-го дня.

Министерство Финансовъ. Канцелярія. Отдѣленіе 1. Столъ 4. 31 Генваря 1836. № 546.

Относительно сооруженія монументовъ въ память войны 1812 года.

Господину Витебскому Гражданскому Губернатору.

По Высочайшему повелѣнію предполагается соорудить чугунные монументы на важнѣйшихъ пунктахъ сраженій, бывшихъ въ теченіи войны 1812 года, и между прочимъ, четыре таковыхъ въ Витебской губерніи. Одинъ Дризскаго уѣзда, при деревнѣ Клястицахъ; другой при городѣ Полоцкѣ; третій Лепельскаго уѣзда при мѣстечкѣ Чашникахъ; и четвертый при городѣ Витебскѣ; мѣста-же для постановленія сихъ монументовъ предполагается избрать: для перваго—1) на возвышеніи близъ рѣки Нищи, съ котораго Резервный батальонъ Павловскаго Гренадерскаго двинулся къ мосту, зажженному непріятелемъ. Для второго—2) на пространствѣ къ сѣверу отъ города, близъ С.-Петербургской дороги, откуда отсту-

пали колонны генерала Яшвиля, производившія приступъ къ Полоцку; для третьяго—3) на дорогѣ въ г. Сенно, близъ рѣки Лукомки, за которую былъ отброшенъ непріятель; и для четвертаго—4) на поворотѣ дороги, идущей изъ Лепеля въ Витебскъ, на коемъ войска наши опрокинули превосходнаго въ силахъ непріятеля.

Какъ Государю Императору благоугодно было возложить исполненіе сего на меня, то встрѣчая надобность имѣть заблаговременно нѣкоторыя мѣстныя свѣдѣнія, я обращаюсь къ Вашему Превосходительству съ покорною просьбою, по точномъ развѣданіи извѣстить меня:

1) изъ какихъ ближайшихъ мѣстъ и по какимъ дешевѣйшимъ цѣнамъ можно получить, съ доставкою на мѣсто, нужные матеріалы, какъ для фундаментовъ подъ памятники, такъ и для предполагаемаго при каждомъ особаго домика для жительства инвалида, а именно: бутовый камень, плиту, кирпичъ, известь, песокъ, глину, бревна и вообще потребный для сего лѣсъ и прочее; а также мастеровыхъ и работниковъ, кромѣ собственно для монументовъ потребныхъ?

и 2) не состоятъ-ли самыя мѣста, на коихъ предполагается воздвигнуть памятники, въ чьемъ-либо частномъ владѣніи, и въ такомъ случаѣ, согласны-ли будутъ владѣльны оныхъ уступить нужные для сего небольшіе участки земли, на примѣръ съ полдесятины, или потребуютъ за то платы, и какой именно?

Министръ Финансовъ

Генералъ отъ инфантеріи Графъ Канкринъ.

Директоръ Княжевичъ.

Г. Старшему по Губернской Чертежной Землемѣру Шмидту.

Полученъ 8 февраля 1836 го года. № 189.

О монументахъ при Витебскѣ Губернскому Землемѣру 12 февраля, 1836 года № 249.

Изъ препровождаемаго при семъ въ спискѣ предписанія ко мнѣ Г. Министра Финансовъ отъ 31 минувшаго Генваря, Ваше Благородіе усмотрите Высочайшую ЕГО ИМПЕРАТОРСКАГО ВЕЛИЧЕСТВА волю о сооруженіи 4-хъ чугунныхъ монументовъ по Витебской губерніи на важнѣйшихъ пунктахъ сраженій, бывшихъ въ теченіи войны 1812 года и требованіе Его Сіятельства, графа Канкрина о собраніи свѣдѣ-

ній, касательно цѣнъ матеріаловъ и рабочихъ для таковыхъ устройствъ.

Вслѣдствіе сего поручаю Вашему Благородію по полученіи изъ Казенной Палаты на двѣ лошади прогонныхъ, объ отпускѣ коихъ для проѣзда Вашего примѣрно ста рублей денегъ съ выдачею, для отчета на израсходованіе оныхъ, тетради, (я нынѣ-же предложилъ оной), отправиться немедленно въ уѣзды: Лепельскій, Полоцкій и Дризинскій и, по достовѣрномъ отъ ближайшихъ къ означеннымъ въ предписаніи Г. Министра старожилыхъ обывателей мѣстамъ дознаніи о достопамятныхъ событіяхъ 1812-го года избрать для сооруженія монументовъ мѣста самыя благовидныя, возвышенныя, стараясь притомъ, чтобы оныя имѣли какъ можно болѣе открытый видъ изъ большихъ проходящихъ дорогъ. По составленіи потомъ таковымъ мѣстамъ плана съ подробнымъ объясненіемъ окрестныхъ мѣстъ, дорогъ и рѣкъ, представить оныя ко мнѣ, присовокупивъ при томъ вѣрнѣйшія требуемыя Г. Министромъ свѣдѣнія на счетъ матерьяловъ, мастеровыхъ и работниковъ. Относительно-же мѣстъ, на коихъ предполагается воздвигнуть отечественные памятники, то владѣльцы оныхъ, какъ я полагаю, съ охотою уступятъ оныя для сего предмета безмездно; о чемъ однако-же поручаю Вамъ войти съ ними въ сношеніе; будеже при исполненіи настоящаго порученія встрѣтите Вы надобность въ содѣйствіи Г.Г. Уѣздныхъ Предводителей, или Исправниковъ, то, по предъявленіи имъ сего, требовать надлежащаго отъ нихъ пособія.— „Что-же касается четвертаго памятника въ Витебскомъ уѣздѣ, то о „семъ предложилъ я Г. Губернскому Землемѣру“.

Подорожная для настоящаго проѣзда Вашего при семъ прилагается.

Витебской Казенной Палатѣ.

По Высочайшему повелѣнію предполагается соорудить чугунные монументы на важнѣйшихъ пунктахъ сраженій, бывшихъ въ теченіе войны 1812-го года и между прочимъ четыре таковыхъ по Витебской губерніи, одинъ Дризинскаго уѣзда при деревнѣ Клястицахъ; другой при городѣ Полоцкѣ; третій Лепельскаго уѣзда при мѣстечкѣ Чашникахъ; и четвертый при городѣ Витебскѣ.

Получивъ о семъ предписаніе Г. Министра Финансовъ, я нынѣже командировалъ Старшаго по Губернской Чертежной Землемѣра Щмидта для снятія плановъ мѣстамъ, предположеннымъ къ устройству монументовъ и дознанія цѣнъ матерьяламъ и работникамъ, нужнымъ для такового устройства; почему предлагаю оной Палатѣ учинить распоряженіе о выдачѣ ему, Г. Шмидту, сто рублей денегъ для уплаты прогонныхъ при изъясненномъ проѣздѣ, за двѣ лошади денегъ; на каковой случай и снадбить его тетрадью, по которой обязанъ онъ отдать въ израсходаваніи сихъ денегъ стчетъ—и о исполненіи меня увѣдомить.

Старшаго Землемѣра № 23-й Марта 8-го, 1836-го года. Витебскъ.

Господину Витебскому Губернатору и кавалеру Николаю Ивановичу Шредеру.

Рапортъ.

По предписанію Вашего Превосходительства отправлялся я для узнанія цѣнъ на разные матеріалы, относящіеся до устроенія предположенныхъ по Высочайшему повелѣнію по Витебской губерніи четырехъ чугунныхъ монументовъ въ важнѣйшихъ пунктахъ сраженій, бывшихъ въ теченіи войны 1812-го года и избранія мѣстъ соотвѣтственныхъ подъ таковые монументы и при нихъ домика для жительства инвалидовъ,—во первыхъ Лепельскаго уѣзда близъ мѣстечка Чашникъ въ самой мызѣ Смольянцахъ (помѣщика Іосифа Володковича), состоящихъ на рѣкѣ Лукомкѣ при стеченіи дорогъ, идущихъ въ города: Сѣнно, Борисовъ и изъ мѣстечка Чашники и Бѣшенковичи, (по разспросамъ у старожилыхъ людей), важнѣйшіе пункты сраженій состояли по обѣимъ сторонамъ рѣки Лукомки, чрезъ которую дѣйствовали оба войска, одинъ противъ другого, не допуская перехода черезъ оную на дорогу въ городъ Сѣнно, а когда непріятельскія войска за оную отброшены были, тогда непріятелемъ вышепрописанная мыза Смольянцы и деревня того названія, равно и мостъ на рѣкѣ Лукомкѣ съ мукомольною и пильною мельницами зажжены были; посредствомъ чего непріятельскія войска успѣвали дѣлать дальнѣйшую ретираду по дорогѣ въ городъ Сѣнно. По предъявленіи-же отъ

меня помѣщику даннаго мнѣ отъ Вашего Превосходительства предписанія на счетъ уступки мѣстности для памятника и домика, (которыя мною избраны на лѣвомъ берегу рѣки Лукомки, откуда дѣйствовали наши войска по дорогѣ, идя изъ мѣстечка Чашники на возвышенной покатости къ рѣкѣ Лукомкѣ, показанное на чертежѣ подъ монументомъ № 1, подъ домикъ инвалида № 2;) въ отзывѣ своемъ ко мнѣ владѣлецъ объявилъ согласіе уступить таковыя безъ платежа денегъ навсегда съ тѣмъ чтобы сіи земли не считались казенными, но имѣнію его принадлежали; равно нужный матеріалъ для монумента, какой потребуется, данъ имъ будетъ, есть-ли Правительство приметъ; и особенно при ономъ монументѣ желаетъ выстроить досчатую караульню по приложенному рисунку, а для постояннаго жительства инвалида полъ десятины земли отводитъ недалече сего, въ деревнѣ Смольянцахъ, на которой пждивеніемъ казеннымъ устроить домикъ нужно.

Во вторыхъ Дризинскаго уѣзда при станціи Клястицахъ, близъ которой протекаетъ рѣка Ница, на коей устроена была (: и нынѣ стоитъ:) мельничная плотина и мость черезъ оную, гдѣ (: по разспросамъ старожилыхъ людей:) при рейтирадѣ непріятелемъ сожженъ былъ оный мостъ и мельница, по коему резервный батальонъ Павловскаго Гренадерскаго полка переходилъ на другую сторону рѣки Ницы.—Мѣстоположеніе сего мѣста находится въ лощинѣ, въ самомъ селеніи Клястицахъ, отдаленное немного отъ большого тракта; а возвышенность отъ онаго моста въ паралельномъ видѣ относится на пахотное поле и за отдаленностію таковой не можетъ] никакого представить вида на большую почтовую дорогу для проѣзжающихъ; а по симъ невыгодамъ избрано мною мѣсто благовидное, въ томъ-же селеніи Клястицахъ; а именно: избралъ мѣсто для монумента напротивъ станціоннаго почтоваго дома по чертежу № 1-й, и тутъ-же при монументѣ для жительства инвалида домикъ подъ № 2-мъ; отведенное арендаторомъ и Главноуправляющимъ имѣніемъ Г-на Коллежскаго ассесора Сергѣя Павловича Убрія, дворяниномъ Каспером Снопковскимъ подъ-полдесятины земли безъ вознагражденія за оную съ тѣмъ, чтобы оная земля не считалась казенною, но собственно принадлежала къ имѣнію его, Его вѣрителя.—Изъявивъ въ отзывѣ сво-

емъ усердіе истиннаго сына Отечества, жертвуя къ устроенію памятника весь нужный матерьялъ и, буде правительство позволитъ, принимаетъ на себя обязанность на свой счетъ и изъ собственныхъ матерьяловъ выстроить для жительства инвалида домикъ, по данному фасаду съ прочими хозяйственными потребностями; просить, если можно помѣстить для караула инвалида, изъ числа имѣемыхъ по имѣнію вѣрителя его, со знакомъ отличія заслуженныхъ нижнихъ чиновъ, уволенныхъ въ безсрочный отпускъ, а нѣкоторые въ совершенную отставку.

Въ третьемъ, при городѣ Полоцкѣ избрано мѣсто на пространствѣ къ сѣверу отъ стеченія дорогъ Санктъ-Петербургской и идущей изъ г. Невеля на углу соединяющихся дорогъ и означено мѣсто по чержежу для памятника подъ № 1-мъ, а далѣе по тракту С.-Петербургскому въ той-же линіи съ монументомъ подъ № 2-мъ для домика инвалида, на землѣ, принадлежащей помѣщику, Полковнику Гласкѣ и по требованію моему, чрезъ Земскаго Исправника, объ уступкѣ земли таковой подъ памятникъ и домикъ для жительства инвалида,— Земскій Исправникъ далъ мнѣ знать, что полковника Гласки не находится дома, но мѣста подъ монументомъ и домика инвалида за долгъ и обязанность почтетъ онъ, Гласко, отвесть навсегда безъ платежа.

Представляя у сего отзывы Г.г. помѣщика Володковича; управляющаго, дворянина Сопковскаго, и Полоцкаго Земскаго Исправника Ленкѣвича, въ подлинникѣ, на благоуваженіе Вашего Превосходительства, равно и чертежи*) мѣстоположенія, гдѣ избраны мною мѣста для монументовъ и домикъ для жительства инвалидовъ, и особо приложенный регистръ цѣнамъ на матерьялы, которые могутъ быть приняты по всѣмъ пунктамъ, назначеннымъ къ управленію сихъ отечественныхъ памятниковъ одною цѣною.

Старшій Землемѣръ Николай Шмидтъ.

---

*) Чертежей мѣстности при Дѣлѣ не имѣется. М. М.

Лепельскаго уѣзда
Помѣщика
Володковича.
Февраля 13-го
1836-го года.
Имѣнія Смольянцы.

Старшему Землемѣру по Витебской Губернской Чертежной Г. Шмидту.

Съ полнымъ удсвольствіемъ прочиталъ предъявленное мнѣ Вашимъ Благородіемъ предписаніе Г. Министра Финансовъ и Г. Гражданскаго Губернатора, въ коихъ изображена Высочайшая ЕГО ИМПЕРАТОРСКАГО ВЕЛИЧЕСТВА воля, о сооруженіи чугунныхъ монументовъ на важнѣйшихъ пунктахъ сраженій, бывшихъ въ теченіе войны 1812-го года; въ числѣ семъ и при мѣстечкѣ Чашникахъ, на дорогѣ, идущей въ городъ Сѣнно, близъ рѣки Лукомки, за которую былъ отброшенъ непріятель, неустрашимостью нашихъ войскъ. Пунктъ достопамятнаго сего событія въ самомъ моемъ имѣніи, называемое Смольянцы, по теченію руки Лукомки, на лѣвомъ берегу, при стеченіи дорогъ, изъ городовъ Борисовъ, Сѣнно, и мѣстечекъ Бѣшенковичъ и Чашники, а потому воздвигнуть монументъ по приличію и благовидности можно на дорогѣ, идущей изъ Чашникъ въ городъ Сѣнно, надъ берегомъ Лукомки, не доѣзжая селенія моего Смольянцы, недалече корчмы, на возвышенномъ мѣстѣ. Пріятнымъ долгомъ себѣ почитаю, если правительство позволитъ, принять участіе въ знакѣ памятника сей достохвальной побѣды понесенной надъ непріятелемъ обязываюсь отвести мѣсто безъ платежа денегъ подъ чугунный, имѣемый быть монументъ и нужный къ тому матерьялъ отпустить безденежно, такъ равно и устроить досчатую по сему рисунку караульню для инвалида, временно въ оном пребывать могущаго; а для построенія постояннаго домика оному инвалиду, отведено отъ меня будетъ полъ-десятины земли при деревнѣ Смольянцахъ,—также безъ платежа съ тѣмъ, однако-жъ, что земля таковая принадлежать должна къ имѣнію моему, но не казенному вѣдомству, на которой домикъ и прочее застроеніе отъ казны отстроить должно будетъ; а я на себя, за неимѣніемъ лѣсныхъ дачъ принять не могу.

Помѣщикъ Лепельскаго уѣзда
Іосифъ Володковичъ.

Арендовнаго Владѣльца и Главноповѣреннаго имѣнія Кляситцы Г-на Коллежскаго Ассесора Убрія. Дворянина Каспара Антона сына Снопковскаго. Февраля „ “ дня, 1836-го года. Имѣніе Кляситцы.

Старшему Землемѣру по Витебской Губернской Чертежной Господину Шмидту.

Предъявленное мнѣ Вашимъ Благородіемъ, отъ Г-на Витебскаго Гражданскаго Губернатора предписаніе въ копіи такового жъ Г-на Министра Финансовъ, изъ которыхъ, усматривая что по Высочайшей ЕГО ИМПЕРАТОРСКАГО ВЕЛИЧЕСТВА волѣ предположено на важнѣйшихъ пунктахъ сраженій бывшихъ въ теченіи войны 1812-го года въ томъ числѣ по Витебской губерніи четырехъ; изъ каковыхъ, первый долженъ быть воздвигнутъ, при деревнѣ Кляситцахъ, на возвышеніи, близъ рѣки Нищи, съ котораго резервный батальонъ Павловскаго Гренадерскаго полка двинулся къ мосту, зажженному непріятелями, каковое мѣстоположеніе при деревнѣ Кляситцѣ во владѣніи состоитъ вѣрителя моего, Коллежскаго Ассесора Сергѣя Павловича Убрія и по удостовѣреніи старожилыхъ людей мостъ сей состоитъ въ деревнѣ Клястицахъ, а потому воздвигнуть монументъ таковой должно по благовидности и приличію, при большой почтовой, тутъ-же состоящей дорогѣ, не далѣе почтовой станціи Кляситцы, при стеченіи дорогъ, идущихъ изъ города Невеля и Себежа въ Г. Полоцкъ, гдѣ въ той-же деревнѣ Кляситцахъ можно выстроить домикъ для жительства инвалида, и затѣмъ полъ-десятины земли безъ платежа аренды вѣрителю моему, съ тѣмъ, чтобы земля сія не считалась казенною, но къ имѣнію вѣрителя моего принадлежала; въ прочемъ на счетъ выбора мѣста предаю Вашему разсмотрѣнію, объявляя при томъ, что съ усердія къ Царю и Отечеству, какъ вѣритель мой Коллежскій Ассесоръ Убрій, равно-же, пылая ревностію видѣть сей отечественный памятникъ, воздвигнутый на землѣ вѣрителя моего въ знакъ непобѣдимыхъ войскъ нашихъ, въ достопамятныхъ событіяхъ, въ 1812-мъ году, если правительствомъ дозволено мнѣ будетъ, принять на себя обязанность и пожертвованія, дать весь нужный къ сему памятнику матерьялъ и, по прилагаемому у сего рисунку, или какой данъ бу-

детъ выстроить на свой счетъ домикъ съ амбарчикомъ и позади хлѣвкомъ для жительства инвалида съ тѣмъ, дабы для караула онаго монумента инвалидъ былъ съ имѣнія моего вѣрителя изъ нижнихъ чиновъ, каковые въ имѣніи ономъ со знаками отличія по службѣ находятся.

Гаспаръ Снопковскій.

Цѣны матерьяламъ нужнымъ къ устроенію Отечественныхъ памятниковъ на важнѣйшихъ пунктахъ бывшихъ въ 1812-мъ году сраженій по Витебской губерніи, именно при городахъ Витебску, Полоцку, мѣстечкѣ Чашникахъ и селеніи Клястицахъ. Составлена 1836-го года.

Какіе матерьялы съ доставкою на мѣсто.	Руб.	Коп.
Бревенъ сосновыхъ толщиною отъ 4-хъ до 5 в. пог. саж.	1	—
Досокъ „ „ „ 1-го до 2-хъ дм. пог. саж.	—	40
Дикаго камня кубическая сажень	40	—
Кирпича 1000	30	—
Извести негашеной четверть	7	50
Песку кубическая сажень	20	—
Глины	25	—
Моху возъ	—	60
Гонту копа	—	50
Гонталей копа	—	20
Пудъ желѣза въ мелкой обработкѣ	14	—
Полоснаго желѣза пудъ	6	—
Кузнецу въ день за работу	2	50
Плотнику	2	50
Столяру	3	—
Каменьщику или печнику	3	—
Чернорабочему въ день	1	—

Старшій Землемѣръ Николай Шмидтъ.

Полоцкаго Земскаго Исправника. № 123. Февраля 18 дня, 1836-го года.

Витебской Губернской Чертежной Господину Старшему Землемѣру Шмидту.

На отношеніе Вашего Высокоблагородія отъ 17-го сего февраля за № 12-мъ имѣю честь увѣдомить: что Помѣщикъ Г. Подполковникъ Августъ Гласко нынѣ отсутственъ изъ своего дома и изъ здѣшняго уѣзда; за прибытіемъ коего не премину взять отзывъ на счетъ уступки полъ-десятины земли подъ монументъ и домикъ—но какъ я увѣренъ о усерственности Г. Подполковника Гласки къ Престолу, полагаю что охотно безъ платежа пожертвуетъ такое количество земли.

Исправникъ Ленкевичъ.

М. Ю. Витебскаго Губернскаго Землемѣра. № 58. Марта 11-го дня. 1836-го года.

Его Превосходительству Господину Витебскому Гражданскому Губернатору Тайному Совѣтнику и Кавалеру Николаю Ивановичу Шредеру.

Рапортъ.

Во исполненіе предписанія Вашего Превосходительства отъ 12-го февраля сего года за № 249-мъ мнѣ даннаго о избраніи мѣста самаго благовиднаго и возвышеннаго, имѣющаго при томъ какъ можно болѣе открытый видъ изъ большой дороги и отъ города для сооруженія, по Высочайшей ЕГО ИМПЕРАТОРСКАГО ВЕЛИЧЕСТВА волѣ, изображенной въ препровожденномъ ко мнѣ спискѣ съ отношенія Его Сіятельства Г. Министра Финансовъ къ Вашему Превосходительству, чугуннаго монумента на поворотѣ дороги, идущей изъ Лепеля въ Витебскъ, на коемъ войска наши опрокинули Превосходнаго въ силахъ непріятеля въ теченіе войны 1812-го года составленіи плана тому мѣсту, съ подробнымъ объясненіемъ окрестныхъ мѣстъ, дорогъ и рѣкъ и присовокупленіемъ при томъ важнѣйшихъ свѣдѣній на счетъ матерьяловъ, мастеровыхъ и работниковъ, я по достовѣрномъ дознаніи отъ старожилыхъ витебскихъ обывателей и какъ мнѣ самому извѣстно достопамятное событіе

1812-го года вблизи Витебска, гдѣ войска наши опрокинули превосходнаго въ силахъ непріятеля, избралъ приличное мѣсто на сооруженіе онаго памятника и составивъ тому мѣсту планъ съ подробнымъ, на ономъ, поясненіемъ требуемыхъ свѣдѣній и въ которыхъ мѣстахъ остановились войска наши и непріятельскія, гдѣ и опрокинуты остались послѣднія, честь имѣю почтеннѣйше таковой на благоуваженіе Вашему Превосходительству представить, съ такимъ, по соображенію моему, присовокупленіемъ что хотя и слѣдовало-бы сказанный монументъ поставить на самомъ пунктѣ сраженія, гдѣ былъ опрокинутъ непріятель надъ рѣкой Лучесою, какъ видно на планѣ*) подъ знакомъ, литерою № означенномъ; но какъ оное мѣсто находится отъ города и публичной дороги, и напротивъ при партикулярной дорогѣ, на которомъ не столько будетъ видѣнъ Монументъ, то я избралъ на сей предметъ мѣсто въ небольшомъ разстояніи, какъ отъ пункта сраженія, такъ и вблизи города Витебска, при шоссейной дорогѣ чрезъ Витебскъ въ городъ Оршу, котораго показанъ знакъ подъ литерою М. на землѣ имѣнія Лукишекъ, помѣщицы Стемпковской.—и донести при томъ, что о сей землѣ я отнесся письмомъ февраля 28-го ч. за № 54, посредствомъ Витебскаго Земскаго Суда, къ заставному владѣльцу имѣнія того Коссову, но отвѣта еще не получилъ, касательно-же цѣнъ на матерьялы и прочее, согласно требованію Его Сіятельства Г. Министра Финансовъ, прилагаю при семъ вѣдомость, доставленную мнѣ изъ Витебской Городской Полиціи.

Губернскій Землемѣръ Антонъ Мазалевскій.

Цѣны матерьяламъ, нужнымъ для постройки отечественнаго памятника при городѣ Витебскѣ. Составлено 1836-го года.

Какіе матерьялы съ доставкою на мѣсто.	Руб.	Коп.
Кирпича краснаго тысяча	30	—
„ желѣзняка	50	—
Песку кубичеткая сажень	16	—
Извести негашеной четверть	4	80

*) NB. Плана при дѣлѣ не имѣется. М. М.

	Руб.	Коп.
Плитняка въ продажѣ не имѣется, а въ лѣтнее время когда въ рѣкѣ Двинѣ уменьшится совершенно вода, то можно оной достать сажень . . .	60	—
Глины чистой кубическая сажень	40	—
Дикаго камня кубич. саж. на мѣстѣ . . .	30	—
И за доставку онаго въ разстояніи 1-й версты . .	30	—
Бревенъ сосновыхъ отъ 5-ти до 6-ти вершковъ погонная сажень	1	20
Бревенъ еловыхъ отъ 5-ти до 6-ти верш. погн. саж.	1	—
Досокъ еловыхъ отъ 5-ти до 6-ти верш. погн. саж.	—	55
Моху возъ	—	60
Гонту копа	—	50
Гонталей копа	—	14
Пудъ желѣза въ мелкой обработкѣ . . .	12	—
Пудъ полоснаго желѣза	5	25
Кузнецу въ день за работу	3	75
Плотнику	3	—
Чернорабочему	1	20
Столяру	3	75
Каменьщику или печнику	3	50

Полицеймейстеръ Гриневъ.

Г. Полоцкому Земскому Исправнику.

20-го марта, 1836-го года.

Старшій, по Витебской Губернской Чертежной, Землемѣръ Шмидтъ, представляя мнѣ при рапортѣ отъ 8-го сего марта планъ избранному имъ мѣсту для построенія вблизи города Полоцка монумента, въ память 1812-го года, присовокупилъ, что по ненахожденію во время бытности его въ Полоцкѣ, Помѣщика, подполковника Гласки, въ имѣніи коего предполагается таковое устройство, въ домѣ; не могъ онъ, землемѣръ, взять отъ Г-на Гласки отзыва на счетъ уступки съ полъ-десятины земли для памятника и караульни.

Поручаю В. Высокоблагородію истребовать отъ Г. Подполковника Гласки отзыва: согласенъ-ли онъ уступить для изъясненной надобно-

сти полъ-десятины земли въ извѣстномъ Вамъ мѣстѣ, или потребуетъ за то платы и сколько именно и таковой мнѣ представить неукоснительно.

М. Ю.
Витебскаго
Губернскаго
Землемѣра
№ 69
Марта 20-го дня
1836-го года.

Исправляющему должность Гражданскаго Губернатора Господину Вице-Губернатору и Кавалеру.

Рапортъ.

Вслѣдствіе предписанія Г. Витебскаго Гражданскаго Губернатора, о назначеніи мѣстъ подъ постройку чугунныхъ монументовъ на главныхъ пунктахъ бывшаго сраженія 1812-го года, согласно Высочайшей волѣ Государя Императора, я объ уступкѣ мѣста, принадлежащаго къ имѣнію, Лукишкамъ, относился къ Помѣщику Титулярному Совѣтнику Вацлаву Коссову отъ 28-го истекшаго февраля и потомъ требовалъ его отвѣта посредствомъ здѣшняго Земскаго Суда отъ 11 го сего марта; но не получая и по сіе время отъ Г. Коссова отзыва, кромѣ росписки въ пріемѣ имъ перваго моего конверта, не могу исполнить предписанія Г. Гражданскаго Губернатора, требуемаго скорѣйшаго дѣйствія.

Почему Ваше Высокородіе покорнѣйше прошу предпринять свои мѣры, дабы помѣщикъ Коссовъ немедленно меня увѣдомилъ, ибо за нимъ остается неисполненнымъ дѣло, производящееся по Высочайшему повелѣнію.

Губернскій Землемѣръ Антонъ Мазалевскій.

Его Высокоблагородію Господину Витебскому Губернскому Землемѣру Мазалевскому.

Заставного владѣльца имѣнія Лукишекъ, Помѣщика Титулярнаго Совѣтника и Кавалера
Вацлава Коссова.

Донесеніе.

Ваше Высокоблагородіе благоволите требовать отъ меня, дабы я безденежно или съ означеніемъ цѣны за деньги согласился усту-

пить участокъ земли изъ 1200 квадратныхъ саженей, состоящій по шоссейной дорогѣ близъ города Витебска для сооруженія по Высочайшей волѣ Памятника какъ на пунктѣ бывшаго въ 1812-го году достопамятнаго побѣдоносныхъ войскъ нашихъ сраженія.

Я, зная важность такового Вашего Высокоблагородія, ко мнѣ учиненнаго отзыва охотно-бы и безденежно согласился-бы уступить въ предположеніи Вашемъ сей маловажный для такой великой въ Потомствѣ памяти участокъ земли, ежели-бы имѣнія Лукишекъ и земель окрестныхъ около города Витебска былъ я настоящимъ вѣчнымъ владѣльцемъ, но какъ таковое имѣніе и земля состоятъ только въ заставномъ моемъ владѣніи и я не вправѣ желаемое мною въ таковомъ, требуемомъ предметѣ сдѣлать пожертвованіе, то благоволите отнестить о семъ къ настоящей владѣтельницѣ Г-жѣ, изъ князей, Любомірской Стемпковской, имѣющей постоянное жительство Кіевской губерніи Овручскаго уѣзда, въ имѣніи своемъ Волчковѣ, или ея повѣренному супругу Ея Г-ну Стемпковскому, въ Могилевской губерніи въ имѣніе Сѣрокорощню.

Вацлавъ Коссовъ.

Марта 18-го дня;
1836-го года.

№ 478.
15-го Апрѣля,
1836-го года.

Г. Министру Финансовъ.

Почтеннѣйшее предписаніе Вашего Сіятельства отъ 31-го Генваря с. г., относительно сооруженія по Высочайшему ЕГО ИМПЕРАТОРСКАГО ВЕЛИЧЕСТВА повелѣнію въ Витебской губерніи четырехъ монументовъ, я имѣлъ честь получить 7-го февраля; и тогда-же предписалъ Витебскому Губернскому и Старшему по Чертежной Землемѣрамъ отправиться на мѣста, гдѣ предположено устроить таковые; первому при городѣ Витебскѣ, а послѣднему въ остальные три пункта, возложивъ на нихъ во 1-хъ снять на планъ мѣста и самыя окрестности, на коихъ означенные монументы должны быть поставлены; во 2-хъ открыть способы, посредствомъ коихъ дешевѣйшими цѣнами можно получить съ доставкою на мѣста нужные матерьялы, какъ для фундаментовъ, такъ и для предполагаемаго при каждомъ, особаго домика для жительства инвалида и въ 3-хъ, войти

въ сношеніе съ владѣльцами объ уступкѣ нужнаго для сей надобности въ каждомъ мѣстѣ небольшого участка земли.

Чиновникъ сіи исполнили таковое порученіе мое, при донесеніяхъ за №№ 25-мъ и 28-мъ въ копіяхъ при семъ прилагаемыхъ представили ко мнѣ: планы мѣстамъ и окрестностямъ оныхъ, на которыхъ предположено поставить вышеозначенные монументы, справки о цѣнахъ на матерьялы, какіе для сихъ работъ необходимы и фасадъ домишкамъ, имѣющимъ построиться жительства инвалидовъ. Изъ бумагъ сихъ, Ваше Сіятельство благоусмотрѣть изволите, что помѣщикъ Володковичъ и Главноуправляющій помѣщика Убрія, дворянинъ Сопковскій, на землѣ коихъ предположено поставить первые два монумента, безъ всякаго возмездія уступаютъ нужное для сей надобности количество земли съ тѣмъ только, чтобы оная не называлась казенной, но принадлежала къ ихъ имѣнію; и со всею готовностію принимаютъ на себя также безплатно доставить нужный для фундамента подъ памятникъ матерьялъ и построить собственнымъ коштомъ домики для инвалидовъ по прилагаемому при семъ фасаду. Кромѣ того Г. Володковичъ жертвуетъ полъ-десятины земли на огородъ для инвалида, а дворянинъ Сопковскій проситъ, если можно помѣстить въ Смотрители къ монументу изъ числа находящихся въ имѣніи Коллежскаго Ассесора Убри заслуженныхъ и украшенныхъ знаками отличія нижнихъ военныхъ чиновъ, уволенныхъ въ безсрочный отпускъ, или совершенно въ отставку.

Что же касается до участка земли, на которыхъ должны быть поставлены близъ г. Полоцка и Витебска монументы, то хотя отъ владѣльца первой, помѣщика, подполковника Гласки, за отлучкою его изъ губерніи не истребовано еще свѣдѣнія, но по увѣренію мѣстнаго земскаго исправника, чиновникъ сей за особенное для сего удовольствіе почтетъ уступить нужный участокъ земли подъ монументъ и домикъ для инвалида, навсегда безплатно; а монументъ, предполагаемый къ сооруженію близъ Витебска, долженъ быть построенъ на землѣ помѣщика Стемпковскаго; но, какъ онъ имѣетъ постоянное жительство въ другихъ помѣстьяхъ, то по прибытіи его сюда, ожидаемаго въ скоромъ времени, отобрано будетъ и отъ него

нужное на счетъ уступки земли при г. Витебскѣ для сего предмета свѣдѣніе.

Донося о всемъ вышеписанномъ Вашему Сіятельству и поднося у сего планы мѣстности съ пунктами, назначенными для возведенія монументовъ, а также справку о цѣнахъ на метерьялы и кромѣ караульными домиками, на благоразсмотрѣніе и разрѣшеніе, я долгомъ считаю присовокупить при семъ, что въ обоихъ сихъ городахъ, какъ явствуетъ изъ исторіи войны 1812-го года и свѣжей памяти мѣстныхъ жителей, происходили весьма кровопролитныя битвы, окончившіяся на мѣстахъ, въ Высочайшемъ повелѣніи упомянутыхъ, и на планахъ земли показанныхъ, что мѣста сіи, хотя въ близкомъ разстояніи обоихъ городовъ, но въ такихъ пунктахъ, что весьма немногими могутъ быть замѣчены; а тѣмъ самымъ останутся для многихъ въ безъизвѣстности; и посему простительно желать, чтобы памятники доблестей Русскихъ Воиновъ и достопамятной войны 1812-го года, сооружаемые въ честь участвовавшихъ въ оной и во славу Россіи, сколь возможно, въ особенности въ семъ краю, сдѣлались извѣстными юношеству, готовящемуся къ службѣ, то я полагалъ-бы устроить въ самомъ городѣ Полоцкѣ на площади, предъ кадетскимъ корпусомъ, гдѣ понынѣ еще отрываются обломки гранатъ и гдѣ одно ядро въ самой стѣнѣ*) бывшаго Іезуитскаго монастыря, обращеннаго нынѣ въ кадетскій корпусъ, служитъ неоспоримымъ доказательствомъ бывшаго тамъ сраженія. А въ Витебскѣ также соорудить таковой на большой площади передъ почтовой станціей, служащей плацъ-парднымъ мѣстомъ для квартирующихъ войскъ. Издержки на сооруженіе фундаментовъ для сихъ двухъ памятниковъ съ усердіемъ обыватели сихъ городовъ примутъ на себя, а въ построеніи домиковъ для инвалидовъ при сихъ монументахъ не будетъ уже настоять надобность, ибо они могутъ быть охраняемы мѣстными Городскими Полиціями.

Къ сему предположенію моему имѣю честь представить для усмотрѣнія и скопировку Городскихъ площадей въ Полоцкѣ и Витебскѣ.

---

*) Ядро 1812-го года и понынѣ сохранено въ стѣнѣ Полоцкаго корпуса, въ коридорѣ, противъ окна, черезъ которое оно ворвалось. Ядро обрамлено мѣдной полоской съ отмѣткой „1812-го года“.— 8/VI—1911 года, М. М.

Г. Министру Финансовъ.

20-го Апрѣля,
1836-го года.
№ 506.

Слѣдующія къ донесенію моему отъ 15-го Апрѣля за № 478-мъ Отчеты о цѣнахъ на матерьялы для сооруженія монументовъ въ память 1812-го года, имѣю честь представить при семъ Вашему Сіятельству.

Господину Витебскому Гражданскому Губернатору, Тайному Совѣтнику и Кавалеру.

Полоцкаго Земскаго Исправника.
№ 300.
Апрѣля 18-го дня.
1836-го года.
Г. Полотскъ.

Рапортъ.

Исправляющій должность Вашего Превосходительства, Господинъ Вице-Губернаторъ и Кавалеръ предложеніемъ отъ 20-го марта за №381-мъ, предписать мнѣ изволилъ вытребовать отъ Г-на Подполковника Гласки отзывъ, на уступъ полдесятины земли близъ города Полотска отъ имѣнія его для построенія монумента въ Память 1812-го года. Вслѣдствіе чего, за прибытіемъ его, Подполковника Гласки въ имѣніе свое, вытребованный отъ него отзывъ, при семъ честь имѣю почтеннѣйше на благоуваженіе Вашего Превосходительства представить.

Земскій Исправникъ Ленкевичъ.

Г. Министру Финансовъ.

Апрѣля 30-го,
1836-го года.
№ 563-й.

Въ дополненіе донесенія моего отъ 15-го Апрѣля за № 478-мъ имѣю честь представить при семъ отзывъ*) Полотскаго уѣзда помѣщика Подполковника Гласки о согласіи его на уступку безплатно полдесятины земли для построенія монумента въ память 1812-го года.

---

*) Копіи съ отзыва Подполковника, помѣщика Гласки при дѣлѣ не имѣется.
М. М.

Входящій № 317. Къ свѣдѣнію. Получ. мая 15/1836.

Министерство Финансовъ. Канцелярія. Отдѣленіе 1. Столъ 4. 11-го Маія 1836. № 2096.

Объ оказаніи содѣйствія отправленному для избранія мѣстъ подъ памятники войны 1812-го года, Г. Подполковнику Яковлеву.

Господину Витебскому Гражданскому Губернатору.

Вашему Превосходительству извѣстно изъ отношенія моего отъ 31-го прошедшаго Генваря за № 546-мъ что по Высочайшему ГОСУДАРЯ ИМПЕРАТОРА повелѣнію, предполагается сооружить чугунные монументы на важнѣйшихъ пунктахъ сраженій, бывшихъ въ теченіе войны 1812-го года, и между прочимъ четыре таковыхъ Витебской губерніи: одинъ Дрисскаго уѣзда при деревнѣ Клястицахъ, другой при городѣ Полоцкѣ, третій Лепельскаго уѣзда при мѣстечкѣ Чашникахъ и четвертый близъ города Витебска; для избранія же для сего на предположенныхъ мѣстахъ приличнѣйшихъ пунктовъ, съ Высочайшаго разрѣшенія, командируется нынѣ Генеральнаго штаба Г. Подполковникъ Яковлевъ. Снабдивъ на сей конецъ Г. Яковлева надлежащимъ наставленіемъ, я съ тѣмъ вмѣстѣ обращаюсь къ Вашему Превосходительству съ покорнѣйшею просьбою оказать въ нужныхъ случаяхъ сему штабъ-офицеру, по возложенному на него порученію, всякое, возможное съ Вашей стороны, содѣйствіе и пособіе, давъ на сей конецъ приказаніе Градскимъ и Земскимъ Полиціямъ тѣхъ мѣстъ, гдѣ сооруженіе памятниковъ предназначается.

Министръ Финансовъ
Генералъ отъ Инфантеріи Гр. Канкринъ.
Директоръ Княжевичъ.

Полиціямъ:

Городскимъ:
Витебской № 790.
Полоцкой „ 792.

Земскимъ:
Витебской № 791.
Полоцкій „ 793.
Лепельской „ 795.
Дриссенской „ 794.

25-мая 1836-го года.

По Высочайшему повелѣнію предполагается соорудить чугунные монументы на важнѣйшихъ пунктахъ сраженій, бывшихъ въ теченіи войны 1812-го года и между прочимъ одинъ изъ таковыхъ при... **(сдѣсь прописать о мѣстѣ)** для избранія въ семъ случаѣ на предположенныхъ мѣстахъ приличнѣйшихъ пунктовъ съ Высочайшаго же Его Величества разрѣшенія командированъ нынѣ Генеральнаго Штаба Г. Подполковникъ Яковлевъ.

Получивъ о семъ отъ Г. министра финансовъ увѣдомленіе, я предписываю оной Полиціи **(или Земскому Суду)** по прибытіи Г. Подполковника Яковлева и обращенія съ какими либо требованіями къ вамъ, относящимися къ возложенному на него порученію, исполненія оныхъ со всевозможною скоростію и удовлетворительностію, а мнѣ о послѣдствіяхъ донесть въ тоже время.

Черновая. Г. г. Полицемейстерамъ:

Витебскому 954; Полотскому 953.

Земск. Исправникамъ:

Лепельскому 955; и Дриссенскому 956.

3-го Іюня; 1836-го г.—Командированный по Высочайшему повелѣнію для избранія мѣстъ подъ по строеніе монументовъ въ память отечественной войны 1812-го года, Генеральнаго Штаба Подполковникъ Яковлевъ, отъ 18-го сего іюня увѣдомилъ меня, что опредѣлено имъ для изъясненнаго предмета, далѣе **(прописать изъ отношенія)** которое— указано имъ Подполковникомъ и поставленъ тамъ деревянный знакъ, обкопанный землею съ дерномъ.

Предписываю Вашему Высокоблагородію упомянутый знакъ, впредь до постановленія тамъ монумента принять въ вѣдѣніе Полиціи для наблюденія за совершенною цѣлостью.

Господину Витебскому Гражданскому Губернатору.

Во исполненіе извѣстной Вашему Превосходительству Высочайшей воли, избралъ я мѣста и поставилъ на нихъ знаки для точнѣйшаго опредѣленія тѣхъ пунктовъ, на коихъ предполагается воздвигнуть памятники въ воспоминаніе Отечественной Войны 1812-го года.

Первое мѣсто избрано въ самомъ городѣ Витебскѣ, на площадкѣ противъ почтоваго двора и показано Г. Полицеймейстеру города.

Второе въ городѣ Полотскѣ на площади противъ собора и кадетскаго корпуса. Мѣсто сіе показано Г. Полицеймейстеру города, равно какъ и первое.

Третье, выѣхавъ изъ города, въ самомъ развальи дорогъ, идущихъ на С. Петербургъ и г. Невель, посреди̇нѣ французскаго редута.

Четвертое, близъ м. Чашниковъ, ѣдучи оттуда во дворъ Смольянцы, на правой рукѣ отъ дороги, въ 7-ми саженяхъ отъ нея; не переходя ручья. Мѣсто показано Управляющему имѣніемъ Смолянцами Г. Володковича, К. О. Михайловскому, писарю того-же имѣнія А. М. Корсаку и пятисотскому въ Чашникахъ, Константину Лозовскому.

Пятое мѣсто избрано при селѣ Клясицахъ на высотѣ, близъ Уніатской церкви и показано Уніатскому священнику Дементію Конюшевскому; Управителю имѣнія Г-на Убри О. С. Чижевскому и сотскому Франкѣ Бурачевскому. На всѣхъ этихъ мѣстахъ поставлены бревна; въ деревняхъ длинныя, а въ городахъ не высокіе обрубки и обсыпаны землей и одѣты дерномъ.

Доводя о семъ до свѣдѣнія Вашего Превосходительства, прошу предписать Земской Полиціи тѣхъ мѣстъ, равно какъ и Г. г. Полицеймейстерамъ Г. г. Витебска и Полотска принять сіи Знаки въ свое вѣдѣніе и наблюденіе впредь до постановленія на нихъ памятниковъ.

За бревна и работу въ селеніяхъ мною заплачено, сходно съ требованіемъ крестьянъ.

Генеральнаго Штаба
Полковникъ Яковлевъ 6-й.

№ 145
18-го Іюня; 1836.

Г. Вильно.

Витебскаго
Полицеймейстера.
№ 740.
Іюня, 5-го Дня;
1836-го года.

Витебскому Господину Гражданскому Губернатору и Кавалеру.

Рапортъ.

Во исполненіе предписанія Вашего Превосходительства отъ 3-го сего Іюня за № 954-мъ послѣдовавшаго, честь имѣю почтеннѣйше донести, что для наблюденія въ цѣлости избраннаго Полковникомъ

Яковлевымъ мѣста подъ построеніе монументовъ въ память Отечественной войны 1812-го года на площади, противъ почтоваго двора, гдѣ поставленъ деревянный знакъ, обкопанный землей и дерномъ, я предписалъ первой части города.

За Полицеймейстера Частный Приставъ Масленицкій.

---

*) Копіи документовъ извлечены изъ Архива 9 іюня 1911 г. *М. Мельникова.*

---

*) Аналогичное Дѣло: „О сооруженіи монумента въ Смоленскѣ въ память 1812-го года“ извлечено мной изъ Вит. Губ. Архива 20-го іюля 1911 года. Оно препровождено Смоленской Ученой Архивной Коммиссіи, въ копіи. *М. М.*

МАТЕРІАЛЫ

для исторіи Отечественной Войны 1812 года, извлеченные изъ Витебскаго Губернскаго Архива.

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Въ трудѣ моемъ по Витебскому Губернскому Архиву я привожу цѣликомъ Высочайшій Манифестъ и Указы; предписанія Бѣлорусскаго Военнаго Губернатора, герцога Александра Виртембергскаго; я пишу выборки изъ Сенатскихъ указовъ и помѣщаю протоколы по дѣлу нѣсколькихъ военноплѣнныхъ.

Маршруты войскъ мною взяты изъ рапортовъ Городничихъ, Нижнихъ Земскихъ Судовъ и Полицеймейстеровъ. Изъ экономіи мѣста рапорты напечатаны петитомъ и съ сокращеніями, ввиду однообразія ихъ формы. Съ цѣлію избѣжать повторенія формальной стороны актовъ—„постановленія разо„слать указы: г.г. губернаторамъ, повѣтовымъ маршаламъ, „магистратамъ, городничимъ обще съ Думами, городскимъ и „земскимъ полиціямъ, Нижнимъ Земскимъ Судамъ, ключъ-вой„тамъ, а министрамъ, Сенату и Сѵноду дать о нихъ вѣдѣнія“. Эту обычную форму предписаній я совершенно опускаю.

При приведеніи мною актовъ полностію я нашла не лишнимъ помѣстить и подписи лицъ, скрѣпившихъ ихъ; быть

можетъ потомки героевъ, или же скромныхъ участниковъ жизни отошедшаго отъ насъ столѣтія поинтересуются дѣлами своихъ предковъ и порадуются имъ, вспоминая ту пользу, которую они по мѣрѣ силъ несли своему отечеству. Всѣ дѣла инженерныхъ работъ, касающихся улучшенія путей сообщенія: шоссейныхъ дорогъ и рѣчныхъ или другихъ водныхъ переправъ, я нашла возможнымъ исключить. Распоряженія о нихъ относятся къ 1811-му и даже 1810-му году и служатъ лишь свидѣтельствомъ того, что работы эти, будучи окончены къ 1812-му году, до извѣстной степени гарантировали свободное и легкое передвиженіе войскъ, командъ, провіанта и раненыхъ въ послѣдующее военное время. Всѣ эти дѣла собраны въ одной 16-й связкѣ и всѣ ограничиваются приглашеніемъ инженеровъ и посылкой рабочихъ къ Ригѣ по Динабургскому тракту. Заботы о путяхъ сообщенія даютъ поводъ думать, что многія неисправности и замедленія въ исполненіи указовъ и мѣстныхъ предписаній происходили не отъ дурныхъ дорогъ, а отъ другихъ причинъ, неизбѣжныхъ при такомъ исключительномъ положеніи губерніи, какъ перспектива встрѣтиться съ полчищами непріятеля.

Психологическая же сторона губерніи Витебской 1812-го года несомнѣнно обрисовывается достаточно ярко изъ изложеннаго мною ниже.

Дѣйствительный Членъ Витебской
Ученой Архивной Комиссіи *М. Мельникова.*

16 Марта 1911 г.

Витебскъ.

Витебскій Губернскій Архивъ.

1812-ый годъ.

Дѣла, касающіяся нашествія непріятеля. — Докладъ Общему Собранію Витебской Ученой Архивной Комиссіи.

ЧАСТЬ I-ая.

Дѣла великой эпохи Русской земли 1812 года сохранились только въ бумагахъ Губернскаго Правленія. Между ними попадаются и дѣла по дворянской опекѣ и указы административные магистратамъ и земскимъ судамъ, но есть и указы, вызванные исключительно военнымъ временемъ...

Такъ какъ цѣлью моего труда была реставрація въ памяти соотечественниковъ и мѣстныхъ обывателей моментовъ надвигавшагося столкновенія мирнаго жителя съ грознымъ врагомъ, то и выборки, сдѣланныя мною, должны отвѣчать исключительно этому назначенію.

Я считаю необходимымъ доложить тѣмъ членамъ Архивной Комиссіи, которые поинтересовались бы прочесть подлинные документы, что порядкомъ записи ихъ руководиться трудно. Всѣхъ связокъ 1812 года 16-ть, *) но хронологическое расположеніе дѣлъ ихъ, въ общемъ, хотя и соотвѣтствуетъ об-

*) Много дѣлъ Витебскаго Архива расхищено французами; объ этомъ смотрѣть: часть III-ья, „Дѣло объ Архивѣ".

ратному повышенію ихъ нумераціи, въ деталяхъ же №№ перемѣшаны; есть между ними утраченные, есть и повторные. Сохранились всѣ они для такого давняго времени превосходно и неразборчивыхъ почерковъ попадается очень немного.

Это все, что касается внѣшности. По содержанію своему свѣдѣнія шестнадцати связокъ въ указахъ для войскъ, прямыхъ распоряженій по передвиженію войскъ не даютъ. Распоряженія сводятся къ поставкамъ провіанта; къ набору рекрутъ; доставкѣ лошадей и одно дѣло (св. 4-я д. № 169) о назначеніи новыхъ почтовыхъ трактовъ и дѣла объ ополченіи.

По обширности районовъ, на которые простирались Высочайшіе указы, дѣла раздѣляются на о б щ і я, каковы назначенія главнокомандующихъ и министровъ и ч а с т н ы я, т. е. мѣстныя, города Витебска и Витебской губерніи.

Изъ о б щ и х ъ указовъ первое мѣсто, безъ сомнѣнія, надо отвести Высочайшему Манифесту. Несмотря на то, что Манифестъ 12-го года общеизвѣстенъ, я должна на него обратить вниманіе, какъ на документъ, данный 6-го Іюля 1812-го года въ лагерѣ подъ городомъ Полоцкомъ; слѣдовательно имѣющій важное значеніе для Витебской губерніи. Онъ помѣщенъ въ 5-ой связкѣ за № 373-мъ

„дѣло озаглавлено такъ: (Полная копія). „По указу Прави-
„тельствующаго Сената—съ экземплярами о сборѣ внутри Госу-
„дарства новыхъ силъ, которыя составляютъ вторую ограду въ
„подкрѣпленіе первой и защиту храмовъ и о протчемъ. 4-го ок-
„тября, 1812-го года.

На 2-хъ листахъ.

Какъ видно, помѣчено дѣло въ Губерн. Витебскомъ Правленіи Октябремъ 4-мъ; обложка его очень потертая и грязная. 4-й Октябрь, день поступленія бумаги изъ Сената; доказатель-

ство того, что за непріятельскими войсками Высочайшій указъ въ Витебскъ не попалъ во время.

Далѣе идетъ: Листъ 1-й.

№ 219.—4-е окт. 1812-го года.

Указъ Его Императорскаго Величества, Самодержца Всероссійскаго изъ Правительствующаго Сената Витебскому Губернскому Правленію.

Правительствующій Сенатъ слушали Высочайшій Его Величества **Манифестъ**, состоявшійся въ 6-й день сего Іюля—**О СБОРѢ** внутри Государства новыхъ силъ, которыя составляли бы вторую ограду въ подкрѣпленіе первой и защиту **домовъ, женъ и дѣтей каждаго и всѣхъ сословій** состояній духовныхъ и мірскихъ общимъ ополченіемъ содѣйствовать къ **отраженію непріятеля**, съ предоставленіемъ для первоначальнаго составленія предназначаемыхъ силъ—во всѣхъ губерніяхъ дворянству—сводить поставляемыхъ ими для защиты отечества людей, избирая изъ среды самихъ себя начальника надъ оными.

Приказали: сей Высочайшій Е. И. Вел. Манифестъ объявить всенародно, для чего напечатать въ сенатской типографіи подробное онаго число экземпляровъ и разослать съ нарочными курьерами къ гражданскимъ губернаторамъ во всѣ Губернскія Правленія предписать имъ, чтобы содѣйствовали всѣми зависящими отъ мѣстнаго начальства способами къ немедленному приведенію въ исполненіе изъявленной въ томъ манифестѣ Высочайшей Его Императорскаго Величества воли и о томъ къ Губернаторамъ и въ Правленія съ приложеніемъ таковыхъ экземпляровъ послать указы, каковые экземпляры при указахъ же для исполненія и свѣдѣнія разослать городничимъ и полиціямъ. Помянутыхъ же манифестовъ, прилагается при семъ сто экземпляровъ: (іюля 10-го дня, 1812-го года).

Подлинный подписали: Оберъ-Секретарь Илья Федоровъ; секретарь Хоржевскій; Повытчикъ Голядухинъ.

По 1-му департаменту.

Докладывано; 18-го Генваря, 1813 года.

Дата $\frac{18}{1813}$ новое указаніе на запозданіе доклада уже самому Губернскому Витебскому Правленію.

Манифестъ 1812-го года.

Второй листъ (2-ой) занятъ уже самимъ манифестомъ въ печатномъ „приложеніи“.

Божіею Милостію
МЫ, АЛЕКСАНДРЪ ПЕРВЫЙ
Императоръ, Самодержецъ Всероссійскій
и прочая и прочая и прочая.

Непріятель вступилъ въ предѣлы НАШИ и продолжаетъ нести оружіе свое внутрь Россіи, надѣясь силою и соблазномъ потрясть спокойствіе Великой сей Державы.—Онъ положилъ въ умѣ своемъ злобное намѣреніе разрушить славу ея и благоденствіе. Съ лукавствомъ въ сердцѣ и местію въ устахъ несетъ онъ вѣчныя для ней цѣпи и оковы. МЫ, призвавъ на помощь Бога, постановляемъ въ преграду ему войска НАШИ, кипящія мужествомъ попрать, опрокинуть его и то, что останется неистребленнаго, согнать съ лица земли НАШЕЙ. МЫ полагаемъ на силу и крѣпость ихъ твердую надежду; но не можемъ и не должны скрывать отъ вѣрныхъ нашихъ подданныхъ, что собранныя имъ разнодержавныя силы велики и что отважность его требуетъ неусыпнаго противъ нея бодрствованія.—Сего ради при всей твердой надеждѣ на храброе НАШЕ воинство полагаемъ МЫ за необходимо нужное собрать внутри Государства новыя силы, которыя нанося новый ужасъ врагу, составляли бы вторую ограду въ подкрѣпленіе первой и въ защиту домовъ, женъ и дѣтей каждаго и всѣхъ.

МЫ уже воззвали къ первопрестольному Граду НАШЕМУ, Москвѣ, а нынѣ взываемъ ко всѣмъ НАШИМЪ вѣрноподданнымъ, ко всѣмъ сословіямъ, состояніямъ духовнымъ и мірскимъ, приглашая ихъ вмѣстѣ съ НАМИ единодушнымъ и общимъ возстаніемъ содѣйствовать противу всѣхъ вражескихъ замысловъ и покушеній.—Да найдетъ онъ на каждомъ шагѣ вѣрныхъ сыновъ Россіи, поражающихъ его всѣми средствами и силами, не внимая никакимъ его лукавствамъ и обманамъ.—Да встрѣтитъ онъ 1) въ каждомъ дворянинѣ Пожарскаго; 2) въ каждомъ духовномъ Палицына; 3) въ каждомъ гражданинѣ Минина.

Благородное дворянское сословіе! Ты во всѣ времена было Спасителемъ Отечества; Святѣйшій Сунодъ и духовенство! Вы всегда теплыми молитвами своими призывали Благодать на славу Россіи; народъ Русской! Храброе потомство храбрыхъ Славянъ! ты неоднократно сокрушалъ зубы устремлявшихся на тебя львовъ и тигровъ; соединитесь всѣ; со крестомъ въ сердцѣ и съ оружіемъ въ рукахъ никакія силы человѣческія васъ не одолѣютъ.

Для первоначальнаго составленія предназначенныхъ силъ предоставляется во всѣхъ губерніяхъ дворянству сводить поставляемыхъ ими для защиты отечества людей, избирая изъ среды самихъ себя начальника надъ оными и давая о числѣ ихъ знать въ Москву, гдѣ избранъ будетъ Главный надъ всѣми предводитель.

Въ лагерѣ близъ Полоцка; 1812-го года Іюля, 6-го дня.

На подлинномъ собственною ЕГО ИМПЕРАТОРСКАГО ВЕЛИЧЕСТВА рукою подписано тако:

АЛЕКСАНДРЪ.

М. П.

Мѣсто печати.

Печатанъ въ С.-Петербургѣ при Сенатѣ.— Іюля 10-го 1812 года.

О томъ, что указы изъ Сената и мѣстныя инструкціи не доходили по мѣсту назначенія своего къ указанному сроку и что препятствіемъ къ тому была близость непріятельскихъ войскъ, видно изъ слѣдующихъ дѣлъ уже спеціально мѣстнаго значенія.—(Связка 2-ая, дѣло № 79).

Бѣлорусскій военный губернаторъ Его Королевское Высочество герцогъ Александръ Виртембергскій въ отношеніи своемъ отъ **4-го Іюля 1812-го года** извѣстилъ гражданскаго губернатора, что „Его Императорское Величество позволилъ ему находиться **при арміи**, нынѣ „расположенной къ военному дѣйствію, въ свитѣ Его Величества, на „такомъ же положеніи, какъ позволено и принцу Ольденбургскому „съ сохраненіемъ начальственнаго управленія ввѣренными ему губерніями“.

Затѣмъ идутъ слѣдующія даты: 7-го Іюля 1812-го года Губернское Правленіе слушали предложеніе «Г-на гражд. губернатора и кавалера (Лешерна) отъ 6-го Іюля 1812-го сего года за № 4044-мъ, что Е. К. В. герц. Ал. Виртембергскій Бѣлорусскій Военный Губернаторъ въ отношеніи своемъ (4-го Іюля и т. д.) извѣщаетъ гражданскаго губернатора съ тѣмъ, чтобы „къ Е. К-му Высоч. обращаться (за „выѣздомъ его въ лагерь) **въ самонаиважнѣйшихъ** случаяхъ, а въ „протчемъ управлять Ему, Г-ну Губернатору губерніей на основаніи „законовъ". Приказали: дать знать... Витебскому Дворянскому Собранію; господамъ маршаламъ, присутственнымъ мѣстамъ, полиціи и т. д.

Послѣ этого идетъ: **„ПОМѢТКА"** Губернскаго Правленія.— **„За выѣздомъ Губернскаго Правленія осталось неисполненнымъ".**

Это одно изъ наиболѣе яркихъ указаній на то, что непріятель уже есть гдѣ-то въ недалекомъ разстояніи, но онъ все же остается невидимымъ, и всѣ свѣдѣнія мы имѣемъ не о немъ, а только по поводу его наступленія—указанія косвенныя; и такъ по всѣмъ связкамъ.

Къ числу указовъ, запоздавшихъ своимъ исполненіемъ и потому, могущихъ служить иллюстраціей переполоха въ мѣстномъ Управленіи, надо отнести два дѣла о министрѣ народнаго просвѣщенія.

1) По указу Е. Имп. Величества отъ **Іюня 4-го дня 1812-го года** (связка 2-ая, дѣло № 50) министру народнаго просвѣщенія дѣйств. тайн. сов. сенатору и кавалеру графу Алексѣю Кириловичу Разумовскому... „всемилостивѣйше дозволяется отлучиться (въ Москву)"...

2) **Правительствующій Сенатъ слушали**: донесеніе министра духовныхъ дѣлъ князя Голицына, исправлявшаго должность мин. народн. просвѣщ. „О вступленіи графа Разумовскаго (связ. 4-ая, дѣло № 175) „по прежнему въ должность министра нар. просвѣщенія" и **приказали: и т. д. Сентября 16-го 1812-го года**. Въ Вит. Губерн. Правленіи изъ сената оповѣщеніе получено **1-го Декабря** 12-го года; заслушано (записано) **27-мъ** Декабремъ 1812-го года; а исполнено **27-го Генваря 1813-го года**.

Очевидно задержка въ оглашеніи указовъ произошла уже вслѣдствіе нарушеннаго порядка въ ходѣ дѣлъ Губернскаго Правленія; всѣ дѣла его этого времени собраны въ 4-й связкѣ и всѣ помѣчены 27-мъ декабремъ 1812-го года, какъ полученныя, или же представленныя къ разсмотрѣнію послѣ прохожденія непріятельскаго войска.

Въ дѣлахъ 1-ой связки за № 16 и 36-мъ есть точно также серія Высочайшихъ указовъ о назначеніяхъ и наградахъ; высланы они въ Вит. Губерн. Правленіе изъ Сената отъ 24-го августа 1812-го года, но всѣ помѣчены, какъ полученные 27-го декабря и заслушанные не ранѣе Января (числа нѣтъ) 1813-го года.—Я упоминаю объ этихъ назначеніяхъ только потому, что по нимъ можно судить объ озабоченности правительства ввиду надвигавшихся событій.

Всѣхъ имянныхъ высочайшихъ въ этой группѣ, Его Величества, указовъ шестнадцать, но я беру изъ нихъ наиболѣе соотвѣтствующіе положенію дѣла,—а именно:

1) **5 го Іюня 1812-го года** ген.-лейт. Эссенъ I-й и. д. военный губернаторъ Лифляндской и Курляндской губерніи назначается управляющимъ и гражданскою частію этихъ губерній.—2) Того-же **Іюня 30-го дня**: „Исправляющему должность Рижскаго военнаго губер-„натора ген.-лейт. Эссену I-му **во уваженіе нынѣшнихъ военныхъ об-„стоятельствъ** всемилостивѣйше предоставляю надъ войсками ему „ввѣренными и надъ губерніями Курляндской и Лифляндской власть главнокомандующихъ **дѣйствующими** арміями, доколѣ сего **необходи-„мость требовать будетъ**“.

Контрассигнировалъ военный министръ
Барклай-де-Толли.

3) № 22799.—Копія.

Указъ Е. Имп. В. Самодержца всероссійскаго изъ Правительствующаго Сената Бѣлорускому витебскому Губернскому Правленію

поимяннымъ Его Императорскаго Величества высочайшимъ указамъ, даннымъ правительствующему Сенату, за собственноручнымъ Его Величества подписаніемъ, въ которыхъ изображено:

въ 1-мъ минувшаго **Іюля отъ 6-го числа**.

„Московскому военному губернатору генер. отъ инфантеріи „графу Растопчину всемилостивѣйше повелѣваемъ присутствовать „въ 6-мъ депр-тѣ прав. сената".

4) Во 2-мъ отъ **17-го числа (Іюля)**.

„Генералу-отъ-инфантеріи московскому военному губернатору „графу Ростопчину всемилостивѣйше повелѣваемъ быть главнокоман-„дующимъ въ Москвѣ".

Контрассигнировалъ министръ Полиціи
Балашовъ.

NB. Передъ этимъ 25 мая 1812-го года главнокомандующему въ Москвѣ графу Гудовичу дана была отставка, а военному губернатору московскому, графу Ростопчину ввѣрено управленіе и гражданскою частію. (связ. 2-ая, дѣло № 50).

Тогда-же отъ **24-го мая** и состоящій по арміи ген.-маіоръ Лешернъ „назначенъ Витебскимъ гражданскимъ губернаторомъ, съ переимено-„ваніемъ въ дѣйств. статскіе совѣтники".

Тогда-же назначены Добринскій Минскимъ, и воен. губерн. Виленской губерніи Римскій-Корсаковъ «Виленскимъ» гражд. губернаторомъ.

Въ дѣлѣ № 45, (связка 2-ая) есть указъ Его Величества отъ **26-го мая** за № 15395 за собственноручнымъ Е. В. подписаніемъ: «находящемуся при особѣ Нашей адмиралу Чичагову повелѣваемъ быть главно-«командующимъ Дунайскою арміей со ввѣреніемъ ему и главнаго на-«чальства надъ черноморскимъ флотомъ, также и главнаго управле-«нія княжествами молдавскимъ и валахскимъ». Въ Вит. губ. правленіи указъ полученъ **24-го іюня**.

Сюда-же слѣдуетъ прибавить 1) Высочайшій указъ (связка 3-ья; дѣло № 130) отъ **7-го мая** о назначеніи ген.-отъ-Кавалеріи Тормасова

главнокомандующимъ третьею резервною обсерваціонною арміей. Полученъ въ Вит. губ. правленіи **20 іюня 1812 г.**; и 2) Дѣло № 189-ое 5-ой связки—Высочайшій указъ объ увольненіи отъ званія военнаго министра Генерала отъ Инфантеріи Барклая-де-Толли по нахожденіи его въ дѣйствующей арміи. Указъ помѣченъ 24-го августа 1812 года, когда въ Витебскѣ о французахъ осталось одно воспоминаніе.

Я эти документы общаго характера привожу для того, чтобы показать, что въ Витебскъ пришли во время только майскіе указы.

Витебская губернія непріятельскихъ войскъ, насколько это можно заключить изъ движенія сохранившихся бумагъ, не ждала; а когда непріятель былъ уже близко особенной энергіи тоже не проявила. Указы Вит. воен. губернатора Герцога Ал. Виртембергскаго получались въ Вит. Губ. Правленіи на другой день послѣ подписанія ихъ губернаторомъ и къ исполненію могли поступить много что на 3-ій день; между тѣмъ близость непріятеля создавала мѣстнымъ служащимъ какъ бы прикрытіе для своего нерадѣнія и для неисполненія предписаній.

Такъ напр. 14-го мая 1812-го года на „Разсужденіе Губ Правленія“ (3-ья связка; дѣло № 112), **Докладывано**: нѣкоторые Нижніе Земскіе Суды, а особенно Лепельскій, Полоцкій, Невельскій и Динабургскій въ посылаемыхъ на указы въ Губ. Управленіе Рапортахъ, неозначая въ заключеніяхъ своихъ настоящаго положенія по дѣламъ, пишутъ токмо, что объ исполненіи предписаннаго поручено **участковому засѣдателю**, въ вѣдомствѣ коего то дѣло имѣется. Послѣ же того на подтвердительные указы, равномѣрно доносы, ничего исполнительнаго, даже черезъ немалое время не предвидится-**приказали**: Поелику подобные въ Рапортахъ судовъ выраженія, правленіе находитъ необстоятельными и неполными и навлекающими при томъ единое промедленіе въ исполненіи дѣлъ, въ предложеніи-же Е. Крл. Высоч. Бѣлор. воен. губернат. Герцога Ал. Виртембергскаго отъ 14 ноября

прошлаго 1811-го г. изображено: «Что разделеніе повѣтовъ мѣжду «членами Нижнихъ Земскихъ Судовъ на участки можетъ быть токмо «(такъ сказать) домашнѣе, но дѣйствовать по деламъ къ должности «нижняго земскаго суда принадлежащихъ, всѣ они обязаны по Высо-«чайшему о Губерніяхъ учрежденію и по законамъ, не ссылаясь «впредь нивчемъ на участковыхъ засѣдателей»... о чемъ къ исполне-нію отъ 14-го декабря, того-же (1811-го) года всѣмъ губернскимъ и земскимъ полиціямъ отъ сего правленія предписано; то впрекращеніе единожды навсегда вышепрописанной ссылки нижнихъ земскихъ судовъ на участковыхъ засѣдателей, въ исполненіи дѣлъ, строжайше симъ Судамъ подтвердить, чтобы впредь въ посылаемыхъ сюда Рапор-тахъ объясняли обстоятельно—какое исполненіе по указамъ учинѣно или-же зачѣмъ медленность въ исполненіи того происходитъ и тако-выя-бы донесенія ускоряли присылать въ Правленіе въ свое время непремѣнно, неожидая подтвердительныхъ предписаній, въ каковомъ случаѣ виновные суды неминуемо подвергнутъ себя взысканію по законамъ.

(Указы посланы 16-го мая; къ этому дѣлу при-надлежатъ. Рапорты 8-ми нижн. земскихъ Судовъ о полученіи указа и о имѣющемъ быть исполненіи).

Отъ 9 мая 1312-го года Витебскому Губернскому Правле-нію была бумага (связка 3-ья; дѣло 111-ое) отъ Бѣлорус. воен-наго Губернатора такая:

(Копія).

Б. В. Г.
9 мая 1812 г.
№ 1706.
Витебскъ
О публикованіи штрафовъ.

Замѣчая по дѣламъ, что многія присутственныя мѣста и нѣкоторые чиновники лично штра-фуются отъ Губернскаго Правленія денежными пенями, я нужнымъ признаю предложить оному Правленію таковые штрафы публиковать по всѣмъ судебнымъ въ губерніи мѣстамъ на тотъ **конецъ**, дабы и прочіе чиновники во всѣхъ мѣстахъ слу-жащіе, видя кто и за что оштрафованъ остерегались подобныхъ взысканій, относящихся къ стыду оштрафованныхъ.

Подлинное подписалъ Б. В. Г.
Герцогъ Алекс. Виртембергскій.

Еще есть напоминаніе объ Указѣ Е. Имп. Вел. Самодерж. Всероссійскаго отъ 1765-го года; по слѣдующему поводу. (связ. 3-ья д. № 110-ое).

Его Корол. Выс. Генер.-отъ-Кавалеріи Бѣлор. воен. губернаторъ Герц. Ал. Виртембергскій отъ 13-го мая 1812-го года за № 1785.. ..„ «что по доходящимъ къ Е. Крл. Высочества отношеніямъ Г. г. министровъ и по другимъ дѣламъ къ высочайше возложенному на Е. Крл. Высочество званіе принадлежащимъ, на предложеніе Е. Крл. Высочества, губернское Правленіе доноситъ Е. Крл. Высочеству по большой части о томъ токмо, что оно сдѣлало подчиненнымъ ему мѣстамъ предписанія, но таковыя донесенія признаетъ Е. Крл. Высоч. недостаточными; ибо по законамъ не довольно того, что указы посланы, но должно наблюдать, чтобы по онымъ и дѣйствительное происходило исполненіе (;) Сіе точно предписано въ указѣ 1765-го года декабря 31-го числа, а по статьѣ 96-ой высочайшаго о губерніяхъ учрежденія Губернское Правленіе имѣетъ въ рукахъ своихъ всѣ средства къ понужденію нерадивыхъ“..... **Е. К. В.** предлагать изволитъ губернскому Правленію не довольствуясь одною посылкою въ подчиненныя мѣста указовъ--медлительныхъ понуждать, и дѣлая съ нихъ взысканія по законамъ, домогаться отъ нихъ точныхъ по предписаніямъ выполненій и на предложенія Е. К. Высоч. доносить Е К. В—ву о исполненіи оныхъ и поспѣшнѣе на тѣ, кои посылаются по отношеніямъ министровъ, а тѣмъ болѣе по имяннымъ высочайшимъ и Правительствующаго Сената указамъ. Въ семъ Губ. Правленіи **опредѣлено**:*) Мая 23-го 1812-го года.

III-ье Отдѣл.
По 2-му столу.

Всѣ эти напоминанія о служебной исполнительности Городской и Земской полиціи понадобились усиленно въ дополненіе къ инструкціямъ прежнихъ лѣтъ; эти старыя инструкціи Нижнимъ Земскимъ Судамъ, совсѣмъ не примѣнялись,

*) Въ предписаніи Губерн. Правленія повторяется требованіе Герцога Виртембергскаго; изъ экономіи мѣста его можно здѣсь не приводить. М. М.

такъ что въ 1812-мъ году ключъ войтамъ, сотскимъ и десятскимъ дано было «Новое наставленіе». Когда по Высочайшему указу Губернское Правленіе потребовало возвращенія ему прежнихъ инструкцій, (связка 2-ая; дѣло № 41-ый 81 листъ), данныхъ земской полиціи во время присоединенія Польши и Бѣлорусіи къ Россіи, оно предписало доставить ихъ, отыскавъ и отобравъ ихъ у войтовъ. Нижніе Земскіе Суды отвѣтили отказомъ.

— Велижскій Нижн. Земск. Судъ только отъ 9-го апрѣля 1815-го года рапортовалъ (за № 768-и)—(въ концѣ;—§ четвертый—(ое),—)—«ключевымъ войтамъ, сотскимъ и десятскимъ о обязанностяхъ ихъ въ «разное время даваны были инструкціи; изъ которыхъ позднѣйшее «наставленіе въ 1812-мъ году имъ данное по случаю утраты оными «прежнихъ во время непріятельскаго нашествія и грабежа—при семъ, «въ копіи, на разсмотрѣніе Губерскому Правленію представить честь „имѣемъ“.

Слѣдуетъ **копія**: „Наставленіе для ключевыхъ войтовъ, сотскихъ и десятскихъ данное въ 1812-мъ году послѣ изгнанія непріятеля.

Начало. «Здѣшній Судъ вслѣдствіе дошедшихъ свѣдѣній отъ «многихъ полицейскихъ служителей имѣлъ разсужденіе, что когда «велижскій повѣтъ нашествіемъ непріятельскихъ войскъ былъ занятъ' «а земская полиція въ дальнѣйшемъ ея дѣйствіи остановилась, и «весь порядокъ разстроенъ, въ то время оставшіеся полицейскіе «служители при общемъ по повѣту грабежѣ и безпорядкѣ липились „ихъ имѣнія и наставленій прежде имъ данныхъ съ объясненіемъ, „въ чемъ состоятъ ихъ обязанности и какимъ образомъ, по должно„стямъ своимъ исправляться имѣютъ, а потому, дабы ни одинъ изъ „нихъ и въ особенности вновь назначенные вслучаѣ какого либо упу„щенія не могли отговариваться невѣдѣніемъ, то, въ разсужденіи „сего и во избѣжаніе могущихъ послѣдовать непріятностей всѣмъ „ключевымъ войтамъ, сотскимъ и десятскимъ въ **поновленіе** прежнихъ

„предписаній къ точному и неупустительному коихъ части (?) пред-„писать *)

— Старыхъ инструкцій Велижскій Н. Судъ не доставилъ.

— Витебскій и Полоцкій Н. Суды не прислали ни старыхъ ни новой инструкціи подъ предлогомъ утраты бумагъ при провожденіи непріятеля.

— Невельскій Н. З. Судъ отказалъ прислать инструкціи пропавшія за давностью лѣтъ.

— Люцинскій Н. З. Судъ представилъ старую инструкцію отъ 1816 года, возобновленную исправникомъ Львомъ Семеновымъ.

— Отъ Себежскаго Н. З. Суда пришло оправданіе «въ утратѣ ин-„струкцій по причинѣ порчей: зданія, крыши, потолковъ архива, «пришедшихъ въ гнилость, и потому бумагъ прежней инструкціи «бывшаго фельдмаршала, государственнаго намѣстника, графа „Захара Григорьевича Чернышева «**невозмогло**» отыскать.

Эта ссылка на гнилость зданія архива является отголоскомъ на требованіе беречь архивы, (связка 2-ая; д. № 78 и связ. 3-ья д. № 138) по предписанію отъ мая и іюня 1812-го года. Тогда поступили рапорты отъ рѣжицкаго городского магистрата; и отъ Городецкаго повѣтоваго Суда о томъ, что комната архива занята церковью, а архивъ, перемѣщенный въ нижній сырой этажъ гніетъ. По предписанію ревизоровъ членовъ повѣтоваго городецкаго суда помѣщеніе надо было перемѣнить.

Только рапорты трехъ магистратовъ, отъ городничихъ Велижскаго, Лепельскаго и Люцинскаго дали знать, что архивы ихъ находятся въ порядкѣ и исправности. (Связ. 3-ья; д. № 138). Дѣло объ инструкціяхъ въ 81 листъ кончается новой инструкціей, учиненной Губернскимъ Правленіемъ ключъ-войтамъ, сотскимъ, десятскимъ и дозорцамъ**).

Упорядоченія дѣла въ губерніи ждать было нѣкогда: Наполеонъ подходилъ уже къ Витебску. Посылались приказы о

*) Инструкція изложена по пунктамъ. По содержанію она подробна, и длинна; и для военнаго времени 1812-го года спеціальнаго назначенія не имѣетъ. Поэтому ее можно не цитировать. М. М.

**) Инструкція отношенія къ военному времени не имѣетъ, и носитъ характеръ мѣстный, сообразно потребностямъ повѣтовъ. М. М.

рекрутскомъ наборѣ; (св. 8-ая д. № 155) былъ указъ о высылкѣ въ полки нижнихъ земскихъ чиновъ и служителей праздношатающихся, между тѣмъ въ губ. правленіе поступали дѣла о поимкѣ бѣглыхъ рекрутовъ и дезертировъ. Всѣхъ такихъ дѣлъ по Вит. губерніи за 1812-ый годъ по всѣмъ 16-ти связкахъ насчитывается „78—“. Всѣхъ ихъ, бѣглыхъ, ловили повидимому охотно; ихъ допрашивали въ Н. З. Судахъ и водворяли въ гарнизонные полу-батальоны разныхъ повѣтовъ за крѣпкимъ карауломъ. Поимщикъ вознаграждался 10-ью рублями.

Шли приказы (св. 8 №№ 119, 123, 124, 136 и 158), о встрѣчѣ и провожденіи отправленныхъ лошадей и выдачѣ на этотъ предметъ денегъ изъ Витебской городской Думы—2500 р. (Дѣло 123-ье за № 2225-мъ изъ Главнаго Управленія Рев. государств. Счет. или Государств. экспед. для Ревизіи счетовъ. Отдѣлен: 2-ое столъ 3-ій). Это было отъ 26 марта 1812-го года (№ 731).

Между тѣмъ Динабургскій Н. З. Судъ рапортовалъ отъ 4 апр. 1812 года, (св. 6-ая д. № 158). „Сей Н. Земскій Судъ честь имѣетъ „донести, что въ Динабургскомъ повѣтѣ по случаю **неимѣнія** для ло„шадей **фуража** и черезъ **проходъ лейбъ-гвардіи** полковъ и батальоновъ „и тѣмъ крайнее изнуреніе оныхъ въ имѣніи Шкельтофъ сдѣлалась „на лошадей несносная болѣзнь, называемая пятъ—и отъ оной па„ло около 25 штукъ**). Исправникъ (непонятно).

Въ Губ. Правл. Слуш. 10-го апр. Секретарь Матвѣевъ.

Отъ мая 1812-го года по рапорту того-же Динабургскаго Н. З. Суда отъ Воен. Вит. Губерн. имѣется такая бумага (связ. 8-ая „д. № 184); „отъ 22 мая ко мнѣ по рапорту динабургскаго Н. „З. Суда, просившаго объ отводѣ пастбищныхъ мѣстъ въ „ближайшемъ повѣтѣ къ Динабургскому для артилерей„скихъ 2763-хъ лошадей предлагаю немедленно,

**) Отвѣта на рапортъ Динабургскаго Н. З. Суда не имѣется.

разсмотрѣвъ оный, сдѣлать надлежащее положеніе и кому слѣдуетъ предписаніе". Подписалъ Герц. Ал. Виртемб. и Губернское Правленіе, приказали:Во уваженіе изъясненнаго въ рапортѣ Дин. Н. З. Суда обстоятельства въ угнетеніи обывателей черезъ отводъ пастбищныхъ мѣстъ для столь великаго количества лошадей, динабургскому повѣтовому маршалу, съ копіею сего, Его Кор. Высочества предложенія послать указы и велѣть, вникнувъ въ таковое обстоятельство и отягощеніе тамошнихъ обывателей, по сношенію и согласію со стороны Военно-начальника нимало немедля «распорядиться съ мар«шалами и нижними З. Судами сосѣдственныхъ ближайшихъ повѣ«товъ и перевесть на пастбища въ тѣ мѣста нужное количество ло«шадей; наблюдая, чтобы отъ излишка въ лошадяхъ и отъ того отягощенія—одинъ повѣтъ противъ другого не имѣлъ. О чемъ о содѣйствіи въ семъ—къ губернскому,—а равномѣрно и смежнымъ съ динабургскимъ повѣтомъ-Дризенскому, Рѣжицкому, и Люцинскому повѣтовымъ маршаламъ и въ Н. З. Суды—послать указы, давъ знать таковымъ же и динабургскому Н. З. Суду; а Е. Кор. Высочеству донести. Исполнено 24-го маія.

Какъ видно это все еще дѣла майскія, когда Герцогъ Ал. Виртембергскій пребывалъ еще въ Витебскѣ, и назначенія въ дѣйствующую армію еще не получалъ. Вит. Губ. Правленіе получало отъ Е. Кр. Всч. бумагу на другой день послѣ выхода указа, прослушивало ее и немедленно, не позднѣе слѣдующаго дня отправляло ее къ исполненію. Теперь вопросъ о дальнѣйшемъ ходѣ дѣлъ переходитъ на повѣты и изъ слѣдующихъ-же документовъ мы увидимъ, какъ реагировали на указы земскіе чины. Выше уже было указано, что прежнія инструкціи имъ были показаны утерянными, но онѣ изъяты были не только изъ шкаповъ, но одинаково изъ памяти служащихъ. Въ одной связкѣ съ дѣлами объ отводѣ пастбищъ есть инструкція (связ. 8-ая д. № 145) земскимъ чинамъ о томъ, чтобы они не сопротивлялись предписаніямъ маршаловъ. Такое распоряженіе встрѣчаѣтея не одинъ разъ. Объ этомъ уже и

раньше была бумага Витеб. Губ. Правленію, полученная имъ въ формѣ указа, въ основѣ котораго лежитъ жалоба на бездѣйствіе земской полиціи.

Вотъ ея копія. Указъ Бѣлорусскаго Военнаго Губернатора.

Б. В. Г.

13-го Мая, 1812-го г.

Витебскъ.

№ 1899.

О подтвержденіи полиціямъ, чтобы исполняли требованія маршаловъ.

Витеб. Губерн. Правленію.

„Исправл. должн. Губернскаго Маршала „Городецкій повѣтовый маршалъ Жаба пред„ставляетъ Мнѣ, что повѣтовые маршалы не „могутъ успѣвать въ точномъ и скоромъ испол„неніи имянныхъ Высочайшихъ повелѣній безъ „помощи и содѣйствія Городскихъ и Земскихъ „полицій, которымъ хотя послѣдовали отъ исправляющаго должность „Гражданскаго Губернатора и отъ Губернскаго Правленія предписанія; „но за всѣмъ тѣмъ повѣтовые маршалы жалуются, что терпятъ оста„новку за неисполненіемъ ихъ требованій полиціями, а паче въ сборѣ „складочныхъ денегъ.—Въ отвращеніе чего проситъ строжайшаго „черезъ Губернское Правленіе подтвержденія Городскимъ и Земскимъ „Полиціямъ о безотлагательномъ вспомоществованіи маршаламъ и „исполненіи ихъ требованій".

„Вслѣдствіе сего я предлагаю Вит. Губ. Правленію учинить по„лиціямъ надлежащія предписанія, чтобы законныя требованія Мар„шаловъ исполняемы были безостановочно и всякое имъ содѣйствіе „по дѣламъ службы было оказываемо безъ всякаго отлагательства".

Подлинное подписалъ: Бѣлор. Военн. Губернаторъ Герцогъ Александръ Виртембергскій.

Указъ Его Императорскаго Величества, Самодержца Всероссійскаго: Изъ Витебскаго Губерн. Правленія.

По предложенію Е. Кор. Вч-ства, генер.-отъ-кавалеріи, Бѣлорус. Воен. Губернатора, Герцога Александра Виртембергскаго отъ 23-го Мая, коимъ предписать изволитъ сему Правленію учинить Полиціямъ надлежащія предписанія,

чтобы законныя требованія маршаловъ исполняемы были безостановочно и всякое имъ содѣйствіе по дѣламъ службы было оказываемо безъ всякаго отлагательства... Въ семъ Правленіи **опредѣлено**: По сему Е. Крл. Вч-ства предложенію для непремѣннаго по оному исполненія предписать всѣмъ въ здѣшней губерніи Городскимъ и Земскимъ Полиціямъ **съ Копіями** онаго, о чемъ Е. Крл. Всч-ству донести. Которыя Копіи при семъ прилагается.

Іюня 3 го дня. 1812-го года.

III-ье Отдѣленіе.

2-го Стола.

При дѣлѣ слѣдуютъ: Рапорты о полученіи Указа.

По поводу неудобствъ съ поставкой лошадей есть нѣсколько указаній. Между ними заслуживаютъ вниманія (св. 8-ая д. № 185).

1) Жалоба Динабургскаго Н. З. Суда на то, что „по теперешнимъ (отъ 6-го Мая 1812-го года) обстоятельствамъ трудно было собрать ихъ", т. е. лошадей; между тѣмъ Гревсъ, штабротмистръ Кавалергардскаго полка, требовалъ подъ казенный фуражъ подводы до почты... ему дали 150 подводъ; а онъ прогналъ ихъ до самаго **Опса** Курляндской губерніи; перегонъ былъ черезъ Курл. и Виленскую губерніи,—шт.-ротм. Гревсъ далъ только 25-ть р. людей и лошадей продержалъ 5 дней; люди пришли въ изнуреніе; одна лошадь пала. Н. З. Судъ спрашиваетъ, нужно ли давать впредь подводы для другихъ губерній? . . . . . .

2) Изъ Люцинскаго Н. З. Суда (св. 8-ая, д. № 186-й) въ Вит. Губерн. Правленіе поступило отношеніе поручика 3-й запасной артиллерійской бригады фонъ-Протта.—Онъ жалуется на трудность поимки бѣжавшихъ лошадей; изъ 299-ти у него бѣжало 15-ть въ Рѣжицкій уѣздъ.—(Дѣло это отъ 18-го Мая 1812-го года). Немалое затрудненіе представляла для него „**недостаточность проводниковъ**".

Жалоба на „недачу" десятскихъ (св. 13-ая; дѣло № 122) встрѣчается еще въ двухъ трехъ дѣлахъ; причемъ въ одномъ

изъ нихъ идетъ слѣдствіе о томъ, какъ о нерадѣніи по должности.

О службѣ десятскихъ и именно объ обязанностяхъ ихъ въ качествѣ проводниковъ было въ то время въ силѣ распоряженіе бывшаго Витеб. гражд. губернатора Сумарокова отъ 13-го Декабря 1807-го года; по его инструкціи Н. З. Суды и полиція земская имѣли право располагать услугами городскихъ десятскихъ въ помощь своимъ сельскимъ.—Съ наступленіемъ тревожнаго времени и усиленія, по дѣламъ проходящихъ командъ, нарядовъ по полиціи, служба городскихъ десятскихъ настолько стала необходимой по городамъ, что помощь ихъ по селамъ стала затруднительной. На имя Бѣлорусскаго военнаго губернатора сохранилась жалоба Городецкаго городского старосты Простака, въ которой онъ объяснялъ неудобоисполнимость предписаній старой инструкціи.

На это послѣдовало „предложеніе“ герцога Виртембергскаго Витебскому Губерн. Правленію: „сдѣлать оповѣщеніе по губерніи для „немедленнаго по оному исполненію, чтобы сельскихъ десятскихъ „по четыре пѣшихъ и по два конныхъ употреблять на нужныя по „повѣту посылки; а вслучаѣ неимѣнія оныхъ къ провожденію аре„стантовъ, въ пособіе городскимъ проводникамъ давать ихъ **до пер„ваго** селенія.—Чтобы Н. З. Суды въ томъ числѣ и Городецкій съ „сего времени «**отъ города**» десятскихъ себѣ «**не**» требовали, и чтобы „Городничіе, городскія полиціи и Магистраты вообще съ Думами въ „**повѣты «ихъ»**, «городскихъ десятскихъ» «**не**» давали;—въ отмѣну „прежняго, отъ 13-го декабря 1807-го года, распоряженія“.

Бумага Бѣлор. воен. губернатора помѣчена 19-мъ іюня 1812-го года.

Витебское Губернское Правленіе получило ее 20-ое іюня, 1812-го года; на другой, слѣдовательно, день. Но..... «въ разсужденіи приближенія непріятеля, никакихъ указовъ по повѣ-

тамъ и городскимъ магистратамъ не посылало. Такимъ образомъ безпорядочность въ «дачѣ» проводниковъ-десятскихъ проходящимъ войскамъ или совсѣмъ „недача“ ихъ остались прежнія.

Указъ Нижн. З. Судамъ и Стрянчимъ отъ Витебскаго Губерн. Правленія по вышеупомянутой бумагѣ герцога Виртембергскаго написанъ не раньше 13-го года, онъ и помѣченъ 27-мъ январемъ 1813-года.

Указъ этотъ гласитъ такъ:

„Его Крл. Высочество, генер.-отъ-кавалеріи, Бѣлорусскій воен-„ный губернаторъ, управляющій и гражданскою частію, герцогъ „Александръ Виртембергскій, предложить изволилъ сему Правленію, „по изъясненнымъ въ томъ предложеніи обстоятельствамъ—„дачу отъ „Городца десятскихъ Н. З. Суду для посылокъ въ повѣтъ—унич-„тожить, а вмѣсто того... и т. д. (слѣдуетъ повтореніе бумаги отъ 19 іюня 1812-го года).

На указѣ помѣтка: „не исполненъ и найденъ въ бумагахъ, отоб-„ранныхъ у непріятеля“.

Судьба этого указа такова: заслушанъ онъ вторично въ губернскомъ правленіи 1814-го года, 24-го декабря;—исполненъ 1815-го года 27-го генваря.

Къ дѣлу принадлежатъ Рапорты: Городскихъ Полицій—3; Городничихъ—7; Н. З. Судовъ—7; Уѣздныхъ Стрянчихъ—4; Городскихъ Магистратовъ Обще съ Думами—11. — Отъ Витеб. Н. З. Суда за № 2184 въ Витеб. Губерн. Правл. полученъ 1-го Апрѣля 1815-го года.—Всѣ съ оговоркой—«послѣ изгнанія непріятеля». (Связка 2-ая; дѣло № 40).

Непріятель, не появившійся еще, но имѣвшій прибыть, служилъ отговоркой въ неисполненіи формальностей и частныхъ нѣкоторыхъ дѣлъ. Такъ напр. (связка 2-ая; д. № 47-ое) въ рѣкѣ Полотѣ близъ Полоцка найденъ былъ трупъ мѣща-

нина.—Въ убійствѣ обвинялись два еврея.—Въ Вит. Губерн. Правленіе отъ Вит. Главнаго Суда, 6-го мая 1812-го года, былъ возвращенъ отчетъ ревизіи при указѣ Правит. Сената „о нака-„заніи евреевъ 100-ней палочныхъ ударовъ". Объ исполненіи наказанія Полоцкая полиція не рапортовала.

На запросъ Главнаго Вит. Суда, Полоцкая полиція оправдывалась отношеніемъ, за № 1567-мъ отъ Февраля 1813-го года,—„что „рапортовать объ исполненіи наказанія отъ себя не могла, **въ разсуж-„деніе того, что при наступленіи непріятельскихъ войскъ, полицейскія „дѣла вывезены были въ Великія Луки"**.

Суражскій помѣщикъ, князь Огинскій, въ своемъ прошеніи на Высочайшее имя (связ. 5-ая; д. № 199) проситъ о предписаніи Суражскому Н. З. Суду дать «десятскихъ» въ пособіе къ ловленію рекрутовъ.—„По набору прошлаго 1811-го года по назначенію Суражск. „повѣтоваго маршала слѣдовало съ имѣнія моего", пишетъ Огинскій, „поставить 29 человѣкъ рекрутъ, въ томъ числѣ изъ выводящихся „за 250 душъ два человѣка. Но . . . . . не только не ставили, но и „не хотѣли дѣлать пособія въ ловлѣ отбывающихъ отъ рекрутства.— „23-го Марта (?) слѣдуетъ еще поставка рекрутъ; чтобы не могло „произойти отъ выводящихся буйствъ, ослушанія и непоставки рек-„рутъ въ срокъ, вееподданнѣйше прошу дать (мнѣ) въ томъ пособіе....

5 ое Апрѣля; 1812-ый годъ.

Изъ дѣлъ, свидѣтельствующихъ о близости непріятеля и о движеніи русскихъ войскъ есть одно частное. (Связка 3-ья; дѣло № 126-ое). Его привожу цѣликомъ.

Въ Витебское Губернское Правленіе.

Дриссенскаго Нижн. Земскаго Суда

Р а п о р т ъ.

(Копія).

Содержатель перевоза Минской губерніи Дисенскаго повѣта мѣстечка Друйца (Дризинскаго уѣзда мѣстечка Придруйска), еврей Мовша Стольперъ, поданнымъ рапортомъ между прочимъ прописы-

валъ, что содержитъ на р. Двинѣ перевозъ по контракту Дризенскаго повѣта съ Друйскимъ Замкомъ, коимъ обязался по контракту натянуть канатъ черезъ р. Двину, и построить примостки, т. е. припоромникъ съ обѣихъ сторонъ (во всякой добротѣ), каковой постройки съ поставкой каната неоднократно онъ домогался отъ управителя (Друйскаго Замка) Баневича, но оный не сдѣлалъ, „то онъ на свой „коштъ построилъ, но по случаю безпрерывныхъ переходовъ полковъ, Екипажовъ, обозовъ и протчаго равно въ проѣзды фельдегеровъ, Естафетъ и почты, пришло то къ порчѣ“ и *) тутъ Еврей паромщикъ проситъ помощи.

Судъ опредѣлилъ: „въ силу контракта, безъ потери времени, „такъ какъ во всякое время и во всякую минуту проѣзжаютъ и переправляются черезъ оный полки, команды, обозы, екипажи, и разные тягости, такожде курьеры, фельдегеря и естафеты, да и почта „безпрерывно слѣдуетъ, а оный перевозъ долженствуетъ быть всегда „въ исправности **) . . . . . и какъ не терпитъ сей интересъ остановки ***) . . . . . елико возможно поспѣшнѣе принудить управляющаго Друйскимъ Замкомъ Г. Баневича (либо, за отсутствіемъ его кого другого) къ самоскорѣйшей постройкѣ, съ обоихъ береговъ на перевозѣ, припаромниковъ, а такожде натянуть канатъ или лику черезъ Двину *). Въ случаѣ неисполненія поставить на его счетъ и взыскать.

Ш-е отд. 1-го стола. № 1929.

Іюня 10-го дня; 1812-го года.

Слушали 15-го Іюня.

По поводу злоупотребленій во взиманіи курьерскихъ лошадей (Связка 6-ая; д. № 142) есть отношеніе министра полиціи; съ приложеніемъ выписки прежнихъ инструкцій. Вызвано оно какъ и прежде донесеніемъ о дорожныхъ безпорядкахъ.

---

*), **) и ***) Еврей жалуется на недостатокъ средствъ.

*) Слѣдуютъ угрозы Баневичу. Мостъ исправили.

(Копія).

Министерство Полиціи.
Департаментъ исполнительный,
Отдѣленіе 3-ье, Столъ 1-й;
28-го Февраля 1812-го года.
№ 745.

О курьерскихъ подорожныхъ.

Вит. Гражд. Губернатору.

Дошло до свѣдѣнія Е. И. Величества, что слѣдовавшій изъ С.-Петербурга въ Молдавію Бѣлорус. Гусарскаго полка корнетъ Ольфтонъ, имѣя у себя подорожную на 41 курьерскихъ лошади съ двумя человѣками, бралъ по большому количеству бывшей у него поклажи, сверхъ того еще особую тройку, платя прогоны только за пять лошадей и, что съ подобными подорожными безпрерывно ѣздятъ отправляемые военными начальствами изъ Бобруйска и другихъ мѣстъ по разнымъ надобностямъ и для закупокъ чиновники, отъ чего весьма часто случается, что по числу таковыхъ проѣзжающихъ не только курьерскихъ, но и почтовыхъ лошадей бываетъ недостаточно. Притомъ имѣющіе подорожные на курьерскихъ лошадей требуютъ всего права, присвоеннаго курьерамъ, т. е. поспѣшнаго отправленія лучшихъ лошадей и скорой гоньбы, отъ коей лошади приходятъ въ крайнее изнуреніе, а станціи въ неисправность, настоящимъ курьерамъ дѣлаются черезъ то остановки.

Въ отвращеніе сего Его Величество высочайше повелѣть соизволилъ, подтвердить всѣмъ лицамъ, отъ коихъ выдаются подорожныя, чтобы на курьерскихъ лошадей, кромѣ посылаемыхъ по чрезвычайнымъ надобностямъ никому подорожень выдаваемо не было, да и тѣмъ, кои имѣютъ право на полученіе оныхъ, отправляясь по чрезвычайнымъ какимъ либо надобностямъ, давать оныя на основаніи узаконеній и подтверждать, чтобы въ большихъ экипажахъ они ѣздить отнюдь не отваживались.

Честь имѣю объявить сію Монаршую волю Вашему Превосходительству, для должнаго и непремѣннаго исполненія; выписка-жъ изъ

указовъ и постановленій о подорожныхъ курьерамъ у сего прилагается *).

Подлинное подписалъ министръ полиціи А. Балашовъ; съ подлиннымъ свѣрялъ Начальникъ Отдѣленія Геттунъ.

Не смотря однако на такое подтвержденіе прежнихъ узаконеній, при проѣздѣ Императора, на одной изъ станцій лошадей своевременно не оказалось (связка 3-ья; д. № 139).

---

*) Выписка изъ узаконеній и постановленій о дачѣ подорожныхъ и лошадей курьерамъ.

1) Высочайшимъ именнымъ указомъ 19-го генваря 1797-го года между прочимъ повелѣно: „Для курьеровъ ко Двору Нашему посылаемыхъ, или отъ Насъ отправляемыхъ отдѣлить на большихъ дорогахъ отъ шести до девяти лошадей, изъ коихъ отнюдь никому не давать кромѣ курьеровъ и то не болѣе трехъ лошадей.

2) Въ Высочайше конфирмованномъ 4-го генваря 1803-го года докладѣ г.г. министровъ военныхъ сухопутныхъ силъ и Юстиціи сказано: командируемымъ по повелѣніямъ отъ полковъ, должностей вмѣстѣ къ исправленію временныхъ какихъ-либо отъ главной команды порученій, комиссій, или судныхъ дѣлъ, выдавать казенные прогоны—штабъ-офицерамъ всякому на три, а оберъ-офицерамъ на двѣ лошади: посылающимся же за рекрутами—по рекрутскому учрежденію.

3) Въ Инструкціи военнаго министра изданной для военныхъ чиновъ проѣзжающихъ на почтовыхъ лошадяхъ 8-го августа 1809-го года сказано: въ въ § 19-мъ курьерами разумѣются по части военной: a) фельдъегеря, b) курьеры всего военнаго департамента; c)—штабъ и оберъ-офицеры изъ арміи экстренно посылаемые въ столицу, или изъ одной въ другую армію.

§ 20-ый.—Фельдъегери и курьеры, имѣя одно названіе прописываются точно такъ и въ подорожныхъ.

§ 21-ый.—Но что принадлежитъ до штабъ-и-оберъ офицеровъ изъ арміи посылаемыхъ, то изъ нихъ курьерами почитать тѣхъ только, о которыхъ сказано будетъ, что отправляемые съ донесеніемъ къ Его Величеству, либо къ военному министру, или что посылаются отъ главнокомандующаго одной арміей къ другому.

§ 22-ой.—Сообразно сему военные генералы даютъ имъ подорожныя заграницей, а внутри государства требуютъ, какъ они, такъ и лица, принадлежащія къ военному департаменту подорожныхъ, съ таковымъ означеніемъ отъ господъ губернаторовъ.

§ 23-ій.—Почитать также курьерами чиновниковъ, о которыхъ сказано будетъ, что отправляемые по Высочайшему повелѣнію или отъ министровъ, и чтобы давать имъ курьерскихъ лошадей.

И, Вит. Вице-Губернаторъ предписывалъ Вит. Губ. Правленію отъ 14-го іюня 1812-го года за № 3434.—„Г. Министръ Полиціи объ-„явилъ мнѣ Высочайшую Государя Императора волю объ освобожде-„ніи содержащагося въ Себежѣ **подъ арестомъ** экономa (имѣнія помѣ-„щика Лопатинскаго) Кореневскаго—**за не выставку лошадей во время „Высочайшаго проѣзда** на станціи Россицкой.

(Заслуш. въ г. пр. 17-го іюня).

Рядомъ съ дѣлами о движеніи войскъ слѣдуетъ отмѣтить приказы о расквартированіи войскъ; къ такимъ относятся одно; (связка 9-ая, д. 97).

„О квартирѣ войску въ Динабургъ прибывшему"; другое (связ. 2-ая д. 75) „Жалоба вице-губернатору Сушко мѣщанки Татьяны Бахаловичъ отъ 28-го іюня 1812-го года за № 3808". Изъ этого дѣла видно, что домъ ея былъ обремененъ постоемъ. Она проситъ объ уплатѣ слѣдуемыхъ ей денегъ.—На ея прошеніе послѣдовало предписаніе в.-губ. Сушко объ удовлетвореніи ея просьбы. Но какъ удовлетворенія не было, то дѣло затянулось до 1815-го года, вслѣдствіе ея новой жалобы на Высочайшее имя *).

Эти дѣла по неуплатѣ за постой военнаго времени заставляютъ вернуться къ Февралю и Марту 1812-го года, когда вслѣдствіе финансовыхъ затрудненій были на Витебскую губернію два указа спеціальные.

1)—Первый (св. 6-ая; д. № 126). Печатно.

Указъ Его Импер. Величества Самодержца Всероссійскаго.

Люцинскому Городничему.

Въ указѣ Правительствующаго Сената отъ 26-го Февраля 1812 г. предложеніе Министру Юстиціи г. Т. Сов. Дмитріеву — Министра

*) Изъ прошенія Т. Бухаловичъ на Высочайшее имя видно, что квартиры ея были заняты съ 14-го ноября 1807-го по 14 ноября 1808 и 1810-го годовъ.—Съ 21-го іюня 1810 по сентябрь 1811, у ней жили чиновники канцеляріи Его Высч. герцога Виртембергскаго, Синельниковъ, Гусевъ и Ждановскій.—П о с л ѣ и з г н а н і я н е п р і я т е л я, постой возобновился и продолжался до 15-го іюня 1813-го года.—Потомъ до 15-го іюня 1815-го года постоя не было, а былъ членъ временной ревизіонной квартирной комиссіи Надворн. Сов. Красовскій. — Деньги ей уплачены не были.

Финансовъ (Гурьева) о томъ . . . . , «что 9-мъ пунктомъ Высочайше «апробованнаго для заемнаго Банка устава возложена на всякое въ «Государствѣ Правительство обязанность помогать по отношеніямъ «Банковымъ; а губернскимъ прокурорамъ и стряпчимъ постановлено «сіе въ существенную ихъ должность; напротивъ того многія Губерн- «скія Правленія не токмо не производятъ по требованіямъ Банка «исполненія, но чрезъ долгое время оставляютъ и безъ увѣдомленія, «сдѣлано-ли по онымъ какое-либо распоряженіе. А какъ отъ сего «происходитъ медленность во взысканіи долговъ, дѣла Банка черезъ «долгое время остаются неоконченными и сумма, въ долгахъ почи- «таемая, недоимками увеличивается: то (министръ финансовъ) пре- «проводитъ къ нему (министру юстиціи) вѣдомость, о комъ именно «требованія Банка Губернскими Правленіями не выполнены, просилъ «ходатайства его, чтобы сдѣлано было повсемѣстное предписаніе, дабы «по дѣламъ Банковымъ оказываемо было со стороны губернскихъ «Правленій немедленное исполненіе, и т. д.

2)—Второй указъ (св. 6-ая; д. № 137). Копія.

Витебскому Губернскому Правленію.

Б. В. Г.

16-го Марта 1812-го года.

№ 1019.

О самовѣрнѣйшемъ свидѣтельствованіи въ уѣздныхъ казначействахъ денежной казны.

По случаю неявки Могилевской губерніи въ Быховскомъ уѣздномъ казначействѣ денежной казны послѣ учиненной нарочно наряженными членами повѣрки, оказалось всѣхъ похищенныхъ бывшимъ уѣзднымъ казначеемъ Немыскимъ денегъ 16 т. 233 р. съ копѣйками. При изслѣдованіи о семъ похищеніи свидѣтельствовавшіе за Декабрь мѣсяцъ истекшаго 1811-го года въ казначействѣ денежную казну чиновники въ объясненіяхъ написали: 1) подсудокъ Селява,—что онъ, усмотрѣвъ на предъявленной ему вѣдомости подпись уѣзднаго стряпчаго и изъ того заключая, что оный видѣлъ долженствовавшую быть на лицо сумму и, полагаясь на увѣренія казначея, подписалъ ту вѣдомость. 2) Правящій должность городничаго Земскій Исправникъ Якубовскій,—что онъ ту вѣдомость подписалъ, находившись въ присутствіи Городской Полиціи по усиленному настаиванію

казначея, видѣвши подпись подсудка и стряпчаго. 3) Уѣздный стряпчій Силиничъ,—что онъ по настольному регистру видѣлъ долженствовавшихъ быть на лицо денегъ болѣе девяти тысячъ рублей и казначей показалъ ему въ своемъ столикѣ деньги сказавъ, что приготовлены къ отправленію въ палату;—а 4) казначей напротивъ того показалъ, что во время того свидѣтельства и подписки вѣдомости денегъ въ наличности не было и онъ ихъ не показывалъ.

За таковое невѣрное свидѣтельствованіе денежной казны, подвергнувъ сихъ чиновниковъ сужденію и взысканію по законамъ, я нужнымъ признаю, предложить Вит. Губ. Правленію о строгомъ подтвержденіи всѣмъ тѣмъ, коимъ ввѣрено ежемѣсячное свидѣтельство казны въ уѣздныхъ казначействахъ, чтобы они таковыя свидѣтельства производили всѣ въ мѣстѣ *) (?) самовѣрнѣйшимъ образомъ по книгамъ и документамъ и наличную денежную казну считали, не полагаясь о цѣлости ея на увѣреніе уѣзднаго казначея, подъ опасеніемъ въ противномъ случаѣ строгаго по законамъ взысканія.

Подлинное подписалъ Бѣлорусскій военный губернаторъ
Герцогъ Александръ Виртембергскій.

Подобное непорядочное веденіе содержанія денежной казны и отчетовъ по ней повело къ массѣ исковъ долговыхъ. Въ 8-й связкѣ насчитывается 13-ть дѣлъ о взысканіи складочныхъ и одиночныхъ (?) взносовъ рекрутскихъ денегъ **). Такія же взы-

*) Вмѣстѣ? М. М.

**) Св. 8-ая д. № 89 отъ Бѣлор. Воен. Губернатора помѣчено 1-мъ мартомъ; дѣло № 120 отъ 3-го апрѣля—отъ Вит. уѣзднаго еврейскаго кагала къ ксендзамъ-іезуитамъ.—Д. 128-ое жалоба помѣщика, ротмистра бреславскаго Казиміра Юрьева, сына Старосельскаго на Высоч. имя на маршаловъ Гребницкаго за первый наборъ 1803-го, 1806-го, 1808-го, 1809 и 1810 годовъ и на Іосифа Рыминскаго 1811-го года, въ полученіи съ нихъ квитанцій за зданныхъ рекрутовъ, по неполученіи денегъ отъ 9 апр.—Д. 153. Прошеніе на Высоч. имя помѣщика Пышницкаго отъ апрѣля 30-го. Жалоба на Суражскій Н. З. Судъ.—Д. 161. На Высоч. имя отъ 8-го мая, жалоба ст. сов. Крузе на помѣщика Микошу по набору 1811-го года за поставленныхъ въ складку 4 рекрутъ и его 55-ти душъ.—Дѣло 162-ое. О 112-ти рубляхъ съ помѣщицы Лавровой за 28 душъ набора 1811-го года. Подана 6-го Мая.—Дѣло 163-ье. „Указъ Е. И. Велич. изъ губ. правленія, заслушавшаго предложеніе (Копія) Бѣлор. „Воен. Губернатора герц. Ал. Виртембергскаго отъ 8-го мая, въ коемъ, прописывая

сканія разбросаны и по другимъ связкамъ, одновременно съ взысканіями за продовольствіе и поставку дровъ (связ. 9-ая; д. 104); или (св. 9-ая; д. 103) поставку подводъ. Такъ напр.

Въ связкѣ 8-ой дѣла: № 195 „о взысканіи съ комиссіонера по поставкѣ казеннаго хлѣба 363-хъ рублей 34½ коп.“ № 117—„за не правильную поставку провіанта о взысканіи 286-ти р. 99½ коп.“.

№ 129—„объ освидѣтельствованіи денежной казны, провіанта и овса“.

№ 138—„объ учиненіи раскладки по повѣтамъ Витебской губерніи и о назначеніи по числу душъ по скольку которому повѣту слѣдуетъ на печеніе сухарей и поставку дровъ для войскъ, находящихся у крѣпостныхъ работъ въ Динабургѣ.

(Св. 6-ая; д. 113). О вызовѣ на торги поставщиковъ припасовъ въ Вит. военный госпиталь; и такое же дѣло—(№ 98 въ связкѣ 3-ей) въ Вит. Губ. Правленіе. Изъ комиссіи Псковскаго комиссаріатскаго

„рапортъ Лепельскаго Н. З. Суда о противозаконныхъ поступкахъ, содержащихъ по „закладному праву имѣніе помѣщика Яковицкаго „Кривино“ помѣщиковъ Сенковского и Піоро, что они посланныхъ отъ исправника въ то имѣніе для взысканія „рекрутскихъ складочныхъ денегъ—на экзекуцію—казенныхъ десятскихъ не только „согнали со двора, но ключъ-войта заперли въ свою комнату, били столько, что „оный отъ того находился больнымъ,—предлагать изволитъ, предписать кому слѣ„дуетъ съ помѣщиками Сенковскимъ и Піоро за изъясненный дерзостный посту„покъ ихъ поступить въ примѣръ прочимъ по всей строгости законовъ безъ малѣй„шаго послабленія и отлагательства и наблюсти, чтобы сіе исполнено было въ „точности и по учиненной справкѣ; что по предмету сему рапорта Н. З. Суда въ „губернскомъ правленіи не оказалось.—О п р е д ѣ л и л о: за прописанный про„ступокъ помѣщиковъ Сенковскаго и Піоро и явное неповиновеніе земской полиціи „въ примѣръ другимъ—предать оныхъ сужденію по законамъ Лепельскаго повѣто„ваго суда, въ который изъ Правленія съ копіею предложенія Е. Крл. Высч. послать „указъ и о томъ дворянское депутатское собраніе увѣдомить и, дабы подобныхъ „поступковъ и ослушанія не могло произойти и по другимъ повѣтамъ о томъ рас„публикованія по губерніи всѣмъ городскимъ и земскимъ полиціямъ предписать и „и Его Королевскому Высочеству донести“. Мая 31-го дня, 1812 г.

Слѣдуютъ Рапорты Н. З. Судовъ о полученіи Указа.—Приложенъ рапортъ Невельскаго Н. З. Суда на имя виц.-губ. Сушко о командировкѣ къ помѣщикамъ Маршалковой-Корсаковой и Роху, ключъ-войта Бѣшенковскаго и пана Бодзяпу съ прочими отъ того ключа десятскими въ имѣніе „Кривино“, „то находящіеся въ ономъ

депо: „О предписаніи поставщикамъ продовольствія для больныхъ воинскаго чина дерптскаго военнаго госпиталя отъ Мая (?) 1812-го года, за № 8694-мъ, явиться на торги въ сроки 1) 15-го, 2) 30-го мая и 3) 15-го іюня и о публикаціи о торгахъ.

Заслушано 27-го Мая и „въ семъ Правленіи опредѣлено: какъ „изъ означенныхъ сроковъ первый до полученія сего сообщенія „истекъ; второй уже близокъ, то о вызовѣ желающихъ.... на послѣд„ній срокъ послать указы и о томъ оную комиссію увѣдомить".

Мая 31-го дня.

III отд. 2-ой столъ.

Здѣсь опять чувствуется медлительность въ дѣлѣ и обычная апатія.

По вопросу о продовольствіи войскамъ есть (Св. 3-ья; д. № 89-ое) общій Высочайшій указъ „о пропускѣ черезъ границу продовольствія безпошлинно". Онъ полученъ въ Вит. Губерн. Правленіи 20-го Іюля 1812-го года и по нему опредѣлено: „дать знать всѣмъ здѣшней гу-

---

заставные владѣльцы и помѣщики С. и П. собравъ до 30-ти человѣкъ своихъ крестьянъ, изгнали изъ двора и заперли и т. д.". Указъ печатный; приложено прошеніе Піоро.

Дѣло 166-ое.—Отъ регента Антона Круковскаго на Высоч. имя прошеніе по довѣренности помѣщицы Кривицкой искъ на 212 р. за 53 души,—Люцинскаго повѣта. Довѣренность на польскомъ языкѣ отъ 11-го апр. 1812 г.

Дѣло 172-е.—По рекрутскому набору 1811-го года; Прошеніе вице-губернатору полоцкаго помѣщика надв. сов. Верещинскаго; искъ за 78 душъ 312 рублей, полагая по 4 р. съ души.—Получено вице-губернаторомъ 16-го Мая, 1812 года.

Дѣло 176-ое.—Отъ 17-го Мая, 1812-го года.—Прошеніе Губернскаго Францискапскаго монастыря, ксендза Пардіана Петра Рыбалтовскаго о 154 р. 80 коп. за 44 души по набору 1808-го г. съ монастырскихъ земель.—Прошеніе на Высоч. имя черезъ вице-губернатора Сушко Лепельскому Н. З. Суду.

Дѣло 177-ое.—Отъ лепельскаго повѣта помѣщика и витебскаго Главнаго Суда (2-го департамента) предсѣдателя Николая Пржисецкаго получено (виц.-губерн.) 20-го мая 1812-го года по набору 1811-го и сего 1812-го годовъ съ лепельскаго повѣта помѣщ. и разныхъ за 1811 г.—47 душъ по 4 р., (за 1812 г.)—50 по 2 рубля=всего 288 р.—прошеніе отъ 18-го мая 1812-го года.

Связка 8—дѣло 178.—На Высоч. имя—прошеніе поручика Піоро о помѣщикахъ: 1) Обронпальскомъ и 2) Сущинскомъ за 1) 31 душу и 2) за 44 души; и Пылинскаго за 36 душъ.—Жалоба Лепельскому псвѣтовому маршалу. Получена 17-го мая, 1812 года.

берніи городовымъ полиціямъ, городничимъ и Н. З. Судамъ съ приложеніемъ копіи съ отношенія Министра Финансовъ Министру Полиціи, еще отъ 8-го апрѣля 1812-го г. за № 3080.

Копія.

Списокъ съ отношенія Мин. Фин. къ Министру полиціи.—(Отъ 8-го апр. 1812 года, за № 3080).

„Вслѣдствіе Высоч. Его Имп. Величества утвержденія на пред„ставленіе мое послѣдовавшаго и по словесному моему о томъ сно„шенію съ г. военнымъ министромъ, предписано таможнямъ заста„вамъ по сухопутной границѣ расположеннымъ пропускъ припасовъ „и прочихъ потребностей для войскъ нашихъ, когда оныя будутъ за „границей находиться производить на нижеслѣдующемъ основаніи.

1) Вино простое для войскъ въ армію за границу пропускать безпошлинно.

Дѣло 183 ье. Отъ мая 8-го.—Вит. Губерн. Правленію предложеніе Бѣлор. Воен. Губернатора за № 1656-мъ.

„Полоцкаго повѣта помѣщикъ Ѳедоръ Сосновскій принесъ мнѣ жалобу на „Полоцкій Н. З. Судъ въ томъ, что оный по неоднократнымъ ему предписаніямъ „отъ начальства не взыскиваетъ съ разныхъ помѣщиковъ слѣдуемыхъ ему, Сосновскому, за причисленныя въ складку души къ поставленнымъ отъ него рекрутамъ „по наборамъ съ 1803-го по нынѣшній годъ рекрутскихъ складочныхъ денегъ, чрезъ „какое послабленіе суда тѣмъ помѣщикамъ—онъ претерпѣваетъ напрасный убытокъ.

„Препровождая при семъ прошеніе помѣщика Сосновскаго, Я предлагаю Вит. „Губ. Правленію о немедленномъ удовлетвореніи просителя слѣдуемыми ему день„гами, строжайше кого слѣдуетъ понудить, не оставивъ безъ должнаго взысканія „Полоцкій Н. З. Судъ за невыполненіе предписанія начальства по сему предмету „послѣдовавшихъ.

„А какъ изъ донесенія ко мнѣ Вит. Губ. Правленія отъ 12-го минувшаго „апрѣля видѣлъ Я, что оное по подобной жалобѣ помѣщицы Поплавской, предло„женной отъ меня требуетъ отъ Полоцкаго повѣтоваго маршала объясненія, кончи„лись ли составленіемъ въ Полоцкѣ для точнаго изысканія всѣхъ неплательщиковъ „рекрутскихъ складочныхъ денегъ, комиссія и какое ею сдѣлано о тѣхъ деньгахъ „постановленіе, то я и при семъ случаѣ нужнымъ признаю напомнить губернскому „Правленію, чтобы оно о дѣйствіяхъ той комиссіи домогалось скорѣйшаго свѣдѣнія „и (—) виновныхъ въ долго-временномъ неплатежѣ означенныхъ денегъ, испол„нило первое мое предложеніе въ точности донеся мнѣ, что учинено будетъ.

Бѣлор. Воен. Губерн. подлинное подписалъ:

Герцогъ Александръ Виртембергскій.

2) Съѣстные припасы, равно какъ и прочія потребности для войскъ пропускать со ? взиманіемъ узаконенныхъ пошлинъ.

3) Пропускъ онаго вина припасовъ и потребностей чинимъ быть долженъ чрезъ таможни и заставы; во всѣхъ прочихъ мѣстахъ оный возбраняется.

4) Маркитантеры, Ливеранты и другого званія промышленники, подданные россійскіе, везущіе въ армію вышеозначенное вино, припасы и потребности, должны имѣть отъ гражданскихъ мѣстныхъ начальствъ свидѣтельства, означающія качество везомыхъ ими потребностей и удостовѣряющія, что везутся они точно для продовольствія войскъ заграницу. Безъ таковыхъ же свидѣтельствъ пропускаемы быть не должны. Свидѣтельства сіи каждая таможня и застава должны вписывать отъ слова до слова въ особыя книги.

5) Маркитантеры, Ливеранты и другого званія, промышленники, подданные россійскіе изъ арміи, ѣдущіе въ Россію для закупки потребностей для арміи, должны имѣть въ томъ свидѣтельства, отъ главныхъ при корпусѣ дежурныхъ, по коимъ таможни и заставы должны ихъ впускать въ предѣлы Россіи и свидѣтельства записывать въ книги. А въ прочихъ мѣстахъ въѣздъ въ предѣлы воспрещается. При обратномъ же ихъ возвращеніи въ армію поступать какъ выше въ 4-мъ пунктѣ сказано.

Я считаю нужнымъ обо всемъ ономъ Вашему Превосходительству сообщить съ тѣмъ, не разсудите ли Вы сдѣлать зависящее отъ Васъ распоряженіе, дабы въ свое время о сихъ правилахъ извѣстно было всѣмъ тѣмъ лицамъ и того состоянія людямъ, до коихъ они относиться могутъ.

Свѣрялъ начальникъ стола
Николай Масленниковъ.

Послѣ нашествія непріятеля и сраженій подъ Витебскомъ въ связкахъ — идутъ указы общіе: 1) объ ополченіи, 2) о военномъ положеніи губерній, 3) дѣла о Витебскихъ военно-плѣнныхъ и 4) маршруты войскъ въ Витебской губерніи.

Витебскій Губернскій Архивъ.

1812-ый годъ.

Докладъ Витебской Ученой Архивной Комиссіи.

ЧАСТЬ II-ая.

Прежде чѣмъ начать изложеніе содержанія Указовъ, полученныхъ въ Витебскомъ Губернскомъ Правленіи 1812-го года, я должна еще разъ пояснить, что въ первой части своего труда я помѣстила выборки изъ первыхъ 8-ми связокъ Архива, о которыхъ я даю отзывъ, какъ о дѣлахъ отрицательнаго характера. — Это я дѣлаю не для того, чтобы критиковать дѣятельность Губернскаго Правленія той эпохи, а для того, чтобы показать, какъ отразилось народное несчастіе на механизмѣ тогдашней витебской администраціи. Выписывая дѣла, помѣщенныя мной въ I-ой части, я руководствовалась единственно соображеніемъ,—видно-ли въ нихъ присутствіе или приближеніе непріятеля и, по указаннымъ въ въ нихъ датамъ, въ какой степени соотвѣтствуютъ они датамъ сраженій или стоянки иностранныхъ войскъ въ Витебской губерніи. Въ томъ же направленіи я берусь и за вторую часть разборки дѣлъ Архива.

Всѣ нижепомѣщенныя дѣла я отдѣляю отъ прежнихъ потому, что Указы ихъ охватываютъ районъ не одной Витебской губерніи.

Дѣла Вит. Губ. Архива.

а) по ополченію 1812-го года.

Первое мѣсто между ними занимаетъ Высочайшій Манифестъ. Онъ цѣликомъ, (списанъ съ печатнаго экземпляра) помѣщенъ мной уже въ I-ой части, такъ какъ и датой своего, 6-го іюля, и мѣстомъ своего отправленія, Полоцкій лагерь, подходитъ къ дѣламъ первой рубрики. Здѣсь-же я должна прибавить, что Манифестъ этотъ не слѣдуетъ смѣшивать съ тѣмъ, который былъ данъ въ Петербургѣ 23-го марта и имѣлъ своимъ назначеніемъ поднять русское войско на непріятеля, орудовавшаго тогда въ Европѣ. Тотъ, первый Манифестъ такъ и начинается словами слѣдующими:

„Настоящее состояніе дѣлъ въ Европѣ требуетъ рѣ-
„шительныхъ и твердыхъ мѣръ“. . . — (Смотри ниже часть III-ья).

1) По 1-му комитету внутренняго ополченія (Псковскому).

Отъ 1-го февраля 1812-го года (св. 4; д. № 180). Правительствующій Сенатъ слушали: Рапортъ **Комитета внутренняго ополченія.**

(Копія съ высочайшаго доклада).

. . . . . „по настоятельной надобности въ чиновникахъ для **„внутренняго временнаго ополченія**..... Не благоугодно-ли будетъ Ваше-
„му Императорскому Величеству повелѣть, чтобы всѣхъ тѣхъ чиновниковъ, кои обвинены за маловажные проступки... и не должны „быть приговорены къ лишенію чести или чиновъ; допускать ко „вступленію во-временную военную силу“. . . . .

Въ Витебскъ этотъ докладъ попалъ на разсмотрѣніе 27-го декабря 1812 г. какъ полученный (или найденный) послѣ нашествія непріятеля. Въ Сенатѣ полученъ 3-го сентября. Слушали и приказали 23-го сентября.

2) Высочайшій Указъ (на имя министра юстиціи). (св. 2-ая д. 57).

5-го департ. 1-го отд. сената—слушали, **15-го сентября 1812 го года**, ... »объ остановкѣ Указа отъ 28 января 1811 года (военно-«му министру) о томъ, чтобы преступниковъ по приговорамъ о сдачѣ «въ рекруты, на фабрики, горные заводы и т. д. — ввиду надобно-«сти усилить **войска** въ составѣ ихъ противъ непріятеля—сдавать не-«медленно въ дѣйствующую Армію.— (Къ I-ой части).

Полученъ 21-го сентября, въ Витебскѣ.

3) Московское, новое ополченіе было установлено.

14-го іюля 1812-го года изъ „**Правит. Сената** по Указу Е. И. Влч. „(въ 18-ый день 1812-го года)—въ Комитетахъ, установленныхъ 14-го числа сего мѣсяца по докладу **Собраній и вооруженій Московской воен-„ной силы** — быть г. ген.-отъ-инф. Архарову и Обольянинову и ген.-„отъ-кавлр. Апраксину въ первомъ, а во второмъ д. тайн. совѣтн. Князю Юсупову; приказали: 25-го іюля 1812 года. (связ. 4; д. 168).

4) (связ. 4; д. 174) По указу Е. И. Влч. отъ 31-го іюля «для со-«средоточенія и совокупнаго соображенія всѣхъ дѣлъ, до **вновь обра-«зуемаго внутренняго ополченія** относящихся признавъ нужнымъ учре-«дить при **лицѣ** Нашемъ Особый комитетъ повелѣваемъ, присутство-«вать въ Комитетѣ семъ: ген. отъ арт. Аракчееву, министру полиціи «Балашову и Государственному секретарю вице-адмиралу Шишкову; «доклады отъ комиссіи вносить къ намъ министру полиціи, а прави-«телемъ дѣлъ онаго быть состоящему при министрѣ семъ, помощни-«ку статсъ-секретаря ст. сов. Бекаревичу».

Прав. Сен. приказали, августа 7; 1812 г. по 1-му департаменту.

Эти два въ Вит. Г. Прав: отъ 27—XII,—1812 г.

5) Въ подтвержденіе указу предыдущему, Августа 17-го 1812 года послѣдовалъ новый (св. 4; д. 149).

Указъ Е. И. Влч. Самодерж. Всерос. изъ Правительст. Сен. Вит—му Г. Правленію. (№ 21402).

По Ук. Е. И. В. Прав. Сен. слушали: „Рапортъ **комитета внутрен-„няго ополченія**,—что комитетъ сей дѣйствіе свое открылъ въ **1-ый „день** текущаго Августа на основаніи Высочайшаго Указа въ 31-ый „день минувшаго Іюля послѣдовавшаго, почему и проситъ дать кому

„слѣдуетъ надлежащія предписанія; дабы впредь всѣ представленія „и донесенія вообще по дѣламъ внутренняго ополченія присылаемы „были на имя министра полиціи, съ надписью: «По Комитету Внутрен„няго ополченія», каковую надпись полагать и на тѣхъ донесеніяхъ, „кои будутъ присылаемы на Высочайшее имя Государя Императора.

6) По указу Е. И. Влч. Правит. Сенатъ слушали: „предложеніе „Министра Юстиціи (Ив. Ив. Дмитріева) и кавалера, что г. Главно„командующій въ С. Петербургѣ ген.-отъ-инф. Вязмитиновъ сообщилъ „ему, Г. министру Юстиціи копію съ отношенія, послѣдовавшаго къ „нему отъ г. генер.-отъ-инф. Князя Голенищева—Кутузова, что Госу„дарь Императоръ по всеподдан. докладу его, князя Голенищева-Ку„тузова, дабы дать болѣе свободы и скорости **дѣйствіямъ устроительна„го и экономическаго комитета ополченія** предоставилъ онымъ право „сноситься съ мѣстами и лицами и требовать отъ кого нужно содѣй„ствія и помощи". и. т. д.

Августа 19 дня, 1812-го года. (Св. 4; д. 161).

7) Указъ Е. И. Влч. Самдрж. Всерос. изъ Прав. Сен. Бѣлорус. Вит. Губ. Правленію. По указу Е. И. В. Правит. Сенатъ слушали: «Рапортъ министра внутреннихъ дѣлъ объ указѣ отъ 18-го сентября «1812-го года на имя министра данномъ—»... По нынѣшнимъ обсто«ятельствамъ, находя за нужное имѣть вѣрное и скорое сообщеніе «между здѣшнею столицею и нѣкоторыми губернскими городами, для «возки почтъ, эстафетъ, курьеровъ, и посылаемыхъ по воинскимъ «надобностямъ чиновниковъ, повелѣваю Вамъ учредить и усилить «новыя сношенія по слѣдующимъ трактамъ:... (Всѣхъ трактовъ 10-ть) «**Примѣчаніе:** По С. Петербурско - Новгородскому тракту прибавле«ны обывательскія лошади съ оговоркой—„для чиновниковъ, по служ«бѣ ѣдущихъ».—(Связ. 4-ая; д. 169).

Тракты были слѣдующіе:

1) Отъ С. Петербурга черезъ Тихвинъ, Устюжну и Мологу до Ярославля.

2) Отъ С. Петербурга черезъ Новгородъ, Вышній—Волочекъ, Бѣжецкъ и Угличъ до Ярославля.

3) Изъ Устюжны до Вологды.

4) Отъ Ярославля черезъ Ростовъ и Владиміръ до Рязани.

5) Изъ Ярославля черезъ Нерехту, Шую и Суздаль во Владиміръ.

6) Изъ Ярославля черезъ Владиміръ и Шацкъ до Тамбова.

7) Отъ Вологды въ Нижній Новгородъ, черезъ Буй, Галичъ, Кадый и Балахну.

8) Отъ Вологды черезъ Галичъ, Макарьевъ, Варнавинъ и Семеновъ въ Нижній Новгородъ.

9) Отъ Вологды въ Казань, черезъ Кадый и Макарьевъ на Унжу.

10) Отъ Вологды до Владиміра.

Наименованіе этихъ трактовъ:

1—С. Петербургскій; 2—Новгородскій; 3—Ярославскій; 4—Вологодскій; 5—Владимірскій; 6—Рязянскій; 7—Тамбовскій; 8—Тверской; 9—Нижегородскій и 10—Казанскій.

Постановлено: „Гражданскимъ Губернаторамъ, Начальникамъ Губерній, Присутственнымъ мѣстамъ, Государственному Казначейству послать указы; а въ Святѣйшій Правительствующій Сунодъ, здѣшніе и Московскаго Правительствующаго Сената департаменты сообщить вѣдѣнія.

Сентября 23-го дня 1812-го года.

8) (Связка 4-ая; д. № 155). Указъ Е. И. Влч. Смдр. Вср. Изъ Правит. Сената Вит. Губ. Правленію.

По Указу Его Императорскаго Величества Правительствующій Сенатъ **слушали**: предложеніе министра Юстиціи Г. т. сов. и кавалера Ив. Ив. Дмитріева, при которомъ препроводилъ къ надлежащему исполненію выписки изъ Высочайше утвержденнаго журнала соединенныхъ департаментовъ Государственнаго Совѣта «О мѣрахъ къ подкрѣпленію Государственнаго Казначейства предполагаемыхъ и по выслушаніи той выписки **приказали**: означенной выписки изъ Высочайше утвержденнаго журнала соединенныхъ департаментовъ Государств. Совѣта, напечатавъ въ Сенатской Типографіи потребное количество экземпляровъ, разослать для должнаго, до кого касается, исполненія и свѣдѣнія при указахъ въ всѣ губерскнія Правленія и правительства,

казенныя палаты и присутственныя мѣста, къ Г. Г. министрамъ и. т. д.

Приложенъ при семъ экземпляръ выписки.

Іюля 31-го дня 1812-го года.

Слѣдуетъ Копія.

Копія.

На подлинной выпискѣ написано: Предсѣдатель соединенныхъ департаментовъ Государств. Совѣта Князь Петръ Лопухинъ.

Выписка изъ журнала соединенныхъ департаментовъ Законовъ Государственной экономіи. 15-го іюля 1812 г. О сокращеніи государственныхъ расходовъ.

Слушано Высочайшее Его Императорскаго Величества повелѣніе, объявленное генералъ-фельдмаршаломъ, графомъ Салтыковымъ, съ изъясненіемъ въ томъ между прочимъ Высочайшаго соизволенія на предлагаемыя въ журналѣ Государственнаго Совѣта соединеннаго засѣданія департаментовъ: Законовъ и Государственной Экономіи—мѣры, къ подкрѣпленію Государственнаго Казначейства. Соединенные департаменты, по выслушаніи сего, Е. И. Величества повелѣнія полагаютъ немедленно привести въ дѣйствіе посредствомъ выписки изъ журнала,-на основаніи 7-ой статьи Высочайшаго повелѣнія, даннаго Государственному Совѣту въ 3-ій день Апрѣля сего года; всѣ тѣ статьи сокращенія расходовъ и мѣръ, принятыхъ къ усиленію Государственнаго Казначейства, которыя Государь Императоръ соизволилъ утвердить въ объясненномъ выше сего повелѣніи, воспослѣдовавшемъ на поднесенный Е. И. Величеству журналъ засѣданія соединенныхъ Департаментовъ, бывшаго въ 19-ый день прошедшаго іюня мѣсяца.

Изъ числа предположеній въ журналѣ семъ заключающихся, Е. И. Величеству благоугодно было утвердить слѣдующія статьи.

1, остановить всѣ по Имперіи гражданскія строенія, какого бы они Вѣдомства ни были, не исключая цивильныхъ строеній по департаментамъ военнымъ, ниже работъ, предположенныхъ по Вѣдомству путей сообщенія.

2, Остановить всѣ выдачи Ссудъ частнымъ людямъ изъ мѣстъ казенныхъ, обращая въ государственное Казначейство всѣ тѣ суммы, кои отъ должниковъ по ихъ займамъ въ уплаты капиталовъ поступать будутъ. . . . .

3, Всѣ капиталы и суммы Городамъ принадлежащія, кои за удовлетвореніемъ однихъ токмо необходимыхъ расходовъ оставаться будутъ (могутъ) обратить на таковомъ-же основаніи въ Государственное Казначейство, вслѣдствіе чего и по городамъ остановить (время терпящіе) расходы, какъ то строеніе и другія разныя Заведенія."

Подлинный журналъ за подписаніемъ предсѣдателя и членовъ.

Всѣ воспроизведенные здѣсь Указы были пріостановлены во время стоянки непріятельскихъ-войскъ въ Витебскѣ и возвращены для дальнѣйшаго разсмотрѣнія и исполненія съ помѣткой на дѣлахъ (всей 4-ой связки) 27-мъ декабремъ 1812-го года. Сенатскіе указы отъ Августа и Сентября 1812-го года заслушаны въ Январѣ 13-го и даже въ Мартѣ 1815-го года.

Какъ на одинъ изъ выдающихся Указовъ, касающихся военнаго времени, слѣдуетъ обратить вниманіе на Высочайшій Указъ „о военномъ положеніи губерній", въ томъ числѣ и Витебской. Въ основѣ его лежитъ Рапортъ Главнокомандующаго, Голенищева-Кутузова Смоленскаго.

(Связка 4-ая; д. № 165, 3571; 27-го дек. 1812-го года).

Копія (Въ Вит. Губ. Правл.).

Указъ Его Императорскаго Величества, Самодержца Всероссійскаго, Изъ Бѣлорусскаго Витебскаго Губернскаго Правленія Полоцкому Нижнему Земскому Суду.

По Указу Правительствующаго Сената отъ **19-го** прошедшаго **декабря** подъ № 28757 съ изъясненіемъ Рапорта Г. генерала Фельдмаршала, Князя Михаила Иларіоновича Голенищева-Кутузова Смоленскаго, что высочайшимъ Его Императорскаго Величества рескриптомъ отъ **25 Ноября** къ нему послѣдовавшимъ повелѣно: по мѣрѣ удаленія ввѣренныхъ ему Армій для преслѣдованія непріятеля, минуется тѣмъ надобность содержать оставленныя войсками съ зади губерніи на военномъ положеніи; почему онъ, Г. фельдмаршалъ, взнося въ копіи сей высочайшій рескриптъ во исполненіе онаго Правительствующему Сенату представленное (?), что по его соображеніямъ съ обстоятельствами настоящаго времени оставаться должны на военномъ положе-

ніи нижеслѣдующія Губерніи: Лифляндская, Курляндская, Псковская, Витебская, Могилевская, Курская, Орловская, обѣ Малороссійскія, Виленская, Гродненская, и области Тарнопольская и Бѣлостокская. Нѣкоторыя изъ сихъ губерній именно Псковская, Курляндская, Орловская, обѣ Бѣлорусскія и обѣ Малоросскія, яко довольно отдаленныя отъ границы и, слѣдовательно, отъ театра военныхъ дѣйствій, могутъ казаться подлежащими уже изъятію изъ военнаго положенія; но, принимая во уваженіе, что пограничныя губерніи ограбленныя и раззоренныя отъ непріятеля дотого истощены въ способахъ доставлять для Армій продовольствіе и прочіе, необходимые при военныхъ операціяхъ потребности, что безъ пособія въ томъ изъ внутреннихъ губерній, надлежало-бы подвергнуть войска крайнѣйшимъ нуждамъ, паче-же, что къ обезпеченію пропитанія Арміи главнѣйшею надеждою служитъ назначенный по предварительнымъ распоряженіямъ Зборъ и подвозъ со всѣхъ сихъ Губерній жизненныхъ продуктовъ на разные по направленію Арміи Пункты, **Онъ, Генералъ Фельдмаршалъ полагаетъ неминуемо надобнымъ оставить оныя до времени на военномъ положеніи**, о чемъ проситъ Правительствующій Сенатъ учинить начальствамъ Губернскимъ свои предписанія; а потому предписывается всѣмъ означеннымъ выше Губерніямъ (перечислены вторично), долженствующимъ согласно опредѣленію Г. генералъ-фельдмаршала и кавалера князя Мих. Йл. Гол. Кутузова Смоленскаго **оставаться на военномъ положеніи такъ и прочимъ, внутри и около которыхъ гнѣздился непріятель;** а кои освобождаются изъ военнаго положенія **съ обязанностію** тѣхъ изъ нихъ, кои **не успѣли выполнить военныхъ требованій прежняго времени, докончить оныя непремѣнно**. Въ Губернскомъ Правленіи **опредѣлено**: объ ономъ дать знать всѣмъ здѣшней Губерніи присутственнымъ мѣстамъ сообщеніями и указами. **Марта 22-го дня, 1813-го года.**

Нижніе Земскіе Суды отвѣтили Рапортами о полученіи Указовъ 13 Апрѣля 1813-го года.

Дѣла Витебскаго Губернскаго Архива.

b) *О военноплѣнныхъ.*

Перебравъ документы, которые служатъ наиболѣе яркими доказательствами подъема духа Витебской губерніи ввиду надвигавшихся иноплеменныхъ непріятельскихъ войскъ, документы, изъ которыхъ видно, какъ приготовлялись витебляне къ встрѣчѣ врага; перейду теперь къ документамъ, объясняющимъ намъ, что намъ осталось послѣ непріятеля.

По уходѣ изъ Витебска, Наполеонъ оставилъ въ немъ плѣнныхъ всѣхъ націй. На основаніи бумагъ, мнѣ представляется возможность засвидѣтельствовать о гуманномъ отношеніи русскихъ къ военноплѣннымъ и о заботахъ о нихъ.

Дѣлъ о военноплѣнныхъ въ связкахъ Губерн. Архива имѣется 10-ть. Изъ нихъ одно объ отправленіи военноплѣнныхъ въ С.-Петербургъ; одно просьба о паспортѣ; одно о розыскѣ пропавшихъ денегъ; три о вознагражденіи и внесеніи по чинамъ на списки; о раздачѣ пожертвованныхъ денегъ; одно о продовольствіи; одно—розыскъ объ убійствѣ.

1) Связка 5-ая; дѣло № 48. Предписаніе Губернатора отъ 16-го Апрѣля, 1813-го года.

1. Копія.

Г. Надворному Совѣтнику Коссову*).

По Высочайшему повелѣнію отправляются въ С.-Петербургъ военноплѣнные капитанъ и два порутчика Фицтумъ-фонъ-Экштедтъ, которымъ прошу выдать Аттестаты, по которое число удовольствованы Вами порціонными по чинамъ ихъ деньгами и меня о томъ увѣдомить.

№ 2368. 16-го апр. 1813-го года.

Губернаторъ Лешернъ.

Получено Апр. 17-го дня.—1813-го года.

*) Коссовъ былъ инспекторомъ Коммиссіи о военно-плѣнныхъ въ г. Витебскѣ.

2. Копія.

Свидѣтельство.

Дано сіе изъ Коммиссіи о военноплѣнныхъ въ Витебскѣ состоящей, плѣннымъ Ротмистру Легкой Кавалеріи Людвигу и порутчикамъ Карлу и Генри Вицтумъ въ томъ, что они и рядовой плѣнный въ услуженіи при нихъ находящійся Іоаннъ Зонтагъ положеннымъ денежнымъ содержаніемъ удовольствованы по 1-ое мая, во увѣреніе чего симъ свидѣтельствуется.—Апрѣля 17-го дня, 1813 г. № 881.

---

2) (Св. 5-ая; д. № 54). По прошенію французской плѣнной Елизаветы Лавроной о дачѣ ей паспорта до Борисова. 1813 г. 29 Апр.

A Monsieur l'inspecteur des prisonniers de Guerre à Witebsk

Witebsk le 29 Avril 1813, Elisabeth Levron femme de feu Jacque Levron, Cantinière au 26-e règiment d'infanterie Legère a pour suite des événements de la guerre été faite prisonnière avec son mari et deux enfants.

La Saison rigoureuse ou l'on était alors causa la mort de son mari. Les deux enfants tombèrent malades, et se trouva forcée vu le denument de toutes choses, oú elle était alors, de les abandonner aux soins des amies généreuses qui les avaient recueuillis; étant hors d'ètat de pouvoir être emmenée ne voulant pas réster plus longtemps incertaine sur le sort de ses Enfants, reclame de l'humanite de Monsieur l'inspecteur des prisonniers de Guerre un sauf conduit, pour retourner à l'endroit, ou elle a été forcée de les abandonner, afin de pouvoir les rèclamer et faire agrèer à ceux qui ont pris soin de ses malheureuses victimes le tribu de sa reconnaissance, ne pouvant donner un indice certain sur le nom de l'endroit, ou se trouvent maintenant ses enfants, elle déclara que c'est à environ 24 Lieues de distance de Witebsk sur la ronte venant de Borissow; elle aura contracté envers M-r l'inspecteur des prisonniers de guerre la dette d'une èternelle reconnaissance.

Pour la V. Levron—i. Lebel.

Господину
Инспектору
военно-плѣнныхъ
въ Витебскѣ.

Переводъ.

Витебскъ. 29-го Апрѣля, 1813-го года, Елизавета Левронъ, вдова умершаго Жака Леврона, маркитантка, 26-го пѣхотнаго полка вслѣдствіе военныхъ столкновеній попала въ плѣнъ вмѣстѣ съ мужемъ и двумя дѣтьми.

Суровая зима была причиной смерти ея мужа. Двое дѣтей заболѣли, и она въ силу обстоятельствъ, въ которыхъ она тогда находилась, не могла ихъ увезти съ собой и, отдавъ ихъ въ вѣрныя руки, покинула ихъ.—Теперь она обращается къ милосердію инспектора о военно-плѣнныхъ и проситъ дать проходное свидѣтельство до того мѣста, гдѣ она принуждена была бросить дѣтей, чтобы снова взять ихъ и имѣть возможность выразить благодарность тѣмъ, кто заботился объ этихъ несчастныхъ жертвахъ.—Не имѣя возможности съ точностію указать названіе того мѣста, гдѣ теперь находятся ея дѣти, она свидѣтельствуетъ, что это приблизительно въ 24-хъ верстномъ разстояніи отъ Витебска, по дорогѣ, ведущей изъ Борисова. — Она сохраняла бы къ г. инспектору военноплѣнныхъ чувство долга вѣчной признательности.

За Е. Левронъ—И. Лебель.

Г-ну Статскому Совѣтнику Витебскому Вице-Губернатору правящему должность Гражданскаго Губернатора и Кавалеру Игнатію Антоновичу Маньковскому.

Надворнаго Совѣтника Коссова.

Рапортъ.

Елизавета Левронъ, поданнымъ ко мнѣ прошеніемъ на французскомъ языкѣ, доноситъ, что будучи взятой въ плѣнъ въ Борисовѣ, препровождена была въ городъ Витебскъ съ малолѣтними дѣтьми своими; но по причинѣ болѣзни ея дѣтей, принуждена была оставить ихъ на дорогѣ, то и проситъ нынѣ слѣзно выдать ей паспортъ, по которому бы могла вольной имѣть пропускъ отъ города Борисова для пріисканія на дорогѣ дѣтей Ея Лавроной.

Каковой отзывъ доводя до свѣдѣнія Вашего Высокородія покорнѣйше прошу дать о прописываемомъ случаѣ свое разрѣшеніе и

буде Ваше Высокородіе оной будетъ выданъ, пашпортъ, то неоставить и мѣн воимъ извѣстіемъ, въ протчемъ я полагаю нужнымъ выдать для нѣя срочный паспортъ, дабы она непремѣнно опять возвратилась въ Витебскъ.

Надворн. Совѣтн. Коссовъ.

№ 952. 1813-го года; Майя 4-го дня.

На Рапортѣ, наверху, стоитъ резолюція вице-губернатора: „Не могу исполнить ея, не имѣя на то власти".

Ст. Сов. Маньковскій.

---

3) (Св. 5-ая; д. № 42-ой). По предписанію Г. Витебскаго Гражданскаго Губернатора и Кавалера о произведеніи награжденія чинамъ по Госпиталю военноплѣнному употребляемыхъ.

Г-ну Надворному Совѣтнику Коссову.

По Рапорту Вашему отъ 31-го Марта за № 778-мъ предписываю Вамъ опредѣленнымъ по Госпиталю военноплѣнныхъ со дня учрежденія онаго до окончанія производить: штабъ-хирургу и Економе по одному рублю въ Сутки; тремъ хирургамъ по 75-ти и прочимъ чинамъ до 50 коп. въ сутки.

Подписалъ: Губернаторъ Лешернъ.

№ 2149. 5-го Апр. 1813-го года.

Господину Губернатору

Надворн. Сов. Коссова.

Рапортъ.

Французскій военный Штабсъ-Хирургъ Башеле, поданнымъ на имя мое письмомъ съ приложеніемъ списка хирурговъ и прочихъ чиновъ при госпиталѣ плѣнныхъ находящихся проситъ моего къ Вашему Превосходительству представленія о положеніи занимавшихся по Госпиталю чинамъ награжденія.

Представляя подлинное его письмо и списокъ на усмотреніе Вашего Пр-ства, честь имѣю донесть, что показанные въ спискѣ Хирурги и прочіе чины дѣйствительно употребляемы были съ 17-го Генваря сего года по Госпиталю военноплѣнному; въ которомъ сего числа состоитъ 22 больныхъ офицеровъ и 40 человѣкъ нижнихъ чиновъ.

№ 779. Марта 31-го дня 1813-го года.

État nominatif des officiers de Santè et employés d'administration Employès à l'Hopital des officiers et Soldats français et alliés, prisonniers de Guerre à Witebsk à dater du 20 Janvier 1813.

N-os.	Noms et Prènoms,	Désignations des corps.	Grades.	Nombre de journees.	Indemnitè par jour.	Montant de l'Indemnite.	Observations.
	Bachelet Ioachim.	Grand. d-to g-al.	Chirvrgienu 776				Directeur principal.
	Chazi Gerard	6-me B-n im G-n d'artil.	id. aide.				Chirurgien aide Major.
	Sezeral François.	2-me Corps 3-me D-ion.	id. S. aide.				id. Sous-aide.
	Fontaine J-ie andre	126-me Reg-t de ljgne.	id. id.				id. id.
	Bfucales François	123 id.	id. id.				непонятно.
	Thomas Cesar.	Grand. Q-to G-al.	Pharmacien aide.				Pharmacien aide. 776.
	Villet Joseph.	id. id.	id. S. aide.				id. Sous-aide.
	Nickers Jean.	2-me Corps 3-me D-ion.	Empl. des Hop-x.				Directeur.
	Rolley Pierre.	id. Q-to G-al.	id. des V. Sain.				Commis aux Entrées
			Totaux . . .				

Certifie vèritable le Présent Etat Pavun tu Chirurgieu Major chargè en Chèf du Serviee du dit Hopital

Witebsk le 28 Mars 1813.
Bachelet.
ch. M.

МОЕ ПРИМѢЧАНІЕ: Столбецъ въ 9-ть именъ; G-al значитъ General. Empl—значитъ employe—чиновникъ.

Въ мелкихъ графахъ три отдѣла: 1) nombre de journees — число дней
2) Indemnite par jour — расходъ въ день.
3) Montant de l'Indemnite — общій расходъ.

4) (Св. 5-ая; д. № 30).

Господину Надворному Совѣтнику Коссову.

Завтрашняго числа поутру извольте, Ваше Высокородіе всѣхъ нижнихъ чиновъ военноплѣнныхъ представить ко мнѣ по ранжиру съ именнымъ о нихъ спискомъ.

Вит. Гражд. Губернаторъ Лешернъ.

№ 1727. 23-го Марта; 1813-го года.

На оборотѣ этого требованія Губернатора отмѣчено слѣдующее.—

„Въ слѣдствіе сего Г. Губернатора повѣленія при поименныхъ „спискахъ были представлены плѣнные; и Его Превосходительство „приказалъ; плѣнныхъ рядовыхъ и нижнихъ чиновъ, а также не„строевыхъ, кантиньерокъ, кои денежнаго содержанія не получали „произвѣсть по принесенной Г. Губернатору жалобѣ и удовлетворить „съ 17-го ноября, на равнѣ съ прочими по 5 коп. въ день.

Марта 24-го дня; 1813-го года.

Надворн. Совѣтникъ Коссовъ.

Г-ну Витебскому Коменданту № 730.

Г-ну Полицеймейстеру таковое-же № 731.

Хотя вчерашняго числа приказано отъ сей коммиссіи пленныхъ унтеръ-офицерамъ, въ коихъ вѣдомствахъ состоятъ нижніе чины, дабы оныхъ сего числа доставили въ Комиссію для переклички и повѣрки списковъ; но оные съ полнымъ числомъ людей не явились, а потому и подтверждено зновь всѣмъ означеннымъ чинамъ, дабы непремѣнно поутру доставить къ Его Прв-ству всѣхъ нижнихъ чиновъ плѣнныхъ и при именныхъ спискахъ, то Коммиссія, на опытѣ вѣдая, какая медленная при собраніи плѣнныхъ остановка и затрудненіе всегда происходили, дабы избѣгнуть подобнаго безпорядка завтрашняго числа при исполненіи повелѣнія начальника губерніи и дабы оное въ точности и въ назначенный срокъ исполнять симъ къ Вашему Прв-ству отнесясь просить, дабы благоволили завтрашняго числа въ 8-мъ часу утра приказать кому слѣдуетъ о повѣщеніи городскихъ жителей, **въ домахъ коихъ плѣнные** размѣщены, дабы оныхъ въ Комиссіею назначенный часъ, выставляли.

Марта 25-го 1813-го года.

Милостивый Государь
Августъ Казиміровичъ!

Въ дополненіе къ Запросу Канцеляріи всепокорнѣйше прошу увѣдомить, есть въ тѣхъ городахъ, гдѣ плѣнные штабъ-и-оберъ офицеры достаточное число денегъ на отправленіе ихъ до Торопца и на отдачу ихъ на продовольствіе до Вологды или туда нужно сдѣлать отправленіе? Не оставьте увѣдомленіемъ

всепокорнѣйшаго слугу Лавріона (?) Коссовича.

---

5) (Св. 5-ая; д. № 41). Отъ Апрѣля 5-го 1813-го года.

Г. Надворн. Совѣтнику Коссову.

Отъ губернатора Лешерна предписаніе: „. . . . . онаго Еделина „по засвидѣтельствованію генерала Бломонъ, помѣстить въ чинѣ „подполковника... и производить Ему положенное содержаніе“.

Witebsk le 16 Avril 1813.

A Son Excellence, Monsieur le Général-Gouverneur de Witebsk.

Excellence!

J'ai l'honneur de Vous prier de m'autoriser à porter sur les États que j'ai à fournir tout pour mon dèpart que pour la solde Monsieur Edèline, mon aide de camp, comme chéf, d'escadron; lieutenant colonel. Il a Bien (?) ètè nommè à l'affaire du $\frac{14}{26}$ novembre dernier, Smoliany. Il n'a point reçu sa confir mation, de Major Général, ayant ètè fait prisonnier de Guerre le 27 Decembre aussi dernier, a l'affaire de Borissow; et si je ne l'ai pas fait comprendre par le Grade jusqu à ce Jour c'était pour ne point exciter la jalousie des autres prisonniers de Guerre.

J'ai l'honneur d'être avec un profond respect.

De votre Excellence

Le très humble, et très obeissant Serviteur Le Gènèrale de Brigade

Bon de Blaumont.

Переводъ письма Бригаднаго генерала Барона де-Бломонъ.

Витебскъ, 16 Апрѣля 1813.

Его Превосходительству Г. Гражданскому Губернатору Витебска.

Ваше Превосходительство.

Имѣю честь просить Васъ уполномочить меня по таблицѣ продовольствія, которымъ я обязанъ снабжать плѣнныхъ, внести г-на Эделина, моего адъютанта, въ списки въ качествѣ подполковника и командира эскадрона,—съ повышенной порціей.—Онъ получилъ повышеніе послѣ дѣла $\frac{14}{26}$ ноября подъ Смольянами. Онъ еще не получалъ утвержденія главнаго Штаба, будучи взятъ въ плѣнъ въ дѣлѣ при Борисовѣ. Если-же я умолчалъ, скрывъ отъ него повышеніе въ чинѣ по сей день, то только для того, чтобы не возбудить зависти прочихъ военно-плѣнныхъ.

Имѣю честь пребыть съ глубочайшимъ почтеніемъ
Вашего Пр-ва
нижайшій и покорнѣйшій слуга Бригадный генералъ
Баронъ де-Бломонъ.

(Св. 5-ая; д. № 41). Отъ Апрѣля 8-го дня; 1813 года.

Надворному Совѣтнику Коссову.

Отъ губернатора Лешерна: „О внесеніи въ списки пожалованнаго „въ подполковники въ дѣлѣ $\frac{14}{26}$ ноября 1812 г. капитана артиллеріи „Левассера по письму генерала Бойе, дабы могъ получать согласно „его званію положенное содержаніе“.

A Son Excellence Monsieur le Gouverneur de Witepsk.

Monsieur le Gouverneur!

J'ai l'honneur de prevenir Votre Excellence, que M-r le Capitaine d'artillerie Levasseur a ètè nommè lieut. Colonel d'artil-ie à l'affaire de Smolian le 14ze Dbre dernier il n'a pu recevoir Son Brevet du major-Général attendu qu'il a ete fait prisonnier de Guerre à Borissow le 27 du même mois dernier il n'en

doit pas moins étè considèrè comme officier Supèrieur, j'ose donc prier Votre Excellence d'avoir la bonté de donner des ordres pour qu'il Soit porté Sur les États comme lieutenant Colonel d'artillerie, afin qu'il puisse en recevoir la Soldè qui lui Sera d'un grand Sècour se trouvant dans une position malheureusex Veuillez recevoir monsieur le Gouverneur l'assurance des Sentiments respectueux avec lesquels j'ai l'honneur d'être

de votre Excellence

Le très humble et obèissant

Serviteur

Le Gènéral-chéf d'Etat-major

J. Boyè.

Wittepsk le 21 avril 1813.

Переводъ.

Его Превосходительству,

Господину Витебскому Губернатору.

Милостивый Государь, Г-нъ Губернаторъ!

Имѣю честь предупредить Ваше Пр-ство, что Г. капитанъ артиллеріи Левассеръ получилъ чинъ подполковника артиллеріи въ дѣлѣ подъ Смольянами 14-го Декабря; но онъ не могъ получить своего аттестата изъ главнаго штаба, такъ какъ онъ взятъ въ плѣнъ 27-го числа того же мѣсяца подъ Борисовымъ.—Все же онъ долженъ быть на положеніи офицера высшаго ранга; осмѣливаюсь поэтому просить Ваше Превосходительство сдѣлать распоряженіе о записи его на продовольствіе въ качествѣ подполковника, чтобы онъ могъ пользоваться, суточными соотвѣтствующими, что для него будетъ большимъ подспорьемъ въ его несчастіи.

Примите М. Г. увѣреніе въ почтеніи, съ которымъ я имѣю честь пребыть Вашего Превосходительства.

Нижайшій и покорнѣйшій слуга

Главнаго Штаба Генералъ Ив. Бойе.

Витебскъ; 21-го Апрѣля, 1813 г.

6) (Св. 5-ая; д. № 45). Дѣло о пропавшей вмѣстѣ съ деньгами маркитантки Дармоа.

a) Изъ Комиссіи о военноплѣнныхъ въ Витебскѣ состоящей.— Г. Велижскому Полицеймейстеру Шестакову.

«Зная рачительность и справедливость полицеймейстера въ об-«хожденіи съ военноплѣнными— просьба разузнать о дѣлѣ кантиньера «Дармоа и, буде вышепрописанное справедливо не оставить изслѣдо-«вать и о поступкѣ партіоннаго офицера и о послѣдующемъ увѣдо-«мить. Отъ партіоннаго офицера стребовать списокъ, а женщинъ «строжайше обревизовать».

Апрѣля 7-го, 1813-го года.

b) Въ Комиссію военно-плѣнныхъ въ Витебскѣ состоящую. Велижскаго Полицеймейстера майора Шестакова.

По отношенію оной Комиссіи отъ 7-го, полученнаго мною 11-го числа сего Апрѣля мѣсяца за № 848-мъ за отправленіемъ изъ города Велижа партіи военно-плѣнныхъ штабъ и оберъ-офицеровъ 30-ти въ городъ Торопецъ для отысканія жены плѣннаго канпіонера Иосифа Марьи и денегъ было отъ меня вследъ заоной партіей командированъ квартальный надзиратель титулярный совѣтникъ Левковичъ, которой означенною партію догнавъ на пути при которой отыскалъ женіцину поимени Кристыну о которой хотя слѣдующія партіи плѣнныя штабъ и оберъ-офицеры утвердили что мужъ у нее рядовой Бедосъ. Но по случаю, что отъ оной Коммиссіи въ партіи женщинъ отправлено не было, а потому оная идоставлена ко мнѣ, почему все оное обстоятельство въ орегеналѣ какъ свидѣтельство такъ идонесеніе партіоннаго офицера сденьгами при семъ свышеозначенною женщиною „за присмотромъ“ рядового Пуца на разсмотрѣніе оной Коммиссіи представляю, оказавшейся-же при оной партіи сверхъ списка одинъ военно-плѣнный причисленъ въ партію военно-плѣнныхъ, о чемъ оная Коммиссія благоволитъ быть известна.

Подлинная подпись.

Апреля 15-го дня 1813-го года.

Je Sonséignée, reconnais d'avoir reçu des Mains de Monsieur le Conseiller de Kossow, inspecteur des prisonniers de Guerre:

trois doubles Louis, Sept Louis Simples; un Napoléon de Vingt francs et douzes francs en petites monnayes, laquelle Somme avait été mise Sous cachets lorsque je fus arretée à Witebsk et envoyé à Monsieur le Conseiller.

Witebsk le 17 Avril 1813-an.

Pour Christine Bidos ne sachant Ecrire

Pabany.

Переводъ.

c) Я, нижеподписавшійся, свидѣтельствую, что получилъ изъ рукъ г. Статскаго Совѣтника Коссова, инспектора о военно-плѣнныхъ: три червонца; два получервонца; одинъ наполеонъ двадцати франковъ, и 12-ть франковъ мелкой монетой—сумму припечатанную въ то время, когда меня арестовали въ Витебскѣ и отправили къ Совѣтнику.

Витебскъ, 17-го Апрѣля, 1813 г.

По безграмотности Кристины Бидосъ—Пабани.

d) Г-ну Велижскому Полицеймейстеру Майору Шестакову.

Подпорутчика Слободскаго.

Рапортъ.

Въ слѣдствіе объявленнаго отношенія Г-мъ титулярнымъ совѣтникомъ Левковичемъ на имя Вашего высокоблагородія отъ коммиссіи о военноплѣнныхъ отъ 7-го Апрѣля за № 848-мъ послѣдовавшаго; симъ честь имѣю увѣдомить: что во ввѣренной мнѣ командѣ оказалась женщина, Кристина, которой мужъ рядовой Бѣдосъ (показанной и въ данномъ отъ той коммиссіи мнѣ спискѣ) находиться въ услуженіи у подпоручика Вежюсъ и съ женою своею которая втомъ неозначена, взасвидѣтельствованіи же что она законная его жена какъ отъ него такъ ивсѣхъ штабъ и оберъ-офицеровъ прилагаю при семъ для надлежащаго, куда слѣдуетъ, представленія или местнаго Вашего разпоряженія свидѣтельства.—Дѣнегъ-же при упомянутомъ рядовомъ Бѣдосѣ оказалось **три лундора** Дуберьтовыхъ **семь лундоровъ** половинныхъ **одинъ Наполеонъ малый** стоющій 20-ть франковъ и **Двѣнадцать** дробныхъ Серебряныхъ франковъ; которыя для доставленія

кѣвашему высокоблагородію равно и жену Его Кристину вручилъ Я командированному отъ Васъ г-ну Титулярному Совѣтнику Лѣвковичу.— въ особенности же объясняю, что при отобраніи сказанной иностранки и Днѣпегъ всѣ штабъ и оберъ-офицеры оказали совершенное негодованіе; а мужъ же Ея объявилъ при всѣхъ тутъ бывшихъ людехъ что повзятьи Ея учинитъ онъ побѣгъ.— въ прекращеніе коего хотя и приняты состороны моей Должныя мѣры, но какъ команда для конвоированія оныхъ составляется только изъ десяти человѣкъ зачто я при всемъ моемъ стараніи поручиться не могу.

При учиненной же сего числа всемъ пленнымъ перекличкѣ оказался неизвѣстно откуда пришедшій рядовой Питерсъ; котораго также неимѣя въ спискѣ мнѣ данномъ вручилъ я Господину Левковичу съ полученіемъ отъ него законной росписки.

Подпорутчикъ Слободскій.

№ 26-ой. Апрѣля 12-го дня; 1813-го года.

Деревня Паньково.

e) Nous soussignées officiers français. composant la 4-me Colonne des Prisouniers, partis de Witebsk le Six Avril pour se rendre à Vologda certifions que Christine Pouy femme Bèdos, cantinière à la 6-me Comp-ie du 4-e B-on principal du train d'artillerie partie également de Witepsk le 6 avril avec son mari au Service de l'officier commandant la dite compagnie a fait partie de la colonne jusqu'a ce jour douze avril, où un officier S-r Polin porteur des ordres de Monsieur le Général gouverneur de Witebsk, pour faire des recherches Sur le compte d'une femme Accusée de vol, S'est presentè à l'officier Russe, commandant le détachement.

La dite Christine Pouy S'étant trouvèe la Seule femme éxistant au dêtachement, a dû pour prouver Son innocence inhiber en prèsence de M-r l'officier de police de l'officier Russe ainsi que de tous les officiers composant la 4-me Colonne l'argent dont elle ètait pourvue et qui S'est trouvé dans l'ètat ci après, Savoir:

	fr.
Doubles Louis—trois ets	144
Louis Simples—Septs ets	208
Napolèon Simple—onze ets	20
Piéce de quinze Ŝols? de frauçe douze ets . .	9
Piéce de dis Jols idem (непонятно) cina . . .	2 50
Pièce d'un quart de franc—en	— 25
Formant à Total	383 75

Laquelle somme de trois cent quatre vingt trois francs soi xante qiunze centimes a èté laissèe entre les mains de la femme Bèdos retrogradant avec son mari sur Witepsk pour se prèsenteer devant son Excellence le général gouverneur.

Enfait de quoi nous avons signè le prèsent pour servir et valoir ce que de droit.

Sait à Panko le douze avril 1813. Suivent les noms des vingt quatre (24) signa taires.

(Слѣдуетъ 24 подписи).

Переводъ.

е) Мы, нижеподписавшіеся французскіе офицеры, составляющіе 4-ую колонну плѣнныхъ, выступившіе изъ Витебска шестого Апрѣля, чтобы направиться въ Вологду, удостовѣряемъ, что Кристина Пуи Бидосъ, маркитантка 6-го эшелона 4-го батальона артиллеріи, ушедшая съ нами изъ Витебска 6-го Апрѣля вмѣстѣ со своимъ мужемъ, деньщикомъ офицера, командовавшаго вышеупомянутой партіей, шла съ колонной до сего 12-го Апрѣля, когда одинъ офицеръ, по имени Поленъ, по предписанію г. генералъ-губернатора г. Витебска, разыскивавшій женщину, подозрѣваемую въ воровствѣ, явился къ офицеру, командовавшему партіей.

Помянутая Кристина Пуи, какъ единственная женщина въ отрядѣ, доказывая свою правоту, должна была показать деньги въ присутствіи полицейскаго, офицера командующаго и всѣхъ офицеровъ колонны.—Деньги отобранныя у нея были слѣдующія:

	на франки
Французскіе: червонцевъ три	144
Получервонцевъ семь	208
Наполеоновъ одиннадцать	20
Монетъ въ 15 су двѣнадцать	9
Монетъ въ 10 су (тоже) пять	2 50
Монета въ 1/4 франка	— 25
Итого . . .	383, 75

Сумму эту изъ трехъ-сотъ восьмидесяти трехъ франковъ женѣ Бедоса отдали, но вернули ее съ ея мужемъ въ Витебскъ, чтобы передать ее въ распоряженіе Его Пр-ства, г. генералъ-губернатора.

Въ подлинности этого факта мы подписались.

Скрѣплено въ Паньковѣ 12-го Апрѣля 1813-го года.

Слѣдуютъ имена 24-хъ подписавшихся.

f) Nous officier, commandant la 6-me compagnie du 4-me B-on 1-cipal du train d'artillerie certifie que Christine Pouy, femme Bèdos est depuis cinq ans cantinieré à la dite compagnie, or sa conduite a roujours été irreprochable et que depuis qu'elle a ètè faite prisonnier elle et son mari Sont continuellement restès avec moi.

Enfait de quoi j'ai delivrè le présent certificat por Servir et valoir au besoin. Fait à Panko le douze avril 1813.

Vejus.

Переводъ.

f) Мы, офицеръ, командующій 6-й партіей 4-го Батальона Артиллеріи, удостовѣряю, что Кристина Пуи—Бедосъ уже 5 лѣтъ состоитъ маркитанткой въ сказанной кампаніи; и что ея поведеніе было всегда безукоризненно и, что съ тѣхъ поръ, какъ она въ плѣну, она и мужъ ея безотлучно находились при мнѣ.

Свидѣтельство сіе даю, какъ могущее оказаться нужнымъ при случаѣ.

Въ „Паньково".—12-го Апрѣля; 1813.

Вежюсь.

g) Г. Велижскому Полицеймейстеру.

Комиссія сія по полученіи Бидосъ съ причисленными при отношеніи вашего высокоблагородія отъ 15-го Апрѣля № 409 принадлежащиии Ей деньгами призывала кантиньера Дармоа и, удостовѣрясь, что она не его жена и въ кражѣ не участвовала, дабы не разлучать мужа съ женой препровождаетъ при семъ оную съ рядовымъ Петромъ Пуцомъ къ Вамъ съ тѣмъ дабы благоволили Ее при отношеніи сей коммиссіи къ Торопецкому Г. Городничему отправить для присоединенія къ партіи и помѣщенія на списокъ.—Апрѣля 17-го дня; № 879.

h) Г. Торопецкому Городничему: слѣдуетъ бумага съ перечисленіемъ денегъ Кристины Бедосъ и съ предписаніемъ . . . . „дабы „не разлучать мужа съ женой присоединить оную къ отправленной „1-ой партіи“.

№ 880. Апр. 17-го 1813-го года.

i) Господину Губернатору . . . . .

Рапортъ.

(Св. 5-ая д. Nr 45).

Плѣнный кантиньеръ Дармоа, въ Витебскѣ съ прочими находящійся отъ сего Апрѣля 7-го объявилъ сей коммиссіи, что жена его, Марія, когда партія плѣнныхъ изъ Витебска въ Торопецъ отправляема была 6-го Апрѣля, забрала, ему принадлежащихъ денегъ, 900 франковъ и съ означенной партіей ушла.—Коммиссія относилась по почтѣ къ велижскому Г-ну Полицеймейстеру съ тѣмъ, дабы какъ въ спискѣ отправленной партіи непоказано ни одной женшины, то бы, онъ, полицеймейстеръ, отыскавъ жену рядового Бидосъ съ означенной партіей отправленной, по имени Кристина, доставилъ оную въ сію коммиссію съ найденными при ней деньгами. Какъ же призванный въ Коммиссію означенный кантиньеръ Дармоа объявилъ, что она, Кристина не его жена, а по справкѣ по дѣламъ оказалось, что при отправленіи партій плѣнныхъ офиперовъ она, Кристина, отправлена не была, поелику ни мужъ ея о томъ не просилъ, ни она своего желанія не объявляла, да и партіонный офицеръ, что оную съ партіей получилъ, коммиссіи не донесъ; для того коммиссія съ уваженія, дабы не разлучить мужа съ женой, которая въ кражѣ у Дармоа денегъ неуличена, отправила ее, Кристину Бидосъ при ря-

довомъ Пуце въ Велижъ, а къ тамошнему полицеймейстеру отнеслась дабы оную препроводить въ Торопецъ къ Торопецкому Городничему съ тѣмъ, дабы оную присоединилъ къ отправленной 1-ой партіи 6-го апрѣля. При чемъ честь имѣю донести, что присланныя деньги отъ Велижскаго полицеймейстера Кристинѣ Бидосъ возвращены, какъ ей принадлежащія.

№ 884. Апрѣля 18-го дня 1813-го года.

---

7) (Св. 5-ая; д. безъ номера). (Отмѣтка: „получено 30-го Августа „ 1814 года.

В. Г. Г.
29-го Августа,
1814-го года
№ 5808.

Завѣдывающему въ Витебскѣ военноплѣнными Г. Порутчику Любощинскому.

(Копія).

Герцогства Варшавскаго Г. генералъ Губернаторъ и Кавалеръ Ланской отъ 13-го Іюля за № 137-мъ въ отношеніи ко мнѣ изъясняя, что польскихъ войскъ капитана Скочевскаго жена представляя при поданномъ къ нему Г. генералъ. Губернатору прошеніи копію полученнаго ею отъ полковника тѣхъ же войскъ, Гарновскаго, письма съ уведомленіемъ, что мужъ ея находясь въ Россіи въ плѣну въ городѣ Витебскѣ умеръ; оставшееся-же послѣ его имѣніе продано на сумму сто червонныхъ иденьги принялъ президентъ Коммиссіи овоеннопленныхъ советникъ Коссовъ просила отнестись ко мнѣ одоставленіи къ ней вырученныхъ за означенное оставшимся послѣ смерти мужа ея имущество, денегъ, требуетъ о присылкѣ таковыхъ денегъ для удовлетворенія помянутую капитаншу Скочевскую.

Почему, препровождая при семъ доставленное ко мнѣ въ копіи письмо предписываю Вашему благородію учинивъ по дѣламъ справку, действительно-ли завещи капитана Скачевскаго вырученныя деньги хранятся у Г. Коссова и будетакъ, тоистребовавъ оныя отъ него представить комнѣ немедленно для отсылки къ помянутому Г. Генералъ-Губернатору; естли-же сверхъ того остаются какія вещи, то и оныя продавъ, деньги представить ко мнѣ немедленно.

Витебскій Гражданскій Губернаторъ Тормасовъ.

Приложена „Корja“ изъ „Plock 2 Lipca“ 1814 г. на польскомъ языкѣ.

Г. Губернатору. (Черновая).

Во исполненіе предписанія вашего Пр-ства отъ 29 Августа за № 5808-мъ о учиненіи справки по дѣламъ о военноплѣнныхъ, дѣйствительно ли хранится у Г. Коссова деньги за проданныя вещи по смерти капитана Скочевскаго чинима мною по дѣламъ справка оказалось: что прошлаго 1813-го года Генваря 7-го квартальный Города витебска П. Корналевскій обще съ плѣннымъ польской службы капитаномъ Шацинскимъ за своимъ подписаніемъ представили реестръ вѣщамъ и трѣмъ золотымъ каролинамъ (?) по смерти плѣннаго капитана Скочевскаго оставшихся. За симъ провизоръ витебской Езуитской Аптеки Молахъ представилъ при своемъ прошеніи къ Г. Надворному Совѣтнику и Кавалеру Коссову Реестръ Лѣкарствамъ и операторомъ Свариною для покойнаго Скочевскаго прописанныхъ, а онымъ Молахомъ изъ Аптеки Его отпущенныхъ на 135 р. 80 к.

Г. Надворн. Сов. Коссовъ докладывалъ мое прошеніе, Реестръ лекарствамъ Г. Операторомъ Свариною яко Управы членомъ подписанной и опись вѣщамъ Скочевскаго Г. бывшему гражд. Губернатору Лешерну и получилъ отъ Его Пр-ства приказаніе все оставшееся по смерти капитана Скочевскаго имущество продать съ Аукціона и онаго Молаха удовлетворить.—На каковой конецъ чиномо было отношеніе въ витебскую Городовую Полицію 13-го Генваря 1813 года подъ № 205 о вызовѣ желающихъ къ покупкѣ и о присылкѣ присяжнаго цѣновщика который все имущество оцѣнилъ въ 138 р. 50 к. и 18-го того же Генваря всѣ вещи проданы при чиновникѣ полицейскомъ за 169 р. 50 к.—Но какъ по удовлетвореніи Молаха у Пр. еще оставалось 32 р. 70 к. а капитанъ Шацинскій просилъ о удовлетвореніи его за шубу покойнымъ Скочевскимъ въ тѣченіи болѣзни его изношенную, которая ему стоила якобы 10 червонныхъ и что онъ Шацинскій покупалъ для покойнаго крупу Перловую, Рисъ, Сахаръ и проч. а одинъ изъ плѣнныхъ рядовой въ услуженіи при покойномъ находившійся требовалъ себѣ награды за его труды, о чемъ свидѣтельствовали плѣнные порутчики Міончинскій и Мацеѣвичъ, то Г-нъ Коссовъ по соизволенію Г-на Бывшаго Губернатора оставшіеся по

удовлетворен'ч провизора Молаха 33 р. 70 к. симъ послѣднимъ требователямъ, отдалъ.

Изъ вышеописаннаго ваше Пр-ство усмотреть изволили, коль несправедлива жалоба Г-жи Скочевской и ее извѣстившаго о наслѣдствѣ Г. полковника Парновскаго, передъ которымъ-бы никогда не было скрыто, какъ-бы ни велико было наслѣдство по покойномъ Скочевскомъ.—Есть-ли бы онъ о дѣйствительности онаго желалъ на мѣстѣ удостовѣриться у Г-на Коссова—а симъ самымъ и бдѣть о сохранности онаго, (зачеркнуто слѣдующее: „Какъ французскіе плѣн„ные генералы по смѣрти генерала Камю точность свою во всѣмъ „объ оставшемся послѣ его (наслѣдст. зачеркнуто) имуществѣ пока„зали и оное сохранили“),—впрочемъ (обстоятельства зачеркнуто) предмѣтъ сей болѣе относился до Полиціи, нежели до завѣдывавшаго плѣнными Г. Надв. Сов. Коссова.

№ 1056. Ноября 20-го
1814-го года. Порутч. Любощинскій.

Сюда приложено прошеніе Надв. Сов. Коссову управляющаго Аптекой „при Езуицкомъ монастырѣ“, провизяра Данилы Молякова отъ 1813-го года, Января 10-го. На польскомъ языкѣ.—Подано оно Генваря 11-го 1813-го года; докладывано Г. Губернатору и вѣлено онаго Молаха по продажѣ вещей удовлетворить.

Есть реестръ выданныхъ лекарствъ тоже на польскомъ языкѣ на 135 р. 80 к. За подписью оператора Swaracky—Swaгупу.

Есть опись проданнымъ вещамъ за подписью Коссова и частнаго пристава Корналевскаго на сумму 169 р. 50 к.

Изъ Коммиссіи военноплѣнныхъ отвѣтъ данъ 1813-го г. Января 13-го; и 7-го Марта 1813-го года деньги по реестру были провизору Молаху уже уплачены,—на что имѣется росписка.

8) (Св. 5-я; Nr 14). 14-ый Nr дѣла о военноплѣнныхъ занимаетъ 19 листовъ убористаго почерка, изъ нихъ нѣсколько показаній свидѣтельскихъ плѣнныхъ солдатъ и санитарнаго при лазаретѣ офицера (officier de santé) на французскомъ языкѣ.

Дѣло начинается донесеніемъ смотрителя больницы о смерти плѣннаго испанца Ramon Baranko. „Il est décédé une demie „heure après des suites du mauvais traitement qu'il a reçue". Такъ показывали лежавшіе съ Баранко въ лазаретѣ плѣнные.— Обвинялись два солдата тверского ополченія; при допросѣ ихъ былъ заурядъ-прапорщикъ 3-го пѣшаго полка 1-го батальона Карцовъ и инспекторъ по комис. о военноплѣнныхъ Коссовъ.— Опрошены и два русскихъ, бывшихъ на дежурствѣ часовыхъ.— Послѣ протокола объ осмотрѣ трупа, дѣло, по требованію ген.-майора, князя Шаховскаго для передачи ему, отдано капитану командуемаго ополченія, Зайцеву.

ПРОТОКОЛЫ *).

1) Moi, Cazain, Maréchal de logis au 4-me Bataillon G-al du train d'artillerie, sur le rapport qui m'a été fait par le nommè Pèrolaire trompette au 4-me bataillon du train d'artillerie, que deux militaires russes de la Drougina et deux paysans étaient rentrés dans son logement maison de M-r Zoukovsky ou sont pareillement logés le nommè D'hay, Cantinier; Son èpouse; Henri Leuffheidt, officier de santé; Dumè flanqueur et Joseph Balme, grénadier, Ils ont dit au cantinier D'hay, à Son éponse et au nommè Gosgou, soldat du, train qu'il fallait partir ; et anx autres soldats que s'ils voulaient leur donner quelqu'argent ils les laisseraient tranquilles, ayant reçu l'argent des dits soldats. Les soldats russes de la

*) NB. Сюда принадлежатъ 9 протоколовъ, но такъ какъ они совершенно однообразны и неинтересны, то ихъ можно совсѣмъ не приводить.

Drougina et les paysans emmenèrent les nommés D'hay Cantinier; son èpouse et Jean Gorgou prês de la porte de la ville oú ils leur demandérent ce qu'ils avaient; à cetto question le soldat se mit à crier; alors un Drougina lui assêna un coup de crosse de fusil Sur la tête qui le terrassa, puis lui donna plusieurs coups de bayonnettes dans le corps, prit son argent et fouilla avec les autres ce cantinier D'hay et sa femme à qui ils prirent vingt Louis une montre en or et une paire de boucles d'oreilles du même mètal.

Les assassins ayant consomme leur crime prirent la fuite et le cantinier D'hay et sa femme retournérent à leur logis. Etant informè de ce fait, je me suis prèsenté chez Son Excellence, M-r le Gouverneur par l'ordre de M-r l'inspecteur des prisonniers de guerre Kossoff: ayant fait a M-r le Gouverneur le rapport de ce qui est mentionnè ci dessus, Sou Excellence m'a donné l'ordre de me transporter avec le mâitre de police et le Commandant de ville Sur le terrain oú s'est commis l'assassinat, ce qn'ayant fait, nous avons tronve le cadavre de Jean Gorgou, soldat du train gisant par terre la tête meurtrie et le corps percè en plusieurs endroits; nous avons ègalement trouvè près du cadavre sa sous-garde d'un fusil uniforme rnsse. De retour à la maison de M-r Soukenko je reçu l'ordre dumaitre de poliee conjointement avec les nommès Pizolaire trompette, Henri Leuffheydt, officier de Santé; le flanqneur Dumè, Jozeph Balme grenadier D'hay et son èpouse.

(Переводъ).

1) Я, **Казенъ, вахмистръ** 4-го батальона артиллерійскаго обоза по рапорту (донесенію), сдѣланному мнѣ трубачемъ артиллерійскаго обоза 4-го батальона, о томъ, что два военныхъ русскихъ дружинника и два мужика зашли въ квартиру его, въ домѣ Жуковскаго, гдѣ помѣщались равно и такъ называемый Дэй, маркитантъ съ же-

ной; Генрихъ Лейфхейдтъ санитарный офицеръ; Дюме, фланговый и гренадеръ Іосифъ Бальмъ! Они потребовали отъ маркитанта Дэя, его жены и отъ Горгу, обознаго солдата выѣзда *); а другимъ солдатамъ сказали, что, если тѣ дадутъ имъ немного денегъ, они ихъ оставятъ въ покоѣ,—послѣ полученія денегъ.—Русскіе дружинники и мужики отвели выше названныхъ маркитанта Дэя, его жену, и Ивана Горгу къ воротамъ города, и стали спрашивать что у нихъ было.—При этомъ допросѣ солдатъ сталъ кричать. Тогда одинъ дружинникъ хватилъ его прикладомъ ружья по головѣ и ошеломилъ, потомъ онъ нанесъ ему нѣсколько ударовъ штыкомъ, отобралъ у него деньги и вмѣстѣ съ другими обшарилъ маркитанта Дэя съ женой; отобрали они у нихъ двадцать червонцевъ, золотые часы, и пару серегъ того же металла.

Совершивъ преступленіе, убійцы пустились бѣжать, а маркитантъ Дэй и жена его вернулись домой.

Будучи освѣдомленъ объ этомъ дѣлѣ я представился Его Превосходительству Г-ну Губернатору по распоряженію Коссова, инспектора Коммиссіи о военноплѣнныхъ.—Отрапортовавъ Г-ну Губернатору все, что изложено выше, я получилъ приказаніе Его Пр-ства отправиться съ полицеймейстеромъ и городничимъ къ мѣсту происшествія, что и, исполнивъ, мы нашли трупъ Ивана Горгу, обознаго солдата, распростертаго на землѣ съ разбитой головой и исколотымъ въ нѣсколькихъ мѣстахъ тѣломъ; рядомъ съ трупомъ мы одинаково нашли, (орудіе) ружье, русское по формѣ, доказательство убійства.—По дорогѣ къ дому Жуковскаго я получилъ инструкцію полицеймейстера, данную мнѣ совмѣстно съ Перолеромъ, Генрихомъ Лейфхейдтомъ, санитаромъ; съ маркитантомъ Дэемъ, съ женой, фланговымъ Дюме и гренадеромъ Іосифомъ Бальмомъ.

---

2) L'an mil huit cent treize le dix huit Janvier, moi Joseph Blame grenadier au 92-me règiment de ligne dèclare que le dix Sept Janvier vers les Sept heures du Soir deux militaires russes de la drougina et un paysan Sont entrès dans mon logement de m-r Soukenko où logeaient ègalement Jean

*) NB. Съ квартиры.

Daly cantinier au 33-me règiment de ligne; Daly, son èpouse; Dumé flanqueur de la garde; Henri Leuffheid officier de Santè, Joseph Péreiaire, trompette au 4-me bataillon du train d'artillerie et Jean-Nicolas Goriot, soldats an premier Bataillon du train.

Que les deux Soldats russes armès de fusils et le paysan armé d'un baton ont voulu nous forcer de Sortir du logement ou de leur donner de l'argent, le dit Pairolere leur ayant donné quatre Dutchons, ils nous laissèrent tranquilles, ainsi que Leuffheid et Dumè, mais ils forcerent Daly et sa femme et Goriot de Sortir en les maltraitant avec la crosse de leurs fusils. Le dit Daly et Son epouse Sont rentrés au logement.

Mais Goriot n'y a pas reparu.

Перевод.

2) 1813-го года, 18-го Января, Я, **Іосифъ Блямъ**, гренадеръ 92-го пѣхотнаго полка, свидѣтельствую, что 17-го Января, около 7-ми часовъ вечера два русскихъ военныхъ изъ Дружины вошли ко мнѣ на квартиру Г-на Сукенко, гдѣ проживали также Ив. Дали,—маркитантъ 33-го пѣхотнаго полка, Дали—жена его; гвардеецъ Дюме—фланговый; фельдшеръ Генрихъ Лейфхейдтъ; Іосифъ Пэроляръ,—трубачъ 4-го артиллерійскаго обознаго батальона и Иванъ Николаевъ Горьо, солдатъ 1-го обознаго батальона.

Что оба русскіе солдата, вооруженные ружьями и мужикъ, вооруженный дубиной хотѣли насъ выпроводить изъ квартиры, или же требовали отъ насъ денегъ. Пэроляръ далъ имъ 4 червонца и они отъ насъ отстали. Но они принудили Дали и его жену и Горьо выйти, истязуя ихъ прикладами своихъ ружей. Упомянутые Дали съ женой воротились въ квартиру.

Но Горьо въ нее не возвращался.

---

9) (Св. 5-ая; дѣло безъ №-ра).

Господину Надв. Совѣтнику Коссову.

Отъ 24-го Марта 1813-го года.—Получено 26-го Марта 1813 года.

При Рапортѣ.

Депутата Витебскаго дворянскаго Магазейна Поплавскаго—„Вѣ-„домость“, сколько имъ выдано изъ магазина муки, сухарей, крупы, „**говядины**, овса и сѣна для военноплѣнныхъ, въ Витебской Коммиссіи „состоящихъ“.

Рапортъ Поплавскаго посылается губернаторомъ Лешерномъ съ просьбой провѣрить его со «щетами» Коммиссіи и, его. губернатора, увѣдомить.

---

10) (Св. 5-ая; д. № 35). Отъ губернатора.

Рѣжицкому маршалу.

№ 757-ой. Отъ 25-го Марта 1813-го года.

„Герцогиня Виртембергская жертзовала деньги на военноплѣн-„ныхъ.—Изъ этихъ денегъ слѣдуетъ выдать 50 тъ рублей офицеру „Пабсту и взять съ него расписку на имя герцогини“.

NB. Расписка въ Коммиссію военноплѣнныхъ представлена 23-го Маія иручена Г. вице-губернатору 26 Мая 1813 года.

Десять приведенныхъ мною дѣлъ изъ жизни военноплѣнныхъ въ Витебскѣ характеризуютъ вполнѣ великодушіе правительства той эпохи.—Денежная помощь раненымъ поступала отъ добровольныхъ частныхъ пожертвованій высокопоставленныхъ особъ; учреждена была особая Коммиссія для завѣдыванія дѣлами несчастныхъ, страдавшихъ вдали отъ родины и послужившихъ славѣ великаго завоевателя.—Мы видимъ, съ какою готовностію Коммиссія удовлетворяетъ разныя просьбы плѣнныхъ; какіе тщательные розыски она производитъ, несмотря на сложность ихъ, чтобы соблюсти справедливость въ отношеніяхъ своихъ къ нижнимъ чинамъ; мы видимъ, что въ пайкахъ плѣнныхъ значится по реестру мясная пища.—Письма французскихъ генераловъ о подчиненныхъ своихъ, отличившихся въ сраженіяхъ и получившихъ повышеніе въ чинѣ

способствуютъ зачисленію отличившихся офицеровъ въ списки на продовольствіе соотвѣтствующаго ранга.—Охранялось имущество умершихъ плѣнныхъ.—Практиковалось заступничество за обиженныхъ.—Привлекались къ отвѣту русскіе вслучаѣ вины.

Этотъ старательный уходъ за плѣнными помѣченъ числами начала 1813 г, когда Россія не успѣла еще остыть отъ огня побѣдоноснаго нашествія ослѣпленнаго своимъ величіемъ вождя

NB. Въ удостовѣреніе того, что движеніе дѣлъ по Витебской губерніи прекратилось съ нашествіемъ французовъ слѣдуетъ мнѣ привести здѣсь отзывъ одного изъ уѣздныхъ (Городка) чиновниковъ.—Онъ сдаль въ Архивъ каталогъ дѣламъ 1812-го года (связка 5-ая; дѣло безъ №-ра). Это цѣлая тетрадь, въ листъ бумаги хорошо сохранившаяся. — Заголовокъ ея привожу въ томъ же видѣ, въ какомъ онъ находится въ подлинникѣ.

ОПИСЬ
ПОВЫТЧИКА ГОРОДЕЦКАГО
дѣламъ за 1812-ый годъ.

Январь.

„1-ый“ и т. д. Кончается опись Іюлемъ 6-мъ.

Тутъ же помѣтка Архиваріуса:

„Въ сей описи писанныхъ и занумерованныхъ полулистовъ „шестьдесятъ одинъ“.

На послѣднемъ полулистѣ (на послѣдней страницѣ) отмѣтка:

«Конецъ сей описи

„на Іюле мсце; более-жъ делъ не вступало завыѣздомъ съ „делами Въ Россію“.

Іюля 7-го дня 1812-го года.

Сообщила *М. Мельникова.*

Часть II.

Н. Я. Никифоровскій.

(Некрологъ).

28 Мая 1910 года умеръ въ Витебскѣ одинъ изъ наиболѣе заслуженныхъ и даровитыхъ тружениковъ на богатой нивѣ бѣлорусской этнографіи Николай Яковлевичъ Никифоровскій. Покойный родился въ маѣ 1845 года отъ матери крестьянки и отца—бѣднаго пономаря сельской церкви Витебскаго уѣзда. Родители его были коренные витебскіе бѣлоруссы, жившіе бокъ о бокъ съ простымъ народомъ, дѣлившіе съ нимъ всѣ труды и близкіе къ народной массѣ и по внѣшнему быту и по понятіямъ. Н. Я. Никифоровскій обучался въ Витебскѣ, сначала въ духовномъ училищѣ и затѣмъ въ духовной семинаріи, которую окончилъ въ 1867 году. Священничеству онъ предпочелъ преподавательское поприще. Съ 4 октября 1867 года по 13 сентября 1871 года былъ законоучителемъ и затѣмъ учителемъ въ сельскомъ училищѣ; потомъ, съ 13 сентября 1871 г. учительствовалъ въ приходскомъ училищѣ въ Витебскѣ; съ 1 января 1877 г. въ приготовительномъ классѣ свислочской учительской семинаріи. Въ томъ же 1877 году онъ выдержалъ въ совѣтѣ витебской мужской гимназіи испытаніе на званіе учителя уѣзднаго училища; съ іюля 1882 г. состоялъ преподавателемъ въ приготовительномъ классѣ классической мужской гимназіи въ Витебскѣ, а съ 1-го августа 1900 года по 1 іюля 1902 года—приготовительнаго класса молодечненской учительской семинаріи, когда снова по прошенію переведенъ въ родной ему Витебскъ на должность учителя приготовительнаго класса мужской гимназіи. Изъ 43 лѣтъ служебной дѣятельности покойнаго Витебску было отдано 33 года.

Съ дѣтства вдумчивый, наблюдательный и серьезный, Н. Я. Никифоровскій началъ вести свои записи еще на школьной скамьѣ. Позднѣе, на учительской службѣ, онъ придалъ своему собранію народныхъ примѣтъ, суевѣрій, пѣсенъ и обычаевъ болѣе опредѣленный видъ. Въ концѣ 1871 года, познакомился съ извѣстнымъ этнографомъ П. В. Шейномъ, тогда учительствовавшимъ

въ Витебской гимназіи, которому втеченіи долгихъ лѣтъ Н. Я. Никифоровскій и передавалъ собираемые имъ этнографическіе матеріалы, радуясь тому, что труды его не пропадаютъ даромъ, матеріалы увидятъ свѣтъ Божій и довольствуясь скромною наградою—печатною благодарностью П. В. Шейна. Только въ 1890 году Н. Я. Никифоровскій, по совѣту близкихъ людей, выступилъ на поле вполнѣ самостоятельной литературной дѣятельности.

Изъ этнографическихъ трудовъ покойнаго наиболѣе замѣчательны: 1) Рядъ отдѣльныхъ очерковъ, вышедшихъ подъ общимъ заглавіемъ „Очерки Витебской Бѣлоруссіи“.—Очерки эти первоначально печатались въ Москвѣ въ этнографическомъ обозрѣніи, а затѣмъ выходили отдѣльными изданіями. 2) **Очерки простонароднаго житья бытья въ Витебской Бѣлоруссіи** и описаніе предметовъ обиходности. Витебскъ 1895 года (III+552+CX II с.). Ученымъ Комитетомъ Министерства Народнаго Просвѣщенія книга одобрена для фундаментальныхъ библіотекъ всѣхъ среднихъ учебныхъ заведеній Мин. Народн. Просвѣщенія. 3) **Простонародныя приміты и повѣрья**, суевѣрные обряды и обычаи легендарныя сказанія о лицахъ и мѣстахъ въ Витебской Бѣлоруссіи. Витебскъ 1897 г. (X+307+XXX стр.). Импер. Обществомъ Любителей Естествознанія, Антроп. и Этнографіи этотъ трудъ удостоенъ преміи.

Н. Я. Никифоровскій какъ бы поставилъ своею задачею выполнить въ области бѣлорусской этнографіи то, чего не сдѣлали и не додѣлали его предшественники. Изданные труды П. В. Шейна не охватываютъ всего предмета; въ нихъ разсматриваются главнымъ образомъ обряды и сопровождающія ихъ пѣсни, затѣмъ даются матеріалы, относящіеся до эпической народной поэзіи (сказки, пословицы, легенды и проч.).

Въ капитальныхъ „Бѣлорусскихъ сборникахъ“ Е. Р. Романова содержится масса разнообразнаго матеріала: пѣсни, духовные стихи, заклинанія, заговоры. Но главнымъ образомъ Е. Р. Романовъ прославился богатѣйшимъ собраніемъ бѣлорусскихъ сказокъ, тогда какъ у Шейна и другихъ бѣлорусскихъ этнографовъ не было сколько-нибудь серьезнаго собранія сказокъ.

Можно смѣло сказать, что именно Е. Р. Романовъ открылъ для науки богатую область бѣлорусскаго народнаго сказочнаго творчества, своеобразную игру народнаго ума и фантазіи.

Между тѣмъ Н. Я. Никифоровскій, оставивъ сотрудничество у П. В. Шейна и вступивъ на путь самостоятельной литературной дѣятельности, не издаетъ ни сказокъ, ни пѣсенъ (исключая частушки, это новѣйшее любопытное

образованіе народнаго творчества).—Свое вниманіе и свою богатую наблюдательность Н. Я. Никифоровскій сосредоточилъ, главнымъ образомъ, на описаніи существовавшихъ въ недавнее еще время, въ извѣстной мѣрѣ сохранившихся и теперь, особенностей семейной и общественной жизни, нравовъ, обычаевъ и повѣрій витебскаго бѣлорусса, исчезающихъ и измѣняющихся подъ напоромъ новыхъ условій жизни.—Свои наблюденія и записи Н. Я. Никифоровскій сгруппировалъ и распредѣлилъ по строго обдуманной стройной системѣ, всегда памятуя притомъ, что имѣютъ громадную научную цѣну самомалѣйшія отличительныя черты живаго народнаго быта, и стремился дать возможно болѣе полную и наглядную картину тѣхъ бытовыхъ и нравственныхъ явленій народной жизни Витебской Бѣлоруссіи, которыя обойдены или мало затронуты другими наблюдателями народной жизни и собирателями произведеній народной словесности.

Крестьянское жилище и его устройство; матеріалы и способы приготовленія пищи; мужскіе и женскіе народные костюмы, матеріалъ и способы изготовленія одежды, домашнія и полевыя, мужскія и женскія занятія и работы и употребляющіяся при этомъ орудія; пріемы охоты и рыболовства и орудія охоты и рыболовства; отраженіе въ сферѣ народной жизни крѣпостнаго права, виды и способы отбыванія барщины, панскіе слуги и управители, отношенія ихъ къ народу; быть и судьба наемныхъ рабочихъ; черты семейной и брачной жизни; предметы религіознаго чествованія и устройство деревенскихъ храмовъ; народная музыка и народное веселье; приметы и повѣрія, сопровождавшія, частью и теперь еще сопровождающія бѣлорусса отъ колыбели до могилы; представленія народа о нечистой силѣ,—все это и многое другое охарактеризовано съ самыми мельчайшими подробностями, свидѣтельствующими объ изумительной наблюдательности автора и о великой преданности и любви его къ родному народу.—А если вспомнить, что Н. Я. Никифоровскій предлагаетъ нашему вниманію не одно только собраніе сырыхъ матеріаловъ, но даетъ еще и живыя картины минувшаго народнаго прошлаго, то становится яснымъ все громадное значеніе литературныхъ работъ покойнаго. Можно смѣло сказать, что послѣ работъ Н. Я. Никифоровскаго, мы имѣемъ все, что необходимо для полной монографіи о бѣлорусскомъ племени; уловлены всѣ самомалѣйшія черты и оттѣнки народнаго быта и характера, условливающіе бытіе бѣлоруссовъ, какъ особой вѣтви русскаго племени.

Въ сочиненіяхъ Н. Я. Никифоровскаго содержится не мало матеріаловъ и для характеристики лексическаго состава языка Витебской Бѣлоруссіи. Описы-

вая тотъ или другой предметъ или явленіе, онъ приводитъ всюду ихъ мѣстное названіе, а собраніе загадокъ дано цѣликомъ на народномъ нарѣчіи.—Въ общемъ, собирается весьма значительный запасъ мѣстныхъ бѣлорусскихъ словъ и выраженій.—Но можно кое-что сказать противъ способа написанія.—Такъ, во-первыхъ, Н. Я. Никифоровскій, въ противность общеупотребительной бѣлорусской транскрипціи, нигдѣ не обозначаетъ дзеканья и цеканья.—Далѣе, нельзя не отмѣтить его пристрастіе къ звуку ъ.

Положительную черту усвоенной Н. Я. Никифоровскимъ транскрипціи словъ представляетъ широкое примѣненіе ударенiй, облегчающее правильное чтеніе бѣлорусскихъ словъ.

Труды Н. Я. Никифоровскаго получили широкую извѣстность въ ученомъ мірѣ и удостоились лестной оцѣнки просвѣщенныхъ круговъ русскаго образованнаго общества, какъ въ высшей степени цѣнный матеріалъ для самообразованія въ области русской этнографіи.

15 октября 1893 г. Императорское О-во любителей естествознанія, антропологіи и этнографіи присудило Н. Я. серебряную медаль за богатыя собранія этнографическихъ матеріаловъ, предназначенныхъ къ напечатанію въ „Извѣстіяхъ“ О-ва и за многолѣтнюю дѣятельность въ области этнографическихъ изслѣдованій, въ чемъ и выдало ему установленный дипломъ. 5-го марта 1895 г. Н. Я. избранъ Витебскимъ епарх. св. Владимирскомъ Братствомъ въ число членовъ по завѣдыванію церк.-арх. древлехранилищемъ въ г. Витебскѣ. 29 іюля 1895 г. витебскій губерн. статистич. комитетъ избралъ Н. Я. своимъ дѣйствительнымъ членомъ. 15 октября 1897 г. Императорское О-во любителей естествознанія, антропологіи и этнографіи присудило Н. Я. премію Вел. Князя Сергія Александровича за напечатанную имъ работу подъ заглавіемъ: „Простонародныя примѣты и повѣрья, суевѣрные обряды и обычаи, легендарныя сказанія о лицахъ и мѣстахъ, собранныя въ Витебской Бѣлоруссіи“. (Дипл. № 2532). 12 ноября 1897 г. Н. Я. былъ избранъ въ дѣйствительные члены Императорскаго Русскаго Географическаго О-ва (Дипл. отъ 10 марта 1898 г. № 752) и въ томъ же году вошелъ въ составъ членовъ витебскаго комитета по составленію описаній церквей и приходовъ епархіи.

Подробный обзоръ трудовъ Н. Я. Никифоровскаго и его біографія будутъ приложены нами къ имѣющему выйдти въ отдѣльномъ изданіи его сочиненію: **Записки архіерейскаго пѣвчаго.**

В. К. Стукаличъ.

О достопамятныхъ Свято-Евфросиніевскихъ дняхъ въ Полоцкѣ.

20—23-го мая 1910 года.

Воспоминанія Паломника.

I

„Она вернулась“! (1)

Такимъ возгласомъ встрѣчали Полочане вечеромъ 20-го мая 1910 года свою Святую-Преподобную Княжну Полоцкую-Евфросинію.

Да, „Она вернулась“! Святыя, нетлѣнныя Ея мощи были торжественно внесены и поставлены въ Полоцкомъ городскомъ Николаевскомъ соборѣ; онѣ были внесены при торжественномъ, красномъ звонѣ колоколовъ, при пѣніи тропаря преподобной и пасхальныхъ стихиръ! Онѣ были внесены въ соборъ подъятыя на раменахъ: членами Царственной семьи-дома Романовыхъ, четырьмя Епископами Бѣлорускихъ Епархій въ предшествіи Высокопреосвященнѣйшаго Митрополита древнѣйшей русской епархіи-Кіевскаго Флавіана, на рукахъ именитѣйшихъ гражданъ и уроженцевъ Полоцкой земли, генералитета и гражданскихъ высшихъ чиновъ мѣстной администраціи, и членами Государ-

(1) „*Листокъ № 5*“, На память о Евфросиніевскихъ торжествахъ Полоцкаго, православнаго церковнаго Братства-во имя Св. Николая и Преподобной Княжны Полоцкой Евфросиніи, издававшійся въ Полоцкѣ въ маѣ 1910 года.

ственной Думы-нарочно прибывшими для этого духовнаго торжества въ г. Полоцкъ.

„Я вернусь къ вамъ-не плачьте", говорила преподобная Княжна Полоцкая и игуменья Спасскаго, женскаго монастыря почти 740 лѣтъ тому назадъ Полоцкому Великому Князю Вячеславу Брячеславичу съ родичами его-князьями и княгинями, монахинями, причтомъ основанной Ею женской обители и собравшимися проводить ее Полочанами, когда Она готовилась отправиться въ дальній путь ко святымъ мѣстамъ, освященнымъ жизнію, страданіями и Воскресеніемъ Христа Спасителя. *„Не оставити васъ хощу, но помолитися о себѣ и о васъ на святыхъ мѣстахъ"* говорила преподобная Мать и Игуменья Евфросинія въ 1170 г., оставляя свой монастырь и родной ей Полоцкъ (2). Всѣ плакали и просили молитвъ преподобной, желали благополучнаго возвращенія въ родную землю, въ обители, гдѣ она уже болѣе 40-а лѣтъ игуменствовала и была матерью утѣшительницею всѣхъ сирыхъ и убогихъ...

Прошли вѣка! И вотъ она возвращается въ свою родную землю, въ свой древній, родной Полоцкъ и возвращается торжественно, необычайно!.. Она вернулась въ сіяніи Славы Святой Угодницы Божіей.

На срѣтеніе Св. мощей Ея къ берегамъ р. Полоты, омывающей землю у подножія Спасо-Евфросиніевской обители, стеклись тысячи православнаго Бѣлорусскаго народа, пришли и граждане Великой Руси-Московскіе хоругвеносцы, сопровождавшіе св. мощи отъ береговъ Днѣпра-отъ Кіева и жители другихъ городовъ и всей земли русской. Прибыли: Великіе Князья и Княгини Царственнаго дома Романовыхъ, Архипастыри Православной церкви во главѣ съ Высокопреосвященнѣйшимъ Митрополитомъ Кіевскимъ и Галицкимъ Флавіаномъ, Великій Князь Константинъ Константиновичъ прибылъ какъ представитель Государя Императора-на эти, многознаменательныя, религіозно-историчес-

(2) Изъ житія Преподобной Евфросиніи Кн. Полоцкой въ Степенной книгѣ Царскаго родословія.

кія торжества Бѣлой Руси; онъ прибылъ съ двумя своими юными сыновьями-кадетами, Олегомъ—„Полочаниномъ“ и Игоремъ—«Полтавцемъ»; прибыла и Августѣйшая сестра Великаго Князя—Ольга Константиновна Королева Эллиновъ, и изъ Москвы срѣтить святыню пріѣхала Великая Княгиня Елизавета Ѳеодоровна—Августѣйшая Сестра Русской Императрицы. Прибыли игумены многихъ русскихъ женскихъ обителей,—и множество Полочанъ разнаго званія и сословія(3).

Всѣ устремились въ древній „Рогнѣдонъ градъ“—къ срѣтенію святынь нетлѣнныхъ мощей Княгини Полоцкой.

И вотъ, 20-го мая 1910 года, насталъ семь вѣковъ жданный день городомъ Полоцкомъ; день возвращенія въ свой родной удѣлъ правнуки Князя Изяслава Владимировича перваго, Великаго Князя Полоцкаго и сына Рогнѣды, жены равноапостольнаго св. Князя Владиміра—просвѣтителя, свѣтомъ ученія Христова, земли Полоцкой.

„Братья Полочане! Многовѣковой разлукѣ съ матерью, преподобной Княжной Евфросиніей, сегодня конецъ! Оставивъ насъ въ 1170 году, Она, по волѣ Божіей, возвращается въ свой родной градъ—Полоцкъ. Нынѣ приспѣлъ день свѣтлаго торжества!

Воспрянь же, сѣдой Полоцкъ, въ этотъ высокорадостный день. Среди твоего населенія нѣтъ теперь былыхъ княжескихъ родовъ, изъ областного, большого стольнаго города ты сталъ теперь захудалымъ уѣзднымъ городомъ, но сохранилъ живую память о великой молитвенницѣ Преп. Евфросиніи, о созданномъ Ею храмѣ Всемилостивѣйшаго Спаса и многоцѣнномъ и великолѣпномъ Св. крестѣ, сооруженномъ Святою Княгинею для ея обители.

Изыдемъ же, Полочане, во сретѣніе нашей молитвенницы! Всѣ объединимся въ торжествѣ встрѣчи дорогой нашей матери, поклонимся

---

(3) Между ними были четыре родныхъ брата Кайгородовы—уроженцы Полоцка, генералъ лейтенанты: Несторъ и Михаилъ Никифоровичи, извѣстный профессоръ д. с. с. Димитрій Никифоровичъ съ супругой и генер. маіоръ, инженеръ Иванъ Никифоровичъ. Прибылъ и директоръ 1-го кадетскаго корпуса генер. лейт. Ѳ. А. Грибовъ съ сестрою своею. Командиръ пѣхот. Армейск. корпуса генералъ Сепарновъ, генералъ отъ артиллеріи Лисуновъ и многіе другіе.

Ей до земли и искренно, отъ глубины души воскликнемъ: Преподобная мать Евфросинія! Мы всѣ, какъ одинъ человѣкъ, срѣтаемъ тебя и радуемся Твоему возвращенію, какъ дѣти, давно и горячо ждавшіе свою любимую мать...

Да насладится же сего свѣтлаго и великаго торжества всякій, кто благочестивъ и боголюбивъ!! Да почтится этотъ день всѣми богатыми и бѣдными, и воздержанными и нерадивыми... Отнынѣ мы уже не сиры!! Съ нами великая преподобная мать, княжна Евфросинія!!! (4) „Она вернулась“! И вернулась при звонѣ колоколовъ, при торжественномъ пѣніи Пасхальныхъ Стихиръ; по пути, усыпаемому зеленью и весенними цвѣтами-юными полочанками, среди колѣнопреклоненныхъ тысячъ народа...

Встрѣча Св. Мощей произошла въ двухъ верстахъ отъ города, за такъ называемой „Витебской заставой“, у желѣзнодорожнаго віадука у котораго была устроена увитая зеленью и украшенная національными флагами Сѣнь съ возвышеніемъ. Она возвышалась среди зелени полей, освѣщаемая, мягкими, теплыми лучами майскаго, весенняго солнца. День выдался чудный! И природа кругомъ ликовала! Въ небесной лазури пѣли жаворонки, у Сѣни, по близости были разбиты палатки, —куда къ 4-емъ часамъ пополудни прибылъ изъ Полоцка Высокопреосвященнѣйшій Митрополитъ Флавіанъ съ своей духовной свитой – облачился въ полное парадное свѣтлое облаченіе; сюда-же прибыли заблаговременно: Ея Величество Королева Эллиновъ и Великая Княгиня, Елисавета Ѳеодоровна, и пришли изъ разныхъ окрестныхъ, деревенскихъ церквей—крестные ходы съ хоругвіями, образами и мѣстнымъ духовенствомъ и хорами пѣвчихъ. Они окружили Сѣнь. Около-же 3-хъ часовъ дня изъ г. Полоцка, отъ Градскаго Николаевскаго Собора, собравшись и устроившись на корпусномъ плацу, предъ историческимъ, величественнымъ памятникомъ событій 1812 года, двинулся крестный

(4) *Листокъ* „На память о Евфросиніевскихъ торжествахъ въ Полоцкѣ“. *№ 2-ой отъ 20-го мая 1910 г.* Изд. Полоцк. Церков. братства.

ходъ, отъ всѣхъ Полоцкихъ церквей и монастырей съ многочисленнымъ духовенствомъ во главѣ съ 4-я епископами, и въ сопровожденіи Великаго Князя Константина Константиновича, генералитета, всѣхъ гражданскихъ властей: — губерніи, уѣзда и города, представителей дворянства и гражданъ, среди шпалеръ войскъ и въ сопровожденіи многотысячной толпы—прибывшихъ въ Полоцкъ изъ разныхъ мѣстъ бѣлорусскаго края богомольцевъ, подъ звуки торжественнаго гимна „Коль Славенъ“ при пѣніи пѣвчихъ и народомъ Пасхальныхъ стихиръ. — Къ 4 ч. пополудни крестный ходъ прибылъ къ мѣсту встрѣчи. Кадеты Полоцкаго Кадетскаго Корпуса съ своимъ корпуснымъ знаменемъ, которое несъ Августѣйшій знаменщикъ сынъ Великаго Князя—Олегъ Константиновичъ съ хоромъ музыки и всѣмъ своимъ начальствомъ, во главѣ съ директоромъ корпуса генералъ маіоромъ Чигирь, вышли еще раньше и прошли за 7 верстъ отъ города къ сел. Струни, гдѣ находится древній храмъ и лагерь кадетскаго корпуса; тамъ кадеты встрѣтили Святыню и сопровождали ее до мѣста встрѣчи и за тѣмъ до города.

Теперь къ 4-мъ часамъ пополудни, 20-го мая, у мѣста встрѣчи сосредоточились всѣ крестные ходы Полоцка и окрестностей. Св. Хоругви и св. иконы окружили помостъ, народъ и богомольцы-паломники расположились живописными группами на окрестныхъ поляхъ. На полотнѣ желѣз. дороги стоялъ санитарный поѣздъ, украшенный флагами, съ многочисленной, нарядной публикой. Наступило общее затишье... Но вотъ, вдали, показалось облачко пыли, съ колоколень Полоцкихъ церквей раздался отдаленный трезвонъ колоколовъ. Митрополитъ и духовенство взошли подъ Сѣнь на помостъ. Митрополиту подпесли драгоцѣнный, со святыми мощами Св. крестъ Преп. Евфросиніи.. Все замерло на мигъ. Наконецъ стали доноситься звуки «Коль Славенъ»-кадетскаго музыкальн. хора и вдали показался бѣлый, серебряной парчи балдахинъ, весь украшенный цвѣтами и подъ нимъ носилки несомые духовенствомъ и на нихъ рака со святыми мощами покрытыми велико-

княжескимъ покровомъ изъ малиноваго бархата, отороченнаго горностаями... Вся многотысячная толпа богомольцевъ и народа опустилась на колѣни... Моментъ, когда показались св. мощи, когда Владыка Митрополитъ воздвигъ въ срѣтеніе ихъ св. крестъ и раздалось пѣніе духовенства тропаря „*Ублажаемъ тя преподобная Мати Евфросиніе*“ дружно подхваченный хорами пѣвчихъ и колѣно-преклоненнымъ народомъ не поддается описанію... Благодарныя, горячія слезы лились изъ глазъ молящагося и осѣнившаго себя крестнымъ знаменіемъ народа, припавшаго къ землѣ предъ святыми Мощами...

Кто пережилъ, перечувствовалъ этотъ мигъ, только тотъ можетъ оцѣнить и понять все его духовное, религіозно-національное значеніе, не только для горожанъ Полоцка, но и для всего Западно-бѣлорусскаго края, для бѣднаго, угнетеннаго многовѣковыми историческими и религіозными невзгодами бѣлорусскаго народа, сѣрыми толпами хлынувшаго на встрѣчу и поклоненіе своей завѣтной святынѣ на всемъ пути Ея отъ Кіева и до Полоцка; отъ береговъ Днѣпра—до береговъ Двины и Полоты.

„*Гряди радости Наша Преподобная Евфросинія*“! Такъ было написано на послѣдней аркѣ изъ зелени сооруженной на границѣ монастырской земли, на пути отъ Полоцка черезъ „Красный Мостъ“, на р. Полотѣ (5), по дорогѣ къ Спасскому Монастырю.

Отправившись въ Святую землю, семьсотъ слишкомъ лѣтъ тому назадъ, скромною игуменью женской обители, Она возвращается теперь „*Радость наша Полотская*“ —въ свой родной Полоцкъ, въ свою древнюю обитель, изъ дальнихъ Кіевскихъ пещеръ—Святою и прославленною, величественно и торжественно встрѣчаемая, со слезами радости и религіознаго восторга, родного Ей народа бѣлорусскаго.—... Какая великая милость Божія для нашего родного края!!— края нѣкогда

(5) Это тотъ историческій „*Красный Мостъ*“, который обагренный кровью ратниковъ Петербургекаго Ополченія, ворвавшагося первыми на разсвѣтъ 7 октября 1812 г. въ занятой непріятелемъ г. Полоцкъ.

угнетеннаго польщизной и латинствомъ, нынѣ, подъ сѣнію Св. вѣры православной и подъ защитою русскаго орла, воскресающаго къ новой, болѣе свѣтлой исторической жизни.

„Всѣ эти знаменательные дни, я живу здѣсь, въ родномъ Полоцкѣ, исключительно такими мыслями и духовно-историческимъ настроеніемъ и ни о чемъ житейскомъ, пока, думать не могу“... Я удостоился великой милости Божіей и Преподобной, подъять и понести Ея Святыя мощи, при внесеніи ихъ въ Николаевскій соборъ и за тѣмъ на пути, при перенесеніи ихъ, 22-го мая въ Спасо-Евфросиніевскій монастырь. Этой милости удостоился не только я, но и всѣ мои, младшіе братья“... Такъ писалъ, изъ Полоцка, семидесятилѣтній воинъ полочанинъ, своей шестнадцатилѣтней дочери въ С.-Петербургъ 23-го мая 1910 г., въ торжественный день памяти Преподобной Евфросиніи и положенія Ея Св. Мощей въ новую драгоцѣнную, серебряную раку въ древней, ею построенной еще въ XII столѣтіи. церкви Всемилостивѣйшаго Спаса, въ Спасо-Евфросиніевской обители.

Опуская подробности торжествъ 21-го, 22 и 23-го мая въ Полоцкѣ, болѣе или менѣе всѣмъ извѣстныхъ изъ газетъ, не могу удержаться, чтобы не привести здѣсь письма Д-ра Медицины, старшаго врача Полоцкаго Кадетскаго Корпуса А. М. Мансвѣтова. Письмо это появилось въ печати въ памятномъ Полоцкомъ Листкѣ № 7-го 25-го мая 1910 г. по поводу необычайнаго исцѣленія продолжительно больной монахини Спасо-Евфросиніевскаго монастыря Матери Н... въ самый день перенесенія Св. Мощей изъ г. Полоцка въ Спаскую обитель 22-го моя 1910 г. (6) Вотъ это письмо:

Сила Вѣры.

«Подъ впечатлѣніемъ разсказа о событіи, произошедшемъ 22-го мая 1910 г. у Мощей Св. Преподобной Евфросиніи, Княжны Полоцкой

(6) „На память о Евфросиніевскихъ торжествахъ—*Листокъ Полотскаго Церковнаго братства во Имя св. Николая и пр. Евфросиніи, княжны Полотской.* № 7-ой 25-го мая 1910 г. Г. Полотскъ.

и того, что я самъ видѣлъ 23-го мая, спѣшу подѣлиться съ истинно вѣрующими людьми подробностями этого событія.

Четыре года я лѣчилъ монахиню Спасо-Евфросиніевскаго монастыря мать Н., которая страдала ясными признаками круглой язвы желудка: продолжительными желудочными кровотеченіями, рвотою, болями желудка, истощеніемъ, полнымъ упадкомъ силъ. Въ зиму нынѣшняго (1910 г.) года эта монахиня постоянно находилась въ постели, едва поднималась, питалась только жидкою пищею, и въ послѣднее время боли приходилось остапавливать при помощи наркотическихъ средствъ. Общее состояніе больной ухудшалось, и я терялъ всякую надежду на ея выздоровленіе. Передъ внесеніемъ св. мощей въ Полоцкъ я старался подбодрить больную внутренними возбуждающими средствами и сдѣлалъ ей два вспрыскиванія спермина проф. Пеля. Улучшенія не произошло, и 19-го мая, при посѣщеніи мною монахини Н., въ послѣдній разъ она еле-еле приподнималась, страдая головокруженіемъ и отекомъ ногъ жаловалась на слабость, боли, рвоту съ кровію и пролежни. Каково же было мое удивленіе, когда днемъ 23-го мая, одна моя паціентка сообщила мнѣ, что монахиня Н. ходитъ и чувствуетъ себя здоровой. Такое быстрое выздоровленіе удивило меня, и я не могъ удержаться, что-бы не поѣхать сейчасъ-же въ монастырь и лично удостовѣриться въ происшедшемъ. Войдя на монастырскій дворъ, спросилъ монахиню, дома-ли матушка Н. При моемъ вопросѣ, со стороны сада съ радостнымъ восклицаніемъ подбѣжала ко мнѣ больная монахиня П., поздоровалась и, въ присутствіи монахинь и богомольцевъ, стала разсказывать мнѣ, проходя со мною въ свою келью, объ исцѣленіи ея у св. мощей Пр. Евфросиніи. Съ чувствомъ радости и умиленія выслушалъ я простой разсказъ монахини, осмотрѣлъ ее, поздравилъ ее съ выздоровленіемъ и сказалъ, что теперь моя помощь ей не нужна. Монахиня Н. лѣчилась не только у меня, но и у другихъ врачей г. Полоцка и прошлымъ лѣтомъ была на излѣченіи въ одной изъ общинъ г. Кіева. О болѣзненномъ ея состояніи, слабости, потерѣ всякой надежды на вы-

здоровленіе знали монахини монастыря и нѣкоторые обыватели г. Полоцка. Приписать такое быстрое улучшеніе въ ходѣ ея болѣзни медицинской помощи я не могу; считать, что болѣзнь ея происходила лишь на истерической почвѣ, я не имѣю данныхъ, т. к. неоднократно видѣлъ у больной рвоту съ кровью и нерѣдко наблюдалъ у нея полный упадокъ силъ. Мать Н., насколько я успѣлъ ознакомится съ ея міросозерцаніемъ, особа глубоко набожная. Не разъ приходилось мнѣ съ ней бесѣдовать о предстоящемъ перенесеніи св. мощей преп. Евфросиніи и меня глубоко трогала ея вѣра и упованіе на милосердіе Творца. Мое личное убѣжденіе, что въ данномъ случаѣ мы имѣемъ дѣло съ явленіемъ, которое переходитъ границы человѣческаго разумѣнія".

Д-ръ медицины Ст. Сов. А. М. Мансвѣтовъ.

Самое исцѣленіе болящей монахини Н., по словамъ очевидцевъ и слышаннаго мною разсказа, произошло такъ: по окончаніи всенощной 22-го мая, въ Новомъ большомъ храмѣ въ честь Воздиженія св. Креста Господня, въ Спаскомъ монастырѣ, куда торжественно перенесены св. мощи пр. Евфросиніи и поставлены, временно, для поклоненія молящихся и паломниковъ, посреди храма на возвышеніи и подъ балдахиномъ изъ цвѣтовъ, больная монахиня, по ея просьбѣ и желанію была приведена въ храмъ, къ св. мощамъ двумя своими сестрами монахинями, и послѣ краткаго молитвословія о болящей, она была приподнята къ св. мощамъ и сподобилась приложиться къ рукѣ преподобной; она припала къ святынѣ съ теплою вѣрою и молитвою на устахъ—и остановившись надъ Св. Мощами оставалась нѣкоторое время совершенно неподвижною и согбенною. Вдругъ она почувствовала въ себѣ, какую-то необычайную силу и бодрость, она сама приподнялась и выпрямилась и безъ всякой поддержки и помощи сестеръ сошла съ помоста и ступеней возвышенія, на которомъ покоились св. мощи. и вышла самостоятельно изъ храма, хваля Господа и Святую Преподобную Евфросинію за чудесное исцѣленіе отъ длительнаго недуга. И такъ едва успѣла Св. и Преподобная Евфросинія, Княжна Полоцкая въ Святыхъ

Своихъ Мощахъ вступить подъ своды Св. Обители своей, какъ чудодѣйственная сила Ея Святыхъ мощей проявилась воочію надъ одною изъ сестеръ монастыря—съ вѣрою ждавшей Ея возвращенія. Во истину *„Дивенъ Богъ во Святыхъ Его“*! и подтверждаются слова Св. Іоанна-Дамаскина сказавшаго: *„Что Мощи Святыхъ аки спасительные источники дарова намъ Владыка Христосъ иже многогр[illegible]чныя благодѣянія источаютъ“*.

Полочанинъ Нест. Кайгородовъ.
Дѣйствительный членъ Витебской Ученой архивной коммиссіи.

Іюнь 1910 года.
С.-Петербургъ.

75-ти лѣтіе
Полоцкаго Кадетскаго Корпуса.
1835 г.—1910 г.

Торжества празднованія 75-и лѣтія Полоцкаго Кадетскаго Корпуса распредѣлились на четыре дня.

Къ 4-му Декабря прибыли въ Г. Полоцкъ уже многіе полочане—его питомцы, въ томъ числѣ и нѣкоторые изъ служащихъ и проживающихъ въ С.-Петербургѣ; они привезли Корпусу въ подарокъ отъ Петербургскихъ полочанъ бронзовый бюстъ Императора Николая 1-го, который въ тотъ же день былъ помѣщенъ на заранѣе приготовленномъ пьедесталѣ, въ Александровскомъ залѣ Корпуса и освященъ въ присутствіи воспитанниковъ корпуса и пріѣхавшихъ гостей.

5-го Декабря, въ церкви корпуса была совершена заупокойная литургія и панихида по всѣмъ скончавшимся начальствующимъ лицамъ, наставникамъ и питомцамъ корпуса, какъ мирно почившимъ, такъ и павшимъ на полѣ брани, и память которыхъ увѣковѣчена на черныхъ мраморныхъ доскахъ висящихъ по стѣнамъ корпусной церкви. Въ часъ дня, въ этотъ же день, прибылъ изъ С.-Петербурга, съ экстреннымъ поѣздомъ отъ г. Невеля Его Императорское Высочество Великій Князь Константинъ Константиновичъ,—Августѣйшій инспекторъ Военно-Учеб-

ныхъ заведеній, со своею свитою и нѣкоторыми высокопоставленными, въ служебномъ положеніи, полочанами, которыхъ Векикій Князь любезно удостоилъ пригласить слѣдовать съ нимъ экстреннымъ поѣздомъ въ Полоцкъ. Великаго Князя встрѣтили на Николаевскомъ вокзалѣ начальствующія лица Корпуса и мѣстныя городскія и губернскія власти во главѣ съ Витебскимъ Губернаторомъ и предводителями дворянства. Въ 2 часа дня въ Константиновскомъ залѣ Корпуса состоялось представленіе Великому Князю всѣхъ пріѣхавшихъ на праздникъ родного Корпуса полочанъ, которыхъ прибыло изъ разныхъ мѣстъ великой нашей родины свыше 150 человѣкъ разныхъ возрастовъ и чиновъ, начиная отъ юношей, только что въ этомъ году произведенныхъ въ офицеры и кончая убѣленными сѣдинами полныхъ генераловъ— разныхъ родовъ оружія; были и питомцы перешедшіе въ гражданскую службу и не мало отставныхъ ветерановъ. Встрѣчи старыхъ кадетъ,— разныхъ чиновъ и возрастовъ, были задушевныя и радостныя. Полочане уже издавна славятся своимъ дружнымъ товариществомъ и неподдѣльною любовью къ воспитавшему ихъ заведенію.

Въ 6 час. вечера была совершена въ церкви корпуса митрофорнымъ архимандритомъ Полоцкаго Богоявленскаго монастыря о. Порфиріемъ съ мѣстнымъ соборнымъ и корпуснымъ духовенствомъ парадная всенощная. Прекрасно пѣлъ кадетскій хоръ, исполняющій священныя пѣснопѣнія Московскимъ знаменнымъ древнимъ напѣвомъ,—что придавало церковной службѣ особое благоговѣйное настроеніе.

Послѣ всенощной и скромнаго кадетскаго ужина и чая, всѣ присутствующіе отправились въ Александровскій залъ Корпуса, гдѣ уже находились корпусныя и городскія дамы, и воспитанницы мѣстныхъ учебныхъ заведеній; здѣсь, въ присутствіи Великаго Князя, всѣхъ кадетъ и пріѣхавшихъ гостей, былъ прочтенъ подполк. В. П. Викентьевымъ, воспитателемъ кадетъ Корпуса, краткій историческій очеркъ— основанія, развитія и жизни Корпуса за истекшее семидесятипятилѣтіе.—Этотъ краткій истории. очеркъ представлялъ извлеченіе

изъ прекрасно изданной и основательно составленной подполк. В. П. Викентьевымъ Исторіи Полоцкаго Корпуса, украшенной многими портретами и гравюрами, изъ коихъ многія относятся еще къ Іезуитскимъ временамъ XVIII и XIX столѣтія. Полоцкій кадетскій корпусъ, какъ извѣстно, размѣщается въ поіезуитскихъ зданіяхъ бывшаго Іезуитскаго монастыря и Академіи.

Послѣ чтенія историческаго очерка —Великому Князю и гостямъ былъ предложенъ въ географическомъ залѣ Корпуса чай, послѣ котораго отъ 10 час. вечера и почти до 12 часовъ происходило въ Александровскомъ залѣ, въ присутствіи Великаго Князя, соединенное засѣданіе трехъ отдѣловъ Общества Взаимопомощи Полочанъ: С.-Петербургскаго, Виленскаго, Московскаго. На засѣданіе, на которое собралось болѣе 200 полочанъ, въ оживленныхъ преніяхъ, подъ предсѣдательствомъ избраннаго собраніемъ предсѣдателя, генералъ-лейтенанта Н. Н. Кайгородова.—обсуждались товарищескія дѣла и установилась солидарность въ взаимопомощеской дѣятельности отдѣловъ—въ помощи нуждающимся товарищамъ.—Многіе юные и старые полочане—съѣхавшіеся съ разныхъ концовъ Россіи вступили въ члены общества и тѣмъ увеличили его денежныя средства.

Въ 12 час. состоялся товарищескій оживленный ужинъ въ залѣ 3-ей роты Корпуса. Такъ закончился этотъ день торжествъ. Корпусъ гостепріимно размѣстилъ въ своихъ стѣнахъ почти всѣхъ съѣхавшихся полочанъ. Его Императорское Высочество Великій Князь, со своею свитою, также помѣщался въ корпусѣ. Далеко за полночь, велась въ разныхъ покояхъ и камерахъ корпуса товарищескія бесѣды. Съѣхавшіеся дѣлились воспоминаніями о прожитыхъ годахъ въ корпусѣ—и о радостяхъ и невзгодахъ служебныхъ и житейскихъ.

6-го Декабря, въ 9 час. утра, громкій, звучный и торжественный благовѣстъ Николаевскаго, нынѣ городскаго, а тридцать лѣтъ тому назадъ еще корпуснаго, собора возвѣстилъ начало торжественнаго Николина дня. Гдѣ только не молится Святая Русь Великому Угоднику

Божьему и Чудотворцу Николаю—въ этотъ день 6-го Декабря! Вотъ юные и старые кадеты, собрались подъ сводами своего древняго, монументальнаго зданія,—въ свою скромную, но благолѣпную и блиставшую безъукоризненной чистотой домашнюю церковь. Въ 10 часовъ началась Божественная Литургія. Церковь вся заполнилась блестящими мундирами офицеровъ и генераловъ. Какихъ только военныхъ формъ тутъ не было?—Сѣдые полные генералы въ лентахъ и звѣздахъ; юные подпоручики и поручики въ блестящихъ кавалерійскихъ мундирахъ и новыхъ головныхъ уборахъ и пѣхотные въ новой формѣ изящныхъ киверовъ; здѣсь и скромные черные фраки и нарядные свѣтлые костюмы матерей и сестеръ учащихся еще кадетъ и женъ служащихъ въ корпусѣ офицеровъ. Литургія закончилась торжественнымъ молебномъ Св. Николаю и многолѣтіемъ Державному вождю Русской арміи и тезоименитому хозяину Земли Русской.

Стройно раздавалось пѣніе кадетъ на правомъ клиросѣ церкви, а на лѣвомъ вторилъ хоръ экспромтомъ сформировавшійся изъ офицеровъ старыхъ полочанъ, подъ управленіемъ отставного генералъ-лейтенанта Ларіонова, пѣвшаго басомъ и дирижировавшаго кадетскимъ хоромъ, еще въ Николаевскомъ Соборѣ въ пятидесятыхъ годахъ прошлаго столѣтія. Дружно, стройно и тепло сливались голоса юныхъ полочанъ кадетъ уже XX-го столѣтія съ старческими голосами кадетъ XIX столѣтія. Царское многолѣтіе и многолѣтіе служащимъ, учащимся и учившимся въ корпусѣ полочанамъ—было дружно и стройно пропѣто обоими хорами—и офицерскимъ и кадетскимъ. Окончилась церковная служба—и два старыхъ корпусныхъ знамени, одно еще 30-хъ, а другое 50-хъ годовъ, пожалованные Полоцкому Кадетскому Корпусу Императоромъ Николаемъ I-мъ, были отнесены къ строю кадетъ, построившихся въ Александровскомъ залѣ для торжественной встрѣчи Августѣйшаго Инспектора и начальствующихъ лицъ. На лѣвомъ флангѣ кадетъ, заполнивъ почти треть обширнаго зала, выстроились въ нѣсколько шеренгъ старые и молодые полочане-гости, прибывшіе на праздникъ своего род-

ного Корпуса; противъ строя кадетъ, по обѣимъ сторонамъ бюста Императора Николая 1-го, стали депутаціи прибывшія привѣтствовать Корпусъ съ его 75-ти лѣтіемъ. Предъ строемъ кадетъ, при ассистентахъ, стали два корпусныхъ знамени.

Первымъ здоровался и привѣтствовалъ корпусъ съ праздникомъ командиръ 20-го Армейскаго Корпуса, также бывшій его питомецъ, генералъ-отъ-инфантеріи Смирновъ; затѣмъ вошелъ въ залъ Великій Князь Константинъ Константиновичъ со своею свитою, и, обойдя фронтъ кадетъ, сталъ передъ фронтомъ у бюста Императора Николая I-го, основателя корпуса. Водворилась мертвая тишина, раздалась команда „Слушай на караулъ“ строевой ротѣ кадетъ бывшей подъ ружьемъ, и Великій Князь громко прочелъ привѣтственную телеграмму Корпусу, полученную на его имя отъ Государя Императора.

Дружное ура полочанъ было отвѣтомъ на царскій привѣтъ и затѣмъ продолжительные звуки народнаго гимна «Боже Царя Храни», исполненнаго кадетскимъ духовымъ оркестромъ, огласили обширный залъ, заполненный строемъ кадетъ и блестящей публикой. Когда смолкли звуки народнаго гимна Великій Князь прочелъ отвѣтную, благодарственную телеграмму Корпуса Государю Императору, также сопровождавшуюся звуками народнаго гимна и дружнымъ «ура» всѣхъ полочанъ отъ мала до велика. Затѣмъ директоръ корпуса, генералъ-маіоръ Чигирь, провозгласилъ «ура» за генералъ инспектора Военно-Учебныхъ заведеній Великаго Князя Константина Константиновича, за Великую Княгиню Елизавету Маврикіевну и за всю семью Великаго Князя; — затѣмъ слѣдовало „ура“ гостямъ старымъ полочанамъ и всѣмъ прислашимъ Корпусу привѣтствія, — а таковыхъ привѣтствій и телеграммъ съ разныхъ концовъ Россіи было болѣе 300.

Послѣ этого, директоромъ Корпуса былъ начатъ пріемъ депутацій и чтеніе адресовъ и привѣтствій: отъ Городскаго Управленія г. Полоцка, въ составѣ городского головы и членовъ управы и гласныхъ, — весьма теплый адресъ былъ прочтенъ городскимъ головой Н. О. Лоско-

вичемъ; причтомъ Николаевскаго городск. собора была поднесена корпусу икона св. Николая Чудотворца и привѣтственное слово сказалъ соборный протоіерей О. Гнѣдовскій; отъ Спасо-Евфросиніевскаго монастыря также была поднесена икона св. Преподобной Княжны Полотской Евфросиніи, произнесено привѣтствіе и прочитанъ адресъ благочинною монахиней Ангелиной. Потомъ слѣдовали адреса: отъ старшаго изъ Губернскихъ Кадетскихъ Корпусовъ—Нижегородскаго графа Аракчеева кадетскаго Корпуса, прочитанный воспитателемъ этого корпуса, бывшимъ полочаниномъ кап. Громецъ; отъ 5-го желѣзнодорожнаго баталіона располож. въ г. Полоцкѣ прочитанный полков. Федоровымъ. Затѣмъ, чрезвычайно теплое и энергичное привѣтствіе было произнесено Предсѣдателемъ Витебской Ученой Архивной Комиссіи,—товарищемъ прокурора Витебскаго Окружнаго Суда В. А. Кадыгробовымъ,—указавшимъ въ своей прекрасной рѣчи—на гражданскія заслуги бывшихъ питомцевъ Полоцкаго Корпуса—давшихъ Россіи многихъ ученыхъ, профессоровъ и литераторовъ; *) были адреса и привѣтствія отъ Витебской дирекціи Народныхъ Училищъ и подвѣдомственныхъ ей учебныхъ заведеній г. Полоцка; отъ Полоцкихъ женскихъ учебныхъ заведеній—

*) „Ваше Императорское Высочество! На долю мою выпала высокая честь быть представителемъ Витебской Ученой Архивной Комиссіи на сегодняшнемъ юбилейномъ торжествѣ.

Минуло всего лишь три четверти вѣка съ тѣхъ поръ, какъ Державною Волею незабвеннаго Государя Императора Николая Павловича Полоцкій Кадетскій Корпусъ призванъ на служеніе Престолу и Отечеству. Но за этотъ періодъ времени Полоцкій Корпусъ уже создалъ свою исторію, являющуюся какъ бы продолженіемъ славной исторіи древняго Полоцкаго Княжества, свидѣтельствующую о духовной связи минувшихъ временъ съ настоящимъ Полоцкаго края и лишній разъ подтверждающую, что не перевелись на землѣ Русской богатыри. Исторія Полоцкаго Кадетскаго Корпуса, по которой красной нитью проходятъ безпредѣльная любовь и непоколебимая преданность Царю и Отечеству, полна страницъ съ именами полочанъ, прославившихъ воспитавшій ихъ Кадетскій Корпусъ какъ въ сраженіяхъ, проявляя беззавѣтную храбрость, такъ и въ мирной обстановкѣ, принимая на всѣхъ поприщахъ государственной и общественной жизни энергичное участіе въ дѣятельности, направленной на дальнѣйшее преуспѣяніе, подъ скипетромъ обожаемыхъ Монарховъ, нашей необъятной, единой, недѣлимой Россіи.

женской гимназіи и прогимназіи; отъ Полоцкаго Спасо-Евфросиніевскаго Епархіальнаго женскаго училища поднесла начальница училища монахиня Нина; адреса отъ Полоцкаго духовнаго училища, отъ Полоцкаго реальнаго училища были прочитаны ихъ начальниками. Затѣмъ привѣтъ отъ всѣхъ старыхъ полочанъ произнесъ генералъ-лейтенантъ въ отставкѣ Н. Н. Кайгородовъ, обратившійся въ концѣ своей рѣчи съ просьбою къ Его Императорскому Высочеству Великому Князю Константину Константиновичу — повергнуть къ стопамъ Государя Императора—какъ правнуку Основателя Полоцкаго Кадетскаго Корпуса—глубокую, искреннюю благодарность всѣхъ бывшихъ кадетъ полочанъ за то воспитаніе и образованіе, которое они получили въ Корпусѣ - основанномъ Его Прадѣдомъ, и гдѣ учатся и воспитываются теперь ихъ дѣти и внуки.

Парадъ закончился церемоніальнымъ маршемъ кадетъ корпуса и всѣхъ старыхъ полочанъ, прошедшихъ бодро, родостно предъ Великимъ

Кто изъ насъ, вѣрныхъ сыновъ своей Родины, не гордится именами полочанъ, сложившихъ головы на полѣ брани въ кампаніи крымскую, турецкую, китайскую и японскую?

Чье сердце и теперь не обливается кровью, при воспоминаніи о безвременной кончинѣ ставшаго уже легендарнымъ народнымъ героемъ полочанина Романа Исидоровича Кондратенко?

Кто не знаетъ, что воспитателемъ нашего Обожаемаго, нынѣ благополучно Царствующаго Государя былъ полочанинъ? Что Его Императорскому Высочеству Великому Князю Константину Константиновичу благоугодно было дать образованіе Августѣйшему Своему Сыну Его Высочеству Князю Олегу Константиновичу въ Полоцкомъ Корпусѣ?

Кому неизвѣстно, что Полоцкій Кадетскій Корпусъ далъ воспитаніе и общее образованіе натуралисту Кайгородову, математикамъ Кирпичевымъ, историкамъ Бобровскому и Дубровину, литератору Семевскому, драматургу Туношенскому, композитору Траилину, поэту Дмитріеву и многимъ другимъ?..

Заслуги Полоцкаго Корпуса такъ велики, что Витебская Ученая Архивная Комиссія, привѣтствуя Корпусъ съ его юбилеемъ и выражая ему горячія пожеланія дальнѣйшаго процвѣтанія, можетъ съ чувствомъ національной гордости и глубокаго восхищенія ограничить ихъ однимъ пожеланіемъ, чтобы Полоцкій Кадетскій Корпусъ былъ для Царя и Россіи всегда тѣмъ, чѣмъ онъ былъ для нихъ доселѣ!"

Княземъ, генералъ Инспекторомъ Корпуса. — Торжество закончилось около 3-хъ часовъ, послѣ чего всѣ отправились въ историческую, существующую еще съ іезуитскихъ временъ, обширную столовую кадетскаго Корпуса, гдѣ, совмѣстно съ юными нынѣшними кадетами, былъ предложенъ отъ корпуса завтракъ всѣмъ гостямъ и депутаціямъ. Завтракъ удостоилъ своимъ присутствіемъ и Великій Князь.—За завтракомъ здравицы—за Августѣйшаго Тезоименитаго, за Великаго Князя, процвѣтаніе корпуса, за старыхъ и молодыхъ кадетъ полочанъ и всѣхъ наставниковъ и начальствующихъ Корпуса—пились „русскимъ медомъ“ изъ особыхъ, бѣлыхъ кружекъ, съ эмблемою корпуса—изображеніемъ ядра, влетѣвшаго въ зданіе корпуса еще въ 1812 г., и вдѣланнаго въ корридорѣ корпуса, ведущемъ въ столовую съ истор. надписью вокругъ *„7-го Ноября 1812 г.“* Эти юбилейныя, фарфоровыя кружки, директоромъ корпуса было предложено всѣмъ присутствующимъ взять себѣ на память о 75-ти лѣтіи Корпуса, а также каждому изъ прибывшихъ на торжества Корпуса полочанамъ—была подарена объемистая и прекрасная—«Исторія Полоцкаго Кадетскаго Корпуса», подп. В. П. Викентьева.

День 6-го Декабря закончился музыкальнымъ концертомъ исполненнымъ оркестрами кадетъ: духовымъ, струннымъ и хоромъ балалаечниковъ, по обширной программѣ, — и въ заключеніе, послѣ концерта, блестящимъ баломъ, на которомъ танцовали молодые и старые полочане. На балъ были приглашены семьи всѣхъ служащихъ въ Корпусѣ, родственники и родственницы кадетъ, члены депутаціи и воспитанницы женскихъ учебныхъ заведеній. Оживленные танцы, въ роскошно и изящно убранныхъ залахъ и классахъ Корпуса, продолжались до 3-хъ часовъ утра.—Корпусный балъ удостоилъ своимъ присутствіемъ и Его Императорское Высочество Великій Князь, который прямо изъ Корпуса въ 2 часа ночи отправился сопровождаемый генералами, при немъ состоящими, въ г. Варшаву для инспекціи Суворовскаго Кадетскаго Корпуса.

На другой день 7-го Декабря, нѣкоторые изъ пріѣхавшихъ на праздникъ корпуса—полочанъ разъѣхались по домамъ, но большинство еще осталось и въ 6 ч. вечера состоялся товарищескій обѣдъ по подпискѣ, въ мѣстномъ городскомъ клубѣ, на который собралось болѣе 120 человѣкъ и кромѣ бывшихъ кадетъ, въ немъ приняли участіе и большинство служащихъ нынѣ при корпусѣ, во главѣ съ директоромъ Корпуса.

Обѣдъ прошелъ весьма оживленно, было много тостовъ и здравицъ, и отъ всей семьи собравшихся полочанъ была послана на имя Военнаго Министра телеграмму, съ просьбой повергнуть къ стопамъ Его Императорскаго Величества вѣрноподданническія чувства старыхъ и молодыхъ полочанъ, на которую былъ полученъ 8-го декабря отвѣтъ Военнаго Министра на имя старѣйшаго изъ подписавшихъ телеграмму полочанъ генералъ-лейтенанта Н. Н. Кайгородова слѣдующаго содержанія: „Полоцкъ Генер.-Лейт. Кайгородову, на всеподданнѣйше доложенной телеграммѣ подписанной Вами и директоромъ Корпуса, съ выраженіемъ вѣрноподданническихъ чувствъ бывшихъ кадетъ полочанъ Государь Императоръ собственноручно изволилъ Начертать *«Искренно благодарю семью бывшихъ кадетъ полочанъ»*. Генералъ отъ Кавалеріи Сухомлиновъ“.

Долго еще въ дружной товарищеской бесѣдѣ пировала семья полочанъ,—вспоминалось прошлое, пѣлись кадетскія пѣсни и даже устроились импровизированные танцы.

Такъ закончился праздникъ полочанъ и на другой день уже большинство отправилось по домамъ, благодарно вспоминая радушіе и чрезвычайную любезность, оказанную старымъ, бывшимъ кадетамъ – всей семьей кадетъ и служащихъ нынѣ въ Полоцкомъ Кадетскомъ Корпусѣ.

15-го Декабря 1910 г.
С.-Петербургъ.

Старый Полочанинъ.
Выпуска 1856 года.

Засѣданіе Витебскаго Губернскаго Комитета по дѣламъ земскаго хозяйства

5 февраля 1911 года,

по вопросу о денежномъ ассигнованіи на сооруженіе въ г. Витебскѣ памятника героямъ Отечественной Войны 1812 года.

---

5 февраля 1911 года на засѣданіи Витебскаго Губернскаго Комитета по дѣламъ земскаго хозяйства, происходившемъ подъ предсѣдательствомъ Витебскаго Губернатора барона Б. Б. Гершау-Флотова, было между прочимъ заслушано ходатайство Витебской ученой архивной комиссіи объ ассигнованіи денежной суммы на сооруженіе въ г. Витебскѣ памятника героямъ Отечественной Войны. Ходатайство комиссіи поддерживалъ ея предсѣдатель В. А. Кадыгробовъ, сказавшій рѣчь слѣдующаго содержанія:

„Господа представители Витебской земли! Въ исторіи каждаго народа, каждаго государства бываютъ такія событія, которыя, далеко выходя за предѣлы повседневной жизни, и представляя собою явленія или высоко радостныя, или глубоко тягостныя, оставляютъ послѣ себя неизгладимый слѣдъ, отражаясь на дальнѣйшемъ ходѣ исторіи этого народа. Наша тысячелѣтняя исторія изобилуетъ такими событіями. И если послѣдніе годы дали много горя и страданія чувству нашей національной гордости, если мы пережили несчастную русско-японскую войну и народныя волненія, то эти, выпавшія на долю русскаго народа несчастья, являясь временными, случайными, не могутъ ни сломить русской мощи, ни измѣнить хода нашей исторіи, свидѣтельствующаго о постоянномъ ростѣ русскаго могущества. Объ этомъ нельзя забывать и надо всегда помнить о выдающихся моментахъ исторіи нашего государства, нашего народа. Одинъ изъ такихъ моментовъ приближается. Черезъ годъ исполняется 100 лѣтъ съ того времени, какъ великій русскій народъ, объединившись въ дружной со-

вмѣстной борьбѣ за Вѣру, Царя и Отечество, одержалъ побѣду надъ непобѣдимымъ до того времени Наполеономъ, который вторгнулся въ наше отечество „съ двунадесятью покоренными имъ языками“ и съ позоромъ изгналъ изъ нашихъ предѣловъ этого геніальнаго завоевателя, предъ которымъ склонялась вся Европа. Этой побѣдой русскій народъ не только освободилъ свою страну отъ возможнаго непріятельскаго ига, но и даровалъ и обезпечилъ свободу всѣмъ западно-европейскимъ государствамъ. Эпоха Отечественной Войны 1812 г., покрывшая безсмертной славой русскій народъ и русское оружіе, никогда не забудется и всегда будетъ, переходя изъ поколѣнія въ поколѣніе, свидѣтельствовать о нашей мощи. Но если память о славной родинѣ жива и будетъ жива въ русскихъ сердцахъ, то особенно дорого для нашего національнаго самосознанія предстоящее празднованіе 100-лѣтія со времени этой войны. Этотъ юбилей не можетъ явиться для насъ пустымъ звукомъ; онъ слишкомъ много говоритъ нашему сердцу: онъ долженъ быть надлежаще ознаменованъ. Въ чемъ-же должно состоять это чествованіе. Очевидно, что связанной съ нимъ славою мы обязаны нашимъ предкамъ, героямъ Отечественной Войны, и въ чествованіи ихъ памяти и должно главнымъ образомъ выразиться это празднованіе. Ихъ безпримѣрному геройству, ихъ беззавѣтной преданности и любви къ Царю, Престолу и Отечеству, имъ, положившимъ душу свою за други своя, мы обязаны своей національной независимостью, своимъ могуществомъ и о нихъ-то теперь мы и должны вспомнить. Теперь, какъ 100 лѣтъ тому назадъ для борьбы съ нашествіемъ иноплеменныхъ, снова всколыхнулась вся Россія. И теперь она стремится объединить свои желанія, свои стремленія, но на этотъ разъ не для борьбы съ непріятелемъ, но для достойнаго чествованія героевъ, побѣдившихъ его. Отовсюду несутся вѣсти о построеніи храмовъ, музеевъ, памятниковъ, инвалидныхъ домовъ и т. п. для ознаменованія приближающагося юбилея. Эта мысль нашла себѣ отклик у насъ въ Витебской губерніи, гдѣ въ г. Витебскѣ по иниціативѣ ученой архивной коммиссіи образована изъ представителей коммиссіи и мѣстнаго городского самоуправленія спеціальная комиссія по подготовленію чествованія юбилея Отечественной Войны. Витебская губернія, чрезъ которую лежалъ путь Наполеона къ сердцу Россіи, въ предѣлахъ которой произошелъ цѣлый рядъ кровопролитныхъ сраженій, такъ залитой въ 1812 г. кровью нашихъ предковъ, грудью своей защищавшихъ родную страну, не можетъ быть безмолвной во время празднованія этого юбилея, не можетъ дольше оставаться къ памяти своихъ героевъ такой же безучастной, какой она была до сихъ поръ.

Вѣдь, несмотря на то, что много тысячъ нашихъ предковъ погибло славной смертью на полѣ брани въ сраженіяхъ, происходившихъ въ 12 году въ предѣлахъ Витебской губерніи, какъ ни больно въ этомъ сознаться, память ихъ доселѣ ничѣмъ нами не увѣковѣчена... Мнѣ могутъ сказать, что существуютъ памятники въ Полоцкѣ, Клястицахъ, Сивошинѣ... Да, существуютъ такъ-же, какъ и въ Смоленскѣ, Бородинѣ, Москвѣ и нѣкоторыхъ другихъ городахъ, но вѣдь это памятники, поставленные правительствомъ, свидѣтельствующіе лишь о главнѣйшихъ сраженіяхъ, поставленные главнымъ образомъ павшимъ воинамъ арміи. Между тѣмъ не только армія, но и весь народъ принималъ участіе въ этой войнѣ. Велась не только большая, обыкновенная, но и малая, партизанская война. И этой партизанскою войною, участіе въ ней всего народа, всего населенія государства, объясняется быстрое и успѣшное окончаніе войны. А разъ весь народъ принималъ участіе въ войнѣ, разъ весь народъ далъ безчисленное множество, хотя и незамѣтныхъ, славныхъ героевъ, то весь народъ и долженъ объединиться и въ увѣковѣченіи ихъ памяти. Это должно быть безусловно дѣломъ общенароднымъ, являясь нашимъ долгомъ, нашей священной обязанностью. Что же мы, витебляне, въ этомъ направленіи должны сдѣлать? Должны-ли мы построить какое-либо общеполезное учрежденіе или же соорудить нашимъ героямъ памятникъ-монументъ! Разумѣется, что открытіе школъ, больницъ и т. п. учрежденій въ нашей еще недостаточно культурной странѣ представляется въ высшей степени желательнымъ, такъ какъ потребность въ нихъ очень велика, но устраняетъ-ли это нашу обязанность соорудить монументъ, который явился-бы изъ рода въ родъ идейнымъ выраженіемъ доблести героевъ Отечественной Войны и выраженіемъ признательности ихъ потомковъ? Конечно—нѣтъ. Если каждый изъ насъ стремится поставить памятникъ или хотя-бы крестъ на могилѣ каждаго изъ своихъ близкихъ, то неужели-же мы, хотя-бы теперь, сто лѣтъ спустя, не поставимъ общими усиліями памятника тѣмъ тысячамъ героевъ, даже мѣстонахожденіе могилъ которыхъ теперь неизвѣстно. Мнѣ скажутъ, что нельзя строить безполезнаго монумента, разъ насущныя потребности не удовлетворены вполнѣ, разъ не хватаетъ школъ, больницъ, но это возраженіе едва-ли убѣдительно. Вѣдь хоронимъ-же мы своихъ родныхъ, даже когда у насъ не хватаетъ хлѣба насущнаго, въ гробахъ сдѣланныхъ изъ досокъ и ставимъ на могилахъ ихъ кресты, а вѣдь это сопряжено съ расходами. Если-бы мы просто закапывали умершихъ въ ямы, то вѣдь у насъ получилась-бы значительная экономія досокъ и бревенъ, изъ которыхъ можно было-бы вы-

строить не одну школу, больницу. Но вѣдь никто-же изъ насъ не допуститъ возможности такого осквернения близкихъ намъ лицъ. Вообще практическіе расчеты не всегда могутъ быть приняты въ соображеніе и въ особенности въ тѣхъ случаяхъ, когда рѣчь идетъ о матеріальныхъ затратахъ очень ничтожныхъ сравнительно съ тѣми идеями, во имя которыхъ онѣ дѣлаются. Поэтому, думается мнѣ, вопросъ объ увѣковѣченіи памяти героевъ, павшихъ въ 1812 г., сооруженіемъ имъ памятника недо рѣшить утвердительно. Гдѣ-же долженъ быть сооруженъ этотъ памятникъ? Въ этомъ случаѣ, мнѣ кажется, надо остановиться на г. Витебскѣ, который не только является административнымъ центромъ губерніи, куда постоянно пріѣзжаютъ жители уѣздовъ, но который вмѣстѣ съ тѣмъ былъ въ іюлѣ и октябрѣ 1812 г. мѣстомъ кровопролитныхъ сраженій и одно время служилъ резиденціей самого Наполеона. Избраніе г. Витебска мѣстомъ сооруженія памятника является самымъ желательнымъ и потому, что, повторяю, мѣстонахожденіе большинства могилъ героевъ 12 года въ настоящее время неизвѣстно, что въ Полоцкѣ и Клястицахъ, гдѣ происходили главнѣйшія сраженія въ предѣлахъ Витебской губ., уже имѣются правительственные памятники, и что подъ Витебскомъ наши потери убитыми и ранеными были болѣе $3^1/_2$ тысячъ человѣкъ. Останавливаясь на той формѣ, которую долженъ имѣть памятникъ и на матеріальныхъ средствахъ, необходимыхъ на его сооруженіе, я долженъ сообщить вамъ, гг. земскіе дѣятели, что вопросы эти обсуждались въ состоящей подъ моимъ предсѣдательствомъ коммисіи, при чемъ мы нашли, что памятникъ этотъ не долженъ быть сложной конструкціи, но простъ и изященъ. Для того, чтобы эти условія были достигнуты, мы объявили чрезъ Императорское С.-Петербургское общество архитекторовъ конкурсъ на составленіе проекта памятника, причемъ за лучшіе назначены три преміи—въ 300, 200 и 100 руб. Срокъ этого конкурса оканчивается 15 марта, послѣ чего проекты, по разсмотрѣніи ихъ жюри будутъ выставлены въ городской управѣ на судъ витеблянъ. Что-же касается до денежныхъ средствъ, то начало фонду на сооруженіе памятника положено нашимъ витебляниномъ, извѣстнымъ авіаторомъ Піотровскимъ, прочитавшимъ съ этой цѣлью, по моему приглашенію, лекцію о завоеваніи воздуха, давшую вмѣстѣ съ пожертвованіями около 500 руб. Затѣмъ Витебской городской думой на предварительныя изысканія ассигновано 500 р. и устроенный мной 3 февраля въ городскомъ театрѣ спектакль далъ чистаго дохода около 400 руб. Спектакль этотъ, привлекшій столько публики, что многимъ не хватило мѣстъ, хотя шла пьеса уже ставившаяся въ текущемъ сезо-

нѣ, указываетъ, между прочимъ, насколько желательно витеблянамъ скорѣйшее сооруженіе въ Витебскѣ памятника Отечественной Войны. Кромѣ этихъ 1½ т., уже поступившихъ въ соединенную комиссію, на дняхъ съѣздъ дворянъ по моему ходатайству, ассигновалъ 2000 руб., затѣмъ ожидается ассигнованіе нѣкоторой суммы гор. Витебскомъ, а также и другими городами нашей губерніи. Но этихъ средствъ далеко не хватитъ, потому что всего, считая ограду, фонари и т. п. понадобится не менѣе 20 тыс. руб. и, такимъ образомъ, если земству не угодно будетъ принять участіе въ этомъ патріотическомъ дѣлѣ, то придется прибѣгнуть не только къ дальнѣйшему устройству лекцій, спектаклей, но и къ всероссійской подпискѣ. Но это послѣднее средство представляется крайнимъ, нежелательнымъ, такъ какъ оно покажетъ нашу несостоятельность въ такомъ великомъ идейномъ дѣлѣ. Увѣковѣчивать память нашихъ Витебскихъ героевъ будемъ мы и деньги на памятникъ должны найтись у насъ, витеблянъ. И прежде всего должны откликнуться сословія, общественныя организаціи. Откликнулось дворянство, откликнутся города, должно откликнуться и земство; національная и вѣроисповѣдная рознь не можетъ имѣть значенія при разрѣшеніи вопроса объ участіи земства въ сооруженіи памятника, какъ не имѣла она значенія въ 1812 г., когда подъ русскими знаменами сражались на ряду съ русскими—русскіе подданные: поляки, нѣмцы, а также и другіе инородцы. Что касается до размѣра ассигнованія, то этотъ вопросъ я не берусь разрѣшить. Я обращаюсь къ вашему уму и главнымъ образомъ сердцу, оно подскажетъ вамъ, сколько вы должны ассигновать. Мнѣ казалось-бы 5000 руб. Вы можетъ быть найдете эту цыфру или слишкомъ большой или малой. Одно съ увѣренностью я могу сказать, въ одномъ я не сомнѣваюсь, это въ томъ, что вы не откажетесь участвовать въ этомъ дѣлѣ, хотя не могу не замѣтить, что если-бы вы даже и не приняли этого участія, то памятникъ все же будетъ сооруженъ, такъ какъ въ этомъ случаѣ мы найдемъ средства путемъ всероссійской подписки».

Послѣ окончанія рѣчи В. А. Кадыгробова, выслушанной съ полнымъ вниманіемъ, начались пренія.

И. А. Гребницкій, не отрицая необходимости увѣковѣченія памяти павшихъ во время сраженій при Витебскѣ воиновъ, высказывается противъ осуществленія этой мысли путемъ постановки монумента-памятника мертваго, который будетъ гдѣ-то забытымъ стоять. Онъ предлагаетъ создать памятникъ живой, школу, напримѣръ; этотъ памятникъ лучше сохранитъ память о подвигѣ русской земли.

Епархіальный наблюдатель о. Н. Серебренниковъ находитъ неудобнымъ возражать противъ такого патріотическаго дѣла, какъ постройка памятника. Возражать противъ сооруженія этого памятника, это значитъ—вообще возражать противъ памятниковъ. Начнутся возраженія противъ постановки памятниковъ и на могилахъ. Если дворянство ассигновало на возведеніе памятника 2000 руб., то комитету, являющемуся выразителемъ всѣхъ сословій, населяющихъ губернію, нужно дать большую сумму.

С. И. Лопацинскій, высказавъ свою нелюбовь къ Наполеону за то, что онъ тягалъ польскія войска не только на Русь, но и въ Египетъ и ничего для поляковъ не сдѣлалъ, присоединяется къ мнѣнію И. А. Гребницкаго: лучше создать памятникъ—школу для населенія самаго бѣднаго, непросвѣщеннаго.

Ф. А. Шлиппенбахъ замѣчаетъ непостоянство г.г. Дриссенскихъ гласныхъ: когда вопросъ поднимается о школахъ—они возражаютъ, теперь имъ вдругъ захотѣлось именно школы.

В. А. Владимировъ, признавая громадное значеніе памятниковъ, какъ показателей культурности страны, которое видно на примѣрѣ грековъ и римлянъ, высказывается за памятникъ. У насъ много памятниковъ старины въ видѣ церквей, монастырей; пора уже намъ имѣть и культурные памятники, мы вѣдь за послѣднее время такъ быстро приближаемся къ культурному состоянію.

И. А. Сушкевичъ высказывается за памятникъ. Созданію памятника 1812 года именно теперь необходимо придти на помощь. Этотъ памятникъ будетъ не мертвой глыбой камней, а живой книгой, по которой наше подрастающее поколѣніе—наши дѣти—прочтутъ уроки безпредѣльной преданности нашихъ предковъ Царю и Отечеству.

В. Ф. Заблоцкій высказывается за прекращеніе преній въ виду полной увѣренности, что Комитетъ баллотировкой дастъ средства на созданіе памятника.

Послѣднимъ выступилъ гласный Люцинскаго уѣзда кр. Ф. Ф. Образцовъ. Въ началѣ онъ пытается резюмировать пренія. „Одни“, говоритъ онъ, „говорятъ надо устроить живой памятникъ, полезный, другіе—навалить груду камней“. (Замѣчается движеніе среди гласныхъ, слышатся голоса: „Не такъ надо понимать, это будетъ памятникъ, а не груда камней, памятникъ какъ въ Полоцкѣ, напримѣръ“). Это вмѣшательство оказывается излишнимъ; гласный, не смущаясь, продолжаетъ свою мысль: „Если мы сдѣлаемъ памятникъ, который бы

пользу приносилъ, какая въ этомъ для насъ честь: мы всегда стараемся дѣлать для себя полезное; другое дѣло, если мы поставимъ памятникъ", (дружные аплодисменты).

Баллотировкой постановлено ассигновать въ распоряженіе ученой архивной комиссіи **на сооруженіе памятника 5000 руб.**

В. А. Кадыгробовъ, выразивъ отъ имени комиссіи чувства глубокой благодарности Комитету за щедрый даръ, проситъ Комитетъ избрать изъ своей среды члена въ соединенную комиссію по сооруженію памятника и обѣщаетъ фотографію памятника разослать по всѣмъ волостнымъ правленіямъ и училищамъ губерніи.

Комитетъ единогласно избралъ губернскаго предводителя дворянства П. А. Ренгартена*).

---

*) „Вит. Губ. Вѣд.", 9 февраля 1911 г., № 31.

Торжественное засѣданіе Витебской ученой архивной коммиссіи, посвященное памяти П. А. Столыпина.

„Вамъ нужны великія потрясенія,
Намъ нужна великая Россія".

Изъ рѣчи въ Г. Думѣ П. А. Столыпина.

Неожиданно разразившаяся тяжелая кіевская драма, закончившаяся мученическою смертью великаго гражданина земли русской и рѣдкаго государственнаго дѣятеля П. А. Столыпина повергла наше отечество отъ царскихъ чертоговъ до крестьянской избы въ глубокую печаль и скорбь. Невыразимо грустно и до боли сердца обидно сознавать, что лучшаго и перваго русскаго человѣка нѣтъ и нѣтъ потому, что онъ сраженъ предательской пулей въ самомъ расцвѣтѣ своихъ духовныхъ силъ. Взрывъ общественнаго негодованія и уязвленнаго національнаго самосознанія былъ такъ великъ и сила его была такъ неудержимо стихійна, что былъ моментъ, когда можно было опасаться насилія. И только Царскій призывъ и чувство законности и порядка удержало русскихъ людей отъ этого шага.

Но великое народное горе, стоически перенесенное, всетаки должно было вылиться въ ту или другую форму. Русскій народъ не могъ равнодушно пройти мимо трагической кончины національнаго героя, не могъ не воздать памяти Петра Аркадьевича послѣднюю дань, не выразить ему чувства безпредѣльной любви и искренней благодарности. Вся Русь единодушно откликнулась на безвозвратную потерю: всюду, начиная отъ столицъ и кончая медвѣжьими уголками нашего необъятнаго отечества, устраивались собранія, посвященныя памяти почившаго премьеръ-министра, основывались для увѣковѣченія его памяти различныя благотворительныя учрежденія,

напр.. больницы, музеи, даже былъ проектъ учредить лицей имени П. А. Столыпина и т. п.

Чутко прислушивающаяся къ каждому выдающемуся событію государственной и общественной жизни, наша архивная коммиссія также не могла не откликнуться къ безвременной кончинѣ П. А. Столыпина, тѣмъ болѣе, что онъ состоялъ ея почетнымъ членомъ.

И вотъ 24 сентября состоялось торжественное засѣданіе Ученой Архивной Коммиссіи, посвященное незабвенной памяти П. А. и пріуроченное къ 20 дню его кончины.

Засѣданіе привлекло много членовъ и гостей, среди которыхъ находились: Управляющій губерніей Н. Ф. Ошанинъ, прокуроръ Витебскаго окружного суда С. М. Константиновичъ, директоръ женской Маріинской гимназіи М. И. Лебедевъ, директоръ учительскаго института К. И. Тихомировъ и др.

Предъ открытіемъ засѣданія дѣйствительнымъ членомъ Витебской Ученой Архивной Коммиссіи и законоучителемъ учительскаго института о. А. Каркадиновскимъ была отслужена панихида, по окончаніи которой товарищемъ председателя Архивной Коммиссіи В. К. Стукаличемъ былъ предложенъ вниманію собранія весьма обстоятельный и интересный рефератъ, посвященный памяти Петра Аркадьевича и очерчивающій всю многостороннюю дѣятельность почившаго премьеръ-министра.

По недостатку мѣста мы приведемъ здѣсь лишь самыя существенныя части обстоятельнаго и подробнаго доклада В. К. Стукалича.

Отмѣтивъ, что вѣчны и значительны лишь тѣ дѣла историческихъ дѣятелей, которыя находятся въ соотвѣтствіи съ назрѣвшими народными потребностями и съ духомъ времени, что задача крупнаго политическаго дѣятеля не только угадать эти потребности и стремленія, но и найти средства къ ихъ осуществленію, докладчикъ указалъ, что русская жизнь выдвигала мало героевъ созидательнаго государственнаго и общественнаго труда, по недостатку условій, дающихъ возможность дѣятелю проявить во всей полнотѣ свои личныя силы и дарованія.

Въ наше время условія эти измѣнились къ лучшему и вотъ—на историческую сцену выступилъ безвременно погибшій П. А. Сто-

ПОЧЕТНЫЙ ЧЛЕНЪ

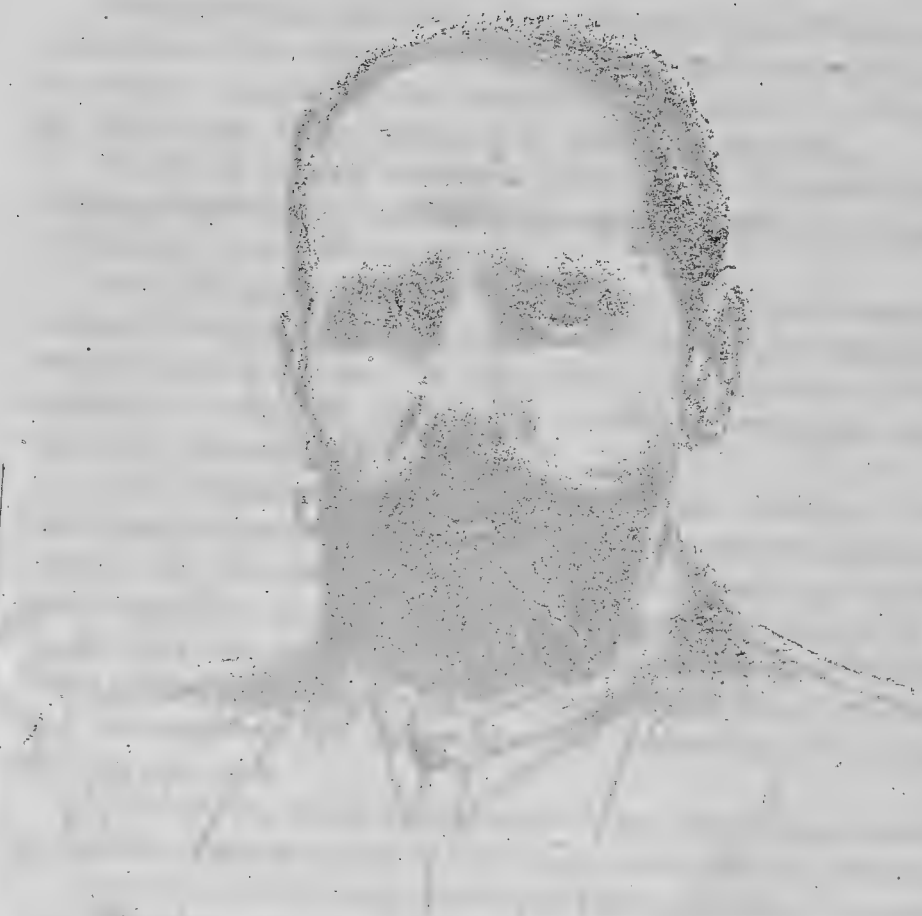
Витебской Ученой Архивной Коммиссіи

Предсѣдатель Совѣта Министровъ

ПЕТРЪ АРКАДЬЕВИЧЪ

СТОЛЫПИНЪ

† 5 Сентября 1911 г. въ Кіевѣ.



лыпинъ, безспорно, одинъ изъ наиболѣе замѣчательныхъ русскихъ историческихъ дѣятелей, притомъ, человѣкъ чисто славянскаго мягкаго облика, упругій, и вмѣстѣ крѣпкій и твердый. Въ немъ счастливо сочетались богатство идей, легко находившихъ свое выраженіе въ художественномъ словѣ, и крѣпкая воля.

Отъ этой общей характеристики докладчикъ перешелъ къ разсмотрѣнію многогранной дѣятельности П. А. Столыпина, какъ предсѣдателя Совѣта министровъ. Прежде всего В. К. Стукаличъ отмѣтилъ, что П. А. былъ сторонникомъ не парламентарнаго, а конституціонно-монархическаго строя и въ этомъ смыслѣ направлялъ свою дѣятельность и усилія. Въ основу своей политической программы П. А. положилъ слѣдующіе пункты: свобода вѣроисповѣданій; неприкосновенность личности; общественное самоуправленіе; преобразованіе суда; гражданская и уголовная отвѣтственость должностныхъ лицъ; поднятіе народнаго образованія.

Но главною заботою П. А. было содѣйствіе экономическому возрожденію крестьянства. Можно смѣло утверждать, что Россія, послѣ освобожденія крестьянъ отъ крѣпостной зависимости, не видѣла такого расцвѣта въ области крестьянскаго законодательства, какъ въ эпоху Столыпина.

Здоровый государственный разумъ и примѣръ культурныхъ странъ (напр. Германіи) подсказалъ П. А. одну изъ величайшихъ реформъ, кореннымъ образомъ мѣняющую весь бытъ и укладъ русской деревни: переходъ отъ хозяйственной спячки и чрезполосной неурядицы къ прогрессивному творчеству единоличнаго округленнаго владѣнія. И вотъ издается извѣстный указъ 9 ноября 1906 г., являющійся необходимымъ продолженіемъ великаго акта 19 февраля 1861 г. и возымѣвшій санкцію закона 14 іюня 1910 г.

Идя навстрѣчу нуждамъ крестьянъ-хуторянъ, П. А. организуетъ имъ выдачу ссудъ на самыхъ широкихъ началахъ.

Аграрная политика П. А. встрѣтила не мало противниковъ и въ обществѣ и въ нашихъ законодательныхъ учрежденіяхъ. Неоспоримымъ, однако, остается тотъ замѣчательный фактъ, установленный трудомъ извѣстнаго экономиста Рошера, что сельскохозяйственный прогрессъ Германіи и другихъ западноевропейскихъ странъ

начался лишь послѣ размежеванія крестьянскихъ земель. Сантиментальная идеализація русской патріархальности и общиннаго строя, должна была, наконецъ, уступить голосу разсудка и суровой логикѣ фактовъ.

Съ цѣлью облегчить болѣзненный для нѣкоторыхъ группъ крестьянскаго населенія процессъ размежеванія земель, была чрезвычайно усилена дѣятельность крестьянскаго банка по покупкѣ и продажѣ крестьянамъ земель за собственный счетъ банка.

Далѣе, сознавая великое политическое и экономическое значеніе заселенія Сибири, премьеръ-министръ всяческими способами старался облегчить крестьянамъ путь къ переселенію, при чемъ бюджетъ на переселенческія нужды перевалилъ за 20 мил. рублей. Кромѣ этого было издано много циркуляровъ по вопросамъ, тѣсно связаннымъ съ улучшеніемъ крестьянскаго быта, какъ то: о развитіи учрежденій мелкаго кредита, агрономической помощи населенію, по упорядоченію управленія крестьянскими учрежденіями и т. д.

Слѣдующею не менѣе важною заслугою, по словамъ оратора, была забота П. А. объ охранѣ и развитіи народнаго представительства.

Ему сразу пришлось въ Г. Думѣ выдержать ожесточенную борьбу какъ со стороны крайнихъ правыхъ, такъ и лѣвыхъ партій. Правые стремились уничтожить народное представительство и лишить его законодательной власти, лѣвые же хотѣли преобразовать Русское государство на крайнихъ демократическихъ началахъ.

На этой почвѣ создалась масса конфликтовъ и правительству приходилось даже прибѣгать къ крайней мѣрѣ—къ роспуску Гос. Думы.

И здѣсь П. А. своимъ проникновеннымъ взоромъ увидѣлъ на примѣрѣ первыхъ двухъ Думъ, что народные низы не подготовлены еще въ достаточной степени къ участію въ государственномъ строительствѣ, что они выставляютъ въ качествѣ своихъ представителей демагоговъ, которые льстятъ крестьянскимъ страстямъ и съ которыми, слѣдовательно, совмѣстная работа въ области постепеннаго реформированія государства невозможна.

Съ цѣлью сдѣлать болѣе продуктивной работу народнаго представительства, издается законъ 3 іюня 1907 г., вызвавшій цѣлую бурю

въ кругу оппозиціонныхъ элементовъ, но, несомнѣнно, имѣвшій благодѣтельныя послѣдствія, какъ для государственнаго строительства, такъ и въ смыслѣ усиленія русскаго элемента. Между прочимъ и Западная Русь получила по этому закону право и возможность имѣть русскихъ представителей, любящихъ свое отечество и преданныхъ Монарху.

Особенно обязанъ неутомимой дѣятельности П. А. нашъ Сѣверо-Западный край. Одинъ П. А. вынесъ на своихъ плечахъ изданіе указа 14 марта с. г. о введеніи въ шести западныхъ губерніяхъ земскихъ учрежденій, на исторіи котораго подробно остановился ораторъ.

Такое глубокое вниманіе П. А. къ неотложнымъ нуждамъ нашего края объясняется тѣмъ, что почившій премьеръ-министръ былъ близокъ ему, самъ былъ уроженецъ этого края, здѣсь же онъ получилъ первое воспитаніе и среднее образованіе (въ Виленской гимназіи). Здѣсь онъ проходилъ службу и, занимая высокій постъ—Предсѣдателя Совѣта министровъ, выѣзжалъ для отдыха изъ Петербурга въ свое имѣніе, находящееся въ Ковенской губерніи.

П. А. Столыпинъ удѣлялъ должное вниманіе и насущнымъ нуждамъ городскаго населенія, имъ былъ проведенъ черезъ Г. Думу законопроектъ о застройкѣ, представляющій жгучій интересъ для жителей многихъ нашихъ городовъ, въ особенности для Москвы и Витебска.

Будучи горячимъ приверженцемъ законности, порядка и справедливости, П. А. предпринялъ энергичную борьбу съ злоупотребленіями администраціи посредствомъ сенаторскихъ ревизій. Всѣмъ памятны ревизіи интендантства, послѣдствіемъ которыхъ были громкіе процессы, вскрывавшіе язвы хищническихъ гнѣздъ, ревизія же морского вѣдомства закончились даже смѣною министра.

Въ самое послѣднее время П. А. Столыпинымъ поднятъ былъ чрезвычайной важности вопросъ—объ измѣненіи установившагося курса русской финансовой политики, главнымъ образомъ по вопросу о національзаціи нашего кредита. По мнѣнію многихъ, постановка на очередь этого вопроса и рѣшила окончательно судьбу премьеръ-министра въ средѣ русскихъ инородцевъ-революціонеровъ. У насъ, вслѣдствіе установившагося порядка, кредитъ попадалъ главнымъ

образомъ въ руки инородцевъ, опирающихся на Гос. Банкъ, за которымъ въ Россіи оставлена исключительная монополія эмиссіонныхъ кредитныхъ операцій, являющихся жизненнымъ нервомъ кредитнаго обращенія. Случилось это благодаря активности и сплоченности инородцевъ и политикѣ Государственнаго Банка, одѣляющаго кредитомъ не болѣе нуждающихся и полезныхъ, но болѣе предпріимчивыхъ, лишь бы они были кредитоспособны. Недостаточно того, немалая часть нашего золотого запаса хранится въ Германіи, которая кредитуетъ русскіе банки изъ относительно высокаго процента. П. А. Столыпинъ совершенно справедливо находилъ, что не слѣдуетъ Гос. Банку въ этомъ чрезвычайно важномъ дѣлѣ быть безразличнымъ и пассивнымъ, но необходимо итти навстрѣчу потребности въ кредитѣ русскихъ производительныхъ и промышленныхъ группъ населенія. Мысль плодотворная, хотя и не легко осуществимая. Во всякомъ случаѣ, смѣлая инициатива П. А Столыпина не останется безъ послѣдствій.

Слѣдуетъ отмѣтить еще рядъ мѣръ, принятыхъ при П. А. для борьбы съ иностранной колонизаціей западныхъ окраинъ Россіи.

Въ области внѣшней политики П. А. былъ сторонникомъ соглашенія съ Англіей, такъ какъ она интересуется Россіей просвѣщенной и богатой, а для Германіи выгодна Россія бѣдная и захудалая, какъ объектъ для нѣмецкой колонизаціи и торговой эксплоатаціи. Сознавалъ также вполнѣ отчетливо П. А. что, несмотря на различные пункты расхожденія интересовъ, соглашеніе съ Англіей повелительно диктуется для Россіи современными міровыми условіями международной политики.

Вообще, лекторъ обрисовалъ исчерпывающимъ образомъ всеобъемлющую дѣятельность великаго генія почившаго. Кромѣ перечисленнаго выше, мы проходимъ мимо такихъ важныхъ узаконеній прошедшихъ при близкомъ участіи П. А., какъ законъ о Финляндіи, о старообрядческихъ общинахъ и т. д.

Вся эта дѣятельность П. А. освящалась однимъ девизомъ «Россія для русскихъ», т.-е. русскіе національные и государственные интересы должны быть исходной точкой, обще-русская культура должна быть связующимъ цементомъ для государственнаго строительства многоплеменной Россіи.

«Изъ сдѣланнаго краткаго очерка», сказалъ ораторъ, „мы видимъ, съ какою широтою мысли и съ какимъ талантомъ Столыпинъ стремился обезпечить русскому гражданину вообще и русскому человѣку, хозяину русской земли, миръ, порядокъ, собственность и возможность обезпечить своимъ трудомъ себѣ безбѣдное существованіе». Въ заключеніе своего интереснаго реферата В. К. Стукаличъ, будучи лично знакомъ съ покойнымъ по службѣ въ Гродненской губ., яркими штрихами обрисовалъ богатырскій образъ П. А., какъ сильнаго человѣка, съ великою вѣрою въ Бога и Россію.

Геній Столыпина не былъ ни бѣденъ, ни тѣсенъ, ни узокъ Этотъ крѣпкій духомъ и тѣломъ государственный человѣкъ удостоился мученическаго терноваго вѣнца за то, что отдалъ всю свою жизнь и всѣ свои силы великой родинѣ, Россіи, и, въ частности, Западной Россіи. Могучій образъ П. А. Столыпина смягчается въ нашемъ представленіи, сказалъ между прочимъ В. К. Стукаличъ, слѣдующими трогательными личными чертами, о которыхъ свидѣтельствуетъ извѣстный англійскій политическій дѣятель и публицистъ Диллонъ, состоявшій съ П. А. Столыпинымъ въ дружескихъ отношеніяхъ.

„Каждое утро“, передавалъ П. А. Диллону о своемъ душевномъ состояніи послѣ ужаснаго взрыва на Аптекарскомъ островѣ, „творю молитву. Смотрю на начинающійся день, какъ на послѣдній день жизни, и готовлюсь выполнить свои обязанности, устремивъ взоръ въ вѣчность... Вечеромъ благодарю небо за лишній день дарованной мнѣ жизни... И порою я ясно чувствую, что долженъ наступить день, когда замыслъ убійцы, наконецъ удастся“.

Выдающіяся заслуги и дарованія П. А. Столыпина нашли себѣ должную оцѣнку и въ кругу безпристрастныхъ иностранцевъ.

Англійская печать, въ лицѣ „Times“ и „Daily Mail“, отмѣчая борьбу П. А. на два фронта, съ врагами русской государственности и съ защитниками стараго режима, сравниваетъ его по благородству характера, умѣренности сужденій и осторожности образа дѣйствій съ знаменитымъ Аврамомъ Линкольномъ. Нѣмецкія газеты Täglihe Rundschna и Kreizzeiung называютъ П. А. рыцаремъ безъ страха и упрека и говорятъ, что П. А. умеръ слишкомъ рано для себя и дляРоссіи.

Неудивительно, что трагическая смерть П. А. Столыпина вызвала взрывъ негодованія не только во всей Россіи, но и въ кругу честныхъ людей всего міра.

„Нельзя допустить", закончилъ свой докладъ В. К. обращеніемъ къ аудиторіи, «чтобы пролитая за русское государство мученическая кровь пошла на пользу врагамъ Россіи и русскаго народа. Наша задача—лишить террористовъ этихъ стимуловъ, облить ихъ ядомъ презрѣнія и выйти изъ состоянія преступнаго равнодушія, противопоставивъ сплоченной силѣ враговъ сплоченность честныхъ русскихъ людей». Рѣчь В. К., проникнутая искреннимъ патріотическимъ чувствомъ и любовью къ почившему П. А. Столыпину, вызвала дружные аплодиссменты собранія.

Послѣ рѣчи В. К. Стукалича собраніе выслушало весьма интересное сообщеніе отъ очевидца разсказъ о гнусномъ убійствѣ П. А. Столыпина.

Такимъ очевидцемъ оказался предсѣдатель Витебской Ученой Архивной Коммиссіи В. А. Кадыгробовъ, который былъ участникомъ кіевскихъ торжествъ въ качествѣ одного изъ депутатовъ отъ минскаго земства. *)

Въ первыхъ своихъ словахъ В. А. отмѣтилъ то особенно близкое участіе, какое принималъ въ дѣлахъ нашей архивной коммиссіи Петръ Аркадьевичъ въ качествѣ ея почетнаго члена.

Такъ, въ ноябрѣ 1910 г. онъ назначилъ В. А. Кадыгробову спеціальную аудіенцію по дѣламъ коммиссіи и выказалъ живѣйшее участіе къ сооруженію въ г. Витебскѣ памятника 1812 г., а равнымъ образомъ съ полнымъ сочувствіемъ встрѣтилъ зародившуюся идею объ открытіи у насъ отдѣленія Московскаго археологическаго института.

Между прочимъ В. А. передалъ любопытный фактъ: когда отпущенную Витебскимъ земствомъ сумму 5000 р. на сооруженіе памятника особое совѣщаніе предполагало сократить до половины, то П. А. настоялъ на утвержденіи ассигнованной суммы въ полномъ ея размѣрѣ. Въ такомъ горячемъ участіи П. А. въ дѣлѣ постановки памятника нѣкоторые могутъ увидѣть проявленіе его личнаго интереса,

*) В. А. состоитъ Минскимъ губернскимъ гласнымъ отъ Борисовскаго уѣзда.

ибо въ сраженіи подъ Витебскомъ 26 октября 1812 г. во главѣ 14 Уланскаго Ямбургскаго полка стоялъ Николай Алексѣевичъ Столыпинъ. Но какъ заявилъ П. А. лично предсѣдателю коммиссіи онъ самъ даже не знаетъ, какое родственное отношеніе имѣетъ къ нему герой 1812 г. и что во всякомъ случаѣ это не предокъ его по прямой линіи.

Полную поддержку обѣщалъ П. А. оказать и археологическому институту, разрѣшивъ В. А. Кадыгробову непосредственно къ нему обращаться по вопросамъ названнаго института, если въ томъ встрѣтиться надобность.

При представленія В. А. во время кіевскихъ торжествъ, Предсѣдатель Совѣта министровъ интересовался успѣхами нашей коммиссіи и, между прочимъ, обѣщалъ лично пріѣхать на закладку памятника и открытіе института, но неумолимая смерть вырвала рѣдкаго покровителя нашей молодой коммиссіи!

Личное впечатлѣніе у В. А. отъ встрѣчъ съ П. А. Столыпинымъ осталось неизгладимое. И неудивительно. Этотъ выдающійся человѣкъ, мощь котораго выказывалась во всемъ, начиная съ фигуры, сразу же располагалъ къ себѣ каждаго соприкасавшагося съ нимъ.

Несправедливымъ считаетъ В. А. обвиненіе П. А. Столыпина въ **узкомъ** національномъ. Напротивъ, это былъ человѣкъ всеобъемлющаго ума и широкихъ взглядовъ.

Лучше всего это подтверждается слѣдующими словами П. А., сказанными имъ при пріемѣ въ Кіевѣ депутацій отъ 6 Западныхъ губерній.

„Господа, я сердечно радъ видѣть здѣсь представителей русскаго Западнаго земства, собравшихся въ древній, стольный городъ Кіевъ бить челомъ своему Государю и благодарить Его за дарованіе краю благъ земскаго самоуправленія. Я счастливъ также лично благодарить васъ, вдохнувшихъ впервые жизнь въ это дѣло, которое является дѣломъ **не племенной ненависти и политической вражды**, а дѣломъ земскаго, т. е. и государственнаго устроенія. Вмѣстѣ съ тѣмъ я выражаю надежду и, даже болѣе того,—увѣренность, что вамъ дано не только положить начало

этому большому дѣлу, но также упрочить и укрѣпить его во славу нашего Великаго Государя и нашей великой Россіи".

Далѣе В. А. Кадыгробовъ коснулся животрепещущаго вопроса—объ охранѣ Предсѣдателя Совѣта Министровъ.

Оказывается, что П. А. какъ то чуждался охраны и мало заботился о своей безопасности.

Наконецъ, В. А. перешелъ къ событію, разыгравшемуся въ Кіевѣ 1 сентября.

Вотъ какъ рисуетъ В. А. ту блестящую картину, которую представлялъ собою Кіевскій городскій театръ въ ожиданіи высокаго счастья видѣть возлюбленнаго Монарха.

„Прекрасное внутреннее убранство, ослѣпительное освѣщеніе, блестящее избранное общество, съ пріѣзжими министрами и царедворцами въ первыхъ рядахъ креселъ... И среди нихъ, онъ, упованіе и гордость Россіи, онъ—доблестный кормчій государственнаго корабля, высокій, широкоплечій, спокойный, дженьтельменъ съ головы до ногъ —Петръ Аркадьевичъ Столыпинъ. Даже здѣсь, среди самаго высокопоставленнаго и изысканнаго общества, онъ выдѣлялся своею осанкою, своею фигурою, въ которой какъ бы воплощалась та великая русская государственная идея, носителемъ которой онъ былъ..

Но вотъ въ театрѣ вдругъ все смолкло на мгновенье: всѣ взоры устремились въ генералъ-губернаторскую ложу, гдѣ въ этотъ моментъ появился Царь....

Какъ будто электрическая искра промелькнула по всему театру; всѣ сердца забились въ унисонъ при видѣ чарующаго и обаятельнаго въ своей царственной простотѣ Государя Императора и всѣ слились въ одномъ гимнѣ, который въ то время запѣли при мгновенно взвившемся занавѣсѣ солисты и хоръ. И когда смолкали звуки неоднократно исполняемаго гимна. то театръ дрожалъ отъ кликовъ «ура», которыя какъ бы вырывались изъ груди одного богатыря, имя которому „русскій народъ".

Но вотъ клики смолкли и началось исполненіе дивной „сказки о царѣ Салтанѣ",—сказки, которая на этотъ разъ омрачилась потрясающей драмой"...

Далѣе В. А. яркими штрихами передалъ всѣ впечатлѣнія спек-

такля и того неописуемаго ужаса, который охватилъ весь театръ, когда раздались предательскіе выстрѣлы и когда всѣ, бывшіе очевидцами покушенія, какъ бы оцѣпенѣли на мгновенье, не отдавая себѣ полнаго отчета въ томъ, что произошло, но сознавая нѣчто неслыханное, нѣчто ужасное, непоправимое. Хотѣлось думать, что злодѣй промахнулся, что свершилось чудо и предательскій брауннингъ не сдѣлалъ на этотъ разъ свое ужасное дѣло...

„Но вотъ",—сказалъ В. А.,—„П. А. Столыпинъ, сдѣлавъ шагъ, быстро опустился въ кресло и началъ снимать китель, на которомъ показалось кровавое пятно... И въ то время, когда оправившаяся отъ оцѣпенѣнія публика задержала и пыталась расправиться съ убійцей, къ П. А. Столыпину подошли и оказывали первоначальную помощь находившіеся въ театрѣ профессора-врачи.... Почти потерявшаго сознаніе П. А. выносятъ на рукахъ изъ зала, а изъ устъ возмущенной, негодующей публики раздается единодушное требованіе исполненіе народнаго гимна... У всѣхъ въ эти минуты была одна тревожная мысль, одно страшное опасеніе, что предательство могло пойти глубже, дальше... Но никто не дѣлился съ другими этою мыслью и общая тревога выражалась лишь въ настойчивомъ требованіи гимна. Взвился снова занавѣсъ, снова раздались исполняемые солистами, хоромъ, оркестромъ звуки „Боже Царя храни". Въ этомъ моментъ въ той ложѣ, на которую были устремлены тревожные взоры всѣхъ, вдругъ появился Государь... Общій вздохъ облегченія вырвался у всѣхъ; хоръ и солисты опустились на колѣни, вся публика начала вторить хору, нѣкоторые стали креститься, у многихъ на глазахъ появились слезы... Гимнъ сопровождался несмолкаемыми оглушительными кликами „ура", клики смѣнялись молитвою «Спаси, Господи, люди твоя». Общій энтузіазмъ, общее негодованіе, общій подъемъ національнаго чувства не поддается передачѣ...

Вскорѣ Государь уѣхалъ и общее приподнятое настроеніе вновь смѣнилось подавленнымъ, угнетеннымъ, растереннымъ... П. А. Столыпина увезли въ больницу; преступника допрашивали въ буфетѣ... Имя его вмѣстѣ съ мотивами убійства переходило изъ устъ въ уста, раздавалось общее возмущеніе и самая рѣзкая критика дѣйствій

лицъ, имѣвшихъ отношеніе къ охранѣ Высочайшихъ Особъ и высокопоставленныхъ лицъ во время пребыванія въ Кіевѣ.

„Хотя спектакль былъ прекращенъ по требованію публики, но многіе долго не уѣзжали изъ театра. Наболѣвшія сердца и расходившіеся нервы требовали обмѣна впечатлѣній и люди, впервые встрѣтившіеся, спѣшили другъ съ другомъ подѣлиться самыми мелкими подробностями о П. А. и сдѣлать выводы о причинахъ и послѣдствіяхъ покушенія... У всѣхъ на устахъ былъ тревожный вопросъ—выживетъ-ли раненый и никто на этотъ вопросъ не могъ дать отвѣта. Было извѣстно одно: пораненіе очень серьезное—прострѣлена печень и произошло сильное кровоизліяніе“...

Нѣсколько капель этой мученической крови В. А. привезъ для музея Витебской Ученой Архивной Коммиссіи, вытеревъ своимъ носовымъ платкомъ часть кровяныхъ сгустковъ на креслѣ, на которое опустился раненый П. А. Столыпинъ... Въ этотъ же музей В. А. передалъ программу торжественнаго спектакля, а также цѣлый рядъ пригласительныхъ и пропускныхъ билетовъ, полученныхъ имъ во время кіевскихъ торжествъ.

Свой интересный докладъ В. А. Кадыгробовъ закончилъ предложеніемъ повѣсить портретъ П. А. Столыпина въ помѣщеніи Витебской Ученой Архивной Коммиссіи и выразить телеграммами соболѣзнованіе вдовѣ покойнаго О. Б. Столыпиной и его брату А. А. Столыпину. Предложеніе это было принято единодушно.

Впечатлѣніе, произведенное докладомъ В. А., было сильное: всѣ разошлись безмолвно, безшумно, какъ будто-бы боясь оскорбить аплодисментами покой великаго сына Россіи, чью тѣнь казалось вызвалъ своимъ увлекательнымъ разсказомъ В. А. Кадыгробовъ.

Такъ почтила наша архивная коммиссія память великаго національнаго дѣятеля П. А. Столыпина.

Миръ праху твоему, доблестный сынъ Престола и Родины... Любилъ ты Россію, любила и будетъ любить Россія тебя...

С. Сахаровъ.

ПАМЯТИ

ДѢЙСТВИТЕЛЬНАГО ЧЛЕНА

Витебской Ученой Архивной Коммиссіи

Ивана Ивановича Долгова.

† 5 октября 1911 г. въ г. Полоцкѣ.

Я только что возвратился изъ Полоцка, гдѣ былъ свидѣтелемъ и соучастникомъ тѣхъ выраженій общественной скорби, симпатіи и уваженія, съ которыми этотъ старый бѣлорусскій городъ провожалъ къ мѣсту упокоенія—въ древній Спасо-Евфросиніевскій монастырь — прахъ преподавателя Полоцкаго кадетскаго корпуса Ив. Ив. Долгова, извѣстнаго старожила и лѣтописца этого города.

Торжественно-величавая религіозная церемонія, масса вѣнковъ отъ разныхъ общественныхъ учрежденій и отдѣльныхъ лицъ, сосредоточенно-печальныя многочисленныя толпы полочанъ, грустныя-милыя лица отзывчивой учащейся молодежи: кадетъ, учениць мѣстной женской гимназіи и епархіальнаго училища—тихія похоронныя мелодіи кадетскаго хора и стройно-мощные звуки маршей и гимновъ,—все это соединялось въ одну прекрасно-гармоническую картину, какъ бы наглядно иллюстрируя тяжесть той потери, которую все полоцкое общество понесло въ лицѣ Ивана Ивановича.

«Долговъ умеръ»... Эта вѣсть, какъ громомъ, поразила всѣхъ, кто зналъ, кѣмъ былъ Ив. Ив. Долговъ для Полоцкаго кадетскаго корпуса, какъ старѣйшій и лучшій его преподаватель, для города Полоцка, какъ общественный дѣятель,

и для всѣхъ, его знавшихъ, какъ человѣкъ рѣдкой по добротѣ и отзывчивости души.

Со смертію двухъ «словесниковъ»: Ив. Ив. Долгова и Г. Г. Левицкаго, Полоцкій кадетскій корпусъ какъ будто совершенно измѣнилъ свой духовный обликъ. На мѣстѣ каѳедры русскаго языка съ его словесностью образовалась зіяющая томительно-жуткая пустота. Въ жизни корпуса какъ бы закончился цѣлый періодъ прошлаго двадцатипятилѣтія...

Городъ Полоцкъ въ лицѣ Ивана Ивановича потерялъ своего „Нестора", такъ какъ положительно нельзя себѣ представить ни одного событія, происшедшаго въ этомъ городѣ за послѣднее двадцатипятилѣтіе, начиная съ самыхъ крупныхъ, въ родѣ перенесенія мощей преп. Евфросиніи, и кончая самыми мелкими, въ видѣ очереднаго засѣданія городской думы, безъ того, чтобы Ив. Ив., подобно эху, не отзывался на все печатнымъ или устнымъ словомъ своимъ.

Всѣ друзья и знакомые, посѣщавшіе гостепріимный кровъ И. Ив., лишились въ немъ не только радушнаго хозяина, славившагося своимъ широкимъ, чисто русскимъ хлѣбосольствомъ, но главное: человѣка рѣдкой доброты, всесторонней эрудиціи и освѣдомленности въ литературѣ, наукѣ и искусствахъ, остроумнаго собесѣдника и благодушнаго юмориста по поводу отрицательныхъ проявленій русской дѣйствительности...

Духовная структура покойнаго Ив. Ив. была сложна, своеобразна и оригинальна. Подобные, какъ Иванъ Ивановичъ, типы людей не такъ часто могутъ повторяться въ соціальной и классовой психологіи. Необычайная впечатлительность чувства,—чувства искренняго, горячаго и пылкаго—господственно подчиняла себѣ всесторонне развитой, превосходно образованный и даровитый интеллектъ Ивана Ивановича. Такое преобладаніе чувствовательной силы души надъ интеллектуальной и было, между прочимъ, однимъ изъ главныхъ стимуловъ для тѣхъ неустанныхъ проявленій волевой энергіи, которыми Иванъ Ивановичъ такъ удивлялъ своихъ сослуживцевъ, знакомыхъ и друзей. Мнѣ кажется, что именно здѣсь-то дана разгадка вѣчно-юношеской настроенности Ивана Ивановича, его кипучей жизнедѣятельности, ненасытнаго интереса ко всему новому и рѣдкой способности на все отзываться, на все такъ или иначе реагировать. То была какая-то огневая натура и она вся соткана была изъ порывистыхъ стремленій къ прогрессу, къ свѣту, къ знанію, къ красотѣ въ искусствѣ, природѣ и человѣкѣ... Цѣлую четверть вѣка, какъ свѣча, горѣлъ Иванъ Ивановичъ въ славномъ своею стариною, но глухомъ уѣздномъ городѣ. Ни узкость и мелкость

интересовъ провинціальнаго общества, ни монотонная тягота учительскаго труда, ни потеря дорогихъ жизней (напр. жены), ни, наконецъ, появленіе зловѣщихъ признаковъ переутомленія сердца отъ несоразмѣрной затраты и духовныхъ и физическихъ силъ,—ничто не могло погасить этой свѣчи, пока она не была потушена губительнымъ ураганомъ смерти. Но съ самыхъ первыхъ дней своей службы въ Полоцкѣ и до послѣдняго своего вздоха Долговъ остается въ воспоминаніяхъ полочанъ типомъ цѣльнаго человѣка, умершаго, какъ стойкій часовой, на своемъ посту, въ неизмѣнной вѣрности самому себѣ. Достаточно сказать, что въ самые послѣдніе дни своей жизни Иванъ Ивановичъ мечталъ записаться въ студенты Витебскаго отдѣленія Московскаго Археологическаго Института; предполагалъ начать раскопки на мѣстѣ обнаруженія въ Спасо-Евфросиніевскомъ монастырѣ древней кладки неизвѣстнаго зданія (XI—XII в.в.); горячо интересовался дѣлами общества вспомоществованія недостаточнымъ воспитанницамъ епархіальнаго училища, гдѣ былъ избранъ товарищемъ предсѣдателя; поднималъ вопросъ о возобновленіи такового же общества въ Полоцкомъ мужскомъ духовномъ училищѣ; произвелъ интересную археологическую развѣдку надъ однимъ изъ кургановъ села Ситна, Полоцкаго уѣзда; пріобрѣлъ отъ крестьянъ этого села коллекцію старинныхъ монетъ для корпуснаго музея; наканунѣ смерти, вечеромъ, прочелъ кадетамъ въ корпусѣ лекцію, а въ общественномъ собраніи предложилъ литературное чтеніе своимъ сослуживцамъ, во время ихъ кружковаго вечера... Эта несокрушимая энергія духа въ хиломъ тѣлесномъ организмѣ, наканунѣ смерти, среди уже начавшихся роковыхъ приступовъ сердечной болѣзни, производитъ впечатлѣніе удивительной красоты и невольно располагаетъ любоваться выдержанностью человѣческаго характера.

Вышеуказанное преобладаніе въ духовномъ складѣ Ивана Ивановича горячаго чувства надъ холодно-разсудочнымъ рефлексомъ, создавъ изъ его характера любопытное соединеніе впечатлительной пылкости сангвиника и кипучей энергіи холерика, повидимому, имѣло рѣшающее вліяніе на развитіе въ немъ рѣдкаго эстетическаго вкуса. Всю свою жизнь Долговъ проработалъ въ скромной роли преподавателя провинціальнаго корпуса. Конечно, не недостатокъ честолюбія былъ причиной этого. Нѣтъ! Иванъ Ивановичъ былъ горячо и страстно привязанъ къ своей каѳедрѣ; въ его душѣ вѣчно горѣлъ какой-то неугасимый юношескій восторгъ предъ дивно-прекрасными произведеніями русской и иностранной словесности, царилъ своеобразно-благоговѣйный культъ предъ корифеями русскаго слова... Въ Полоцкѣ не было человѣка, который съ такимъ жаромъ, какъ Иванъ

Ивановичъ, увлекался бы всѣми новыми явленіями въ мірѣ изящной словесности, такъ что въ его библіотекѣ всегда можно было отыскать послѣднія новинки текущаго литературнаго сезона, просмотрѣть наиболѣе интересныя книжки современныхъ журналовъ. Но покойный, по самому свойству своего темперамента, не могъ ограничиться одною областью изящной литературы. Иванъ Ивановичъ былъ „эстетъ“ и художникъ въ широкомъ значеніи этого слова. Онъ любилъ все красивое, увлекался прекраснымъ вездѣ, гдѣ бы ни встрѣчалъ его: въ искусствѣ, въ природѣ, въ жизни, въ людяхъ... Это именно свойство души Ив. Ив. лежало въ основаніи всей его житейской философіи, философіи оптимиста, идеализировавшаго жизнь людей и закрывавшаго глаза на темныя стороны печальной дѣйствительности... Какъ эстетъ и художникъ, Иванъ Ивановичъ не могъ равнодушно пройти мимо памятниковъ архитектуры или скульптуры, не могъ спокойно разсматривать красивыя картины, рѣдкіе портреты или иконы, не могъ любоваться величественными панорамами природы безъ того, чтобы тотчасъ же ни пріобрѣсти съ нихъ фотографій, фототипій или открытокъ, которыя затѣмъ присоединялись къ его многочисленнымъ и красивымъ коллекціямъ. Культурные ландшафты Европы и Германіи, священные виды кіевскихъ холмовъ, церквей и монастырей, горные пейзажи Ай-Петри, Ялты, Алупки, Гурзуфа и Ливадіи, широкія панорамы Поволжья, идиллическіе уголки красавицы-Украйны и массивныя громады Кавказа, памятники Полтавы, оборонъ Смоленска и бастіоны Севастополя,—все это видѣлъ Иванъ Ивановичъ, во время своихъ путешествій и экскурсій и всѣмъ увлекался съ чисто-юношеской страстью художника, которая обнаруживала въ немъ тонко-развитое „чувство природы“. Благодаря своему всестороннему эстетическому вкусу, Иванъ Ивановичъ былъ также рѣдкимъ знатокомъ, цѣнителемъ театра, музыки, пѣнія и декламаціи.

Этическая сторона духовнаго облика Ивана Ивановича—тоже весьма характерна. По рожденію петербуржецъ—онъ по службѣ былъ полочаниномъ. Но его вѣчная жизнедѣятельность, необычайная подвижность, его кипучая суетливость и всесторонняя отзывчивость обличали въ немъ петербуржца-сѣверянина. Воспитанникъ петербургскаго университета—Долговъ жилъ и умеръ „старымъ студентомъ“. То былъ типъ не студента-политикана, а студента - идеалиста. Демократъ по образу жизни и матеріальнымъ потребностямъ, Иванъ Ивановичъ былъ чуждъ узкаго политиканства и, обыкновенно, съ благодушно-юмористическимъ остроуміемъ бесѣдовалъ о бурныхъ схваткахъ между крайними полити-

ческими партіями. Будучи человѣкомъ европейски образованнымъ, путешествовавшимъ за границу, свободно говорившимъ и читавшимъ на иностранныхъ языкахъ, Иванъ Ивановичъ имѣлъ широко-прогрессивныя убѣжденія, хотя, по свойствамъ своей художественно-настроенной психики не всегда могъ осмыслить задачи націоналистической политики... Какъ старый студентъ-идеалистъ, Иванъ Ивановичъ и умеръ „безсребренникомъ“. Покойный смотрѣлъ на деньги только какъ на орудіе, какъ на средство для удовлетворенія высшихъ потребностей человѣческаго духа. Внѣ этой сферы деньги для него цѣны не имѣли; онъ тратилъ ихъ больше, чѣмъ у него было. «Долговъ, кромѣ долговъ, ничего не имѣетъ»,—такъ иногда острилъ покойный касательно своихъ матеріальныхъ и имущественныхъ дѣлъ.

Въ мірѣ педагогическомъ Иванъ Ивановичъ Долговъ былъ крупною и недюжинною величиною. То большое дѣло, тотъ рѣдкій служебный подвигъ, которые онъ совершилъ, въ качествѣ преподавателя Полоцкаго кадетскаго корпуса, конечно, рано или поздно найдутъ для себя должную оцѣнку у будущихъ историковъ корпуса. Но этотъ подвигъ Долгова органически-неразрывно связанъ со свѣтлою личностью его близкаго друга—Г. Г. Левицкаго. Одинъ—питомецъ сѣвера (Петербурга), другой—юга (Одессы), эти два преподавателя въ подлинномъ смыслѣ были „столпами“ учебнаго дѣла въ Полоцкомъ корпусѣ. Будучи, какъ Орестъ и Пиладъ, связаны между собою тѣсной дружбой, Долговъ и Левицкій работали на одной и той-же нивѣ съ рѣдкою согласованностью въ дѣйствіяхъ и пріемахъ. Въ то время, какъ въ корпусѣ смѣнилось шесть директоровъ,—Иванъ Ивановичъ и Георгій Гавриловичъ оставались безсмѣнными могиканами на своихъ постахъ. Въ корпусѣ разнообразились начальственно-административныя вѣянія,—но эстетическое развитіе кадетъ неизмѣнно находилось въ однѣхъ и тѣхъ же рукахъ. Такое постоянство въ столь важномъ дѣлѣ, основанное притомъ на согласованности методическихъ пріемовъ, было явленіемъ безусловно рѣдкимъ въ педагогіи и, конечно, не могло не сопровождаться благотворными послѣдствіями. Сотни офицеровъ-полочанъ, для которыхъ Иванъ Ивановичъ и Георгій Гавриловичъ сдѣлались какъ бы „крестными отцами“ въ ихъ эстетическомъ развитіи, конечно, съ теплыми чувствами будутъ вспоминать объ этихъ идейныхъ сѣятеляхъ, вложившихъ въ ихъ сердца первыя сѣмена „разумнаго, добраго и вѣчнаго“...

Но, кромѣ корпуса, Иванъ Ивановичъ работалъ еще и въ другихъ учебныхъ заведеніяхъ Полоцка: женской гимназіи, Спасо-Евфросиніевскомъ училищѣ

и пр. Преобладающимъ качествомъ отношеній Ивана Ивановича къ учащейся молодежи была сердечность, какъ естественное слѣдствіе интенсивной дѣятельности въ немъ чувствъ вообще. Къ своей аудиторіи Долговъ такъ-же скоро и сильно привязывался, какъ и она къ нему. Повидимому, вслѣдствіе этого, онъ и былъ нѣсколько склоненъ къ идеализаціи своихъ слушателей и слушательницъ... Весьма чуткій къ мнѣнію учащейся молодежи, Иванъ Ивановичъ рѣшительно не былъ способенъ превращаться въ холоднаго педанта. Буква учебника, программа или распоряженіе циркуляра никогда не вызывали у Ивана Ивановича излишней переоцѣнки. Поэтому-то уроки Долгова носили на себѣ ярко-субъективный отпечатокъ его художественной психики. Одинаковое впечатлѣніе производили и публичныя выступленія Ивана Ивановича: его рѣчи, лекціи и чтенія. Когда вы слушали Долгова, то не столько широта синтеза или глубина анализа привлекали ваше сердце къ оратору, сколько именно неподдѣльная искренность его сужденій, непосредственность горячаго чувства и непреклонная убѣжденность тона. Предметъ рѣчи какъ бы поглощался личностью говорящаго, тѣмъ болѣе, что вы видѣли предъ собой не сухого систематика мертвящей буквы, а страстно увлекающагося художника живого слова...

Наиболѣе рельефно сердечное отношеніе Ив. Ивановича къ живымъ запросамъ любознательной молодежи высказывалось во время пріема имъ въ Полоцкѣ иногородныхъ экскурсій, а также во время путешествій собственно полоцкой молодежи въ тѣ или другія отечественныя палестины. Иванъ Ивановичъ былъ незамѣнимый руководитель по обозрѣнію полоцкихъ древностей для экскурсій изъ г. Витебска, напр. воспитанниковъ Витебской духовной семинаріи и воспитанницъ мѣстныхъ гимназій. Съ неподдѣльнымъ увлеченіемъ истоваго археолога повѣствовалъ полоцкій „Несторъ“ объ особенностяхъ архитектурнаго стиля и живописи древняго храма Пречистаго Спаса, о художественныхъ драгоцѣнностяхъ Креста преп. Евфросиніи, о картинахъ и иконахъ полоцкихъ соборовъ, о древней кладкѣ и планѣ полоцкой Софіи (1187 г.), объ остаткахъ древняго храма св. Параскевы въ Борисоглѣбскомъ монастырѣ, о титанической борьбѣ подъ Полоцкомъ Грознаго царя и короля польскаго, о кровавыхъ бояхъ графа Витгенштейна съ маршаломъ Сенъ-Сиромъ и пр. Горячая любовь къ славной исторіи сѣдого города сквозила въ каждомъ словѣ, въ каждомъ жестѣ Ивана Ивановича и, неудержимо захватывая отзывчивыя сердца бѣлорусскаго юношества, будила въ нихъ святыя чувства патріотизма и вызывала на искреннюю благодарность своему руководителю... Изъ образовательныхъ экскурсій собственно полоцкихъ

учебныхъ заведеній крупное значеніе имѣли двѣ: воспитанницъ полоцкой женской гимназіи въ Малороссію и Крымъ и кадетъ Полоцкаго корпуса въ Москву, Поволжье и Кавказъ. Въ первой—Иванъ Ивановичъ былъ отвѣтственнымъ руководителемъ, во второй—лицомъ сопровождающимъ. Руководя гимназической экскурсіей, Иванъ Ивановичъ живостью, веселостью и благодушіемъ своего характера сумѣлъ придать ей какой-то жизнерадостный топъ и вмѣстѣ съ тѣмъ чисто художественный отпечатокъ, чуждый систематической сухости и планомѣрности... То было удивительно красивое и богатое впечатлѣніями путешествіе—по святымъ холмамъ Кіева, историческимъ полямъ Полтавы, славнымъ бастіонамъ Севастополя и живописнымъ скаламъ крымскаго побережья... Въ качествѣ руководителя этой экскурсіи, Иванъ Ивановичъ во всѣхъ участникахъ ея оставилъ по себѣ память не одною только необычайною выносливостью, но главнымъ образомъ благодушно-спокойнымъ перенесеніемъ невзгодъ и неудобствъ, сопряженныхъ съ такого рода путешествіями. Человѣкъ, привыкшій, какъ „эстетъ“, окружать себя въ обычной житейской обстановкѣ, уютомъ, красивыми картинами, изящными вещицами и цвѣтами, Иванъ Ивановичъ превращался во время экскурсій въ суроваго спартанца. Дѣлалъ это онъ вполнѣ сознательно: ради идеи самоотверженнаго служенія образовательнымъ задачамъ экскурсіи. Въ этомъ отношеніи нельзя не вспомнить про ту печальную, антигигіеническую обстановку, среди которой, вслѣдствіе недостатка помѣщенія, стоически прожилъ лично Иванъ Ивановичъ во все время пребыванія полоцкой экскурсіи въ Пушкинскомъ училищѣ г. Ялты...

Какъ общественный дѣятель, Иванъ Ивановичъ слилъ свою личную жизнь съ жизнью стараго города. Онъ нашелъ для себя въ Полоцкѣ вторую родину и привязался къ ней гораздо больше, чѣмъ къ первой. Иванъ Ивановичъ любилъ Полоцкъ, любилъ, по собственному его признанію, ради радушія и сердечнаго отношенія къ себѣ тѣхъ интеллигентныхъ семействъ, гдѣ его умѣли цѣнить и гдѣ онъ находилъ для себя отдыхъ отъ неустаннаго труда. Кромѣ того, Долговъ прекрасно понималъ, что имя его популярно и положеніе его вполнѣ авторитетно именно въ Полоцкѣ. Дѣйствительно, теперь какъ-то странно представить себѣ городъ Полоцкъ безъ Долгова. По крайней мѣрѣ, полочане до того привыкли къ общественнымъ выступленіямъ Ивана Ивановича, что его отсутствіе на какомъ-либо важномъ собраніи вызывало чувства недоумѣнія. Кажется, не было въ Полоцкѣ ни одного об-ва или учрежденія, гдѣ бы Долговъ ни состоялъ дѣятельнымъ членомъ. Общество полочанъ, церковное братство, Полоцкое бла-

готворительное общество, общества вспомоществованія учащейся молодежи, вольно-пожарное общество, комиссія по разбору мѣстныхъ архивныхъ документовъ, комитетъ по ремонту Софійскаго храма, Полоцкое отдѣленіе Краснаго Креста, Полоцкое отдѣленіе Епархіальнаго Совѣта,—вотъ тѣ главныя учрежденія, гдѣ работалъ Иванъ Ивановичъ. Всѣ, кто ни посѣщалъ Полоцкъ съ научными или другими цѣлями: археологи, историки, писатели, этнографы, артисты, комиссіонеры научно-художественныхъ изданій,—обычно направлялись, руководимые городскою молвою, къ гостепріимному полоцкому старожилу, чтобы найти у него удовлетвореніе своимъ духовнымъ и матеріальнымъ интересамъ. Бѣдняки, ищущіе помощи въ благотворительныхъ обществахъ, люди, впавшіе въ острую денежную нужду, шли къ Ивану Ивановичу, и онъ съ рѣдкою довѣрчивостью отдавалъ свое авторитетное имя для такихъ или иныхъ поручительствъ... Рѣдкій благотворительный вечеръ въ пользу городской бѣдноты или же учащейся молодежи обходился безъ участія Долгова, который былъ прекраснымъ чтецомъ и выдающимся декламаторомъ.

Для общественной жизни Полоцка горячее сердце Ивана Ивановича всегда было самымъ звучнымъ эхомъ. Когда высшая администрація, напр., обратила вниманіе полоцкаго самоуправленія на вопросъ о празднованіи тысячелѣтняго юбилея города (со времени собственно перваго упоминанія Полоцка въ Кіевской лѣтописи), то Долговъ буквально поднялъ на ноги всѣ ученыя силы города и привлекъ ихъ къ обсужденію этого вопроса въ городской думѣ... Крупна и почтенна была роль Долгова и въ знаменательномъ для бѣлорусскаго края событіи перенесенія св. мощей пр. Евфросиніи на Ея родину. Не всѣмъ, можетъ быть, извѣстно, какимъ пламеннымъ, убѣжденнымъ сторонникомъ этой идеи былъ Ив. Ив. Долговъ. Преосвященный архіепископъ иркутскій (бывшій полоцкій) говорилъ, что первый человѣкъ, отъ котораго услышалъ онъ о перенесеніи въ Полоцкъ св. мощей пр. Евфросиніи, былъ „добрый христіанинъ Иванъ Ивановичъ“. Всѣ тѣ, кто присутствовалъ на годичномъ праздникѣ 23 мая въ Спасо-Евфросиніевской обители, вспомнятъ, что рѣдкій изъ своихъ краснорѣчивыхъ тостовъ за св. обитель Иванъ Ивановичъ не заканчивалъ восторженно-воодушевленнымъ пожеланіемъ возвращенія мощей Преподобной подъ сѣнь храма, созданнаго Ея руками. Въ незабвенные дни всенародныхъ полоцкихъ торжествъ Иванъ Ивановичъ работалъ съ необычайной энергіей. Онъ участвовалъ въ выработкѣ церковнаго церемоніала полоцкихъ торжествъ, въ комитетѣ по пріему почетныхъ гостей и паломниковъ; былъ редакторомъ издававшагося по его

инициативѣ „Братскаго церковнаго листка“, гостепріимно принималъ у себя представителей иногородней прессы и пр. Мощная волна религіозно-народнаго воодушевленія всецѣло захватила впечатлительную душу Ивана Ивановича. Онъ весь ушелъ въ восторженно-созерцательное настроеніе и какъ-бы не принадлежалъ самому себѣ. Трогательное зрѣлище встрѣчи Преподобной всѣмъ городомъ глубоко потрясло, конечно, не одного Ивана Ивановича... Но онъ смотрѣлъ на эту величавую картину не какъ только на одно выраженіе господства Церкви Православной. Для Долгова, какъ „эстета“, то была, кромѣ того, нѣкоторая художественно-религіозная поэма, красивая и поэтическая страница въ исторіи бѣлорусскаго народа...

Въ послѣдній годъ Иванъ Ивановичъ горячо увлекался вопросомъ о ремонтѣ Полоцкаго Софійскаго собора, будучи дѣятельнымъ членомъ строительнаго комитета, образованнаго для этой цѣли. Среди старыхъ полочанъ-воспитанниковъ корпуса—и полоцкихъ горожанъ, замѣтно обнаружились по этому вопросу два теченія: одно—за полную реставрацію древней Софіи въ византійскомъ стилѣ „съ семью верхами“ (генер.-лейт. Н. Н. Кайгородовъ), другое—за капитальный ремонтъ современнаго храма, построеннаго въ изящномъ западномъ стилѣ. Глубокій цѣнитель искусства, Иванъ Ивановичъ горячо стоялъ за сохраненіе современной Софіи и былъ рѣшительнымъ противникомъ перваго проекта. Онъ почиталъ за совершенную утопію самую мысль о реконструкціи прежней Софіи, вслѣдствіе утраты старыхъ ея плановъ и крайней скудости историческихъ извѣстій о ней. Однако, изслѣдованія старой кладки собора академикомъ Покрышкинымъ, открытіе ген.-лейт. Кайгородовымъ древняго орнамента въ основаніи одной древней колонны прежняго храма, а главное: весьма большой районъ распространенія древней кладки во всѣ стороны подземелья, привели, повидимому, ген.-лейт. Н. Н. Кайгородова и Ив. Ив. Долгова къ примиренію на томъ, что необходимо возбудить новое ходатайство объ устройствѣ особой подземной Софіи или въ видѣ церкви крипты, или, по меньшей мѣрѣ, въ видѣ часовни, съ обнаженіемъ сохранившейся кладки древнихъ колоннъ и стѣнъ, подобно церкви Херсонисскаго монастыря, гдѣ, по преданію, крестился князь Владиміръ.

Нельзя не пожелать, чтобы эта богатая идея была осуществлена, такъ какъ полоцкій Софійскій холмъ былъ нѣкогда сердцемъ для всей бѣлорусской земли...

Съ открытіемъ въ Витебскѣ Ученой Архивной Комиссіи, Иванъ Ивановичъ сдѣлался ея дѣятельнымъ членомъ, горячо—идейно преданнымъ высокимъ ея

задачамъ. Особенно прельщала его мысль о совмѣстной и дружной работѣ членовъ Комиссіи надъ изслѣдованіемъ кургановъ и погребеній финскаго и славянскаго племенъ въ предѣлахъ Витебской губерніи. Именно во исполненіе этого и была предпринята имъ незадолго до смерти археологическая развѣдка кургановъ села Ситна... О сердечномъ отношеніи Ивана Ивановича къ идеаламъ Комиссіи свидѣтельствуетъ и тотъ дорогой памятникъ, который онъ оставилъ по себѣ еще въ прошломъ году, въ благословеніе будущимъ ученымъ труженикамъ Комиссіи. Этотъ памятникъ есть та художественная икона пр. Евфросиніи, освященная при мощахъ Ея, которая нынѣ помѣщается въ библіотекѣ Комиссіи. Въ настоящій моментъ нельзя безъ трогательныхъ чувствъ ни вспомнить о тѣхъ ласково-привѣтливыхъ благопожеланіяхъ, которыя просилъ Иванъ Ивановичъ, вмѣстѣ съ этой св. иконой, передать Комиссіи, не имѣя возможности самъ лично прибыть на ея заѣданіе, будучи прикованъ къ постели роковымъ недугомъ... Потеря, понесенная въ лицѣ Ивана Ивановича Витебской Комиссіей, тѣмъ болѣе чувствительна, что покойный былъ не только глубокимъ знатокомъ полоцкихъ древностей, но и горячимъ сторонникомъ сохраненія ихъ въ неприкосновенной цѣлости. Иванъ Ивановичъ сердцемъ и душою всегда жилъ въ бѣлорусскомъ Іерусалимѣ: въ Спасо-Евфросиніевской обители—подъ сѣнью Спасскаго храма, этого дивнаго по простотѣ стиля и замѣчательной сохранности памятника восточно-русскаго зодчества XII вѣка. Но въ то же время, какъ истинный художникъ, Иванъ Ивановичъ постоянно восхищался и замѣчательными типами западнаго зодчества въ г. Полоцкѣ: восторгался красивою массивностью, необозримымъ куполомъ и великолѣпными сводами Николаевскаго собора, воздушною легкостью фигуры и тонкимъ изяществомъ контуровъ Софіи Полоцкой... Изъ полочанъ многіе уже стали забывать ту юго-восточную часть древняго города, расположенную по ручью Бѣльчицѣ, гдѣ нѣкогда жили въ своихъ теремахъ полоцкіе князья и гдѣ, слѣдовательно, находился административный центръ для цѣлаго полоцкаго княжества (ср. Исторію Полоцка или Сѣверо-Западной Руси. Москва 1872 г. стр. 315; проф. Бѣляева). Но Долговъ всегда сохранялъ у себя, какъ дорогую святыню, камни и кирпичи отъ древней церкви св. Параскевы, которая находилась въ этой мѣстности. Онъ горячо ратовалъ за то, чтобы развалины этого храма были приведены въ надлежащій порядокъ: были освобождены отъ земли и мусора, огорожены металлической рѣшеткой и покрыты навѣсомъ. Иванъ Ивановичъ даже мечталъ совершить обкопку этихъ священныхъ руинъ съ помощью учащейся кадетской молодежи...

Долгова не стало... Его кости положены на историческомъ мѣстѣ: возлѣ нетлѣнныхъ останковъ небесной Покровительницы бѣлорусскаго края. Какъ горячій сторонникъ возвращенія Преподобной въ родной край, какъ рѣдкій старожилъ славнаго города, Ив. Ив. Долговъ вполнѣ заслужилъ для себя это святое мѣсто.

Спи же спокойно, неустанный труженикъ: ты заслужилъ себѣ вѣчный покой. Спи, другъ юношества: твои многочисленные ученики и ученицы не забудутъ дорогой твоей могилы. Спи, прекрасный человѣкъ: твои друзья будутъ молиться за добрую твою душу. Спи, любитель прекраснаго: мѣсто твоего упокоенія—живописно и прекрасно. Вѣрь и надѣйся: благочестивый бѣлорусскій паломникъ, принося свои страданья, свои слезы къ ракѣ Преподобной, прочтетъ имя твое на мраморѣ могилы и присоединитъ къ своимъ молитвамъ мольбу о вѣчномъ упокоеніи души твоей въ царствѣ вѣчнаго Свѣта Христова...

Д. Леонардовъ.

Открытіе Витебскаго Учительскаго Института.

21-го ноября 1910 г. состоялось торжественное открытіе Витебскаго учительскаго института, въ которомъ занятія начались еще 15 октября. Открытіе института задерживалось тѣмъ, что не былъ совершенно законченъ ремонтъ помѣщенія, занятаго институтомъ.

Въ этотъ день, къ 1 ч. дня, въ помѣщеніи института, украшенномъ разными школьными картинами и декорированномъ зеленью и національными флагами, собрались: попечитель Виленскаго учебнаго округа профессоръ Г. В. Левицкій, Витебскій губернаторъ баронъ Б. Б. Гершау-Флотовъ, губернскій предводитель дворянства П. А. Ренгартенъ, и. д. предсѣдателя окружнаго суда В. С. Дементьевъ, вице-губернаторъ Н. Ѳ. Ошанинъ, прокуроръ окружнаго суда С. М. Константиновичъ, генералъ-майоръ М. Д. Загоскинъ, ректоръ духовной семинаріи архимандритъ Ѳеофанъ, архимандритъ Маркова монастыря Пантелеймонъ, каѳедральный протоіерей А. М. Матюшенскій, директоръ мужской гимназіи П. П. Родкевичъ, директоръ народныхъ училищъ Я. И. Тарановскій, начальникъ Маріинской женской гимназіи М. И. Лебедевъ, городской голова И. Ю. Сабинъ-Гусъ, директоръ Полоцкой учительской семинаріи М. Х. Соколовъ—во главѣ депутаціи изъ законоучителя протоіерея М. И. Дубровскаго и наставника Н. О. Лосковича, управляющій казенной палатой А. А. Морозовъ, управляющій контрольной палатой Ѳ. Е. Стурницкій, предсѣдатель ученой архивной комиссіи В. А. Кадыгробовъ, предсѣдатель губернской земской управы А. Ф. Чернявскій, преподаватель Полоцкаго кадетскаго корпуса И. И. Долговъ, представители губернскихъ учрежденій и многіе почетные гости. Вскорѣ прибылъ въ институтъ преосвященный Серафимъ, епископъ Полоцкій и Витебскій, встрѣченный директоромъ института К. И. Тихомировымъ и собравшимся духовенствомъ.

Въ залѣ института преосвященнымъ Серафимомъ, въ сослуженіи съ прочимъ духовенствомъ, былъ совершенъ благодарственный молебенъ. Пѣлъ хоръ, составленный изъ воспитанниковъ института и учениковъ городского при немъ училища. Передъ окончаніемъ молебствія преосвященный владыка обратился къ воспитанникамъ института съ рѣчью слѣдующаго содержанія:

«Въ этомъ домѣ науки вы будете подготовляться къ учительскому служенію черезъ изученіе различныхъ отраслей знанія, составляющихъ раздробленное отраженіе Божественнаго Разума. Но высокое назначеніе и званіе учителя, подготовка къ этой благородной дѣятельности—немыслимы безъ особаго согрѣвающаго и бодрящаго свѣта живого Божественнаго Разума. Имъ проникнуты священныя книги Евангелія и Посланій апостольскихъ. Своимъ воскресеніемъ изъ мертвыхъ Божественный Учитель, Сынъ Дѣвы Маріи, засвидѣтельствовалъ передъ человѣчествомъ, что въ Немъ и черезъ Него открывается передъ народами Отецъ всѣхъ міровыхъ силъ и явленій. Проникнуться Его свѣтомъ, изучить, углубиться въ него необходимо вамъ для достойнаго происхожденія своего званія учителя. Только въ лучахъ этого истиннаго живого Разума вамъ станетъ ясна конечная цѣль человѣческаго существованія и цѣнность всякаго добраго труда. И ставъ, по окончаніи института, учителями, вы явитесь носителями этого живого Разума, Его разсадниками и распространителями. Истинное воспитаніе не можетъ быть безъ свѣта Христова ученія. Всѣ современныя науки: логика, психологія, литература, исторія, математика—представляютъ изъ себя отраженный и раздробленный Разумъ Того, Котораго Христосъ называетъ Господомъ силъ, Господомъ неба и земли. Этотъ живой, самосознающій и самовластный Разумъ говорилъ въ пророкахъ и открылся всею своею животворящею мощью въ Іисусѣ Христѣ. Его жизнь и ученіе составляютъ единое истинное мѣрило человѣческой жизни. Онъ открылъ намъ, что цѣнно только то, что вѣчно. Вѣчная жизнь Божественнаго Разума да просвѣтитъ вашъ путь и да откроетъ вамъ спасительное, приготовительное значеніе вашего учительскаго служенія и содѣлаетъ для васъ самымъ дорогимъ желаніе—въ грядущемъ вѣкѣ, среди преображенной и обновленной природы, вѣчно царствовать со всѣми святы-

ми. Молитвенно и горячо желаю, чтобы отразился черезъ васъ въ ученикахъ вашихъ Божественный Разумъ, направляющій всѣхъ добрыхъ къ наслажденію вѣчной радостью въ познаніи Бога Отца и Сына Его Іисуса Христа».

По окончаніи молебствія, всѣ присутствующіе приглашены были въ другой залъ, гдѣ состоялся торжественный актъ. Послѣ тропаря: „Днесь благодать Святаго Духа насъ собра“, исполненнаго хоромъ воспитанниковъ, директоромъ института К. И. Тихомировымъ былъ прочитанъ краткій историческій очеркъ возникновенія института въ Витебскѣ. Потребность во второмъ учительскомъ институтѣ въ предѣлахъ Виленскаго учебнаго округа, давно уже назрѣвшая, особенно сказалась въ послѣдніе годы, когда городскія по положенію 1872 г. училища стали проникать въ крупныя мѣстечки, а существовавшія ранѣе развертывались въ полный четырехклассный составъ. На запросъ управленія учебнаго округа въ 1908 г.—въ какомъ размѣрѣ можетъ быть оказано казнѣ пособіе изъ мѣстныхъ источниковъ на содержаніе новаго учительскаго института, мѣстные органы городского и земскаго самоуправленія живо и охотно откликнулись, и городская дума назначила ежегодное пособіе въ размѣрѣ 2500 руб., а губернская управа по дѣламъ земскаго хозяйства—въ размѣрѣ 3000 р. Мѣстные помѣщики П. Ѳ. Коссовъ и В. П. Сулима-Самойло предложили для постройки института свои участки земли. Такъ общими усиліями рѣшился вопросъ объ открытіи института въ пользу гор. Витебска.

Попечитель учебнаго округа въ своей рѣчи, указавъ на важное значеніе открытія новаго спеціальнаго учебнаго заведенія для подготовки учителей для городскихъ училищъ, далъ характеристику училищъ этого послѣдняго типа, наиболѣе цѣльнаго и законченнаго въ настоящее время. Важность и великая заслуга городскихъ по положенію 1872 года училищъ въ томъ, что они даютъ вполнѣ законченное образованіе дѣтямъ городского сословія и въ то же время открываютъ имъ возможность поступить, по окончаніи курса, въ спеціальныя техническія училища. Съ каждымъ годомъ все больше и больше развивается наша промышленность, растутъ экономическіе запросы нашего государства, въ соотвѣтствіи съ этимъ увеличивает-

ся и потребность въ техникахъ. Кромѣ того, изъ городскихъ училищъ можно поступить и въ старшіе классы гимназій, а оттуда и въ университеты. Успѣхъ и хорошая постановка этихъ училищъ зависятъ отъ опытности учителей, отъ хорошей подготовки ихъ. Учительскіе институты и ставятъ своей цѣлью и прямою задачею подготовлять опытныхъ учителей для городскихъ училищъ. Принимаются въ институты лица, окончившія уже учительскія семинаріи или получившія учительское званіе по особому испытанію, пробывшія на учительской практикѣ не менѣе двухъ лѣтъ. Такимъ образомъ, педагогическая подготовка поступающихъ въ институтъ уже значительная. Въ институтѣ воспитанники весьма обстоятельно знакомятся съ психологіей, педагогикой, изучаютъ и практически педагогическое дѣло. Съ учительскими семинаріями институты стоятъ въ ближайшемъ духовномъ единеніи и вмѣстѣ съ ними выполняютъ одну общую просвѣтительную работу на благо дорогой нашей родины. «Объявляю Витебскій учительскій институтъ открытымъ», закончилъ свою рѣчь попечитель учебнаго округа.

Привѣтствовали затѣмъ Витебскій учительскій институтъ присутствовавшіе на актѣ представители учебныхъ заведеній, учрежденій и городского и земскаго самоуправленія. Директоръ Полоцкой учительской семинаріи М. Х. Соколовъ прочиталъ привѣтственный адресъ педагогическаго совѣта семинаріи съ пожеланіями новому и молодому соратнику расти, развиваться и процвѣтать во славу отечества и на пользу единаго и недѣлимаго русскаго государства. Предсѣдатель Витебской ученой архивной комиссіи В. А. Кадыгробовъ въ рѣчи своей выразилъ «горячія пожеланія новому разсаднику просвѣщенія воспитать сонмы твердыхъ въ вѣрѣ, проникнутыхъ любовью къ Царю и Отечеству, образованныхъ, преданныхъ дѣлу сѣятелей разумнаго, добраго, вѣчнаго». «Въ то-же время, говорилъ онъ, ученая архивная комиссія позволяетъ себѣ надѣяться, что въ лицѣ членовъ педагогической корпораціи и слушателей учительскаго института она найдетъ энергичныхъ и дѣятельныхъ сотрудниковъ въ дѣлѣ изученія родной старины. Да свѣтитъ же молодое, не окрѣпшее еще, но могучее по своей жизнеспособности и великое по задачамъ и цѣлямъ учебное заведеніе яркимъ пламенемъ науки и знанія на благо и сла-

ву дорогой родины. Vivat „crescat, floreat!“ Такою же задушевностью звучала и привѣтственная рѣчь директора народныхъ училищъ Я. И. Тарановскаго. Затѣмъ привѣтствовали учительскій институтъ преподаватель Полоцкаго кадетскаго корпуса И. И. Долговъ, Городской голова И. Ю. Сабинъ-Гусъ, директоръ мужской гимназіи П. П. Родкевичъ, начальникъ Маріинской женской гимназіи М. И. Лебедевъ, ректоръ духовной семинаріи архимандритъ Ѳеофанъ, смотритель духовнаго училища В. Н. Тычининъ, и др. Прочитываются послѣ этого привѣтствія, присланныя институту отъ разныхъ учебныхъ заведеній, учрежденій и лицъ, какъ-то: отъ учительскихъ институтовъ—Виленскаго христіанскаго, Виленскаго еврейскаго, С.-Петербургскаго, Московскаго, Казанскаго, Тифлисскаго, Псковскаго, Ярославкаго, Ѳеодосійскаго, Екатеринославскаго, отъ учительскихъ семинарій — Рогачевской, Поневѣжской, Свислочской, Несвижской, отъ директоровъ народныхъ училищъ и очень многихъ учебныхъ заведеній и частныхъ лицъ, сочувствующихъ открытію института.

По прочтеніи привѣтствій попечитель учебнаго округа предложилъ присутствующимъ послать телеграмму на имя министра народнаго просвѣщенія съ просьбою повергнуть передъ Его Величествомъ Государемъ Императоромъ, Державнымъ Руководителемъ русскаго просвѣщенія, одушевляющія присутствующихъ чувства горячей любви и вѣрноподданнической преданности. Предложеніе это, принятое всѣми съ горячимъ энтузіазмомъ, было покрыто дружнымъ и долгимъ „ура“. Хоръ трижды исполнилъ „Народный гимнъ“. Этимъ закончилось торжество открытія института, бывшее для Витебска праздникомъ просвѣщенія.

Замѣчательно тепло и сердечно отозвался на это событіе изъ далекаго угла Австріи одинъ витеблянинъ, крестьянинъ Себежскаго уѣзда С. Д. Зенченко, практикантъ «Русскаго Зерна». Вотъ что писалъ онъ черезъ нѣсколько дней. „Только что узналъ, что въ Витебскѣ состоялось открытіе учительскаго института. Сердце мое забилось отъ радости, когда я увидѣлъ, что среди черныхъ тучъ, мрака и невѣжества въ дорогомъ моемъ краю, въ родной моей бѣдной Бѣлоруссіи, взошла новая звѣзда культурнаго дѣла. Я отъ души привѣтствую учительскій институтъ! Дай же Господь институту счастливаго су-

ществованія для роднаго края! Пусть онъ, какъ звѣзда, свѣтитъ на нашъ край, пусть онъ служитъ свѣтильникомъ по пути къ свѣту, правдѣ и добру нашему бѣлорусскому народу! Пусть служитъ искрой, зажигающей любовь къ родинѣ, къ краю, къ бѣдному народу! Помоги, Христосъ! Съ Богомъ за дѣло!».

Весьма сочувственно встрѣтила открытіе института и мѣстная печать. Въ „Витебскихъ Губернскихъ Вѣдомостяхъ“ 21 ноября помѣщены были—„На открытіе учительскаго института“ стих. П. Батурина и привѣтственная статья одного изъ постоянныхъ сотрудниковъ газеты (П. М. Слюнина), весьма задушевно написанная.

Институтъ временно занялъ довольно обширное помѣщеніе въ зданіи бывшихъ казармъ, въ которомъ до 20 большихъ, высокихъ и свѣтлыхъ комнатъ, квартира смотрителя зданія и помѣщенія для прислуги. Недостаетъ лишь церкви, актоваго и гимнастическаго зала Въ I классъ института было принято 35 и въ I классъ (3-е отдѣленіе) городского училища 40 учениковъ.

Открытіе въ Витебскѣ Реальнаго училища.

18-го октября 1911 года состоялось торжественное открытіе Витебскаго реальнаго училища во временномъ его помѣщеніи въ домѣ Пищулина по Гоголевской улицѣ. Училище открыто въ составѣ приготовительнаго и двухъ первыхъ классовъ; высшіе классы будутъ открываться послѣдовательно по одному въ годъ, такъ что полнаго состава классовъ училище достигнетъ въ 1916 году.

На торжествѣ присутствовали Преосвященнѣйшій Никодимъ, епископъ Полоцкій и Витебскій, Управляющій Виленскимъ учебнымъ округомъ Помощникъ Попечителя В. Ѳ. Охрѣменко, Управляющій губерніей, вице-губернаторъ Н. Ф. Ошанинъ, представители правительственныхъ учрежденій города, начальники мѣстныхъ правительственныхъ и частныхъ учебныхъ заведеній, педагогическій персоналъ открываемаго училища, воспитанники, родители и родственники учащихся и много другихъ лицъ.

Торжество открытія началось молебствіемъ, которое совершалъ Преосвященнѣйшій Никодимъ, но окончаніи молебствія Владыка обратился къ присутствующимъ съ назидательнымъ словомъ, пожелавъ новому разсаднику просвѣщенія плодотворной дѣятельности.

Затѣмъ состоялся торжественный актъ. Актъ начался сообщеніемъ директора училища В. Г. Краснянскаго, который познакомилъ присутствующихъ съ вопросомъ о возникновеніи въ Витебскѣ реальнаго училища. Вопросъ этотъ, какъ оказывается, имѣетъ свою длинную и сложную исторію.

Мстиславскій воевода графъ Іосифъ Гильзенъ, при жизни своей духовными завѣщаніями 30 мая 1781 г. и 29 августа 1786 г., назначилъ наслѣдниками своихъ движимыхъ и недвижимыхъ имуществъ племянниковъ своихъ Іосифа и Ксаверія Шадурскихъ съ тѣмъ, чтобы они половину изъ получаемыхъ отъ этихъ имѣній доходовъ исправно и вѣчно обращали на разныя благотворительныя и просвѣтительныя цѣли и между прочимъ „на распространеніе наукъ и на воспитаніе бѣднаго благороднаго юношества“.

Во исполненіе воли завѣщателя Игнатіемъ Шадурскимъ въ 1837 году открытъ былъ конвиктъ при Витебской мужской гимназіи на 40 человѣкъ. Это учрежденіе существовало цѣлыхъ 50 лѣтъ, до 1889 года; но послѣдніе годы съ трудомъ влачило свое существованіе, такъ какъ наслѣдники Шадурскаго крайне неаккуратно выплачивали деньги на его содержаніе. Министерство Народнаго Просвѣщенія, затративъ большія суммы на поддержаніе конвикта изъ собственныхъ средствъ, рѣшило наконецъ возбудить судебный процессъ съ наслѣдниками Гильзенъ Шадурскаго, закончившійся въ 1907 году тѣмъ, что всѣ претензіи какъ самого Министерства Народнаго Просвѣщенія, такъ равно претензіи Витебской гимназіи и Витебской дирекціи народныхъ училищъ были удовлетворены. Благодаря окончанію процесса, при Витебской гимназіи сформировался капиталъ въ 200000 руб., изъ коихъ основнымъ капиталомъ завѣщателя являлись лишь 100000 руб., остальные же 100000 руб. составляли въ 1907 г. проценты, нарослі на капиталъ за время продолжительныхъ судебныхъ процессовъ.

Министерство Народнаго Просвѣщенія, съ поступленіемъ капитала Гильзено-Шадурскихъ въ исключительное его вѣдѣніе, озабочиваясь использованіемъ его на воспитательныя и образовательныя нужды населенія, предположило основной капиталъ 100000 руб. обратить на стипендіи, а относительно употребленія процентовъ съ капитала предложило Управленію Виленскаго учебнаго округа представить свои соображенія. Рѣшено было, что наиболѣе цѣлесообразнымъ и соотвѣтственнымъ волѣ завѣщателя и интересамъ мѣстнаго населенія способомъ использованія процентовъ съ капитала Гильзено-Шадурскихъ будетъ употребленіе ихъ на открытіе въ Витебскѣ реальнаго училища и на постройку для него зданія. Это рѣшеніе вызвало живѣйшее участіе мѣстнаго общества въ дальнѣйшей исторіи развитія училища и привлекло новыя спеціальныя пожертвованія на это дѣло. Мѣстный землевладѣлецъ дворянинъ Викентій Павловичъ Сулима-Самуйло пожертвовалъ подъ постройку зданія для реальнаго училища 1500 кв. саж. земли въ принадлежащемъ ему урочищѣ Гуторовщинѣ, а городское общественное управленіе увеличило этотъ участокъ покупкою сосѣдней земли до 2252 кв. саженъ. 21 сентября 1907 г. Витебская городская дума возбудила ходатайство объ открытіи въ Витебскѣ реальнаго училища и о постройкѣ для него зданія на проценты съ капитала Гильзена-Шадурскихъ на безвозмездно предоставляемой землѣ. Составленная въ гор. Витебскѣ, подъ предсѣдательствомъ г. губернскаго предводителя дворянства П. А. Ренгартена, особая комиссія для разработки проекта объ устройствѣ реальнаго училища 4 декабря 1909 г. представила по это-

му вопросу обстоятельный журналъ и два эскизные чертежа зданія для училища.

Въ настоящее время имѣется процентныхъ денегъ на постройку около 130000 руб. Вотъ эти то средства и поступятъ въ распоряженіе строительнаго комитета, а объ отпускѣ остальной недостающей суммы изъ Государственнаго Казначейства возбуждено ходатайство черезъ Министерствомъ народнаго просвѣщенія.

29 апрѣля 1911 г. г. Министръ народнаго просвѣщенія разрѣшилъ съ 1911—12 учебнаго года открыть въ Витебскѣ реальное училище въ составѣ I и II классовъ, а 29 августа сего года, по ходатайству директора училища, министерство разрѣшило открыть въ начала учебнаго года и приготовительный классъ, съ отнесеніемъ расходовъ по его содержанію на сумму сбора за ученіе. Плата за ученіе въ училищѣ опредѣлена министерствомъ народнаго просвѣщенія въ основныхъ классахъ-60 руб. и въ приготовительномъ-50 руб. въ годъ.

Съ 15 по 28-ое сентября, по сформированіи педагогическаго персонала училища, были произведены пріемныя испытанія для поступленія въ приготовительный, I и II классы въ помѣщеніяхъ Учительскаго Института, любезно предоставленныхъ для этой цѣли начальствомъ института. По окончаніи испытаній въ реальное училище было принято 93 мальчика: 79 христіанъ и 14 евреевъ; въ теченіе октября въ училище поступило еще 6 мальчиковъ, и къ дню открытія въ училищѣ числилось 99 учениковъ: въ приготовительномъ классѣ 38, въ I кл.—41 и II—20. По вѣроисповѣданіямъ въ составѣ учениковъ 61 православный, 18 католиковъ, 6 лютеранъ и 14 іудеевъ; по сословіямъ—дѣтей дворянъ 12, дѣтей чиновниковъ 24, духовнаго званія 4, дѣтей почетн. гражданъ и купцовъ 6, дѣтей мѣщанъ и ремесленниковъ 30, дѣтей крестьянъ 22, иностранецъ 1.

Для временнаго, до постройки собственнаго зданія, помѣщенія реальнаго училища Г. Министръ Народнаго Просвѣщенія разрѣшилъ нанять домъ Пищулина срокомъ на три года, съ платою по 3000 рублей въ годъ, съ тѣмъ, чтобы необходимый ремонтъ и приспособленіе были сдѣланы домовладѣльцемъ за его счетъ не позже 15 октября 1911 г.

Къ назначенному сроку ремонтъ и приспособленіе временнаго помѣщенія были закончены, въ теченіе послѣдующихъ трехъ дней оно было обставлено необходимою школьною мебелью и снабжено учебными пособіями, а 18-го октября состоялось открытіе училища.

Такимъ образомъ своимъ существованіемъ Витебское реальное училище прежде всего обязано Метиславскому воеводѣ графу Іосифу Гильзену, завѣщавшему болѣе ста лѣтъ тому назадъ крупный капиталъ на распространеніе наукъ и на воспитаніе бѣднаго юношества; затѣмъ—просвѣщеннымъ заботамъ Министерства Народнаго Просвѣщенія и Управленія Виленскаго учебнаго округа о сохраніи этого капитала и цѣлесообразномъ его использованіи и наконецъ горячему сочувствію къ мысли объ учрежденіи въ Витебскѣ реальнаго училища со стороны мѣстнаго общества, въ лицѣ административныхъ властей, городского управленія, съ городскимъ головою И. Ю. Сабинъ-Гусомъ во главѣ, дворянства—въ лицѣ губернскаго предводителя П. А. Ренгартена, начальниковъ мѣстныхъ учебныхъ заведеній: П. П. Родкевича и К. И. Тихомирова, и, наконецъ, дворянина В. П. Сулима-Самуйло.

Когда историческая записка была прочитана, Управляющій Виленскимъ учебнымъ округомъ В. Ѳ. Охрѣменко обратился къ присутствующимъ съ чрезвычайно интересною и содержательною рѣчью.

Въ своей рѣчи управляющій округомъ обращался къ педагогамъ, родителямъ и учащимся. Говоря о первыхъ, онъ вспоминалъ то время, когда, 40 лѣтъ назадъ, онъ начиналъ свою педагогическую дѣятельность и былъ при этомъ, какъ и всѣ педагоги тогдашняго времени, въ худшемъ положеніи, нежели нынѣшній учитель. Тогда не было выработанныхъ наукой педагогическихъ пріемовъ, не было сочиненій по педагогикѣ, какъ оригинальныхъ, такъ и переводныхъ, не было училищъ, хорошо снабженныхъ учебными пособіями; опытъ пріобрѣтался практикой, нерѣдки были ошибки. Теперь педагогъ въ несравненно лучшемъ положеніи. Знакомый съ педагогическими пріемами теоретически, во всеоружіи знаній, располагающій массой учебныхъ пособій, преподаватель нынѣшній поистинѣ можетъ явиться носителемъ культуры, а такъ какъ безъ преемственности культуры послѣдняя не можетъ существовать и развиваться, учитель является ея охранителемъ и, передавая ее молодому поколѣнію, влагаетъ свою лепту въ общее культурное дѣло. Сколько бы ни указывали преподавателю пути циркуляры начальства, онъ все-таки остается въ классѣ свободнымъ творцомъ, который можетъ всегда вложить въ дѣло частицу своего „я“.

Обращаясь къ педагогамъ, Управляющій округомъ просилъ ихъ быть энергичными культурными работниками.

Обращаясь къ родителямъ, онъ высказалъ ту мысль, что не все зависитъ отъ школы, что школа не всесильна. Сильнѣе ея семейная среда, любящая сво-

его ребенка и дающая ему направленіе. Педагогъ тоже долженъ любить своего ученика, но эту любовь было бы слишкомъ смѣло сравнивать съ любовью родительской. Управляющій округомъ просилъ родителей учениковъ содѣйствовать школѣ въ ея трудномъ дѣлѣ.

Обращаясь къ ученикамъ, онъ убѣждалъ ихъ отнестись добросовѣстно къ своимъ обязанностямъ, помня о томъ, что много на Руси дѣтей, которыя при всемъ своемъ желаніи не могутъ попасть въ учебное заведеніе, поэтому тѣ дѣти, которыя имѣли счастье сдѣлаться учениками Витебскаго реальнаго училища, должны особенно цѣнить это должнымъ образомъ и приложить всѣ старанія къ тому, чтобы воспользоваться знаніями, которыя будутъ преподаваться имъ въ училищѣ.

Свою рѣчь Управляющій округомъ закончилъ словами: „Объявляю Витебское реальное училище открытымъ“.

Оркестръ военной музыки, любезно предоставленный въ распоряженіе училища Командиромъ Островскаго полка П. Н. Махаевымъ, исполнилъ народный гимъ.

Затѣмъ начались поздравленія и чтеніе привѣтственныхъ телеграммъ.

Представители различныхъ учебныхъ заведеній и учрежденій г. Витебска привѣтствовали новый разсадникъ просвѣщенія съ пожеланіями ему развитія на пользу родной страны, а педагогическому персоналу энергіи и бодрости въ столь важномъ и трудномъ дѣлѣ. Первымъ говорилъ П П. Родкевичъ отъ Витебской мужской гимназіи; дальше—И. Ю. Сабинъ-Гусъ отъ Витебскаго городского общественнаго управленія, ректоръ семинаріи архимандритъ Ѳеофанъ К. И. Тихомировъ отъ учительскаго института и Алексѣевской женской гимназіи, Н А. Новоселькій отъ мужского коммерческаго училища, В. А. Кадыгробовъ отъ Витебской архивной комиссіи, Я. И. Тарановскій отъ дирекціи народныхъ училищъ, И. Р. Нерушъ отъ частной гимназіи И. Р. Неруша и полковникъ В. Н. Махаевъ отъ лица военныхъ.

Затѣмъ директоромъ училища были оглашены привѣтственныя телеграммы, послѣ чего гостямъ было подано шампанское. Г. Вице-Губернаторомъ была провозглашена здравица за Государя Императора, а затѣмъ послѣдовалъ рядъ другихъ тостовъ.

По окончаніи акта гостямъ предложенъ былъ чай, послѣ котораго начался разъѣздъ.

Витебскія торжества

26 и 27 октября 1911 года.

I.

Закладка памятника героямъ Отечественной войны.

„Слава павшимъ героямъ и чтущимъ ихъ память живымъ".

(Изъ привѣтственныхъ телеграммъ).

Нашъ городъ, несмотря на свое богатое историческое прошлое, считается въ числѣ тѣхъ немногихъ губернскихъ городовъ, гдѣ нѣтъ ни одного памятника. Равнодушіе согражданъ къ пережитымъ великимъ историческимъ событіямъ оставалось такимъ же инертнымъ вплоть до самаго послѣдняго времени.

И только наканунѣ знаменательнаго юбилея одной изъ грандіознѣйшихъ историческихъ драмъ-героической борьбы русскаго народа съ вторгнувшимися въ предѣлы Россіи двунадесяти языковъ, когда на долю Витебска выпалъ тяжелый жребій быть въ теченіе трехъ мѣсяцевъ въ рукахъ непріятеля, когда въ немъ не слышно было, какъ говоритъ одинъ современникъ, „ни колокола, ни пѣтуха: первый былъ запрещенъ, а второй съѣденъ", когда онъ былъ ареною жаркихъ схватокъ, нашъ городъ въ лицѣ молодой Ученой Архивной Коммиссіи и ея энергичнаго предсѣдателя В. А. Кадыгробова, вспомнилъ о тѣхъ предкахъ, которые въ 1812 году самоотверженно пали за Вѣру, Царя и Отечество и своею драгоцѣнною кровью обагрили витебскія поля.

И вотъ, благодаря успѣшному пропагандированію идеи памятника В. А. Кадыгробовымъ и сочувственному отклику къ этому высокопатріотическому дѣлу всѣхъ сословій и общественныхъ группъ, Витебскъ 26 октября первый открылъ актъ столѣтней Отечественной годовщины закладкою грандіознаго обелиска—героямъ Отечественной

войны 1812 года, участвовавшимъ 13, 14 и 15 іюля и 26 октября въ бояхъ подъ Витебскомъ. Этотъ день 26-го октября—день національнаго торжества и подъема патріотическаго духа навсегда останется запечатлѣннымъ на страницахъ исторіи нашего города.

Съ самаго ранняго утра Витебскъ принялъ празднично-нарядный и оживленный видъ: дома расцвѣтились національными флагами, на улицахъ замѣчалось усиленное движеніе, всюду замѣтны были приготовленія къ торжествамъ; особенно были красиво убраны улицы, ведущія къ мѣсту закладки: дома, кромѣ національныхъ флаговъ, украшены были гирлянцами изъ зелени, а на изящно задрапированныхъ балконахъ были выставлены портреты Государя Императора.

Ровно въ 12 час. дня, раздался съ колокольни Николаевскаго каѳедральнаго собора благовѣстъ, возвѣщающій всѣмъ жителямъ о предстоящемъ въ этотъ день торжествѣ. Со всѣхъ градскихъ церквей къ этому времени начали стягиваться къ каѳедральному собору крестные ходы; членами Витебскаго отдѣла союза русскаго народа принесена была для участія въ торжествѣ хоругвь-знамя; прибыла также процессія съ древними иконами отъ Витебской Покровской старообрядческой общины съ своимъ патріархомъ—настоятелемъ Е. Н. Рыжковымъ. Отрадно было видѣть эту процессію, расположившуюся возлѣ архіерейской каѳедры: какъ будто та вѣковая рознь, какая существовала между православіемъ и старообрядчествомъ уничтожилась и смѣнилась единодушной молитвой за Русскаго Царя и за всѣхъ воиновъ—защитниковъ Родины 1812 года, между которыми были въ числѣ передовыхъ и воины-старообрядцы. На это Витебское торжество, какъ намъ передавали, прибыли старообрядцы, потомки героевъ Отечественной войны, изъ Двинска и даже Риги.

Съ каждой минутой движеніе все усиливалось. Потянулись учащіеся всѣхъ учебныхъ заведеній г. Витебска, прибывали начальствующія лица различныхъ учрежденій, войска съ оркестромъ музыки, отрядъ Витебскихъ стражниковъ, вольно-пожарная дружина и масса публики.

Въ 1 час. дня, въ каѳедральномъ соборѣ Преосвященнымъ Никодимомъ, епископомъ Полоцкимъ и Витебскимъ въ сослуженіи о. ректора семинаріи, арх. Ѳеофана, архимандрита Герасима и многочислен-

наго духовенства торжественно отслужена была панихида по Императорѣ Александрѣ I и всѣмъ воинамъ Христолюбиваго побѣдоноснаго русскаго воинства на полѣ брани за Вѣру, Царя и Отечество животъ свой положившихъ.

Предъ началомъ панихиды о. протоіерей Матюшенскій сказалъ прочувственное слово о глубокомъ смыслѣ войны 1812 г., въ которой явно сказался промыслъ Божій надъ Россіей и о значеніи настоящаго торжества*).

На панихидѣ присутствовали: Г. Управляющій губерніей Н. Ф. Отанинъ, губернскій предводитель дворянства П. А Ренгартенъ, предсѣдатель окружнаго суда В. О. Губертъ, прокуроръ С. М. Константиновичъ, командиръ 100-го Оостровскаго полка полковникъ П. Н. Махаевъ, предсѣдатель Витебской Ученой Архивной Коммиссіи В. А. Кадыгробовъ, директора мѣстныхъ учебныхъ заведеній и др. начальствующія лица и масса молящихся. По окончаніи панихиды, торжественная процессія при колокольномъ звонѣ всѣхъ церквей, во главѣ съ Преосвященнымъ Никодимомъ, сопровождаемая многотысячной толпой, направилась къ Успенской горѣ—мѣсту закладки памятника. По всему пути слѣдованія крестнаго хода разставлены были шпалерами: по правую сторону войска мѣстнаго гарнизона съ оркестромъ музыки, исполнявшимъ гимнъ «Коль славенъ», а по лѣвую учащіеся. Картина была величественная. Видны были фотографы-профессіоналы и любители, расположившіеся то тамъ, то сямъ, стараясь запечатлѣть ее.

По прибытіи процессіи на красиво убранную зеленью и флагами площадку предъ Успенскимъ соборомъ—мѣсто закладки, совершено было торжественное молебствіе съ прочтеніемъ предъ многолѣтіемъ положенной молитвы на основаніе сооруженія памятника.

Послѣ возглашенія протодіакономъ Царскаго многолѣтія, Владыка обратился къ народу съ высоко назидательнымъ словомъ о нравственномъ значеніи воздвигаемаго памятника не только для мѣстнаго города, но и для цѣлаго Сѣверо-Западнаго края.

„Ратоборцами 1812 года, ихъ костьми спасена Родина“,—сказалъ

---

*) Слово это было помѣщено въ № 237 „Вит- Губ. Вѣд.“ отъ 27 октября с. г.

владыка, „отъ тяжкаго порабощенія“. „Павшіе защитники Отечества пожертвовали своею жизнію, отдали эту жизнь за жизнь и свободу другихъ—новыхъ поколѣній. Больше сея любви нѣтъ и не можетъ быть, когда кто полагаетъ душу свою за другихъ. «Но такая совершеннѣйшая евангельская заповѣдь», продолжалъ Владыка, „выполнявшаяся въ прежніе годы во время разнаго рода бѣдствій, постигавшихъ наше Отечество, и славно выполненная нашими предками 1812 г. при нашествіи двадесяти языковъ, нынѣ часто забывается современными поколѣніями и можетъ совершенно отойти въ вѣчность при современномъ теченіи общественной жизни. «Посему»,—заключилъ Владыка, «во время воздвигнутый монументъ въ честь славныхъ героевъ нашихъ 1812 г. всегда долженъ напоминать истиннымъ гражданамъ земли Русской о ихъ долгѣ предъ Родиной, Царемъ и Православной вѣрой. Мало того, этотъ памятникъ долженъ ясно свидѣтельствовать, что и нынѣ въ странѣ Витебской сравнительно малая горсточка русскихъ людей, затертая массой другихъ національностей все-таки сильна патріотическимъ чувствомъ и готова всегда послѣдовать примѣру героевъ 1812 года, помня ихъ въ своихъ сердцахъ и сооружая въ честь ихъ великихъ подвиговъ величественный памятникъ».

Съ этими словами Владыка пригласилъ всѣхъ представителей губернской власти заложить первый камень для монумента и по особо устроенному ходу спустился въ углубленіе, приготовленное для фундамента, обшитое въ землѣ досками и украшенное зеленью.

Здѣсь во всеуслышаніе была прочитана протодіакономъ надпись вырѣзанная на большой металлической закладной доскѣ, послѣ чего эта доска опущена была въ приготовленное для нея углубленіе и первый кирпичъ для закладки ея и фундамента положилъ Его Преосвященство.

За нимъ послѣдовали и. об. Губернатора Н. Ф. Ошанинъ, губернскій предводитель дворянства П. А. Ренгартенъ, предсѣдатель окружнаго суда В. О. Губертъ, прокуроръ окружного суда С. М. Константиновичъ, предсѣдатель Витебской Ученой Архивной Коммиссіи, представители военнаго вѣдомства, городской голова И. Ю. Сабинъ-Гусъ и др. почетныя лица.

Ровно въ 3 часа закончилось церковное торжество, послѣ чего крестные ходы возвратились въ свои церкви, а около мѣста закладки произведенъ былъ парадъ мѣстнымъ частямъ войскъ, которые прошли церемоніальнымъ маршемъ, салютуя освященному мѣсту закладки памятника.

Въ 4 часа дня, въ залѣ городской думы, состоялось подъ почетнымъ предсѣдательствомъ Преосвященнаго Никодима, торжественное засѣданіе Витебской Ученой Архивной Коммиссіи, на которомъ кромѣ представителей гражданскихъ и военныхъ властей г. Витебска и многихъ приглашенныхъ почетныхъ лицъ, присутствовалъ и представитель Виленскаго учебнаго округа д. с. с. Добрянскій.

Къ собранію обратился съ воодушевленною рѣчью предсѣдатель Витебской Ученой Архивной Комиссіи В. А. Кадыгробовъ.

Прежде всего В. А. отмѣтилъ тотъ подъемъ патріотическаго чувства, то объединеніе, которое испытываютъ всѣ сословія и національности въ сегодняшній радостный для г. Витебска день. „Такая же радость, тотъ же колокольный звонъ и тѣ же веселыя лица“,—сказалъ В. А.,—„были и 99 лѣтъ тому назадъ въ день освобожденія Витебска отъ ига французовъ. Разница лишь та, что въ то время Витебскъ представлялъ маленькій разоренный городъ съ уменьшившимся на 79% населеніемъ*), теперь же онъ развился до размѣровъ большого города съ 100-тысячнымъ населеніемъ“.

Далѣе В. А. сдѣлалъ подробный историческій докладъ обо всѣхъ событіяхъ, имѣвшихъ мѣсто въ 1812 г. въ г. Витебскѣ и подъ Витебскомъ. Будучи основанъ на точныхъ историческихъ данныхъ и облеченный въ красивую форму, онъ слушался съ захватывающимъ вниманіемъ. Въ своемъ докладѣ В. А. коснулся даже самыхъ мелкихъ эпизодовъ, ареною которыхъ съ іюля по 26 октября 1812 г. былъ нашъ городъ.

Между прочимъ, интересную деталь передалъ В. А. о той роли, какую играло еврейство въ тяжелую годину, отмѣченную и нашимъ историкомъ А. П. Сапуновымъ. О евреяхъ разсказываютъ, что они

*) Въ 1812 г числилось въ Витебскѣ всего вообще жителей мужского пола 6768 чел., а въ 1813 г., по свѣдѣніямъ собраннымъ къ 30 апрѣля, 2115 душъ муж. пола, т. е. населеніе уменьшилось на 4293 души, т. е. почти на 79%.

одинаково привѣтствовали, какъ ряды вступившихъ въ Витебскъ непріятелей, такъ впослѣдствіи и наши побѣдоносныя войска: «Хвала Богу, что наши пришли», такъ говорили они и тѣмъ и другимъ. Сохранился, между прочимъ, интересный списокъ купцовъ, составленный французскими властями. Изъ этого списка видно, что купеческихъ христіанскихъ семействъ было 81, изъ нихъ 35 помѣчено выѣхавшими за Русской арміей; еврейскихъ семействъ было всего 7 (въ количествѣ 42 душъ мужск. пола); всѣ онѣ, разумѣется, остались въ Витебскѣ*).

Подробно также остановился В. А. на геройскомъ подвигѣ подполковника Столыпина (предка по отдаленной линіи П. А. Столыпина), который съ горстью русскихъ молодцовъ безстрашно бросился на французовъ, выбилъ ихъ изъ позиціи и отбилъ два орудія.

Наконецъ, В. А. передалъ собравшимся исторію возникновенія у насъ идеи о сооруженіи памятника Отечественной войны и исторію осуществленія этой идеи.

Здѣсь В. А. весьма кстати познакомилъ собраніе съ интереснымъ дѣломъ за 1836 годъ, извлеченнымъ изъ архива губернскаго правленія, о сооруженіи монументовъ Отечественной войны въ Витебской губерніи. Оказывается, что по Высочайшему повелѣнію Государя Императора Николая I-го предположено было въ нашей губерніи въ память 1812 г. соорудить четыре чугунныхъ памятника въ слѣдующихъ мѣстахъ: г. Полоцкѣ, Витебскѣ, Клястицахъ и Чашникахъ. Но Высочайшее повелѣніе, какъ извѣстно, приведено въ исполненіе было только въ двухъ мѣстахъ: Полоцкѣ и Клястицахъ. Витебску суждено будетъ украситься памятникомъ только въ 1912 году, а Чашники, вѣроятно, навсегда останутся безъ памятника.

Въ заключеніе своей рѣчи В. А. выразилъ твердую увѣренность въ томъ, что тѣ терніи, которые до сихъ поръ возникали на пути къ созданію памятника уже окончательно изчесли, и день 26 октября 1912 г., день открытія величественнаго монумента, будетъ для Витеблянъ такимъ же свѣтлымъ и радостнымъ, какимъ онъ явился для насъ сто лѣтъ тому назадъ—день побѣды надъ французами и изгнанія ихъ изъ Витебска.

*) Витебская Старина, А. П. Сапуновъ, т. I. стр. 587.

Интересное сообщеніе В. А. было награждено вполнѣ заслуженными дружными апплодисментами.

Вслѣдъ за сообщеніемъ В. А., имъ были оглашены многочисленныя привѣтственныя телеграммы, полученныя къ этому знаменательному дню со всѣхъ концовъ Россіи, и предложилъ просить Епископа Никодима и и. д. Начальника губерніи Н. Ф. Ошанина повергнуть вѣрноподданническія чувства Государю Императору, что и было принято единодушно.

Послѣ этого было подано шампанское. Первый тостъ за Державнаго Хозяина земли Русской—Государя Императора былъ провозглашенъ Г. Управляющимъ губерніей. Единодушные клики „ура“ огласили думскій залъ, музыка трижды исполнила народный гимнъ. Затѣмъ, губернскимъ предводителемъ дворянства П. А. Ренгартеномъ провозглашенъ тостъ за здоровье Государыни Императрицы Александры Ѳеодоровны, предсѣдателемъ окружнаго суда В. О. Губертомъ—за Государыню Императрицу Марію Ѳеодоровну, прокуроромъ окружнаго суда С. М. Константиновичемъ—за Наслѣдника Цесаревича. В. А. Кадыгробовымъ—за Преосвященнаго Никодима епископа Полоцкаго и Витебскаго, Управляющимъ губерніей—за В. А. Кадыгробова,—какъ главнаго виновника торжества, далѣе слѣдовали тосты за и. д. Начальника губерніи Н. Ф. Ошанина, за начальника мѣстнаго гарнизона П. Н. Махаева, за гостей и рядъ другихъ тостовъ.

Затѣмъ, присутствующимъ на засѣданіи былъ предложенъ чай, фрукты, послѣ чего начался разъѣздъ. Вечеромъ городъ былъ иллюминованъ, при чемъ особенно красиво было иллюминовано электрическими лампочками зданіе городской думы.

Торжество закончилось парадным спектаклемъ въ городскомъ театрѣ. Представлена была историческая пьеса въ 4 дѣйств., сочиненія Морозова: „Наполеонъ I-й въ Россіи“ или „Русскій герой Отечественной войны“. Предъ началомъ спектакля артистомъ И. Р. Пельтцеромъ было прочитано стихотвореніе А. Майкова «Сказаніе о 1812 годѣ».

Пьеса, исполненная въ повышенномъ мело-драматическомъ тонѣ, и выражающая высокій подъемъ патріотическихъ чувствъ, охватившихъ въ 1812 году все русское общество, какъ нельзя лучше гар-

монировала съ настроеніемъ собравшейся публики. Эффектна была, поставленная въ заключеніе пьесы, живая картина, гдѣ Родина вѣнчаетъ разстрѣляннаго русскаго героя лаврами, женщины съ благоговѣніемъ преклоняютъ предъ нимъ колѣна, ангелы принимаютъ его подъ свою сѣнь, а грозный врагъ въ лицѣ Наполеона стоитъ около подавленный, побѣжденный.

Театръ былъ переполненъ нарядной и празднично настроенной публикой и учащейся молодежью, которая награждала артистовъ дружными аплодисментами.

Такъ закончился знаменательный день закладки памятника героямъ Отечественной войны. Невольно въ этотъ день при видѣ величественной картины заложенія перваго камня мысль уносится въ прошлое нашего Русскаго государства, невольно вспоминается чреватая событіями исторія нашего Отечества: междоусобицы князей, татарское иго, великая московская „разруха“, 1812 г., наконецъ, послѣднія наши нестроенія. Страницы этого прошлаго какъ бы говорятъ: были бѣды, были ужасы, все колебалось, все казалось погибшимъ,—потомъ снова вставала Родина еще съ большею мощью, съ большею крѣпостью. И при этой успокоительной мысли, предъ умственнымъ взоромъ проходятъ образы людей вынесшихъ на своихъ плечахъ Россію изъ испытаній и безвременья, вспоминаются наши Пожарскіе, Минины, Ляпуновы, Кутузовы и т. д. и т. д.

Пусть же воздвигаемый памятникъ на живописной Успенской горѣ будетъ не мертвой глыбой, а живымъ свидѣтелемъ славнаго прошлаго родного города, его украшеніемъ, гордостью, его показателемъ культурнаго и національнаго возрожденія и пусть позднѣйшіе потомки, смотря на этотъ монументъ, читая на немъ надписи о геройскихъ подвигахъ нашихъ предковъ, почерпаютъ среди бурной общественной жизни силы для стойкаго и великаго служенія на благо нашей дорогой Родины!

II.

„Да вѣдаютъ потомки православныхъ земли родной минувшую судьбу,

А. С. Пушкинъ.

Открытіе Витебскаго отдѣленія Московскаго Археологическаго Института

27 октября 1911 г., въ день празднованія памяти преподобнаго Нестора Лѣтописца, въ нашемъ городѣ произошло первостепенной важности культурное событіе: состоялось торжественное открытіе Витебскаго отдѣленія Московскаго Археологическаго Института, являющагося первымъ во всемъ Сѣверо-Западномъ краѣ высшимъ учебнымъ заведеніемъ.

Открытіе отдѣленія происходило въ помѣщеніи Витебскаго Учительскаго Института, гдѣ, съ разрѣшенія Министерства Народнаго Просвѣщенія и Попечителя Виленскаго Учебнаго Округа, благодаря любезному согласію директора К. И. Тихомирова, нашли себѣ временный пріютъ и Витебское отдѣленіе Московскаго Археологическаго Института и наша молодая Ученая Архивная Коммиссія.

Къ часу дня, въ помѣщеніе Учительскаго Института, красиво декорированное тропическими растеніями и національными флагами, собралось на скромное, но великое по своей идеѣ торжество много почетныхъ гостей, въ числѣ которыхъ были: представитель Виленскаго учебнаго округа д. с. с. Добрянскій, Витебскій губернскій предводитель дворянства П. А. Ренгартенъ, предсѣдатель окружнаго суда В. О. Губертъ, прокуроръ окр. суда С. М. Константиновичъ, начальникъ мѣстнаго гарнизона, полковникъ П. Н. Махаевъ, директора мѣстныхъ учебныхъ заведеній и др. начальствующія лица, и слушатели Витебскаго отдѣленія Московскаго Археологическаго Института, во главѣ съ директоромъ Института А. И. Успенскимъ и профессорами Н. Н. Ардашевымъ и Н. Ф. Колесниковымъ.

Въ часъ дня прибылъ Его Преосвященство, Преосвященнѣйшій Никодимъ, епископъ Полоцкій и Витебскій, который, въ сослуженіи ректора семинаріи, о. арх. Θеофана, настоятеля каѳедральнаго собора, о. А. Матюшенскаго, ключаря каѳедральнаго собора о. І. Бобровскаго

и священника о. П. Гальковскаго, отслужилъ благодарственный молебенъ.

Послѣ провозглашенія протодіакономъ многолѣтія Царствующему Дому, Почетному Попечителю Института, Великому Князю Александру Михайловичу и Супругѣ Его Великой Княгинѣ Ксеніи Александровнѣ, членамъ Витебской Ученой Архивной Коммиссіи, предсѣдателю коммиссіи, какъ организатору отдѣленія—В. А. Кадыгробову, директору, профессорамъ и слушателямъ Московскаго Археологическаго Института, Владыка въ прочувствованныхъ словахъ привѣтствовалъ новый разсадникъ просвѣщенія и пожелалъ ему цвѣсти, расти и развиваться на пользу Церкви Православной и Отечества.

Затѣмъ, состоялся торжественный актъ. Первымъ вступилъ на каѳедру Директоръ Института А. И. Успенскій, обратившійся съ слѣдующею привѣтственною къ собранію рѣчью:

„Ваше Преосвященство, Милостивыя Государыни и Милостивые Государи!

Потребность образованія въ Россіи, можно сказать, чувствуется повсюду. Народныя массы, коснѣющія въ невѣжествѣ, нуждаются въ начальныхъ школахъ. Среднихъ учебныхъ заведеній также недостаточно. Процентъ населенія получающаго высшее образованіе, по сравненію съ статистическими данными по этому предмету въ Западной Европѣ, поразительно малъ. А между тѣмъ нельзя сказать, чтобы у русскаго человѣка не было стремленія къ наукѣ. Особенно оно замѣтно у лицъ, которымъ удалось получить среднее образованіе. Между ними едва-ли много найдется такихъ, которые не мечтали о лекціяхъ профессоровъ, представителей научнаго знанія.

Московскій Археологическій Институтъ, открывая въ разныхъ городахъ Имперіи чтенія систематическаго курса лекцій по всѣмъ преподаваемымъ въ немъ предметамъ, несомнѣнно, идетъ на встрѣчу этому общественному стремленію къ высшему образованію. При этомъ онъ предлагаетъ послѣднее большею частію въ формѣ наукъ весьма интересныхъ и захватывающихъ.

Имѣя своею главною цѣлью выясненіе историческихъ судебъ человѣчества, означенныя науки должны быть названы по преимуществу гуманитарными, о воспитательномъ и общественномъ значеніи которыхъ едва-ли нужно распространяться. Не говоря уже о томъ, что онѣ представляютъ собою данныя для освѣщенія современной дѣйствительности въ связи съ минувшими событіями, нѣкоторыя изъ нихъ могутъ имѣть отношеніе даже къ такимъ общимъ пробле-

мамъ, какъ вопросъ о прогрессѣ, о формахъ развитія человѣческаго духа въ его разнообразныхъ проявленіяхъ и т. п.

Вообще же преподаваемыя въ Институтѣ науки во всей своей совокупности даютъ широкія научныя перспективы, широкій умственный кругозоръ, при чемъ, однако, не можетъ быть и рѣчи о чрезвычайной дробности и многочисленности читаемыхъ въ нашемъ учебномъ заведеніи дисциплинъ: несмотря на эти качества, онѣ, хотя и съ разныхъ сторонъ, но освѣщаютъ одинъ и тотъ же предметъ—прошлое человѣчества.

Само собой разумѣется, что, кромѣ указаной задачи—удовлетворить стремленію русскаго общества къ высшему образованію, Институтъ преслѣдуетъ въ данномъ случаѣ и свои спеціальныя цѣли, а именно,—научную подготовку наивозможно большаго числа археологовъ-спеціалистовъ.

По обширному пространству нашего государства разбросана масса письменныхъ и вещественныхъ памятниковъ старины, для изученія которыхъ необходима пѣлая армія ученыхъ силъ. Для укомплектованія ихъ Институтъ еще ранѣе организовалъ чтенія лекцій, кромѣ Москвы, въ двухъ провинціальныхъ городахъ—Смоленскѣ и Калугѣ. Теперь же, открывая подобныя же чтенія въ Витебскѣ, Институтъ дѣлаетъ лишь новый шагъ по избранному имъ пути.

При этомъ для него весьма важно, что Витебскъ, подобно названнымъ городамъ, принадлежитъ къ числу древнихъ русскихъ городовъ, богатыхъ всякаго рода памятниками старины. Съ одной стороны, условія жизни въ подобныхъ мѣстахъ, въ виду близости указанныхъ памятниковъ, сами собою, воспитываютъ въ человѣкѣ любовь къ старинѣ; а съ другой стороны, эта любовь совершенно необходима для занятія археологіей: безъ нея невозможно то кропотливое и детальное обслѣдованіе изучаемаго предмета, которое требуется отъ ученаго археолога; и одна лишь она въ состояніи вдохнуть въ него ту, такъ сказать, творческую и чудодѣйственную силу, съ помощью которой онъ бываетъ способенъ какъ-бы оживлять и воскрешать въ своихъ изслѣдованіяхъ давно минувшія событія, погребенныя въ тьмѣ прошедшихъ вѣковъ и тысячелѣтій.

Въ виду кипучей и многосложной дѣятельности Института, новое его начинаніе, несомнѣнно, является для него дѣломъ не легкимъ.

Но увѣренность нашего учрежденія въ высокой важности его ученой и культурной миссіи заставляетъ его презрѣть всѣ трудности, которыя онъ можетъ встрѣтить при осуществленіи своего начинанія. Эта же увѣренность вдохновляетъ его неутомимой энергіей и побуждаетъ къ неустаннымъ трудамъ для

достиженія намѣченной цѣли. Успѣхъ же новаго дѣла будетъ для него наивысшей наградой.

Но вмѣстѣ съ тѣмъ Институтъ питаетъ твердую надежду, что и само Витебское общество, по иниціативѣ и желанію котораго организуется въ Витебскѣ чтеніе институтскихъ лекцій, всегда будетъ оказывать нравственную и матеріальную поддержку этому важному дѣлу, и что въ самомъ содѣйствіи развитію и процвѣтанію послѣдняго оно пойдетъ рука объ руку съ Институтомъ.

Въ Смоленскѣ и Калугѣ означенныя чтенія поставлены прекрасно и развиваются съ большимъ успѣхомъ: нѣтъ основаній думать, чтобы это же дѣло пошло иначе въ Витебскѣ.

Мы твердо вѣримъ, что здѣсь оно станетъ на прочную почву, залогомъ чего служитъ кипучая и неутомимая энергія организатора Витебскаго, такъ сказать, филіальнаго Института, предсѣдателя Витебской Ученой Архивной Коммиссіи Всеволода Антоновича Кадыгробова, который положилъ немало труда и любви въ это начинаніе, и выдающаяся общественная дѣятельность котораго такъ хорошо извѣстна далеко за предѣлами Витебской губерніи и стяжала ему ту почетную извѣстность, которая не могла не найти себѣ оцѣнки и въ Совѣтѣ Московскаго Археологическаго Института, единогласно избравшаго его 27 іюня сего года въ свои почетные члены. Но вмѣстѣ съ тѣмъ мы вѣримъ, что, являясь душою дѣла, Всеволодъ Антоновичъ является душою и общества такого же, какъ и онъ, стремящагося къ свѣту и знанію.

Да оправдается же эта надежда, которую возлагаетъ Институтъ на открываемыя въ этомъ городѣ лекціи, вполнѣ. Да процвѣтаютъ же онѣ съ каждымъ годомъ! Да явятся разсадникомъ новыхъ многочисленныхъ дѣятелей на широкомъ поприщѣ историко-археологической науки! Да процвѣтаетъ Витебскъ и да будетъ онъ однимъ изъ центровъ историко-археологическаго просвѣщенія въ Россіи.

Второй ораторъ—профессоръ Н. Н. Ардашевъ, въ своей прекрасной, обстоятельной рѣчи ввелъ своихъ будущихъ слушателей въ область археологическихъ дисциплинъ, выяснилъ имъ всю пользу, какая получается при изученіи различнаго рода памятниковъ культурнаго развитія человѣчества и указалъ на чрезвычайное богатство и разнообразіе этой обширной отрасли человѣческаго знанія.

Послѣ этихъ рѣчей вниманію собранія былъ предложенъ подробный отчетъ существованія Московскаго Археологическаго Института за 1909—10 академическій годъ, изъ котораго усматриваетя, что съ

каждымъ годомъ Институтъ расширяетъ свою просвѣтительную миссію и проявляетъ кипучую дѣятельность во главѣ со своимъ энергичнымъ руководителемъ А. И. Успенскимъ.

Такъ имъ уже, кромѣ Витебскаго отдѣленіи, таковыя же открыты въ Смоленскѣ и Калугѣ и предполагается открыть въ г. Нижнемъ-Новгородѣ.

Далѣе слѣдовали привѣтственныя рѣчи. Прежде всего выступилъ отъ имени Витебской Ученой Архивной Коммиссіи ея предсѣдатель В. А. Кадыгробовъ, который яркими штрихами обрисовалъ неотложную нужду открытія Археологическаго Института въ обездоленномъ Сѣверо-Западномъ краѣ, а въ частности въ нашей губерніи, изобилующей памятниками старины. Заканчивая свою рѣчь В. А., обращаясь къ А. И. Успенскому,—сказалъ приблизительно такъ: „Мы передаемъ Вамъ въ лицѣ нашей аудиторіи тепличное растеніе, выросшее на нашей каменистой и песчаной почвѣ, растеніе, которое требуетъ тщательнаго за собою ухода, при которомъ оно быстро вырастетъ и окрѣпнетъ, и мы вѣримъ, что наше горячее стремленіе къ свѣту и знанію найдетъ въ научныхъ силахъ Московскаго Археологическаго Института живой откликъ. Обращаясь къ Вамъ, глубокоуважаемый Александръ Ивановичъ и къ г.г. профессорамъ, мнѣ припоминается надпись на блюдѣ, на которомъ княгиня Марія Клавдіевна Тенишева поднесла Совѣту профессоровъ Московскаго Археологическаго Института ключи отъ своего милліоннаго сокровища—Тенишевскаго музея въ г. Смоленскѣ: „въ руцѣ Ваши влагаю скрыню сію: пріидите мудрые и владѣйте ею“... Мы подносимъ вамъ не милліонное хранилище, но сокровищницу нашихъ завѣтныхъ желаній—свѣта и знанія. Обращаясь къ вамъ, мы съ чувствомъ живѣйшей надежды восклицаемъ: «Пріидите мудрые и научите насъ!»...

Рѣчь В. А. была покрыта бурными долго несмолкавшими аплодисментами, равно какъ и рѣчи А. И. Успенскаго и Н. Н. Ардашева.

Послѣ В. А.—говорилъ профессоръ Археологическаго Института Н. Ф. Колесниковъ. Въ своей рѣчи онъ указалъ на тотъ фактъ, что въ послѣднее время вмѣстѣ съ пробужденіемъ національнаго самосознанія, пробуждается интересъ къ археологическимъ наукамъ. Теперь археологіей занимаются не только отдѣльныя лица, составляв-

шія рѣдкое исключеніе изъ общей массы, а цѣлыя группы людей. Это, по мнѣнію профессора, является хорошимъ предзнаменованіемъ: теперь уже наши неоцѣнимыя сокровища въ видѣ различнаго рода памятниковъ старины не будутъ поступать въ заграничные музеи, а найдутъ пытливыхъ изслѣдователей у себя на Родинѣ.

Потомъ слѣдовалъ цѣлый рядъ многочисленныхъ привѣтствій отъ лицъ и учрежденій: отъ Смоленскаго отдѣленія Московскаго Археологическаго Института, приславшаго своего депутата привѣтствовать младшаго собрата, отъ Виленскаго учебнаго округа и Виленскихъ учрежденій, соприкасающихся съ археологіей, привѣтствовалъ д. с. с. Добрянскій, отъ всѣхъ средне-учебныхъ заведеній г. Витебска отъ дирекціи народныхъ училищъ, отъ Витебскаго дворянства, отъ земства, причемъ, представитель земства заявилъ собранію объ учрежденіи при Витебскомъ отдѣленіи стипендіи имени П. А. Столыпина, отъ городского самоуправленія привѣтствовалъ городской голова И. Ю. Сабинъ-Гусъ, заявившій объ особой отзывчивости нашихъ гласныхъ къ новому разсаднику просвѣщенія, выразившейся учрежденіемъ 12 стипендій, отъ св. Владимирскаго братства; произнесъ также привѣтственную рѣчь и В. К. Стукаличъ, какъ мѣстный историкъ и др.

Всѣ привѣтствія носили теплый, задушевный характеръ и всѣхъ ораторовъ собравшаяся публика награждала дружными апплодисментами.

Наконецъ, В. А Кадыгробовымъ были доложены многочисленныя (свыше 100) привѣтственныя телеграммы, въ числѣ которыхъ были: отъ предсѣдателя Государственной Думы, отъ нашихъ депутатовъ, отъ члена Государственнаго Совѣта Офросимова, отъ Протопресвитера военнаго и морского духовенства прот о. Г. Шавельскаго, отъ Г. Управляющаго губерніей Н. Ф. Ошанина, отъ попечителя Археологическаго Института, отъ генерала Глазова, отъ Финляндскаго генералъ-губернатора Ф. И. Зейна, отъ ректора Варшавскаго университета и другихъ высшихъ учебныхъ заведеній, отъ ученыхъ архивныхъ коммиссій, отъ многихъ губернаторовъ и профессоровъ и др.

Послѣ закрытія засѣданія около 5 час. вечера, почетные гости отправились въ Гражданскій клубъ, гдѣ состоялся обѣдъ, прошедшій

весьма оживленно. Было произнесено много тостовъ и радушныхъ пожеланій по случаю состоявшихся торжествъ.

Въ 8 час. вечера, директоръ Института А. И. Успенскій началъ чтеніе лекцій по исторіи всеобщаго искусства, чѣмъ фактически и открылось существованіе народившагося единственнаго пока во всемъ Сѣверо-Западномъ краѣ высшаго учебнаго заведенія.

Прекрасное чтеніе А. И. Успенскаго иллюстривалось показываніемъ образцовъ древняго искусства на экранѣ.

Послѣ заключительной лекціи, слушатели шумными аплодисментами благодарили А. И. Успенскаго, какъ перваго лектора, какъ первую ласточку, принесшую свѣтъ знанія.

Чрезвычайно своеобразную картину представляетъ аудиторія. Здѣсь всѣ: и воспитанники Учительскаго Института, и чиновники, и учителя, и военные и умудренные опытомъ мужи, занимающіе въ іерархической губернской лѣстницѣ видные посты, и солидныя дамы, и молодыя дѣвицы—всѣ соединились подъ знаменемъ науки, всѣ составляютъ одну единодушную товарищескую семью. Нужно видѣть съ какимъ вниманіемъ, съ какою любовью относятся слушатели къ чтенію лекцій, многіе даже записываютъ ихъ. Число слушателей достигаетъ до 90 человѣкъ. Очевидно, Институтъ завоевалъ большія симпатіи общества.

Нужно надѣяться, что въ такомъ усердномъ отношеніи къ дѣлу со стороны слушателей отнюдь нельзя видѣть, какъ это приходится слышать отъ скептиковъ, проявленіе мимолетной вспышки погони за общимъ теченіемъ. Намъ, кажется, что съ одной стороны разнообразная, полная интереса программа Археологическаго Института, а съ другой—присущее каждому человѣку стремленіе познать отдаленное прошлое человѣчества является вполнѣ достаточной гарантіей къ тому, чтобы поддержать въ слушателяхъ на одномъ уровнѣ тотъ огонь къ свѣту и знанію, ту любовь, тотъ интересъ, безъ которыхъ немыслимо занятіе Археологическими науками.

Пусть же этотъ свѣточъ знанія положитъ прочное начало историко-археологическому просвѣщенію въ нашемъ богатомъ памятниками старины Сѣверо-Западномъ краѣ, пусть онъ явится разсадникомъ просвѣщеннаго кадра археологовъ и пусть онъ озаритъ яркимъ пламенемъ „земли родной минувшую судьбу“. **С. Сахаровъ.**

Высочайшія телеграммы:

На всеподданнѣйшія телеграммы съ выраженіемъ вѣрноподданническихъ чувствъ Управляющимъ Витебскою губерніею Н. Ф. Ошанинымъ и Директоромъ Московскаго Археологическаго Института А. И. Успенскимъ были получены слѣдующія телеграммы:

Витебскому Губернатору изъ Ливадіи, 30 октября 1911 г.

ГОСУДАРЬ ИМПЕРАТОРЪ повелѣть соизволилъ благодарить населеніе города Витебска за молитвы, вознесенныя въ знаменательные для древняго Витебска дни закладки памятника героямъ отечественной войны и открытія Московскаго Археологическаго Института, и за выраженныя въ телеграммѣ отъ 29 декабря чувства, о чемъ прошу поставить въ извѣстность Преосвященнаго Епископа Никодима и Предсѣдателя соединенной Коммиссіи Кадыгробова.

Министръ Императорскаго Двора Баронъ Фредериксъ.

2. Директору Московскаго Археологическаго Института Успенскому, изъ Ливадіи.

ГОСУДАРЬ ИМПЕРАТОРЪ повелѣть мнѣ соизволилъ благодарить Васъ и всѣхъ собравшихся на торжество открытія въ Витебскѣ чтенія лекцій по предметамъ преподаваемымъ въ Московскомъ Археологическомъ Институтѣ за вознесенныя молитвы и выраженныя въ Вашей телеграммѣ чувства и пожелать дальнѣйшаго полнаго успѣха полезной дѣятельности Института.

Министръ Императорскаго Двора Баронъ Фредериксъ.

Кромѣ того изъ Кореиза отъ Великаго Князя Александра Михайловича, была получена слѣдующая телеграмма:

Витебскъ. Директору Московскаго Археологическаго Института Успенскому. Искренно благодарю всѣхъ собравшихся по

случаю открытія курса лекцій Московскаго Археологическаго Института за выраженныя чувства и пожеланія. Привѣтствую всѣхъ сочувствующихъ дѣлу распространенія историческихъ знаній и желаю успѣха профессоромъ и слушателямъ.

Александръ.

Приводимъ текстъ нѣкоторыхъ привѣтственныхъ телеграммъ, полученныхъ Ученою Архивною Коммиссіею по случаю Витебскихъ торжествъ

1) Отъ Предсѣдателя Гос. Думы г. Родзянко изъ Петербурга.

Въ торжественный день закладки памятника Отечественной войны привѣтствую Витебскую Ученую Архивную Коммиссію; шлю пожеланіе дальнѣйшей плодотворной дѣятельности.

2) Изъ С.-Петербурга отъ генералъ-отъ-инфантеріи В. Г. Глазова.

Преклоняясь предъ иниціативой Коммиссіи проявленной въ столь высоко патріотическихъ дѣяніяхъ, усерднѣйше прошу Васъ передать г.г. членамъ Витебской Ученой Архивной Коммиссіи мою глубочайшую благодарность за лестное для меня приглашеніе, мое искреннее пожеланіе успѣшнаго окончанія воздвигаемаго памятника, равно какъ неизмѣнно благихъ преуспѣяній и процвѣтанія столь близкаго моему сердцу Археологическаго Института.

3) Изъ Петербурга отъ группы членовъ Госуд. Думы.

Шлемъ Витебской Ученой Архивной Коммиссіи привѣтъ и поздравленіе. Радуемся увѣковѣченію памятникомъ славныхъ событій 1812 года въ Бѣлоруссіи Желаемъ успѣховъ въ изученіи родной старины: Амосенокъ, священникъ Блажевичъ Доппельмайеръ, Евреиновъ, Ермолаевъ, Сапуновъ, Тычининъ.

4) Изъ С.-Петербурга отъ члена Госуд. Совѣта Офросимова.

Сожалѣю о невозможности прибыть на закладку памятника Отечественной войны и открытіе Института. Шлю Коммиссіи искренній привѣтъ, поздравленіе и наилучшія пожеланія дѣятельности на пользу русскаго дѣла въ Бѣлорусскомъ краѣ.

5) Изъ Петербурга отъ протопресвитера Шавельскаго.

Горячо привѣтствую съ рѣдкимъ для роднаго края событіемъ. Да благословитъ Господь новое дѣло великимъ успѣхомъ. Иниціаторамъ и участникамъ многая лѣта.

6) Изъ Витебска отъ Управляющаго губерній Ошанина.

Занятый не терпящими отлагательства служебными дѣлами, я лишенъ возможности лично присутствовать при открытіи Витебскаго отдѣленія Археологическаго Института. Отъ всего сердца привѣтствую открытіе перваго высшаго учебнаго

заведенія въ Сѣверо-Западномъ краѣ, да явится оно родной матерью своимъ слушателямъ, да дастъ имъ щедрой рукой дары науки и знанія, необходимыя на жизненномъ пути для пользы дорогой обожаемой родины. Vivat akademia, vivant professores.

7) Изъ Гельсингфорса отъ генералъ-лейтенанта Зейна.

Въ сегодняшній знаменательный день закладки воздвигаемаго въ Витебскѣ по иниціативѣ Витебской Ученой Архивной Коммиссіи памятника геройской и славной Отечественной войны прошу Коммиссію—вѣрнаго стража родной старины, принять мой душевный поздравительный привѣтъ, мои сердечныя пожеланія успѣшнаго и скорѣйшаго завершенія сооруженія памятника напоминающаго современнымъ и грядущимъ поколѣніямъ о доблестя предковъ и ихъ любви и преданности Государю и Россіи.

8) Отъ него же.

Сегодня въ день открытія Витебскаго отдѣленія Московскаго Археологическаго Института сердечно привѣтствую и поздравляю Витебскую Ученую Архивную Коммиссію съ новымъ плодотворнымъ результатомъ ея благихъ и высокихъ начинаній. Отъ души желаю Коммиссіи и вновь учрежденному отдѣлу процвѣтанія и блестящаго успѣха.

9) Изъ Петербурга отъ Директора Канцеляріи Министра Внутреннихъ Дѣлъ Кнооля.

Привѣтствуя въ Вашемъ лицѣ Витебскую Ученную Архивную Коммиссію сердечными поздравленіями по случаю закладки памятника Отечественной войны и открытія отдѣленія археологическаго института, искренно благодарю Васъ за приглашеніе и очень сожалѣю, что дѣла службы не позволяютъ мнѣ присутствовать на предстоящихъ торжествахъ.

10) Изъ Варшавы отъ Попечителя Варшавскаго Учебнаго Округа Левицкаго.

Привѣтствую Витебское отдѣленіе Московскаго Археологическаго Института, который найдетъ въ Сѣверо-Западномъ краѣ богатый матеріалъ для научной работы.

11) Изъ Варшавы отъ Ректора Императорскаго Варшавскаго Университета.

Прошу Коммиссію принять горячее привѣтствіе съ торжествомъ закладки памятника въ память великаго историческаго событія. Да послужитъ онъ грядущимъ поколѣніямъ напоминаніемъ о славѣ русскаго имени и силѣ русскаго народа.

12) Изъ Петербурга отъ генерала-отъ-инфантеріи Михневича.

Совѣтъ Императорскаго Русскаго Военно-Историческаго Общества радостно привѣтствуетъ Соединенную Коммиссію съ славнымъ починомъ увѣковѣченія памяти доблестныхъ предковъ, оказавшихъ великіе подвиги на родныхъ поляхъ въ борьбѣ съ могучимъ врагомъ, и отъ всего сердца желаетъ скорѣйшаго окончанія дѣла крѣпкихъ духомъ русскихъ людей. Да будетъ осуществляемый памятникъ свидѣтель славы доблести воиновъ, сто лѣтъ назадъ съ честью отстаивавшихъ родную землю отъ иноплеменнаго нашествія, воодушевлять ихъ потомковъ на святое вы-

полненіе своего долга предъ Царемъ и родиною, не допуская властвовать въ искони русскомъ Витебскѣ врагамъ великой Россіи.

13) Изъ Петербурга отъ Тихомирова.

Открытіе въ Витебскѣ Отдѣленія Московскаго Археологическаго Института и закладка памятника Отечественной войны доставляетъ глубокое удовлетвореніе патріотическому чувству русскихъ людей. Искреннѣйше привѣтствую участниковъ торжества.

14) Изъ Ставрополя отъ Ставропольской Ученой Архивной Коммиссіи.

Просимъ передать торжественному собранію у подножія памятника великихъ событій Отечественной войны наши привѣтствія и горячія пожеланія могучаго братскаго мирнаго развитія нашего дорогого отечества.

15) Изъ Симбирска отъ Губернатора Ключарева.

Какъ бывшій сочленъ, привѣтствую Архивную Коммиссію въ ея высокихъ начинаніяхъ. Отъ всей души желаю дальнѣйшаго процвѣтанія.

16) Изъ Тифлиса отъ заслуженнаго профессора генералъ-лейтенанта Мышлаевскаго

Въ дни закладки памятника Отечественной войны и открытія отдѣленія Московскаго археологическаго института шлю Витебской ученой архивной коммиссіи и ея предсѣдателю горячій привѣтъ и пожеланія полнаго успѣха въ ихъ патріотическихъ начинаніяхъ. Глубоко сожалѣю, что не могу принять участія въ этихъ торжествахъ русской исторической науки.

17) Изъ Смоленска отъ княгини М. К. Тенишевой.

Всей душой сочувствую Вашимъ прекраснымъ начинаніямъ, сердечно скорблю о невозможности раздѣлить съ Вами эти два достопамятныхъ дня.

18) Изъ Витебска отъ барона Розена.

Вслѣдствіе болѣзни не имѣя возможности лично быть при закладкѣ сооружаемаго памятника Отечественной войны и открытія Отдѣленія Московскаго Археологическаго Института я сердечно привѣтствую Васъ и Коммиссію съ столь выдающимися событіями, имѣющими несомнѣнное значеніе въ жизни нашего родного края Искренно скорблю, что лишенъ удовольствія вмѣстѣ со всѣми принять участіе въ этихъ радостныхъ торжествахъ.

19) Изъ Петербурга отъ Кошкина.

Отъ души привѣтствую Археологическую Коммиссію. Радуюсь выдающемуся проявленію полезной ея дѣятельности. Сожалѣю, что участіе въ засѣданіяхъ комитетовъ лишило возможности прибыть лично.

20) Изъ Полоцка отъ Полоцкаго Кадетскаго Корпуса.

Не имѣя возможности вслѣдствіе служебныхъ обстоятельствъ, лично присутствовать 26 сего октября на торжествѣ закладки памятника Отечественной войны и 27-го на торжественномъ открытіи въ г. Витебскѣ отдѣленія Московскаго Археологическаго Института, прошу Васъ принять и передать членамъ Витебской Ученой Архивной Коммиссіи отъ меня лично и всего служебнаго состава ввѣреннаго мнѣ корпуса наше поздравленіе съ торжествомъ—блестящими результатами начинаній и трудовъ Коммиссіи и искреннее пожеланіе Отдѣленію Института крѣпнуть и развиваться на пользу родного края. При открытіи памятника корпусъ разсчитываетъ принять непосредственное участіе командированіемъ на это торжество строевой роты въ полномъ составѣ.

21) Изъ Смоленска отъ Смоленской Архивной Коммиссіи.

Смоленская Архивная Коммиссія, привѣтствуя Васъ и Витебское отдѣленіе Института въ день открытія, шлетъ новому разсаднику просвѣщенія и любви къ родной старинѣ пожеланія процвѣтанія.

22) Изъ Ставрополя отъ Ставропольской Ученой Архивной Коммисссіи.

Шлемъ сердечныя пожеланія и привѣтствуемъ Васъ и всѣхъ товарищей по работѣ, присоединяясь къ Вашей радости открытія Витебскаго отдѣленія Археологическаго Института.

23) Изъ Саратова отъ Ученой Архивной Коммиссіи.

Да послужитъ воздвигаемый памятникъ въ вящему пробужденію въ обществѣ интереса къ прошлому родного края, а открываемое новое учебное заведеніе къ нарожденію массы усердныхъ работниковъ на пользу науки и мѣстной исторіи.

24) Изъ Двинска.

Двинская крѣпость привѣтствуетъ Ученую Архивную Коммиссію съ торжествомъ закладки памятника событій, коснувшихся всей Витебской губ. и составляющихъ славную эпоху ея исторіи, а также выражаетъ пожеланіе развитія и процвѣтанія отдѣленію Археологическаго Института.

Кромѣ приведенныхъ телеграммъ, получены еще привѣтствія отъ слѣдующихъ лицъ и учрежденій:

Отъ комитета по устройству въ Москвѣ музея 1812 года,

Отъ Нижегородской Ученой Архивной Коммиссіи.

Изъ Симбирска отъ Ленкоранско-Нашебурскаго полка.

Изъ Вильны отъ центральнаго Архива.

Изъ Калуги отъ Прессвященнаго Александра и калужскаго церковно-архивнаго общества.

Изъ Калуги отъ калужскаго отдѣла Московскаго Археологическаго Института.

Изъ Москвы отъ Московскаго кружка ревнителей памяти Отечественной войны.

Отъ Смоленской Ученой Архивной Коммиссіи.

Отъ Курской Ученой Архивной Коммиссіи.

Отъ Московскаго Архива Министерства Юстиціи.

Изъ Москвы отъ церковно-архивнаго отдѣла Московскаго общества любителей духовнаго прсвѣщенія.

Отъ Новгородскаго общества любителей древностей.

Отъ Калужской Ученой Архивной Коммиссіи.

Отъ Курской Ученой Архивной Коммиссіи.

Отъ Саратовской Ученой Архивной Коммиссіи.

Отъ Екатеринославскаго общества изученія Кубанской области.

Отъ Орловскаго церковно-иеторико-археологическаго общества.

Отъ члена Московскаго Археологическаго Института профессора С.-Петербургской Духовной Академіи И. Евелева.

Отъ Губернаторовъ Виленскаго, Ковенскаго, Гродненскаго, Курлянлскаго и Смоленскаго.

Отъ Витебскаго 2-го Общественнаго собранія съ увѣдомленіемъ о пожертвованіи 200 р. на сооруженіе памятника.

Изъ Астрахани отъ Петровскаго общества изслѣдователей Астраханскаго края.

Отъ Полоцкой Учительской Семинаріи.

Отъ Витебскаго мужского Духовнаго училища.

Отъ члена Витебской Ученой Архивной Коммиссіи Селиванова изъ Петербурга.

Изъ Смоленска отъ князя Урусова.

Изъ Смоленска отъ княгини Четвертинской.

Пзъ Казани отъ профессора Загоскина.

Изъ Нарышкина отъ члена Института Арсеньева.

Изъ Витебска отъ Салтыкова.

Изъ Нарышкина отъ пожизненнаго члена Коммиссіи Арсеньева и дѣйствительныхъ членовъ О. Арсеньевой и Цурикова и Ю.и Е. Нарышкиныхъ.

Изъ Лепеля отъ почетнаго члена Сементовскаго.

Изъ Витебска отъ Инспектора народныхъ училищъ Гусаренко.

Изъ Ново-Борисова отъ почетнаго члена Колодѣева.

Отъ Двинскаго реальнаго училища.

Отъ Полоцкаго Исправника Гнѣдовскаго.

Отъ Полоцкаго городского головы Лосковича.

Изъ Полоцка отъ протоіерея Гнѣдовскаго, Черноченко, Попова, Щербинскаго доктора Гнѣдовскаго и Закревскаго.

Изъ Вильны отъ генераловъ Ренненкампфа и Флейшера.

Изъ Минска отъ Демидова.

Изъ Венгрова отъ Щекина.

Изъ Койданова отъ Предводителя дворянства Сорнева.

Изъ Люцина отъ Инспектора народ. училищъ Войнича, податнаго инспектора Горскаго и члена Коммиссіи Фохта.

Изъ Люцина отъ городского старосты Рутковскаго.

Изъ Петербурга отъ Снитко.
Отъ редактора „Минскаго Слова“.
Изъ Петербурга отъ Громова
Изъ Петербурга отъ Веревкина.
Изъ Москвы отъ Заккиа.
Изъ Петербурга отъ Алексѣя Бодренка.
Изъ Симбирска отъ Глыбовскаго.
Изъ Ново-Борисова отъ Подолинскихъ.
Изъ Тулы отъ Черемисинова.
Изъ Варшавы отъ Алкалаева-Калагоргія.
Изъ Смоленска отъ Борщевскаго.
Изъ Вильны Товстолѣса.
Изъ Ракова отъ К. Реутта.
Изъ Двинска отъ Олешкевича.
Изъ Витебска отъ Норневскаго.
Изъ Дриссы отъ Лебедева.
Изъ Калуги отъ Ассоновыхъ
Изъ Орши отъ Андріянова и Турбина.
Изъ м. Усвяты отъ С. Кондратьева.
Изъ Захарова отъ Арсенія Морозова.
Изъ СПБ. отъ Ник. Лихачева.
Изъ Вильны отъ Солоневича.
Изъ Двинска отъ барона и баронессы Шлиппенбахъ.
Изъ Вильны отъ управляющаго Учебнымъ Округомъ.
Изъ Могилева отъ Кадыгробова.
Изъ Парижа отъ Игнатьева.
Изъ Риги отъ Кадыгробовой.
Изъ Полоцка отъ Мореля.
Отъ редакціи „Двинскаго листка“.
Отъ Предсѣдателя Минской Губ. Земск. Управы.

Часть III.

Приложенія.

ОТЧЕТЪ

О ДѢЯТЕЛЬНОСТИ

Витебской Ученой Архивной Коммиссіи

за первый годъ ея существованія.

Съ 31 Мая 1909 г. по 31 Августа 1910 г.

Въ жизни всякаго учрежденія первый годъ имѣетъ очень важное значеніе: въ этотъ годъ опредѣляется программа его, намѣчается путь работъ и, по составу и производительности его работъ, выясняется въ общихъ чертахъ успѣшность его дѣятельности на будущее время.

Если разсматривать въ такомъ отношеніи дѣятельность Витебской Ученой Архивной Коммиссіи съ 31 мая 1909 года по 31 августа 1910 года, т. е. за первый отчетный годъ, то должно получиться довольно отрадное впечатлѣніе.

Для полноты впечатлѣнія необходимо послѣдовательно изложить дѣятельность Витебской Ученой Архивной Коммиссіи со дня ея учрежденія.

Мысль объ учрежденіи въ г. Витебскѣ Ученаго общества съ цѣлью изученія исторіи и древностей Витебской губерніи возникла много ранѣе 1909 года среди извѣстныхъ по изученію мѣстнаго края лицъ, во главѣ которыхъ стоялъ крупный мѣстный ученый Алексѣй Пареѳновичъ Сапуновъ. Предполагалось открыть въ Витебскѣ отдѣлъ

Бѣлорусскаго Общества, проектировавшагося Евлокимомъ Романовичемъ Романовымъ для Могилева.

Въ 1909-мъ же году по мысли управляющаго витебскою казенною палатою А. А. Морозова рѣшено было просить подлежащія учрежденія объ открытіи Бѣлорусскаго отдѣла ИМПЕРАТОРСКАГО Географическаго Общества и соотвѣтственно такому рѣшенію приняты были нѣкоторыя мѣры.

На предварительныхъ засѣданіяхъ, бывшихъ въ витебской казенной палатѣ для выясненія количества лицъ, могущихъ принять участіе въ дѣлѣ, обнаружилось, что многіе изъ явившихся болѣе интересуются исторіей и археологіей и меньше всего остальными главными задачами ИМПЕРАТОРСКАГО Географическаго Общества. Эти лица на означенныхъ засѣданіяхъ образовали отдѣльную группу при выборѣ организаціоннаго Совѣта. Одному изъ представителей историческихъ интересовъ въ предполагавшемся Бѣлорусскомъ Отдѣлѣ ИМПЕРАТОРСКАГО Географическаго Общества, преподавателю витебской духовной семинаріи Н. Н. Богородскому показалось болѣе цѣлесообразнымъ въ интересахъ дѣла ходатайствовать объ открытіи Витебской Ученой Архивной Коммиссіи. Своею мыслью онъ подѣлился съ совѣтникомъ Губернскаго Правленія В. С. Арсеньевымъ, который принялъ въ осуществленіи этого дѣла живѣйшее участіе.

Н. Н. Богородскимъ было составлено на имя Витебскаго Губернатора, Гофмейстера Двора ЕГО ИМПЕРАТОРСКАГО ВЕЛИЧЕСТВА, барона Б. Б. Гершау-Флотова прошеніе, въ которомъ подробно выяснялась необходимость учрежденія въ Витебской губерніи Ученой Архивной Коммиссіи. В. С. Арсеньевъ предложилъ это прошеніе для подписи нѣсколькимъ ему извѣстнымъ лицамъ, выразившимъ сочувствіе предпринятому дѣлу, а Витебскій Губернаторъ, возбудилъ надлежащее ходатайство, которое и увѣнчалось полнымъ успѣхомъ.

31-го мая 1909 года въ залѣ засѣданій Витебскаго Губернскаго Правленія состоялось открытіе Витебской Ученой Архивной Коммиссіи.

Учредительное Собраніе изъ 28 лицъ, подписавшихся подъ прошеніемъ, происходило вначалѣ подъ предсѣдательствомъ Витебскаго Вице-Губернатора П. Ѳ. Ошанина. На этомъ собраніи

всѣ подписавшіеся подъ прошеніемъ признаны были членами-учредителями. Тогда же выбраны были и должностныя лица открытою баллотировкою: предсѣдателемъ—В. С. Арсеньевъ, товарищемъ предсѣдателя—присяжный повѣренный В. П. Федоровичъ и правителемъ дѣлъ Н. Н. Богородскій. Далѣе собраніе продолжалось уже подъ предсѣдательствомъ В. С. Арсеньева.

Для руководства временно, впредь до составленія своего, принятъ былъ уставъ Тамбовской Ученой Архивной Коммиссіи, съ правомъ дѣлать дополненія и исправленія, необходимыя въ интересахъ дѣла.

Тогда же произведены были выборы остальныхъ должностныхъ лицъ и почетныхъ и дѣйствительныхъ членовъ, опредѣленъ былъ ежегодный членскій взносъ въ три рубля и выработанъ планъ первоначальной дѣятельности Коммиссіи въ отношеніи составленія библіотеки, музея и архива.

I. Личный составъ членовъ Витебской Ученой Архивной Коммиссіи за первый годъ ея существованія.

Къ концу 1909—1910 отчетнаго года въ составъ Витебской Ученой Архивной Коммиссіи входили Непремѣнный Попечитель Архивной Коммиссіи, Витебскій Губернаторъ Гофмейстеръ Двора ЕГО ИМПЕРАТОРСКАГО ВЕЛИЧЕСТВА, Баронъ Бернгардъ Бернгардовичъ Гершау-Флотовъ, 99 почетныхъ, 325 дѣйствительныхъ членовъ и 15 членовъ сотрудниковъ.

Съ Высочайшаго соизволенія ЕГО ИМПЕРАТОРСКАГО ВЕЛИЧЕСТВА, ГОСУДАРЯ ИМПЕРАТОРА НИКОЛАЯ АЛЕКСАНДРОВИЧА въ составъ почетныхъ членовъ вошли: Его Императорское Высочество Великій Князь Константинъ Константиновичъ, Его Императорское Высочество Великій Князь Николай Михаиловичъ и Его Императорское Высочество Великій Князь Георгій Михаиловичъ.

Въ теченіи года умерли 8 членовъ: Александръ Ивановичъ Бабстъ, Іоаннъ Павловичъ Орловскій, Юлія Николаевна Гиндунъ, Николай Яковлевичъ Агафоновъ, Николай Николаевичъ Кашинъ,

Павелъ Яковлевичъ Дашновъ, Владиславъ Павловичъ Цѣхановецкій и Николай Яковлевичъ Никифоровскій.

II. Составъ должностныхъ лицъ Витебской Ученой Архивной Коммиссіи.

На учредительномъ Собраніи предсѣдателемъ Коммиссіи былъ избранъ открытою баллотировкою совѣтникъ Витебскаго Губернскаго Правленія Василій Сергѣевичъ Арсеньевъ, котораго, вслѣдствіе его перемѣщенія въ Тулу на должность непремѣннаго члена Губернскаго Присутствія, 19-го августа смѣнилъ единогласно избранный закрытою баллотировкою товарищъ прокурора Витебскаго Окружнаго Суда Всеволодъ Антоновичъ Кадыгробовъ; товарищемъ предсѣдателя при открытіи Коммиссіи былъ избранъ присяжный повѣренный Вячеславъ Петровичъ Федоровичъ; правителемъ дѣлъ—преподаватель Семинаріи Николай Николаевичъ Богородскій, секретаремъ, хранителемъ музея и архива—кандидатъ на судебныя должности при Витебскомъ Окружномъ Судѣ Владиміръ Николаевичъ Юреневъ, обязанности секретаря, вслѣдствіе отказа В. Н. Юренева были возложены на дѣлопроизводителя Губернскаго Правленія Николая Степановича Чичкевича; 5 ноября обязанности по завѣдыванію библіотекою перешли къ дѣлопроизводителю Губернскаго Правленія Евдокиму Даниловичу Моруеву, а по завѣдыванію архивомъ къ дѣлопроизводителю Губернскаго Правленія Александру Николаевичу Эсьмонту; 4 декабря вмѣсто призваннаго къ отбыванію воинской повинности В. Н. Юренева былъ выбранъ въ хранители музея художникъ Константинъ Антоновичъ Змигродскій. Казначеемъ Коммиссіи въ первое время былъ преподаватель Семинаріи Николай Ѳедоровичъ Слезкинъ, котораго, вслѣдствіе его перевода въ Пензенскую Семинарію, смѣнилъ 8 декабря 1909 года счетный чиновникъ Губернскаго Правленія Малахія Прохоровичъ Лебедевъ.

Въ составъ ревизіонной Коммиссіи входили: Каѳедральный Протоіерей Алексѣй Михайловичъ Матюшенскій, Прокуроръ Окружнаго Суда Ѳедоръ Ѳедоровичъ Микулинъ и непремѣнный членъ Губ. Присутствія Георгій Порфирьевичъ Яненко. Кандидатами числились: старшій совѣтникъ Губернскаго Правленія Александръ Георгіевичъ Любимовъ и инспекторъ Витебской духовной семинаріи Александръ

Александровичъ Соколовъ. Послѣ перевода по службѣ Г. П. Яненко и Ѳ. Ѳ. Микулина кандидаты 10 сентября 1909 года были сдѣланы членами, а кандидатами избраны: Эдуардъ Ивановичъ Гуцевичъ, Павелъ Павловичъ Родкевичъ (6 мая) и Викторъ Гавріиловичъ Линденбергъ.

Въ составъ редакціоннаго комитета входили: смотритель Витебскаго духовнаго училища Владиміръ Николаевичъ Тычининъ, преподаватель Витебской мужской гимназіи Николай Яковлевичъ Никифоровскій и Сергѣй Михайловичъ Зазулевскій. Къ концу отчетнаго года за переводомъ по службѣ С. М. Зазулевскаго (съ 2-го апрѣля) и за смертію Николая Яковлевича Никифоровскаго (съ 30 мая) два членскихъ мѣста въ редакціонномъ комитетѣ были вакантны.

Въ составъ Совѣта Коммиссіи входили: всѣ вышеупомянутыя должностныя лица за исключеніемъ членовъ ревизіонной коммиссіи и кромѣ того: архимандритъ Маркова монастыря Пантелеимонъ (съ 10 сентября 1909 г.), Николай Дмитріевичъ Заринъ (съ 10 сентября 1909 г.), Всеволодъ Антоновичъ Кадыгробовъ (съ 10 сентября 1909 г.), Константинъ Антоновичъ Змигродскій (съ 10 сентября 1909 г.), Викторъ Степановичъ Понятовскій (съ 3 дек. 1909 г.), Владиміръ Казиміровичъ Стукаличъ (съ 7 января 1910 г.), Алексѣй Іосифовичъ Пушкаревъ (съ увольненіемъ изъ членовъ ревизіоннаго комитета), баронъ Александръ Ѳедоровичъ фонъ Розенъ (съ 21 іюня), Николай Юльевичъ Кинигсфестъ (съ 5 іюля) и Иванъ Андреевичъ Сушкевичъ (съ 19 августа1909 г.).

Изъ нихъ во время отчетнаго года выбыли Н. Д. Заринъ и В. С. Понятовскій, вслѣдствіе перевода по службѣ.

Въ составъ Комитета по подготовленію къ юбилейнымъ торжествамъ войны 1812 года, образованнаго 10 сентября 1909 года, входили: всѣ члены Совѣта, Иванъ Ивановичъ Долговъ, Владиміръ Францевичъ Бандровскій (съ 8 окт.), Иванъ Ивановичъ Вальбергъ (8 окт.), Модестъ Григорьевичъ Чигирь (8 окт.), Владиславъ Павловичъ Цѣхановецкій (8 окт.), Георгій Александровичъ Ренгартенъ, Петръ Николаевичъ Махаевъ, Захаръ Павловичъ Юницкій, Ѳеодоръ Ивановичъ Григоровичъ, Зиновій Петровичъ Осиповъ (5 окт.), Александръ Александровичъ Гранниковъ, Антонъ Фаддѣевичъ Стырико-

вичъ (3 дек.), Иванъ Хрисанѳовичъ Колодѣевъ (6 іюля), Владиміръ Александровичъ Афанасьевъ (5 іюля) и Петръ Ѳедоровичъ Коссовъ.

Коммиссіонерами состояли: содержатель книжнаго склада Иванъ Даниловичъ Абморшевъ и фотографъ Станиславъ Іосифовичъ Арцишевскій.

III. Помѣщеніе Витебской Ученой Архивной Коммиссіи.

Въ отчетномъ году Архивная Коммиссія помѣщалась безплатно, съ разрѣшенія Непремѣннаго Попечителя, въ зданіи Губернскаго Правленія; музей, архивъ и библіотека были размѣщены въ кабинетахъ совѣтника Губ. Правленія В. С. Арсеньева и ветеринарнаго инспектора А. І. Пушкарева. Для засѣданій служилъ залъ Присутствія.

IV. Дѣятельность Коммиссіи.

Въ кругъ ближайшихъ задачъ Витебской Ученой Архивной Коммиссіи въ отчетномъ году входило: 1) разсмотрѣніе описей дѣламъ и нарядамъ, предназначеннымъ тѣмъ или другимъ правительственнымъ учрежденіемъ къ уничтоженію съ цѣлью выдѣленія изъ нихъ для сохраненія тѣхъ номеровъ, которые представляютъ научный интересъ; 2) разсмотрѣніе и изученіе древнихъ рукописей и документовъ и 3) воспроизведеніе прошлой жизни мѣстнаго края путемъ изученія и собиранія предметовъ старины.

Благодаря любезному и просвѣщенному содѣйствію непремѣннаго попечителя Коммиссіи, Барона Б. Б. Гершау-Флотова удалось извлечь изъ архивовъ Витебской губерніи довольно значительное количество дѣлъ, имѣющихъ важное значеніе для исторіи мѣстнаго края. Благодаря сочувствію членовъ положено начало музея. Вслѣдствіе сношеній со 105 учеными учрежденіями, редакціями и обществами и черезъ пожертвованіе членовъ Коммиссіи образовалась довольно значительная библіотека, дающая возможность для членовъ пріобрѣтать нужныя свѣдѣнія и руководство въ работахъ.

V. Общія, очередныя и экстренныя собранія Коммиссіи.

Для обсужденія дѣлъ и для докладовъ, предлагаемыхъ членами, состоялось въ отчетномъ году нѣсколько собраній: 1 учредительное, 11 очередныхъ и 3 экстренныхъ. Дѣла, разсмотрѣнныя на учредительномъ собраніи, указаны въ началѣ отчета.

Въ началѣ перваго изъ очередныхъ собраній послана была телеграмма на имя Г. Министра Двора ЕГО ИМПЕРАТОРСКАГО ВЕЛИЧЕСТВА съ просьбою коммиссіи повергнуть къ стопамъ ЕГО ИМПЕРАТОРСКАГО ВЕЛИЧЕСТВА вѣрноподданическія чувства, на которую коммиссія имѣла счастье получить отъ г. Министра Двора ЕГО ИМПЕРАТОРСКАГО ВЕЛИЧЕСТВА, черезъ Непремѣннаго Попечителя слѣдующую телеграмму: „Г. Витебскъ, Барону Гершау-Флотову. ГОСУДАРЬ ИМПЕРАТОРЪ повелѣть мнѣ соизволилъ благодарить Васъ, предсѣдателя и членовъ Витебской Ученой Архивной Коммиссіи за выраженныя въ телеграммѣ Вашей отъ 11 сентября чувства и пожелать успѣха занятіямъ вновь учрежденной коммиссіи. Министръ ИМПЕРАТОРСКАГО Двора, Баронъ Фредериксъ.

Отъ Витебской Ученой Архивной Коммиссіи телеграмма была слѣдующаго содержанія: „Ливадія, Министру ИМПЕРАТОРСКАГО Двора. Витебская Ученая Архивная Коммиссія, учрежденная 31 мая сего года, открывая свои занятія, проситъ Ваше Высокопревосходительство повергнуть къ стопамъ ЕГО ИМПЕРАТОРСКАГО ВЕЛИЧЕСТВА вѣрноподданническія чувства безпредѣльной любви и преданности ея членовъ. Члены Коммиссіи, одушевленные желаніемъ вѣрно служить своему Государю и Отечеству, твердо надѣятся, что въ изученіи мѣстной исторіи Витебляне будутъ почерпать горячія чувства патріотической безпредѣльной любви, къ своему ВѢНЦЕНОСНОМУ МОНАРХУ. Витебскій губернаторъ Гершау-Флотовъ. Предсѣдатель Коммиссіи Арсеньевъ.

На 11 очередныхъ собраніяхъ обсуждались текущія дѣла, производился выборъ членовъ и читались членами доклады.

Въ продолженіи года заслушаны были доклады:

1) Полковника Н. Д. Зарина „Къ наступающему столѣтію войны 1812 года“; 2) Н. Н. Богородскаго „IV областной Археологическій съѣздъ въ г. Костромѣ, его труды и значеніе“; 3) В. С. Арсеньева „Замѣтка о пребываніи И. И. Лажечникова въ Витебскѣ“; 4) З. К. Стукалича „Очерки изъ исторіи Бѣлорусскихъ городовъ“; 5) В. П. Ѳедоровича „Матеріалы о трудахъ Высочайше учрежденной Коммиссіи о дарованіи личной свободы крестьянамъ Двинскаго уѣзда“; 6) Н. Д. Тихомирова „Галицкіе и Литовскіе Митрополиты XIV—XV в.в. и

отношеніе къ нимъ епископовъ Полоцкой и Туровской епархіи"; и 7) протоіерея А. М. Матюшенскаго „Новыя данныя по перенесенію мощей Преподобной Евфросиніи, Княжны Полоцкой и объ ея иконографіи".

Экстренныя засѣданія были посвящены:

1) Воспоминанію трехсотлѣтія защиты отъ поляковъ Троице-Сергіева монастыря; 2) выраженію привѣтствія и благодарности со стороны Коммиссіи—Петру Михаиловичу Кошкину, сопровождавшему Святыя мощи Преподобной Евфросиніи изъ Кіева въ Полоцкъ и 3) выбору новаго предсѣдателя Коммиссіи за отъѣздомъ В. С. Арсеньева на службу въ Тулу.

На первомъ изъ этихъ собраній прибывшіе члены, послѣ панихиды, были ознакомлены съ исторіей осады Троице-Сергіева монастыря, на второмъ собраніи П. М. Кошкинъ сообщилъ собравшимся о своихъ путевыхъ впечатлѣніяхъ, полученныхъ имъ во время сопровожденія святыхъ мощей Преподобной Евфросиніи отъ Кіева до Витебска. На третьемъ собраніи избранъ предсѣдателемъ Коммиссіи В. А. Кадыгробовъ.

VI. *Собранія Совѣта Витебской Ученой Архивной Коммиссіи.*

Совѣтъ Коммиссіи имѣлъ 13 собраній. На собраніяхъ обсуждались дѣла, которыя потомъ предлагались для разсмотрѣнія Коммиссіи на очередныхъ собраніяхъ; намѣчались кандидаты въ члены коммиссіи и опредѣлялись мелкіе расходы Коммиссіи.

VII. *Собранія Комитета по подготовленію чествованія юбилея войны 1812 года.*

Засѣданій Комитета по подготовленію чествованія юбилея войны 1812 года было три. На засѣданіяхъ разсматривались вопросы, обсуждались мѣры къ уясненіи наличности памятниковъ, и позицій армій и опредѣлялось съ какими учрежденіями и лицами необходимо Витебской Ученой Архивной Коммиссіи войти въ сношеніе, чтобы достойно отпраздновать юбилей войны 1812 года.

VIII. Дѣятельность архива, музея и библіотеки.

Архиваріусъ въ отчетный годъ былъ занятъ исключительно при-

емомъ документовъ и извѣщеніемъ надлежащихъ лицъ и учрежденій о полученіи отъ нихъ документовъ. Хранитель музея тоже былъ занятъ лишь полученіемъ и размѣщеніемъ по витринамъ предметовъ и сообщеніями о ихъ полученіи. Библіотекарь занимался пріемомъ книгъ и размѣщеніемъ ихъ въ шкафахъ. Приведеніемъ въ порядокъ библіотеки и составленіемъ каталоговъ занялись съ 25 августа судебный слѣдователь Николай Юльевичъ Кенигфестъ, и кандидаты на судебныя должности Георгій Николаевичъ Юреневъ и Михаилъ Васильевичъ Савельевъ. Но къ 1 сентября с. г., вслѣдствіе особой сложности работъ и неудобств, упомѣщенія музей, архивъ и библіотека еще не имѣли необходимыхъ инвентарныхъ списковъ, описей и каталоговъ.

IX. Дѣятельность Ревизіонной Коммиссіи.

Ревизіонная коммиссія не могла произвести повѣрку состава архива, музея и библіотеки, такъ какъ не составлено инвентарныхъ списковъ, описей и каталоговъ. Она только просмотрѣла приходо-расходныя книги и провѣрила наличность суммъ. По поводу веденія приходо-расходныхъ книгъ ревизіонной коммиссіей сдѣлано нѣсколько вопросовъ и предложеній относительно улучшенія дѣлопроизводства. На поставленные вопросы, замѣчанія и предложенія казначеемъ представлено подробное объясненіе.

X. Дѣятельность Редакціоннаго Комитета.

Редакціонный комитетъ въ отчетномъ году къ дѣятельности не привлекался. Просмотръ тезисовъ рефератовъ и нѣкоторыхъ статей, предназначенныхъ къ печатанію лежалъ на совѣтѣ. Корректурою трудовъ завѣдывалъ Предсѣдатель Коммиссіи В. С. Арсеньевъ. Отдѣльно отпечатанную брошюру Глыбовскаго: «1812 годъ въ Витебской губерніи» корректировалъ В. А. Кадыгробовъ.

XI. Труды членовъ Витебской Ученой Архивной Коммиссіи.

Члены Витебской Ученой Архивной Коммиссіи присутствовали на очередныхъ собраніяхъ, принимали участіе въ обсужденіи текущихъ дѣлъ, а нѣкоторые дѣлали поименованные выше доклады.

Кромѣ общей работы, раздѣляемой всѣми членами, нѣкоторые изъ членовъ могутъ быть отмѣчены особенными работами. Бывшій

предсѣдатель Витебской Ученой Архивной Коммиссіи В. С. Арсеньевъ просмотрѣлъ, извлекъ и напечаталъ нѣкоторыя дѣла Витебскаго Губернскаго Архива. Онъ же вмѣстѣ съ нынѣшнимъ предсѣдателемъ В. А. Кадыгробовымъ осмотрѣлъ памятники Тадулинскаго монастыря; онъ же осматривалъ городъ Полоцкъ, имѣніе Вышно, имѣніе Иваново и село Езерище.

Правитель дѣлъ Коммиссіи Н. Н. Богородскій просмотрѣлъ описи дѣлъ, предназначенныхъ къ уничтоженію—одну Митавской Казенной Палаты и двѣ Витебской Казенной Палаты. Онъ же былъ представителемъ коммиссіи на IV областномъ Археологическомъ съѣздѣ въ г. Костромѣ, о которомъ и представилъ отчетъ въ коммиссію въ видѣ реферата, поименнованнаго выше. Секретарь Коммиссіи Н. С. Чичкевичъ напечаталъ въ Витебскихъ Губернскихъ Вѣдомостяхъ рядъ замѣтокъ и корреспонденцій о засѣданіяхъ Витебской Ученой Архивной Коммиссіи, пожертвованіяхъ въ ней и мѣстныхъ памятникахъ. О мѣстныхъ памятникахъ печаталъ замѣтки и Э. Д. Тамсонъ. Члены совѣта принимали участіе въ торжествахъ встрѣчи и проводахъ Святыхъ Мощей Преподобной Евфросиніи, Княжны Полоцкой въ г. Витебскѣ. Нѣкоторые изъ членовъ Коммиссіи были представителями и въ Полоцкѣ на торжественномъ перенесеніи святыхъ мощей Преподобной Евфросиніи, Княжны Полоцкой.

XII. Изданія Коммиссіи.

Въ отчетномъ году Витебская Ученая Архивная Коммиссія издала первую книгу своихъ трудовъ. Кромѣ того на средства Коммиссіи были напечатаны отдѣльные оттиски изъ трудовъ дневника офицера войны 1812 года Карпова и очеркъ Глыбовскаго „1812 годъ въ Витебской губерніи“.

XIII. Наиболѣе крупныя пожертвованія Коммиссіи предметами.

Наиболѣе крупныя пожертвованія были сдѣланы Коммиссіи: 1) ЕГО ИМПЕРАТОРСКИМЪ ВЫСОЧЕСТВОМЪ ГЕОРГІЕМЪ МИХАЙЛОВИЧЕМЪ въ видѣ изданій Его Императорскаго Высочества по нумизматикѣ и сборниковъ А. И. Соболевскаго, изданныхъ на средства Его Императорскаго Высочества; 2) Непремѣннымъ Попечителемъ Коммис-

сіи Губернаторомъ Гофмейстеромъ ЕГО ИМПЕРАТОРСКАГО ВЕЛИЧЕСТВА Барономъ Б. Б. Гершау-Флотовымъ въ видѣ книги Звенигородскаго «Византійскія Эмали», 3) Сементовскимъ-Курилло въ видѣ библіотеки его отца въ составѣ болѣе 400 книгъ, 4 и 5) священникомъ А. Доновымъ и помѣщикомъ Лужинскимъ въ видѣ нумизматическихъ коллекцій.

XIV. Средства Коммиссіи.

Средства Коммиссіи состояли изъ субсидій правительства въ количествѣ 500 р. единовременнаго и 200 р. періодическаго, частныхъ денежныхъ пожертвованій, членскихъ взносовъ и сбора съ лекцій В. И. Глыбовскаго и Н. Д. Зарина. Движеніе суммъ подробнѣе опредѣляется ниже приложеннымъ отчетомъ казначея.

Заканчивая отчетъ, заключеніе нельзя не выразить радости по поводу того, что Коммиссія все болѣе и болѣе завоевываетъ сочувствіе мѣстнаго общества, выражающееся въ увеличеніи числа лицъ, присутствующихъ на собраніяхъ, числа членовъ и пожертвованій.

Члены Коммиссіи, начавши свою дѣятельность съ небольшими научными, моральными и матеріальными средствами, въ настоящее время бодро идутъ по намѣченному пути, надѣясь въ изученіи пыли вѣковъ почерпнуть силы и точку опоры для уясненія современной жизни.

Свое знамя—*освѣщать огнемъ науки тьму прошлаго и служить дѣлу укрѣпленія духовной связи минувшихъ временъ съ настоящимъ Полоцкаго края*—Коммиссія держитъ высоко и прочно, несмотря на то, что она все еще испытываетъ въ своей дѣятельности нѣкоторыя затрудненія вслѣдствіе новизны дѣла, сложности работъ и сравнительной необслѣдованности мѣстной исторіи.

Въ нынѣшній годъ удалось Коммиссіи пройти безъ ущерба мимо многихъ затрудненій, благодаря внимательному отношенію мѣстнаго начальства, въ особенности благодаря любезному содѣйствію своего непремѣннаго попечителя Витебскаго Губернатора Барона Б. Б. Гершау-Флотова и энергіи В. С. Арсеньева.

При намѣченной программѣ дѣятельности Коммиссіи ей въ высшей степени необходимо сочувствіе мѣстныхъ властей и общества и на будущее время.

Коммиссія, основываясь на данныхъ объ отчетномъ годѣ, имѣетъ смѣлость надѣяться, что вниманіе лицъ, принимавшихъ участіе въ дѣятельности Коммиссіи, не ослабѣетъ, а еще болѣе окрѣпнетъ.

Надѣется Коммиссія, что благодаря ознакомленію членовъ и мѣстнаго общества съ задачами ея дѣятельности найдутся и нужные работники, которые не посрамятъ земли Витебской, изобразятъ прошлое ея въ истинномъ свѣтѣ и откроютъ потомкамъ путь для надлежащаго историческаго самосознанія и самоопредѣленія.

Предсѣдатель Коммиссіи *Вс. Кадыгробовъ.*

Правитель дѣлъ Коммиссіи *Н. Богородскій.*

ДЕНЕЖНЫЙ ОТЧЕТЪ

ВИТЕБСКОЙ

Губернской Ученой Архивной Коммиссіи

За 1909—1910 годъ

(съ 31 мая 1909 г. по 1 сентября 1910 г.)

Средства кассы:

ПРИХОДЪ:	СУММА. Руб.	Коп.	
Ассигновано Министерствомъ Внутреннихъ Дѣлъ	700	—	Въ томъ числѣ 50 руб. состоятъ на счетахъ казначейства.
Изъ нихъ: на первоначальное устройство и обзаведеніе Ученой Архивной Коммиссіи 500 руб. и ежегоднаго пособія 200 руб.			
Поступило пособія	457	—	
Въ томъ числѣ: отъ Барона Гершау-Флотова 60 руб., Лужинскаго 104 руб., Шереметева 22 руб., Барона фонъ-Розена 25 руб., Сементовскаго-Курилло 25 руб., Ковалинскаго 25 руб., Прозрителева 9 руб., Шлиппенбаха 4 руб. 60 коп., Реута 2 руб., Якоби 1 руб., Пушкарева 1 руб. 60 коп., Депрерадовича 1 руб., Юренева 1 р., Стукалича 1 руб., Ольдекопа 50 коп., Двинской Городской Управы 100 руб., Невельской Городской Управы 5 руб., Рѣжицкаго Городского старосты 25 руб., Городокскаго Городского Старосты 15 руб., Зарина 16 р. 80 коп и Глыбовскаго 12 руб. 50 коп.			
За фотографическіе снимки	—	80	
% % на капиталъ	5	42	
Членскихъ взносовъ	658	70	
Итого . . .	1821	92	

РАСХОДЪ:	СУММА. Руб.	Коп.
Содержаніе писца	120	—
Содержаніе разсыльныхъ	87	—
Изданіе трудовъ Коммиссіи	300	—
Типографскіе заказы	88	40
Пріобрѣтеніе разныхъ изданій и предметовъ, имѣющихъ археологическое значеніе . . .	279	19
Пріобрѣтеніе шкафовъ и витринъ	138	98
Канцелярскія принадлежности	121	1
Хозяйственныя принадлежности	3	55
Пожертвовано:		
На перенесеніе мощей Преп. Евфросиніи Кн. Полоцкой	25	15
На сооруженіе памятника б. Митрополиту Лисовскому	10	—
На музей Костромской Ученой Архивной Коммиссіи	6	—
На вѣнокъ умершему поч. члену Архивной Коммиссіи Никифоровскому	17	—
Пересылка корреспонденціи и телеграммъ . .	105	60
Разный мелочный расходъ . . . . . (чай во время засѣданій 42 руб. 95 коп., за панихиду 3 руб., освѣщеніе 1 р. 50 к.)	47	45
Итого . . .	1349	33
Остатокъ на 1-ое сентября 1910 года . . .	472	59

Изъ нихъ: на счетахъ Витебскаго Казна—ва по § 15 ст. 9 см. Мин. Вн. Дѣлъ 1910 г. 50 р., въ Государственной Сберегательной кассѣ по книжкѣ за № 7948 376 р. и на рукахъ у Казначея Ученой Архивной Коммиссіи 46 р. 59 к. (въ этой суммѣ заключается: 156 руб. 50 коп. на приспособленіе помѣщенія для музея и 27 руб. 80 коп. на сооруженіе памятника воинамъ, павшимъ въ бояхъ 1812 г. подъ гор. Витебскомъ). Долгъ Коммиссіи за напечатаніе трудовъ 243 р. 40 коп. (счетъ Неймана отъ 17 августа 1910 г.). Такимъ образомъ свободная наличность суммъ Коммиссіи 229 руб. 19 коп.

Казначей *Лебедевъ.*

Актъ Ревизіонной Коммиссіи.

I. Мы, нижеподписавшіеся, Члены ревизіонной Коммиссіи, ревизовали приходъ и расходъ суммъ Витебской Ученой Архивной Коммиссіи за время отъ 31 мая 1909 года до 1 сентября 1910 года по приходо-расходной книгѣ и приложеннымъ къ ней документамъ, при чемъ нашли, что а) шнуръ и печать въ приходо-расходной книгѣ цѣлы и запись прихода и расхода въ ней въ общемъ ведется правильно, б) сумма какъ прихода за указанный срокъ въ размѣрѣ 1821 руб. 92 коп., такъ и сумма расхода за тотъ же срокъ въ размѣрѣ 1349 руб. 33 коп. исчислены вѣрно, в) остатокъ къ 1 сентября 1910 года—472 руб. 59 коп., въ томъ числѣ: 50 руб. на счетахъ Витебскаго Губернскаго Казначейства по § 15 ст. 9 см. М. В. Д. за 1910 годъ, 376 руб. въ Государственной Сберегательной кассѣ по книжкѣ за № 7948 и на рукахъ у Казначея 46 руб. 59 к. (Въ этой суммѣ заключаются: 156 руб. 50 коп. на приспособленіе помѣщенія для музея и 27 руб. 80 коп. на сооруженіе памятника воинамъ, павшимъ въ бояхъ 1812 года подъ гор. Витебскомъ, долгъ Коммиссіи Нейману за напечатаніе трудовъ Коммиссіи 243 руб. 40 коп.; такимъ образомъ свободная наличность суммъ Коммиссіи равна 229 руб. 19 коп.).

II. Сверхъ сего Члены ревизіонной Коммиссіи усмотрѣли, что нѣкоторые счета и расписки въ полученіи денегъ представлены ей неоплаченными гербовымъ сборомъ (ст. ст. расхода за 1909 годъ—23, 31, 52, 62, 70, 72, 79 и 81) и что совсѣмъ нѣтъ оправдательныхъ документовъ при ст. ст. расхода—6 (на 1 руб. 10 коп.), 7 (на 50 коп.), 8 (15 коп.), 21 (40 коп.)—за 1909 годъ и 1 (на 1 коп.) за 1910 годъ, при чемъ въ отчетности по оправданію израсходованныхъ денегъ по см. М. В. Д. недостаетъ оправдательныхъ документовъ на 4 руб. (ст. ст. 66, 84 и 13 приходо-расходной книги и итогъ—43 руб. вмѣсто 39).

III. На страницѣ 18 (об.) далѣе приходо-расходной книги не вѣренъ итогъ транспорта: 1418 руб. 43 коп. вмѣсто 1418 руб. 33 коп. и слѣдующей 1942 руб. 83 коп. вмѣсто 1942 р. 73 к.

IV. Члены ревизіонной Коммиссіи нашли съ своей стороны непроизводительнымъ расходъ на чай съ сахаромъ и печеньемъ, въ количествѣ 42 руб. 95 коп. за годъ и выдачу наградныхъ служителямъ Губернскаго Правленія къ празднику Рождества Христова въ размѣрѣ 25 руб.

V. Наконецъ Члены ревизіонной Коммиссіи находили бы полезнымъ для дѣла рекомендовать: а) Казначею-подписывать непремѣнно всѣ квитанціи при полученіи членскихъ взносовъ, остающіяся при корешкѣ квитанціонной книги (имъ не подписаны квитанціи съ 1 по 72 за 1909 годъ); б) ему же скрѣплять собственноручною подписью каждую статью прихода приходо-расходной книги, в) ему же не требовать отдѣльныхъ расписокъ въ полученіи денегъ писцами и секретаремъ на почтовые расходы, а предлагать имъ расписываться въ полученіи денегъ подъ соотвѣтствующей статьей расхода; г) ему же подводить итоги въ приходо-расходной книгѣ помѣсячно, а не только къ 1 января, какъ это у него сдѣлано; д) Совѣту Архивной Коммиссіи—ежемѣсячно эти итоги свидѣтельствовать и е) заканчивать отчетный годъ къ 1 января, а не къ 1 сентября, въ виду несомнѣннаго удобства въ финансово-отчетномъ отношеніи.

VI. Имѣющіяся при Витебской Ученой Архивной Коммиссіи старыя монеты и двугіе цѣнные предметы не могли быть провѣрены ревизіонной Коммиссіей по причинѣ недоставленія ей надлежащей описи ихъ.

Члены ревизіонной Коммиссіи: *А. Любимовъ.*
А. Соколовъ
Протоіерей Алексѣй Матюшенскій.

1910 года ноября 19 дня.

ОБЪЯСНЕНІЕ

Казначея Витебской Ученой Архивной Коммиссіи Титулярнаго Совѣтника М. П. Лебедева по замѣчаніямъ ревизіонной коммиссіи, производившей ревизію денежнаго отчета за 1909-1910 г. (съ 31 мая 1909 г. по 1 сентября 1910 г.) а именно:

Ревизіонной коммиссіей замѣчено:	Объясненіе казначея.
(п. II акта ревизіонной коммиссіи). Нѣкоторые счета и росписки въ полученіи денегъ представлены неоплаченными гербовымъ сборомъ (ст. ст. 1909 г. 23, 31, 52, 62, 70, 72, 79 и 81).	1) Указанныя ревизіонной коммиссіей въ ст ст. 23, 31 и др. росписки на сумму отъ 5 до 10 руб. въ полученіи денегъ на покупку почтовыхъ марокъ для разсылки корреспонденціи оплатѣ гербовымъ сборомъ не подлежатъ, хотя бы расходъ этотъ считать какъ казенный, въ виду того, что означенный расходъ производился мелкими суммами, не превышающими 30 руб., а такой расходъ, на основаніи примѣчанія къ статьѣ 133 кассовыхъ правилъ изд. 1887 г., есть расходъ мелочный, по которому даже не требуется отдѣльныхъ оправдательныхъ документовъ, т. е. росписокъ, а удостовѣрается г. Предсѣдателемъ, какъ распорядителемъ кредита. Кромѣ сего я долженъ сказать слѣдующее: Ученая Архивная Коммиссія отчитывается предъ Контрольною Палатою только въ той части кредита, который отпускается Ученой Архивной Коммиссіи отъ казны по смѣтѣ расходовъ М. В. Д., по этому отчету безусловно расходные документы оплачиваются гербовымъ сборомъ, остальные же расходы, какъ исходящіе отъ совершенно частныхъ сборовъ Ученой Архивной Коммиссіи, Государственному Контролю не подлежатъ и даже вся переписка, какъ частнаго учрежденія, отъ гербоваго сбора изъята (рѣшеніе

	Прав. Сената пропечат. въ сб. узак. 1879 г. № 113), поэтому если бы я оплачивалъ гербовымъ сборомъ расходные документы по частнымъ суммамъ Ученой Архивной Коммиссіи, то этимъ я принесъ-бы Ученой Архивной Коммиссіи не пользу, а явный ущербъ.
п. II. Нѣтъ оправдательныхъ документовъ при ст. ст. расхода за 1909 г. 6 на 1 руб. 10 к., 7 на 50 коп. 8 на 15 к. и 21 на 40 к.	2) Означенное упущеніе ко мнѣ вовсе не относится, такъ какъ оно допущено во время бытности казначеемъ Ученой Архивной Коммиссіи г. Слезкина, о чемъ я лично объяснилъ, во время ревизіи, члену ревизіонной коммиссіи А. А. Соколову, а между тѣмъ въ актѣ ревизіонной коммиссіи это обстоятельство не объяснено, поэтому покорнѣйше прошу сдѣлать въ немъ должную оговорку.
п II) Въ ст. 1-1910 года нѣтъ оправдательнаго документа на 1 к.	3) Объяснять причину ошибочно выписанной въ расходъ 1 копейки я нахожу излишнимъ, такъ какъ, на основаніи ст. 35 п. 2 приложенія къ ст. 320 т. VIII общ. уст. счети., замѣченныя въ расходахъ ревизующихъ суммъ ошибки въ копейкахъ не принимаются за ошибки и по нимъ въ переписку не входятъ, слѣдовательно по поводу описки въ отношеніи вышеозначенной копейки и рѣчи быть не можетъ. Хотя, въ виду даннаго со стороны ревизіонной коммиссіи значенія этой копейкѣ, таковая мною внесена въ кассу Ученой Архивной Коммиссіи и записана на приходъ въ ст. 155, въ чемъ имѣю квитанцію.
п. II. Въ отчетности по оправданію израсходованныхъ денегъ по см. М. В Д. недостаетъ оправдательныхъ документовъ на 4 р. (ст. ст. 66, 84 и 13 приходо-расходной книги и итогъ 43 р. вмѣсто 39 руб.).	4) Оправдательный документъ за № 28—1910 года на 4 руб. приложенъ къ счету, отосланному въ Витебскую Контрольную Палату 28 февраля 1910 г., за № 1186, и что показанная въ счетѣ сумма 43 руб. правильна, доказательствомъ чего служатъ оправдательные расходные документы за № 66 и 84-1910 г. и 13 и 28-1910 г. Недоразумѣніе ревизіонной коммиссіи въ данномъ случаѣ вызвано

	лишь тѣмъ, что статья расходнаго документа 28-я на 4 р. не была прописана въ счетѣ подъ № 18.
п. III) На страницѣ 18 (об.) приходо-расходной книги не вѣренъ итогъ транспорта 1418 руб. 43 коп. вмѣсто 1418 р. 33 к.	5) Замѣченная ревизіонной коммиссіей на стр. 18 приходо-расходной книги описка въ транспортѣ, составляющая разницу на 10 коп., мною надлежащимъ порядкомъ исправлена. При этомъ докладываю, что замѣченная описка имѣла мѣсто не въ отчетномъ году (отчетный годъ Ученой Архивной Коммиссіи заканчивается 1 сентября 1910 года), а въ наступившемъ уже 1910—1911 г.—14 октября, спустя $1^1/_2$ мѣсяца послѣ отчетнаго года, о чемъ я объяснилъ лично производившему ревизію члену ревизіонной коммиссіи А. А. Соколову, слѣдовательно замѣчаніе это зачесено ревизіонной коммиссіей въ актъ отчетнаго года неправильно, а потому покорнѣйше прошу таковое исключить изъ акта.
п. IV) Члены ревизіонной коммиссіи находили бы полезнымъ для дѣла рекомендовать казначею: а) подписывать непремѣнно всѣ квитанціи при полученіи членскихъ взносовъ, остающіяся при корешкѣ квитанціонной книги (имъ не подписаны квитанціи съ 1 по 72 за 1909 г.).	6) Настоящее замѣчаніе ревизіонной коммиссіи ко мнѣ вовсе не относится, такъ какъ мною со дня принятія на себя обязанности казначея Ученой Архивной Коммиссіи квитанціи, какъ выданныя на руки плательщикамъ, такъ равно и въ корешкахъ квитанціонной книги подписаны всѣ, т. е. одновременно съ записью на приходъ поступившихъ денежныхъ суммъ. Не подписаны же по квитанціонной книгѣ корешки выданныхъ квитанцій съ № 1 по 72 — 1909 г. моимъ предмѣстникомъ г. Слезкинымъ, о чемъ мною и объяснено было члену ревизіонной коммиссіи А. А. Соколову, а потому покорнѣйше прошу сдѣлать объ этомъ въ актѣ ревизіонной коммиссіи надлежащую оговорку.

б) казначею—скрѣплять собственноручною подписью каждую статью приходо-расходной книги..

7) Такой порядокъ веденія приходо-расходной книги мною не практикуется въ виду слѣдующихъ обстоятельствъ: во первыхъ скрѣпа казначеемъ или бухгалтеромъ каждой статьи по приходо-расходной книгѣ не предусмотрѣна ни кассовыми правилами изд. 1887 г. ни общимъ счетнымъ уставомъ (т. VIII ч. II) и во вторыхъ фактъ поступленія въ кассу денежныхъ суммъ удостовѣряется подписью казначея по квитанціонной книгѣ, изъ которой квитанціи за подписью казначея выдаются на руки плательщикамъ, а дубликаты ихъ, остающіеся въ книгѣ для контроля, также скрѣпляются подписью казначея, какъ это требуется ст. 84 общ. счет. уст. Если кромѣ этихъ подписей допустить еще подпись казначея, послѣ каждой приходной статьи по приходо-расходной книгѣ, тогда получится двойная скрѣпа одной и той же приходной суммы, что ровно никакой пользы для дѣла не принесетъ.

в) казначею не требовать расписокъ въ полученіи денегъ писцами и секретаремъ на почтовые расходы, а предлагать имъ расписываться въ полученіи денегъ подъ соотвѣтствующей статьей расхода.

8) Отдѣльныя росписки въ выдачѣ денегъ я беру на точномъ основаніи ст. 320 общ. уст. сч. т. VIII изд. 1857 г. въ виду того, что росписки эти, какъ скрѣпляемыя подписью т. Предсѣдателя Ученой Архивной Коммиссіи, служатъ доказательствомъ того, что денежныя суммы я вывожу въ расходъ не произвольно, а съ разрѣшенія г. Предсѣдателя, такъ какъ особыхъ документовъ на выписку въ расходъ денежныхъ суммъ я не получаю. Затѣмъ надо принять во вниманіе и то обстоятельство, что писецъ и разсыльные Ученой Архивной Коммиссіи получаютъ жалованье не изъ частныхъ суммъ Ученой Архивной Коммиссіи, а изъ кредита, отпущеннаго казною по смѣтѣ М. В. Д., поэтому я долженъ былъ брать отъ означенныхъ лицъ отдѣль-

	ныя расписки, такъ какъ таковыя составляютъ оправдательные документы, которые прикладываются къ отчетности и отсылаются въ Контрольную Палату на ревизію.
г) казначею подводить итоги въ приходо-расходной книгѣ помѣсячно, а не только къ 1 января, какъ это у него сдѣлано.	9) Итоги въ приходо-расходной книгѣ мною не подводились помѣсячно потому, что таковой порядокъ заведенъ сначала учрежденія Ученой Архивной Коммиссіи, т. е. въ бытность казначея г. Слезкина, а затѣмъ въ теченіе болѣе 13 мѣсяцевъ, какъ я несу обязанности казначея Ученой Архивной Коммиссіи, со стороны ревизіонной коммиссіи никакихъ указаній объ измѣненіи этого порядка веденія денежной части мнѣ дано не было.

Казначей *Лебедевъ.*

7 Декабря 1910 г.

ОТЧЕТЪ

о дѣятельности

Витебской Ученой Архивной Коммиссіи

за второй годъ ея существованія,

съ 1 сентября 1910 года по 1 сентября 1911 года.

Отчетный 1910—1911 годъ является вторымъ годомъ существованія Витебской Ученой Архивной Коммиссіи.

Въ этомъ году Витебская Ученая Архивная Коммиссія уже съ большею опредѣленностью выражаетъ свою дѣятельность, чѣмъ въ предшествующій. Предшествующій годъ несомнѣнно былъ пробнымъ для Коммиссіи: она тогда опредѣлила свои силы и въ качественномъ и количественномъ отношеніяхъ. Рекогносцировка въ область общественнаго мнѣнія дала уже въ предшествующій годъ удовлетворительные результаты: общество отнеслось къ ученому учрежденію сочувственно, помогло ему и матеріально и морально сдѣлать первые шаги; отдѣльныя лица общества приняли живѣйшее участіе въ дѣятельности Коммиссіи, какъ это ясно изъ отчета предшествующаго года; Коммиссія такимъ образомъ получила возможность идти вполнѣ увѣренно по намѣченному пути.

Какъ видно изъ дальнѣйшихъ указаній, Коммиссіи въ отчетный годъ удалось съ большимъ успѣхомъ выйти изъ затрудненій, а въ нѣкоторыхъ случаяхъ даже доказать свою зрѣлость.

I. Начала, которыми руководилась Коммиссія въ своей дѣятельности.

Въ отчетномъ году основною нормою дѣятельности Коммиссіи также, какъ и в предшествующій годъ, служилъ уставъ Тамбовской Ученой Архивной Коммиссіи. Въ нѣкоторыхъ случаяхъ Коммиссія выступала изъ тѣхъ полномочій, какія даются упомянутымъ уставомъ, но каждый разъ съ разрѣшенія общаго собранія, пользуясь постановленіемъ учредительнаго собранія дѣлать дополненія и исправленія устава, необходимыя въ интересахъ дѣла.

II. Личный составъ членовъ Витебской Ученой Архивной Коммиссіи за второй годъ ея существованія.

Къ концу отчетнаго года въ составъ Витебской Ученой Архивной Коммиссіи входили: Непремѣнный Попечитель Коммиссіи, Витебскій губернаторъ Гофмейстръ Двора ЕГО ИМПЕРАТОРСКАГО ВЕЛИЧЕСТВА Баронъ Бернгардъ Бернгардовичъ Гершау-Флотовъ, 102 почетныхъ, 356 дѣйствительныхъ членовъ и 13 членовъ сотрудниковъ.

Въ составъ почетныхъ членовъ съ ВЫСОЧАЙШАГО СОИЗВОЛЕНІЯ ЕГО ИМПЕРАТОРСКАГО ВЕЛИЧЕСТВА, ГОСУДАРЯ ИМПЕРАТОРА НИКОЛАЯ АЛЕКСАНДРОВИЧА входили: ЕГО ИМПЕРАТОРСКОЕ ВЫСОЧЕСТВО ВЕЛИКІЙ КНЯЗЬ КОНСТАНТИНЪ КОНСТАНТИНОВИЧЪ, ЕГО ИМПЕРАТОРСКОЕ ВЫСОЧЕСТВО ВЕЛИКІЙ КНЯЗЬ НИКОЛАЙ МИХАИЛОВИЧЪ, ЕГО ИМПЕРАТОРСКОЕ ВЫСОЧЕСТВО ВЕЛИКІЙ КНЯЗЬ ГЕОРГІЙ МИХАЙЛОВИЧЪ.

Въ теченіи года умерли 5 членовъ: почетные члены—Василій Осиповичъ Ключевскій, Василій Ивановичъ Сергѣевичъ, Вячеславъ Петровичъ Федоровичъ и дѣйствительные члены—Василій Сергѣевичъ Дементьевъ и Николай Ивановичъ Лебедевъ.

III. Составъ должностныхъ лицъ Витебской Ученой Архивной Коммиссіи.

Предсѣдателемъ Коммиссіи состоялъ товарищъ прокурора Витебскаго Окружнаго Суда *Всеволодъ Антоновичъ Кадыгробовъ*, товарищемъ Предсѣдателя присяжный повѣренный Вячеславъ Петровичъ Федоровичъ до 12 января 1911 года, а съ 23 января того же года начальникъ отдѣленія Витебской Казенной Палаты Владиміръ Казимировичъ Стукаличъ, правителемъ дѣлъ Николай Николаевичъ Богородскій, секретаремъ сперва Николай Степановичъ Чичкевичъ, а потомъ судебный слѣдователь по важнѣйшимъ дѣламъ при Витебскомъ Окружномъ Судѣ Евгеній Петровичъ Вороновъ, хранителемъ музея художникъ Константинъ Антоновичъ Змигродскій, архиваріусомъ Александръ Николаевичъ Эсьмонтъ, котораго съ 23 января 1911 года смѣнила Марья Андреевна Мельникова, библіотекаремъ Евдокимъ Даниловичъ Моруевъ, котораго съ 23 января 1911 года смѣнилъ судебный слѣдователь Николай Юльевичъ Кинигсфестъ, начавшій еще въ прошломъ году приведеніе въ порядокъ библіотеки; казначеемъ счетный чиновникъ Губернскаго Правленія Малахія Прохоровичъ Лебедевъ.

Въ составъ Ревизіонной Коммиссіи входили: протоіерей Алексѣй Михайловичъ Матюшенскій, Александръ Александровичъ Соколовъ и Александръ Георгіевичъ Любимовъ

Въ составъ редакціоннаго комитета входили: смотритель Витебскаго Духовнаго училища Владиміръ Николаевичъ Тычининъ, товарищъ предсѣдателя Витебскаго Ожружнаго Суда Семенъ Семеновичъ Коммиссаржевскій, съ 19 ноября 1910 года, директоръ Витебскаго Учительскаго Института Клавдій Ивановичъ Тихомировъ съ 19 ноября 1910 года, Вячеславъ Петровичъ Федоровичъ съ 19 ноября 1910 года по 12 января 1911 года и Николай Николаевичъ Богородскій съ 19 ноября 1910 года. Послѣ перевода В. Н. Тычинина по службѣ и послѣ смерти В. П. Федоровича постановлено было составъ редакціоннаго комитета ограничить тремя членами.

Въ составъ совѣта входили всѣ должностныя лица, упомянутыя выше, кромѣ ревизіонной коммиссіи, и еще: Архимандритъ Маркова Монастыря Пантелеимонъ, Алексѣй Іосифовичъ Пушкаревъ, Баронъ Александръ Ѳеодоровичъ Розенъ, Иванъ Андреевичъ Сушкевичъ, Николай Ивановичъ Зоринъ съ 10 января 1911 года и ректоръ Семинаріи Архимандритъ Ѳеофанъ съ 10 января 1911 гора.

Въ составъ Комитета по подготовленію къ юбилейнымъ торжествамъ войны 1812 года входили: всѣ члены Совѣта и кромѣ того— Иванъ Ивановичъ Долговъ, Владиміръ Францовичъ Бандровскій, Иванъ Ивановичъ Вальдбергъ, Модестъ Григорьевичъ Чигирь, Владиславъ Павловичъ Цѣхановецкій, Георгій Александровичъ Ренгартенъ, Петръ Николаевичъ Махаевъ, Захаръ Павловичъ Юницкій, Ѳеодоръ Ивановичъ Григоровичъ, Зиновій Петровичъ Осиповъ, Александръ Александровичъ Гранниковъ, Антонъ Фаддѣевичъ Стыриковичъ, Иванъ Хрисанфовичъ Колодѣевъ, Владиміръ Александровичъ Афанасьевъ, и Петръ Федоровичъ Коссовъ.

Въ составъ Соединенной Коммиссіи представителей городскаго самоуправленія и Ученой Архивной Коммиссіи по сооруженію памятника воинамъ погибшимъ подъ Витебскомъ въ сраженіяхъ 1812 года и по разработкѣ юбилейныхъ торжествъ (съ 4 ноября 1910 года) входили: Предсѣдатель Ученой Архивной Коммиссіи Всеволодъ Антоновичъ Кадыгробовъ, Владиміръ Казимировичъ Стукаличъ, Клавдій Ивановичъ Тихомировъ, Петръ Николаевичъ Махаевъ, протоіерей Нилъ Константиновичъ Серебренниковъ, городской голова Иванъ Юрьевичъ Сабинъ-Гусъ, Антонъ Фаддѣевичъ Стыриковичъ, Викентій Львовичъ Сушко, Иванъ Ивановичъ Гринбергъ, Тихонъ Васильевичъ Кибардинъ и Петръ Александровичъ Ренгартенъ.

Коммиссіонерами состояли: содержатель книжнаго склада Иванъ Даниловичъ Абморшевъ, фотографъ Станиславъ Іосифовичъ Арцишевскій и завѣдующій кинематографомъ „Иллюзіонъ“ Задорожній.

IV. Помѣщеніе Витебской Ученой Архивной Коммиссіи.

Въ отчетномъ году Коммиссія помѣщалась по 1 декабря 1910 года безплатно, съ разрѣшенія Непремѣннаго Попечителя, въ зданіи Губенскаго Правленія; музей и библіотека были размѣщены въ кабинетахъ совѣтника 1 отдѣленія Губернскаго Правленія и ветеринарнаго инспектора А. І. Пушкарева; для засѣданій служилъ залъ Присутствія. Съ 10 декабря 1910 года Коммиссія переселилась въ зданіе Учительскаго Института, гдѣ въ ея распоряженіе Директоромъ Института К. И. Тихомировымъ, съ разрѣшенія господина Попечителя Виленскаго Учебнаго Округа Григорія Васильевича Левицкаго, любезно предоставлена обширная комната, въ которой помѣщаются музей, архивъ и библіотека; для засѣданій же въ свободное время отъ учебныхъ занятій предоставляется залъ Института.

V. Дѣятельность Коммиссіи.

Въ кругъ ближайшихъ задачъ Витебской Ученой Архивной Коммиссіи въ отчетномъ году входило: 1) разсмотрѣніе описей дѣламъ и нарядамъ, предназначаемымъ тѣмъ или другимъ правительственнымъ учрежденіемъ къ уничтоженію, съ цѣлью выдѣленія изъ нихъ тѣхъ нумеровъ, которые представляютъ научный интересъ; 2) разсмотрѣніе и изученіе древнихъ рукописей и документовъ; 3) воспроизведеніе прошлой жизни мѣстнаго края путемъ изученія и собиранія предметовъ старины; 4) сношеніе по научнымъ вопросамъ съ учеными учрежденіями и представителями науки; 5) охраненіе памятниковъ старины и сношеніе по поводу ихъ съ соотвѣтствующими учрежденіями. Кромѣ того Коммиссіей 26 сентября 1910 года намѣчено: 1) сооруженіе памятника войны 1812 года въ г. Витебскѣ; 2) оргаризація систематическихъ чтеній по историко-археологическимъ наукамъ и 3) организація научно-образовательныхъ экскурсій.

Намѣченная программа осуществилась довольно успѣшно, благодаря сочувственному, любезному и просвѣщенному вниманію Непремѣннаго Попечителя Коммиссіи, сочувствію Ученыхъ Членовъ Коммиссіи, приславшихъ свои труды, энергичной дѣятельности нѣкоторыхъ членовъ Коммиссіи, добросовѣстному исполненію своихъ обязанностей со стороны членовъ Совѣта и соотвѣтствующихъ учрежденій при Коммиссіи.

Благодаря опыту прошлаго года Коммиссія въ отчетный годъ могла уже расширить кругъ своей дѣятельности и въ нѣкоторыхъ случаяхъ, особенно въ отношеніи къ охраненію памятниковъ старины, голосъ ея соотвѣтствующими учрежденіями признавался авторитетнымъ.

Яснѣе дѣятельность Коммиссіи опредѣлится при изложеніи дѣятельности отдѣльныхъ учрежденій и членовъ Коммиссіи.

VI. Общія, очередныя и экстренныя собранія Коммиссіи.

Для обсужденія важныхъ дѣлъ и для заслушанія докладовъ, имѣющихъ интересъ для мѣстнаго общества въ отчетномъ году состоялось нѣсколько собраній: 1 общее, 1 торжественное, 8 очередныхъ и 1 экстренное.

Общее собраніе Коммиссіи происходило въ залѣ Витебскаго Учительскаго института 23 января 1911 года. На этомъ собраніи былъ доложенъ правителемъ дѣлъ Н. Н. Богородскимъ составленный имъ отчетъ о дѣятельности Коммиссіи за первый годъ ея существованія съ 31 мая 1909 года по 1 сентября 1910 года и два доклада: 1) Иваномъ Ивановичемъ Долговымъ: „Франциск Скарина и 2) Константиномъ Антоновичемъ Змигродскимъ: „О польскомъ флотѣ“.

На основаніи свѣдѣній, представленныхъ отчетомъ, по предложенію предсѣдателя Коммиссіи В. А. Кадыгробова, собраніе избрало Барона Б. Б. Гершау-Флотова за его внимательное отношеніе къ Коммиссіи почетнымъ членомъ, присвоило первому предсѣдателю Коммиссіи Василью Сергѣевичу Арсеньеву званіе дѣйствительнаго пожизненнаго члена и выразилоН.Н. Богород-

скому, Н. С. Чичкевичу и М. П. Лебедеву благодарность за ихъ дѣятельность: перваго по должности правителя дѣлъ, второго по должности дѣлопрозводителя и третьяго по должности казначея.

Торжественное собраніе состоялось 19 февраля 1911 года по поводу пятидесятилѣтняго юбилея со дня освобожденія крестьянъ отъ крѣпостной зависимости въ царствованіе ИМПЕРАТОРА АЛЕКСАНДРА ВТОРАГО. Собраніе происходило въ залѣ Городской Думы. На этомъ собраніи въ краткой рѣчи предсѣдателемъ Коммиссіи В. А. Кадыгробовымъ было опредѣлено значеніе освобожденія крестьянъ и членами Коммиссіи сдѣланы два доклада—1) В. С. Дементьевымъ: „Освобожденіе крестьянъ съ точки зрѣнія общественной“ и 2) Г. А. Теодоровичемъ: «Освобожденіе крестьянъ и его значеніе». Затѣмъ были заслушаны рескрипты ГОСУДАРЯ ИМПЕРАТОРА НИКОЛАЯ АЛЕКСАНДРОВИЧА на имя Петра Петровича Семенова-Тянь-Шанскаго и премьера-министра Петра Аркадьевича Столыпина. Преосвященнымъ Серафимомъ, Епископомъ Полоцкимъ и Витебскимъ провозглашена «вѣчная память» ГОСУДАРЮ ИМПЕРАТОРУ АЛЕКСАНДРУ НИКОЛАЕВИЧУ и всѣмъ потрудившимся въ дѣлѣ освобожденія крестьянъ. Послана была телеграмма съ выраженіемъ вѣрноподданническихъ чувствъ на имя предсѣдателя Совѣта Министровъ П. А. Столыпина слѣдующаго содержанія: «С-Петербургъ, Господину Министру Внутреннихъ Дѣлъ. Чествуя торжественнымъ засѣданіемъ великій праздникъ освобожденія крестьянъ отъ крѣпостной зависимости и преклоняясь съ глубокимъ благоговѣніемъ передъ величіемъ подвига АВГУСТѢЙШАГО ДѢЛА НАШЕГО ОБОЖАЕМАГО МОНАРХА, Витебская Ученая Архивная Коммиссія проситъ Ваше Высокопревосходительство повергнуть къ стопамъ ЕГО ИМПЕРАТОРСКАГО ВЕЛИЧЕСТВА ГОСУДАРЯ ИМПЕРАТОРА вѣрноподданническія чувства безпредѣльной любви, непоколебимой преданности и неуклонной готовности служить своими изслѣдованіями дальнѣйшему культурному развитію подъ скипетромъ ВѢНЦЕНОСНАГО МОНАРХА Нашей дорогой родины».

Отъ 8 марта 1911 года за № 1617 послѣдовало отношеніе Канцеляріи Министра Внутреннихъ Дѣлъ о томъ, что на всеподданнѣйшемъ докладѣ Министра Внутреннихъ Дѣлъ о вѣрноподданническихъ чувствахъ, заявленныхъ Витебской Ученой Архивной Коммиссіей по случаю исполнившагося 50-лѣтія со дня освобожденія крестьянъ отъ крѣпостной зависимости, ГОСУДАРЬ ИМПЕРАТОРЪ собственноручно начертать соизволилъ: „ВСѢХЪ ИСКРЕННО БЛАГОДАРЮ... На 8 очередныхъ собраніяхъ обсуждались текущія дѣла, производился выборъ членовъ и читались доклады.

Въ продолженіи года заслушаны были доклады: 1) А. П. Сапунова «О Бѣлоруссіи и Бѣлоруссахъ», 2) В. П. Федоровича—„О Грюнвальдскомъ сраженіи“, 3) П. М. Красовицкаго—Памятники церковной старины Полоцкаго и Витебскаго края и ихъ охраненіе“.

Экстренное засѣданіе состоялось въ залѣ Витебской Мужской Гимназіи и посвящено было памяти почетнаго члена Витебской Ученой Архивной Коммиссіи Николая Яковлевича Никифоровскаго. На этомъ собраніи былъ сдѣланъ докладъ В. К. Стукаличемъ „О жизни и трудахъ Николая Яковлевича Никифоровскаго“.

Въ отчетный годъ на очередныхъ собраніяхъ Коммиссіи пришлось много заниматься разрѣшеніемъ вопросовъ, сопряженныхъ съ празднованіемъ предстоящаго юбилея войны 1812 года и осуществленіемъ мысли объ открытіи въ Витебскѣ Археологическаго Института.

По иниціативѣ Коммиссіи въ ознаменованіе славныхъ боевъ подъ городомъ Витебскомъ рѣшено было въ Витебскѣ соорудить памятникъ.

VII. Сношенія Витебской Ученой Архивной Коммиссіи съ учрежденіями и лицами по поводу ихъ юбилеевъ.

Витебская Ученая Архивная Коммиссія зорко слѣдила за общественною жизнью Россіи и въ особенности мѣстнаго края. Въ дни юбилейные и актовые она въ продолженіи отчетнаго года послала нѣсколько телеграммъ, а на нѣкоторыя торжества командировала въ качествѣ своего представителя Предсѣдателя коммиссіи В. А. Кадыгробова.

Были посланы телеграммы: 1) Двинской крѣпости съ поздравленіемъ въ день столѣтняго юбилея крѣпости 7 октября 1910 года; 2) Попечителю Виленскаго Учебнаго Округа Григорію Васильевичу Левицкому съ благодарностью за предоставленіе Коммиссіи помѣщенія въ зданіи Учительскаго Института; 3) Витебскому Духовному Мужскому Училищу въ день столѣтняго юбилея; 4) Смоленскому Отдѣленію Московскаго Археологическаго Института въ день акта по случаю пріема музея, пожертвованнаго княгинею Маріею Клавдіевною Тенишевой и 5) Почетному члену Коммиссіи Преосвященному Серафиму, Епископу Полоцкому и Витебскому, находившемуся въ Невелѣ, въ день его 25-лѣтняго юбилея.

Въ качествѣ Представителя Витебской Ученой Архивной Коммиссіи былъ командированъ предсѣдатель Всеволодъ Антоновичъ Кадыгробовъ: 1) Въ Полоцкъ, въ Полоцкій кадетскій Корпусъ, на празднованіе 75-лѣтняго юбилея существованія Корпуса; 2) на открытіе Витебскаго Учительскаго Института и 3) на открытіе Витебской Городской Больницы.

На всѣхъ торжествахъ В. А. Кадыгробовъ выступалъ съ привѣтственными рѣчами.

VIII. Собранія Совѣта Витебской Ученой Архивной Коммиссіи.

Собраній Совѣта Коммиссіи состоялось 10 въ продолженіи отчетнаго года. Эти собранія посвящались обсужденію тѣхъ дѣлъ, которыя потомъ предлагались для разсмотрѣнія Коммиссіи на очередныхъ собраніяхъ; здѣсь же намѣчались кандидаты въ члены Коммиссіи; опредѣлялись мелкіе расходы; заслушивались проекты членовъ Коммиссіи, вносились въ нихъ поправки и дополненія и заслушивались заключенія Редакціоннаго Комитета о статьяхъ, переданныхъ въ распоряженіе Коммиссіи.

Вообще же на собраніяхъ Совѣта Коммиссіи выработывался планъ и направленіе дѣятельности Коммиссіи.

IX. Собранія Комитета по подготовленію чествованія юбилея войны 1912 года.

Комитетъ по подготовленію чествованія юбилея войны 1912 года въ отчетномъ году засѣданій не имѣлъ. Вопросы, относящіеся къ его дѣятельности разсматривались на засѣданіяхъ Совѣта Коммиссіи, а главнымъ образомъ въ собраніяхъ вновь образовавшейся Соединенной Коммиссіи представителей городскаго самоуправленія и Ученой Архивной Коммиссіи по постановкѣ памятника воинамъ, погибшимъ подъ Витебскомъ въ сраженіяхъ 1812 года и по разработкѣ юбилейныхъ торжествъ.

На собраніяхъ Совѣта и засѣданіяхъ Ученой Архивной Коммиссіи въ отношеніи празднованія юбилея войны 1812 года было постановлено: 1) собрать свѣдѣнія о сохранившихся памятникахъ, *2)* просить руководства въ этомъ отношеніи у спеціально командированныхъ съ этою цѣлью офицеровъ Генеральнаго Штаба,

3) просить Его Преосвященство, Преосвященнѣйшаго Серафима, Епископа Полоцкаго и Витебскаго поручить собраніе свѣдѣній произвести на мѣстахъ священникамъ и учителямъ церковно-приходскихъ школъ, 4) просить Попечителя Виленскаго Учебнаго Округа сдѣлать подобное распоряженіе подвѣдомственнымъ ему учителямъ, 5) просить Непремѣннаго Попечителя Коммиссіи Витебскаго Губернатора приказать сдѣлать все необходимое въ этомъ направленіи подвѣдомственнымъ ему чинамъ полиціи, 6) для того чтобы населеніе имѣло представленіе о значеніи памятниковъ и не затрудняло лицъ, назначенныхъ для охраны, просить Николая Ивановича Зорина составить популярную брошюру о значеніи памятниковъ старины, напечатать ее на средства Коммиссіи и разослать въ возможно большомъ числѣ экземпляровъ народу и 7) для большой сохранности въ памяти потомства памятниковъ, снять съ нихъ фотографіи и составить описаніе, на что въ свое время ходатайствовать предъ надлежащими властями о денежномъ пособіи.

Въ Соединенной Коммиссіи представителями Ученой Архивной Коммиссіи были: В. А. Кадыгробовъ, по должности Предсѣдателя Ученой Коммиссіи, П. Н. Махаевъ отъ Военнаго вѣдомства, К. И. Тихомировъ отъ Учебнаго вѣдомства, протоіерей Н. К. Серебренниковъ отъ Духовнаго вѣдомства и В. К. Стукаличъ отъ Министерства финансовъ.

Соединенная Коммиссія занята была изысканіемъ средствъ для постановки памятника, выборомъ лучшаго проекта изъ представленныхъ въ Коммиссію и опредѣленіемъ суммы расхода.

Благодаря выступленіямъ предсѣдателя Витебской Ученой Архивной Коммиссіи, выбраннаго и предсѣдателемъ Соединенной Коммиссіи, В. А. Кадыгробова 25 января

1911 года въ собраніи дворянства Витебской губерніи, 4 февраля 1911 года въ Губернскомъ Земскомъ Комитетѣ, 26 октября 1910 года и 22 февраля 1911 года въ засѣданіяхъ Витебской Городской Думы и 3 мая 1911 года въ ВЫСОЧАЙШЕ Учрежденной Междувѣдомственной Коммиссіи въ отчетномъ году собрана значительная сумма: дворянство ассигновало 2000 рублей, земство 5000 рублей, городъ 8000 рублей, а всего образовалось 15000 рублей. ВЫСОЧАЙШЕ Учрежденная Междувѣдомственная Коммиссія по усиленному ходатайству предсѣдателя поставила въ смѣту по чествованію юбилея войны 1812 года на сооруженіе памятника въ Витебскѣ 13000 рублей.

Кромѣ того Коммиссія получила съ организованныхъ предсѣдателемъ: 1) лекціи лейтенанта Піотровскаго «О завоеваніи воздуха» 496 рублей, 2) представленія въ кинематографѣ Задорожнаго „Иллюзіонъ“ картинъ исключительно изъ войны 1812 года 35 рублей и 3) представленія въ Витебскомъ городскомъ театрѣ труппою Константинова пьесы «Войны и миръ» 381 рубль.

X. Дѣятельность архива, музея и библіотеки Витебской Ученой Архивной Коммиссіи.

Архиваріусъ М. А. Мельникова въ отчетномъ году занята была пріемомъ документовъ и извѣщеніемъ надлежащихъ лицъ и учрежденій о полученіи отъ нихъ документовъ. Ею же былъ составленъ и отданъ въ печать каталогъ архивныхъ дѣлъ, хранящихся въ Архивѣ Витебской Ученой Архивной Коммиссіи.

Полученіе, размѣщеніе по витринамъ предметовъ и сообщеніе объ ихъ полученіи входило въ обязанность хранителя музея К. А. Змигродскаго. Кромѣ того онъ въ продолженіи отчетнаго года привелъ въ порядокъ, систематизировалъ всѣ предметы, полученные въ предшествующемъ году и составилъ каталогъ 1069 монетамъ и 39 медалямъ, который и сдалъ въ печать.

Много потрудился надъ упорядоченіемъ библіотеки библіотекарь Н. Ю. Кенигсфестъ. Полученная имъ библіотека въ количествѣ 3636 книгъ и состоявшая до него въ полномъ безпорядкѣ была имъ вся переписана, были сдѣланы на книгахъ наклейки съ нумерами, книги были распредѣлены по отдѣламъ, составлены были каталоги карточный и систематическій, изъ которыхъ систематическій сданъ въ печать.

Кромѣ этого на Н. Ю. Кенигсфестѣ лежали также и обязанности пріема, регистраціи вновь полученныхъ книгъ и извѣщенія о полученіи лицъ, прислвшихъ книги.

XI. Дѣятельность Ревизіонной Коммиссіи.

Ревизіонная Коммиссія въ отчетномъ году къ дѣятельности не привлекалась въ виду того, что отчетъ о движеніи денежныхъ суммъ Витебской Ученой Архивной Коммиссіей постановлено было пріурочить къ 1 числу гражданскаго года, а не академическаго, какъ это было прежде.

XII. Дѣятельность Редакціоннаго Комитета.

Дѣятельность Редакціоннаго Комитета состояла въ просмотрѣ статей, предназначенныхъ къ печати и въ составленіи рецензій на нихъ. Свои заключенія члены Комитета представляли Совѣту.

XIII. Труды Членовъ Витебской Ученой Архивной Коммиссіи.

Члены Витебской Ученой Архивной Коммиссіи присутствовали на очередныхъ собраніяхъ, принимали участіе въ обсужденіи текущихъ дѣлъ, а нѣкоторые дѣлали поименованные выше доклады.

Кромѣ общей работы, раздѣляемой всѣми членами, нѣкоторые члены заявили себя особыми трудами.

Предсѣдатель Витебской Ученой Архивной Коммиссіи В. А. Кадыгробовъ принималъ участіе въ засѣданіяхъ Коммиссіи ИМПЕРАТОРСКАГО

С.-Петербургскаго Общества Архитекторовъ по разсмотрѣнію проектовъ памятника, сооружаемаго въ память славныхъ боевъ подъ Витебскомъ въ 1812 году. Для этой цѣли онъ дважды ѣздилъ въ Петербургъ. Онъ же ѣздилъ съ архитекторомъ Тихономъ Васильевичемъ Кибардинымъ въ Финляндію для ознакомленія на мѣстѣ съ породами гранита и выбора образца для Витебскаго памятника; велъ предварительные переговоры по порученію соединенной Коммиссіи съ каменно-промышленнымъ Обществомъ и бронзо-литейными фабриками для выясненія наивыгоднѣйшихъ условій постановки памятника.

Дважды дѣлалъ въ Петербургѣ и Кіевѣ личные доклады по дѣламъ Коммиссіи Предсѣдателю Совѣта Министровъ, почетному члену Витебской Ученой Архивной Коммиссіи П. А. Столыпину. Послѣдній высказалъ полное одобреніе дѣятельности Коммиссіи и пожеланія дальнѣйшаго успѣха и обѣщалъ свое содѣйствіе.

Онъ же по порученію Коммиссіи велъ переговоры съ директоромъ Московскаго Археологическаго Института Александромъ Ивановичемъ Успенскимъ, директоромъ Учительскаго Витебскаго Института К. И. Тихомировымъ и Виленскимъ Ученымъ Округомъ объ открытіи въ Витебскѣ Отдѣленія Московскаго Археологическаго Института. Для этой цѣли ѣздилъ въ Москву. Велъ переговоры о помѣщеніи въ зданіи Учительскаго Института Коммиссіи съ директоромъ Института и Виленскимъ Учебнымъ Округомъ, для чего дважды ѣздилъ въ Вильно.

Всѣ расходы на поѣздки по дѣламъ Коммиссіи В. А. Кадыгробовъ принялъ на себя.

Правитель дѣлъ Н. Н. Богородскій представилъ Коммиссіи проектъ охраны памятниковъ войны 1812 года; просмотрѣлъ описи: 1) одну дѣламъ Невельскаго исправника, 2) пять дѣламъ 3 Витебскаго Округа Акцизныхъ Сборовъ, 3) три описи дѣламъ 4 Витебскаго Округа Акцизныхъ Сборовъ, 4) одну рѣшеніямъ, дѣламъ, парядамъ и книгамъ Полоцкаго Уѣзднаго Полицейскаго Управленія съ 1830 года по 1849 годъ. Обо всѣхъ этихъ описяхъ онъ далъ письменно заключеніе

и отмѣтилъ нумера, которые имѣютъ научный интересъ и заслуживаютъ сохраненія. Онъ же предложилъ напечатать дѣло о реликвіяхъ ксендза Андрея Боболія. Съ 22 іюля по 5 августа былъ представителемъ Витебской Ученой Архивной Коммиссіи на 16 Археологическомъ Съѣздѣ въ Новгородѣ, о чемъ представилъ краткій рапортъ. Онъ же написалъ свои воспоминанія о Василіѣ Осиповичѣ Ключевскомъ, которыя и сдалъ въ печать.

Архиваріусъ М. М. Мельникова просмотрѣла въ Витебскомъ Губернскомъ Архивѣ дѣла, относящіяся къ войнѣ 1812 года и сдѣлала выписки болѣе интереснаго матеріала, которыя и сдала въ распоряженіе Коммиссіи; разсмотрѣла найденные архиваріусомъ Г. М. Лейтсомъ документы съ ВЫСОЧАЙШИМИ ПОВЕЛѢНІЯМИ постановки на казенный счетъ памятниковъ войны 1812 года въ Витебскѣ и Смоленскѣ и сдала ихъ въ распоряженіе Коммиссіи. Наконецъ, она была представительницею Витебской Ученой Архивной Коммиссіи на 16 Археологическомъ Съѣздѣ.

К. А. Змигродскій сдѣлалъ иллюстраціи къ брошюрѣ М. В. Анцева „Экскурсія Витебской Ученой Архивной Коммиссіи въ Бѣшенковичи“ и нарисовалъ образцы для обложекъ къ трудамъ Витебской Ученой Архивной Коммиссіи и каталогамъ и рисунки къ статьѣ П. М. Красавицкаго« Памятники церковной старины и ихъ охраненіе».

С. І. Арцишевскій дѣлалъ безвозмездно фотографическіе снимки для коммиссіи.

XIV. Изданія Коммиссіи.

Въ отчетномъ году Витебская Ученая Архивная Коммиссія напечатала слѣдующія брошюры: 1) А. П. Сапунова—«Бѣлоруссія и Бѣлоруссы», 2) Г. В. Піотровскаго—«О завоеваніи воздуха», 3) К. А. Змигродскаго—„О польскомъ флотѣ“, 4) М. В. Анцева—„Экскурсія Витебской Ученой Архивной Коммиссіи въ Бѣшенковичи“. Составлены и сданы въ типографію статьи для второй книги трудовъ Витебской

Ученой Архивной Коммиссіи: 1) И. Ф. Токмакова—„Спасо-Преображенскій монастырь въ Невелѣ“, 2) А. П. Сапунова—„Историческій очеркъ Бѣлоруссіи“, 3) П. М. Красавицкаго—„Памятники церковной старины и ихъ охраненіе“, 4) Н. Н. Богородскаго—„Василій Осиповичъ Ключевскій“, 5) Н. А. Крачковскаго—«Грюнвальдскій бой». 6) Н. Н. Кайгородова—«75-лѣтіе Полоцкаго Кадетскаго Корпуса», 7) Н. Н. Кайгородова—„Спасо-Евфросиньевскія Полоцкія торжества“ и 8) М. А. Мельниковой—«Матеріалы для исторіи отечественной войны 1812 года извлеченные изъ Витебскаго Губернскаго Архива».

Пріобрѣтенъ трудъ Н. Я. Никифоровскаго «Записки Архіерейскаго пѣвчаго». Предположено издать этотъ трудъ отдѣльно съ приложеніемъ статьи В. К. Стукалича—„О жизни и трудахъ Николая Яковлевича Никифоровскаго“. Редактированіе этого труда при печати поручено В. К. Стукаличу.

XV. Научно образовательныя экскурсіи Витебской Ученой Архивной Коммиссіи.

Съ цѣлью ознакомленія членовъ съ памятниками старины были организованы предсѣдателемъ В. А. Кадыгробовымъ три научно-образовательныя экскурсіи: 1 по городу Витебску подъ руководствомъ А. П. Сапунова, 2) въ г. Полоцкъ подъ руководствомъ И. И. Долгова и 3) въ мѣстечко Бѣшенковичи подъ руководствомъ П. М. Красавицкаго. Послѣдняя экскурсія дала средства для пріобрѣтенія труда Н. Я. Никифоровскаго, такъ какъ она была платная, а пароходъ былъ пароходовладѣльцемъ Струнскимъ предоставленъ въ пользованіе Коммиссіи безплатно.

XVI. Наиболѣе крупныя пожертвованія Коммиссіи предметами.

Наиболѣе крупныя пожертвованія были сдѣланы: А. П. Сапуновымъ въ видѣ витрины съ предметами, вырытыми изъ Люцинскаго

могильника; Н. Ю. Кенигсфестомъ въ видѣ умывальнаго прибора для Коммиссіи и ящика для подвижнаго каталога; К. А. Змигродскимъ въ видѣ коллекціи кафлей и выкопанныхъ вещей и вдовою Н. Я. Никифоровскаго въ видѣ 20 книгъ изъ библіотеки послѣдняго.

XVII. Средства Коммиссіи.

Средства Коммиссіи состояли: 1) изъ субсидіи правительства въ размѣрѣ 200 рублей, 2) частныхъ денежныхъ пожертвованій, 3) единовременной субсидіи отъ Витебскаго Дворянства въ количествѣ 300 рублей на изданіе трудовъ и 4) членскихъ взносовъ. Подробный отчетъ о движеніи суммъ будетъ представленъ согласно постановленію Коммиссіи къ 1 январю 1912 года.

Изложенныя отчетныя свѣдѣнія позволяютъ сдѣлать заключеніе, что отчетный 1910—1911 годъ для Коммиссіи прошелъ весьма успѣшно.

Сочувствіе общества къ дѣятельности Коммиссіи можно считать вполнѣ установившимся.

Число членовъ значительно увеличивается. Замѣтно увеличеніе количества посѣтителей собраній Коммиссіи. Экскурсіи встрѣчены обществомъ въ высшей степени сочувственно и привлекли многочисленныхъ участниковъ. Обнаруживается большое количество лицъ, работающихъ надъ изученіемъ исторіи и древностей края. Понемногу начинается разработка архивнаго матеріала.

Въ настоящее время благодаря совмѣстнымъ работамъ Совѣта и другихъ учрежденій Коммиссіи ясными становятся будущія задачи Коммиссіи: 1) Ей нужно прежде всего уяснить наличность памятниковъ въ подвѣдомственномъ ей краѣ; 2) описать ихъ и опредѣлить ихъ значеніе; 3) собрать свѣдѣнія о составѣ казенныхъ и частныхъ архивовъ; 4) извлечь матеріалы, освѣщающіе прошлое края; въ этомъ отношеніи въ виду предстоящихъ юбилеевъ надлежитъ обратить вниманіе

на матеріалы, касающіеся войны 1812 года, трехсотлѣтія благополучнаго царствованія АВГУСТѢЙШАГО ДОМА РОМАНОВЫХЪ и, наконецъ, заслуживаютъ вниманія и матеріалы, относящіеся къ польскому возстанію 1863 года; 5) необходимо собрать этнографическіе матеріалы Витебской губерніи, свѣдѣнія о юридическихъ обычаяхъ народа, о народной медицинѣ, о народныхъ суевѣріяхъ, демонологіи и т. п.; 6) собрать этнографическія коллекціи для музея; 7) мобилизовать всѣ общественныя силы для выполненія задачъ исторіи и археологіи.

Безъ сомнѣнія въ этомъ отношеніи сдѣланы уже попытки отдѣльными лицами и результаты этихъ попытокъ для насъ вполнѣ очевидны. Коммиссія вполнѣ признательна своимъ предшественникамъ по работамъ, но отъ ея взора не ускользаетъ, что еще много у насъ необслѣдованнаго, масса памятниковъ лежитъ по амбарамъ, чердакамъ и въ подвалахъ общественныхъ и частныхъ учрежденій и домовъ обывателей. Коммиссія безусловно не въ силахъ выполнить работу, если ей на помощь не придутъ мѣстныя администрація и общество.

Заканчивая отчетный годъ Коммиссія не можетъ безъ признательности вспомнить о внимательномъ отношеніи къ ея дѣятельности покойнаго ея непремѣннаго попечителя барона Б. Б. Гершау-Флотова.

Не можетъ быть она неблагодарною и двумъ администраторамъ, оставившимъ нашъ край: Архіепископу Иркутскому и Верхоленскому Серафиму, который не разъ удостаивалъ своимъ посѣщеніемъ и участіемъ собранія Коммиссіи и бывшему Попечителю Виленскаго Учебнаго Округа Г. В. Левитскому, благодаря вниманію котораго Коммиссія нашла временное для себя помѣщеніе въ Витебскомъ Учительскомъ Институтѣ.

Нельзя не воздать должнаго хозяину нынѣшняго помѣщенія Коммиссіи Клавдію Ивановичу Тихомирову, который принималъ самое дѣятельное участіе въ перемѣщеніи Коммиссіи въ ввѣренное ему учебное

заведеніе и послѣ перемѣщенія предоставляетъ Коммиссіи всѣ удобства для успѣшной работы.

Обстоятельства отчетнаго года сложились такъ благопріятно, что Коммиссія безъ всякаго ущерба, съ полною бодростью и съ вѣрою въ свои силы вышла изъ затрудненій и матеріальныхъ и моральныхъ.

Въ отношеніи устраненія затрудненій большая заслуга безусловно принадлежитъ предсѣдателю Коммиссіи В. А. Кадыгробову. Благодаря его неослабной энергіи, обширнымъ связямъ и соотношеніямъ привлечены были новые работники и открыты были новые источники матеріальныхъ средствъ. Ему пришлось на своихъ плечахъ вынести, вскормить и взлелѣять зародившіяся въ Коммиссіи идеи о постановкѣ памятника воинамъ, павшимъ въ бояхъ подъ Витебскомъ во время войны 1812 года и объ открытіи въ Витебскѣ Археологическаго Института.

Рамки отчета не позволяютъ помянуть заслуги отдѣльныхъ членовъ Коммиссіи, но Коммиссія тѣмъ не менѣе должна отмѣтить, что ея надежды на свѣтлое будущее ея дѣятельности въ настоящій годъ усилились и этому причина—энергія, любознательность и усиленіе интереса ея членовъ, обнаружившіяся въ дѣятельности отдѣльныхъ лицъ, принесшихъ весьма существенную и очевидную пользу общему дѣлу.

Коммиссія въ нынѣшній годъ съ увѣренностью смотритъ въ будущее и, по крайней мѣрѣ въ отношеніи къ наступившему году, надѣется, что вниманіе лицъ, принимавшихъ участіе въ ея дѣятельности не ослабѣетъ, что потрудившіеся въ прошломъ году не откажутся поработать и въ наступившемъ.

Съ чувствомъ полнаго удовлетворенія въ виду исполненія долга и посильной работы, Коммиссія призываетъ общество, общественныхъ дѣятелей встать подъ стягъ ея знамени: *„Освѣщать тьму прошедшаго, выслушивать языкъ памятниковъ старины, заставлять безгласные камни провозглашать славу нашихъ предковъ, сооб-*

щать о ихъ страданіяхъ, открывать ихъ благодѣтелей". Встанемъ дружно на общую работу—„въ единеніи сила" – вспомнимъ старину, завѣты нашихъ предковъ, устои нашей государственности; наше дѣло не пропадетъ: потомки вспомнятъ насъ и продолжатъ его, «пыль вѣковъ отъ нашихъ хартій отряхнутъ и наши правдивыя сказанья перепишутъ».

Составилъ Правитель дѣлъ **Н. Богородскій**.

Настоящій отчетъ единогласно утвержденъ на общемъ собраніи Витебской Ученой Архивной Коммиссіи 4 декабря 1911 года.

Секретарь Коммиссіи **С. Сахаровъ**.

ГОСУДАРСТВ. ПУБЛИЧНАЯ ИСТОРИЧЕСКАЯ БИБЛИОТЕКА

Изданія Витебской Ученой Архивной Коммиссіи.

1. **Труды** Витебской Ученой Архивной Коммиссіи за 1909-1910 г. Ц. 3 р. 50 к.

2. **Сапуновъ А. П.** Бѣлоруссія и Бѣлоруссы. Докладъ читан. въ засѣданіи коммиссіи 26 сент. 1910 г. Ц. 15 коп.

3. **Глыбовскій В. И.** 1812-ый годъ въ Витебской губерніи. Изданіе для народа. Ц. 20 коп.

4. **Піотровскій Г. В.** Завоеваніе воздуха. Изданіе въ пользу фонда на сооруженіе въ Витебскѣ памятника героямъ Отечественной войны. Ц. 15 коп.

5. **Змигродскій К. А.** Польскій военный флотъ.

Докладъ, читан. въ засѣд. коммиссіи 23 янв. 1911 г. Ц. 15 коп.

6. **Анцевъ М. В.** Экскурсія Витебской Ученой Архивной Коммиссіи въ м. Бѣшенковичи 14 мая 1911 г Ц. 15 коп.

7 и 8. **Каталоги** музея и архива Витебской Ученой Архивной Коммиссіи съ 31 мая 1909, по 1 дек. 1911 года.

Печатается: **Н. Я Никифоровскій** „Записки архіерейскаго пѣвчаго“.

Складъ изданій—въ помѣщеніи коммиссіи въ зданіи Витебскаго Учительскаго Института и у коммиссіонера И Д. Абморшева: Витебскъ, „С.-Петербургскій книжный складъ“.